

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО XXI ВЕКА

23

Министерство науки и высшего образования РФ
Институт российской истории РАН
Совет молодых ученых ИРИ РАН

Международная научно-практическая
школа-конференция молодых ученых (24–27 октября 2023 г.)

История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды

Сборник статей

Москва
2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И 90

*Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук *С.В. Журавлев*, д-р ист. наук *А.А. Горский*,
канд. ист. наук *С.З. Ахмадуллин* (отв. секретарь),
д-р ист. наук *Д.Б. Павлов*, д-р ист. наук *Ю.А. Петров* (отв. ред.),
канд. ист. наук *О.А. Плех*, канд. ист. наук *М.М. Беклемишева* (отв. ред.),
д-р ист. наук *В.В. Тихонов*

Рецензенты:

д-р ист. наук *Д.Ю. Козлов*
д-р ист. наук *В.Л. Портных*

История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [Текст]: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (24–27 октября 2023 г.) / отв. ред.: Ю.А. Петров, М.М. Беклемишева; Институт российской истории РАН. — М.: Институт российской истории РАН, 2023. — 424 с.

ISBN 978-5-8055-0426-7

Сборник содержит материалы Международной школы-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», состоявшейся 24–27 октября 2023 г. В него вошли статьи, подготовленные участниками конференции. Исследования посвящены широкому кругу вопросов отечественной истории начиная с Древней Руси и заканчивая современностью. Авторы затрагивают сюжеты политической, социальной, военной истории, истории государственных учреждений, церкви, экономики, медицины, науки, внешней политики и многие другие.

ISBN 978-5-8055-0426-7

© Институт российской истории РАН, 2023

© Коллектив авторов, 2023

Содержание

I. История России до начала XX в.9

Н. Ю. Гребенников

Политическая ситуация в Среднем Поволжье и Посурье
в период «Великой замятни» в 1360–1370-х гг. по летописным
данным 11

Д. В. Сазонов

К вопросу о суде детей великого князя на рубеже
XV–XVI века 19

Г. А. Емельяненко

Библейские сюжеты в Сказании о Словене и Русе 26

М. А. Киселев

Провозглашая «всеобщее благо»? Манифест Петра I о вызове ино-
странцев в Россию 1702 г.: историографические
и эдиционные аспекты 35

В. А. Коротин

Образ Петра I как царя-воина в общественно-политической
мысли первой четверти XVIII в. 43

О. А. Плех

Чинопроизводство на гражданской службе в последней
четверти XVIII – первой половине XIX в. 51

В. С. Ившин

Образ «монарха-полководца» в российских панегирических
текстах в 1800-х – начале 1810-х гг. 76

М. А. Белан

Взаимоотношения городских дум и коронной администрации
при наборах рекрутов и сборе ополчений в 1800-х – 1810-х гг.:
контакты, взаимодействие и конфликты в уездных городах
Санкт-Петербургской губернии 85

М. А. Козлова

Образ Наполеона в отражении социально-политических
слухов первой четверти XIX в. 96

Я.А. Лазарев

Пример «потомкам всей России»: к истории культуры
П.Л. Полуботка в Малороссии в первой четверти XIX в. 105

А.Н. Сидорова

«Атаманскому полку от атамана». К вопросу об авторстве
стихотворного послания Казачьему Атаманскому
Его Императорского Высочества Наследника полку 114

М.С. Шишкина

М.И. Богословский в социокультурном пространстве
Императорского училища правоведения 121

Г.А. Гряникова, Н.В. Неженцева

Официальные публикации статистических органов
как источники по исследованию территории
и населения Алтая последней трети XIX – начала XX вв.
(на примере «Обзоров Томской губернии») 127

Н.А. Овчинникова

Читательские предпочтения жителей Вологодской губернии
в конце XIX в.: на материалах почтово-телеграфной службы 137

А.В. Филимонов

Проблемы участия Западно-Сибирского отдела
Императорского Русского географического общества
и его музея во всероссийских и международных выставках
конца XIX – начала XX в. 148

А.Ф. Савченко

Система «сообщающихся сосудов» конца XIX – начала XX в.:
место России в диалоге двух макросистем 157

И.К. Богомолов

Цензура в Казанском военном округе в 1914 – феврале 1917 гг. 166

II. Отечественная история XX – начала XXI в. 177*В.А. Лаптев*

Формирование и боевая деятельность революционных
батальонов летом 1917 года в 11 армии Юго-Западного
фронта 179

В. Н. Самоходкин

Поездка Г.Е. Зиновьева в Украину в ноябре-декабре 1917 г. 185

И.А. Концевой

Реконструкция партийного состава органов власти
в областных объединениях советов в 1917–1918 гг. 193

Ю.А. Соколов

Неформальное покровительство в сталинскую эпоху
1920–1930-х годов (по материалам фонда С.М. Кирова
ГМИ СПб) 202

С.А. Орешин

Политическое развитие Чеченской автономной области.
1923–1929 гг. 216

Н.Д. Гилевич

Концептуальные изменения в исследовании проблемы
централизации русского государства в 1930-е гг. 228

Д.А. Сосницкий

В.И. Ленин в советской живописи: особенности
репрезентации образа 237

Там Хок Чу

Стратегия И.В. Сталина и провал заговора Великобритании
в целях развязывания «косвенной антисоветской войны» через
«прибалтийский коридор» накануне германо-польского
конфликта 246

А.Р. Хуснулин

Вопросы организации промысловой коопераций г. Москвы
выполнения военных заказов (1941 – начало 1942 гг.) 258

А.Ф. Лицарева

Восприятие врага жителями оккупированных деревень
Калужской и Смоленской областей (на материале устных
нарративов о Великой Отечественной войне) 270

Ф.В. Копылов

Возникновение конфликтных ситуаций при взаимодействии
администрации и сотрудников эвакогоспиталей в период
Великой Отечественной войны (по материалам Вологодской
области) 280

С.А. Лебедев

Сельскохозяйственный кредит в 1941–1945 гг.
(на материалах Вологодской области) 290

К.В. Ривчак

Опыт изучения фронтовых портретов из собрания
Музея-панорамы «Бородинская битва» 298

С.Ю. Козлова

Источники комплектования коллекций по Великой
Отечественной войне в краеведческом музее (на примере
Музея истории города Ярославля имени В.Г. Извекова) 304

С.Г. Белоус

Устные нарративы казахстанцев о Великой Отечественной
войне в контексте трансформации исторической памяти 312

Ц.Х. Чэнь

Завершение Второй мировой войны и деятельность
советской военной администрации в Маньчжурии 322

А.А. Дерюгина

Советские перемещенные лица в Австрии (на примере
Михаила Захарченко) 333

Д.В. Родин

Корейский вопрос в советской и американской внешней
политике в 1948–1950 гг. 340

Ю.И. Дин

Отечественная историография и источниковая база
изучения Корейской войны 1950–1953 гг. 349

В.С. Батченко

Космонавты и самолеты: организация летной подготовки
в Центре подготовки космонавтов в 1960-е гг.
(по материалам РГАНТД) 359

А.В. Абрамов

«Записки об Америке» К.У. Черненко (1975 г.):
текст воспоминаний и личность автора 368

О.Н. Шанина

Создание Переславского государственного природно-
исторического национального парка как результат

взаимодействия власти и общества в эпоху перестройки
и гласности 376

К.А. Гусев, М.Л. Козлова

Эпоха перемен на Земле и на орбите. Отражение социально-
экономических изменений в экспозиции Мемориального
музея космонавтики (на примере выставки «Прыжки в высоту
с короткого разбега») 385

О.Г. Казак, А.С. Серeda

Украинский фактор в этнополитических процессах Беларуси:
деятельность «Украинского общественно-культурного
объединения Брестской области» в 1990-е гг. 391

Д.В. Богатов

Проблема раздробленности и распыленности архивных
фондов на современном этапе развития отечественного
архивного дела на примере документального комплекса
по строительству Дворца Советов в Москве 399

Э.С. Сокрутницкий

Проблемы терминологической базы подготовки
документальных публикаций в условиях цифровизации
архивного дела Российской Федерации 406

А.С. Козлов, А.В. Климьято

Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной
войне: культурно-образовательная деятельность музея
с 2019 по 2023 гг. (на примере учреждения культуры
«Музей истории и культуры г. Новополюцка») 415

I. История России до начала XX в.

**Политическая ситуация в Среднем Поволжье и Посурье
в период «Великой замятни» в 1360–1370-х гг.
по летописным данным²**

Аннотация. Период «Великой замятни» в Орде 1360–1370-х гг. – один из самых запутанных периодов в истории Улуса Джучи. Автор статьи ставит целью осветить политическую ситуацию, которая складывалась в Булгарском улусе – одном из самых важных с точки зрения торговли областей Ак-Орды, а также прилегающей к его границам территории Суздальско-Нижегородского княжества. Обращается особое внимание на походы ушкуйников в эти области.

Ключевые слова: Золотая Орда; древнерусское летописание; Булгарский улус; Нижегородско-Суздальское княжество; ушкуйники.

**The political situation in the Middle Volga region and the Sura River
during the period of the Great troubles of the 1360–1370s
according to Old-Russian records**

Abstract. The period of the Great troubles of the 1360–1370s in the Golden Horde is one of the most complicated periods of the history of the Ulus of Juchi. The author of the article sheds a light on the political situation which developed in the Bulgar ulus – one of the most important trade regions of the White Horde, as well as the bordering territories of the Grand Duchy of Nizhniy Novgorod-Suzdal. Special attention is paid to the interpretation of the chronical articles about expeditions of ushkuyniks in these areas.

Keywords: Golden Horde; Old-Russian chronicling; the Bulgar Ulus; the Grand Duchy of Nizhniy Novgorod-Suzdal; ushkuyniks.

Смута, разразившаяся в Улусе Джучи после смерти хана Бердибека в 1359 г., стала причиной глобальных внутривполитических изменений во всем улусе. К примеру, в борьбу за власть в Ак-Орде с 1360 г. вмешиваются ханы из династии Шибана [13, с. 148–150], что можно посчитать своего рода нонсенсом после почти векового правления Батуидов в этой части Улуса Джучи. Внутривполитическая дестабилизация Орды

¹ **Никита Юрьевич Гребенников** – магистр, стажер-исследователь научно-учебной Лаборатории медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: grebennikov97@list.ru
Nikita Yurievich Grebennikov – master's degree, trainee researcher at the Centre for Medieval Studies of the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01032.

нашла свое отражение в ее составных частях. В данной работе речь пойдет о Булгарском улусе, а также части территорий «Русского улуса» [18] – областях вдоль течения реки Суры Суздальско-Нижегородского княжества. Обратимся мы к интерпретации летописных известий, которые повествуют о походах ушкуйников в данные регионы, в попытке связать их с внутривосточными изменениями в Улусе Джучи. Обозначенные выше проблемы формулируют актуальность заявленной темы. В нашем исследовании мы преимущественно обращаемся к летописным сводам, которые отразили в разных редакциях «свод 1408 г.» – это Рогожский летописец (далее – Рог.) и Симеоновская летопись (далее – Сим.). Данные летописи стоят наиболее близко к анализируемым нами событиям и не содержат поздней редакторской обработки XVI в.

Зимой 6868/1360–1361 гг. летописи сообщают о разорении новгородскими ушкуйниками г. Жукотин, или Джукетау. Текстологически более ранняя версия известия представлена в Рогожском летописце 1440-х гг. (далее – Рог.): «Того же лѣта. Новгородци и[з] Великого Новагорода оушкоуиници-разбоиници взяша градъ бесерьменский на рѣцѣ на Камѣ, нарицаемыйи Жюкомен[ъ], и за то прогнѣвалися погании бесермена... и бысть съездъ всѣмъ княземъ русьскимъ о разбоиницѣхъ на Костромѣ: князь Великийи Дмитрией Костянтиновичъ, братъ его старѣиший князь Андрѣи Нижнего Новагорода, князь Костятинъ Ростовьскийи, князь Андрѣи Федоровичъ...» [8, стб. 69]. Несколько иную версию известия встречаем в Сим. – в ней сообщается, что после разорения города жукотинцы отправились с жалобой к сарайскому хану, после чего последний направил посла к великому князю владимирскому. По этому случаю состоялся княжеский съезд в Костроме, на котором было решено произвести розыск ушкуйников и выдать последних ханскому послу [9, с. 101].

Иная версия представлена в Сокращенных сводах (далее – СС) 1470-х гг., 1493 г. и 1495 г. [7, с. 202; 10, с. 242, 326]. В версии известия СС отмечено появление жукотинских «князей». Это позволяет говорить об административно-территориальном делении Булгарского улуса ко времени «Великой замятни». По нашему мнению, под «князьями» могли скрываться булгарские беки, о чем позволяют судить эпиграфические памятники данного региона [5, с. 41]. Наше предположение совпадает с мнением Ю. В. Селезнева, который отмечает, что места у элит в Улусе Джучи были закреплены не за одним каким-то этносом (татарами/монголами), а в число аристократии входили представители аристократии завоеванных монголо-татарами земель [16, с. 95].

Появление разбойников в Булгарском улусе следует относить не столько к уязвимости в его отдельных районах из-за «Великой замятни», сколько к ослаблению ханской власти в принципе из-за междоусобиц в Орде. Так, ушкуйники в 6868 г., видимо, располагали сведениями о внутренней ситуации в Орде, которую могли почерпнуть от русских купцов – постоянных «гостей» на Волге [11, с. 43–48]: весной 1360 г. был свергнут предыдущий хан – Наурус, а к власти в Сарая пришла ветвь из Синей Орды, не связанная с домом Бату. Потомуку Шибана – Хызру, взошедшему только что на трон после убийства своего предшественника, необходимо было удерживать власть в столице в своих руках в силу того, что он не мог полностью рассчитывать на сарайских эмиров и аристократию [13, с. 149, 150; 15, с. 113, 114]. Таким образом, время для похода новгородских «разбойников» было выбрано как нельзя лучше, совпадая с дестабилизацией в Сарая.

Около года Хызр-хан удерживался на Сарайском престоле, после чего был убит входе очередной «замятни» Орду-Меликом [13, с. 148–151]. В результате очередной усобицы в Орде со смертью Хызра ситуация в Сарая еще сильнее усугубилась. Начали постепенно выходить из-под власти сарайских ханов представители военной аристократии, которые осуществляли власть от лица сарайских правителей на местах. Так, почти сразу за смертью Хызр-хана в 6969/1361 г. Булгаром овладел Пулад-Тимур.

В Рог. по поводу насильственного захвата власти Пулад-Тимуром в Булгарском улусе в 6869/1361 г. сообщается следующее: «А Болактемиръ Българы взялъ и ту пребываше, отънялъ бо Волжскы путь» [8, стб. 70]. В Сим. текст известия дополнен новыми деталями: «...а Булактемеръ, князь ордынскыи, Болгары взялъ и всѣ города по Волзѣ и улусы, и отня весь Волжскый путь...» [9, с. 101].

Будучи не членом ханского рода [1, с. 83; 13, с. 175], Пулад-Тимур удалось отделиться от Сарая и создать своего рода государственное образование на территории захваченного им Булгарского улуса [15, с. 123–125]. Об этом свидетельствуют монеты чеканки 1366 г., выпускаемые с его именем в Гюлистане [15, с. 117, 118].

В Сим. указывается, что Пулад-Тимур «всѣ города по Волзѣ и улусы, и отня весь Волжскый путь» [9, с. 101]. Должно быть здесь летописец подразумевает улусы, возглавляемые представителями кочевой родовой аристократии. Таким образом, Пулад-Тимур не только укрепил свою власть в городах, захваченных им по Волге на территории Булгарского улуса, но и поставил под свой контроль его знатную татарскую прослойку.

Правитель Булгарского улуса воспользовался поражением Тагая от рязанских князей в 1365 г., присоединив улус Мохши к своим владениям. Об этом позволяет судить тот факт, что монеты с именем Тагая в 768 г.х./1367 г. сменяются именными пулами Пулад-Тимура чекана г. Мохши [17, с. 33].

Наравне с Пулад-Тимуром еще один бек обосновался в том же году в Поволжском регионе. Речь идет о Секиз-беке, о чем сообщается в Рог: «А Съкизь бии Запиание все пограбилъ и, обрывся рвомъ, тут съде» [8, с. 71]. Это свидетельство позволило В.А. Кучкину говорить о том, что территории за р. Пьяной не являлись ордынскими [4, с. 227]. Рост территории Нижегородского княжества за пределы р. Сундовик, видимо, следует отнести на начало «Великой замятни» — князья, воспользовавшись дестабилизацией в Орде, стремились расширить свои владения за счет ордынских территорий. Так, уже в 6872/1364 г. в Рог. и Сим. [8, стб. 76; 9, с. 102] сообщается о море, которые затронули Киш и Сару — нижегородские волости на левом берегу реки Суры [4, с. 227, 228]. Кроме того, об активном расширении нижегородских территорий вдоль реки Суры позволяет судить следующая запись 6874/1366 г.: «На та лѣта. Бл(а)говѣрна кн(я)з(ь)я Костянтина Васи(ль)евича и детеи его великого кн(я)з(я) Дмитреа и старейшего брата его кня(з)я Он(д)рѣа в Новегороде в Нижне(м) былъ гость Тарасеи Петровъ с(ы)нѣ. ... И купиль онъ себѣ во(д)чину оу Муранчика оу кн(я)з(я) за Ку(д)мою на речке на Сундовите шесть сель...» [15, л. 397, л. 397 об.]. Следует согласиться с В.А. Кучкиным, который отмечает, что Муранчик являлся мордовским князем [4, с. 217].

В 6874/1366 г. [8, стб. 81; 9, с. 105], несмотря на стабилизацию ситуации в Булгарском улусе после 6869 г., ушкуйники вновь появились в его пределах. В этот раз от их действий пострадали не только территории г. Булгара, но и Нижний Новгород. Причина, по которой ушкуйники дерзнули подойти к Булгару, отчасти нам видится в нестабильной ситуации в Сарае: именно в это время в Волжской столице происходили внутренние неурядицы, вызванные хитросплетениями и тайными заговорами, которые были организованы Мамаем против действующего хана Азиз-шейха [12, с. 56]. Кроме того, жители Булгара могли рассчитывать только на собственные силы в борьбе с ушкуйниками, не имея возможности обратиться за помощью к правителю Сарая, как это сделали жукотинцы в 6868 г.

На следующий год, зимой 6875/1367 г., в пределы Нижегородского княжества вторгся Пулад-Тимур [8, стб. 85; 9, с. 106]. Встречать войска булгарского правителя совместными усилиями решили братья Дмитрий, Борис и Дмитрий Константиновичи. Сам Пулад-Тимур, ви-

димо, не преследовал цель полномасштабного вторжения в пределы Нижегородского княжества, а ставил перед собой цель пограбить приграничные территории. Это объясняет его дальнейшее поведение — Пулад-Тимур вынужден был тотчас отступить к реке Пьяне, не решившись на открытое столкновение с Константиновичами.

На наш взгляд, военная экспедиция, предпринятая Пулад-Тимуром, была своего рода ответом на разбойничьи действия новгородцев, которые в 1366 г. пришли со стороны Нижегородского княжества, а не его опасение в связи с ростом влияния последнего в Примокшанье и Заочье [3, с. 462].

После своего бегства в Орду Пулад-Тимур был убит Азиз-шейхом — тогдашним сарайским ханом [13, с. 158; 15, с. 124, 125]. Воспользовавшись слабостью первого после неудачного похода 1367 г., Азиз-шейх устранил своего политического оппонента и, вероятно, назначил в Булгарский улус своего управителя.

Этим управителем являлся болгарский «князь» Асан, который упомянут в контексте описания похода Бориса Константиновича на Булгар в 6878/1370 г. [8, стб. 92; 9, с. 109]. Поход, организованный нижегородско-суздальским князем, не обошелся без участия «царева» посла, т.е. официального представителя сарайского хана. На момент 1370 г. в Сарае ал-Джедид правил Мухаммед-Булак, который являлся марионеточным правителем в руках беклярибека Мамай [6, с. 126; 13, с. 163; 15, с. 125, 126]. Мамай сознательно привлек войска русских князей к походу, что было призвано продемонстрировать их лояльность всеильному темнику. Булгарский правитель, по всей видимости, не планировал оказывать сопротивления: даже если бы он разгромил войска русских князей под стенами укрепленного Булгара, Мамай, очевидно, организовал бы полномасштабную военную экспедицию с целью взятия этого важного центра Поволжья. Таким образом, через дары — неотъемлемую часть символической коммуникации, которые Асан адресовал только представителю хана — послу Ачихожи, болгарский «князь» демонстративно выражал смиренность и признание власти хана Мухаммеда-Булака — ставленника Мамай.

В то время пока продолжалась борьба за власть в Сарае [12, с. 61], Борис Константинович в 6680/1372 г. [8, стб. 100] основал на Суре г. Курмыш. По всей видимости, он мог являться форпостом в новоприсоединенных мордовских землях, с которыми по Суре входили в контакт русские поселенцы.

В 6882/1374 г. и 6883/1375 г. под стенами Булгара в очередной раз появились новгородские ушкуйники [8, стб. 106; 9, с. 114]. Обра-

тим внимание на следующую деталь. После 1370 г., когда в Булгаре был посажен с помощью княжеских дружин промамаевский ставленник, летописи не знают ни одного похода ушкуйников на Булгарский улус. В 1374 г., как сообщается в Рог., между Дмитрием Московским «бышеть розмирие съ татары и съ Мамаемъ» [8, стб. 106]. По мнению Р.Ю. Почекаева, разлад с Мамаем был вызван усилением Урус-хана в Поволжье [13, с. 166], с чем есть все основания согласиться. После «размирия» незамедлительно следует поход ушкуйников вдоль реки Вятки до Булгара. Вряд ли это следует считать случайным совпадением — здесь явно прослеживается определенная взаимосвязь. Исходя из приведенных фактов, можно прийти к следующему заключению: до «размирия» с Мамаем московский и великий князь владимирский обязан был «блюсти» доверенный в его распоряжение улус, в том числе внимательно отслеживать в нем внутренние активности, направленные против своего сюзерена — сарайского хана.

Ослабление власти Мамаея в Поволжье в силу смут в Орде явно стало ключевым фактором для большого похода ушкуйников в 1374 г. Возможно, большая часть войск из подчиненных Булгару административных единиц была привлечена Мамаем, который занимался в это же время урегулированием конфликта с Литвой, а также борьбой на Нижней Волге с Урус-ханом [12, с. 62]. Оттянув значительную часть воинов из Булгарского улуса, Мамай оставил его беззащитным для нападения со стороны Руси.

За «размирием» с Мамаем Дмитрия Ивановича в 1374 г. последовала поддержка действий московского князя его зятем Дмитрием Константиновичем. К такому заключению приходим на основании свидетельств Рог. и Сим. за 6882/1374 г., где рассказывается об избиении нижегородцами татар во главе с послами из Мамаевой орды. Главного посла — Сарай-аку — взяли в плен [8, стб. 106; 9, с. 114]. Спустя год он был убит в Нижнем Новгороде [8, стб. 108, 109; 9, с. 115]. На наш взгляд, за избиением татар в Нижнем Новгороде стоят политические мотивы, а не спонтанные действия его жителей. За действиями нижегородского князя последовала карательная экспедиция Мамаея, который в 6883/1375 г. дважды отправлял татар воевать волости нижегородско-суздальских князей — Киш, располагавшуюся на левой стороне реки Суры [4, с. 228], и области за Пьяной [8, стб. 109, 112, 113].

В 6883/1375 г. ушкуйники выступают уже не в качестве грабителей городского населения Булгарского улуса, а как своего рода работяг. В этот год новгородцы появились под Костромой, когда Дми-

трий Донской стоял с войсками многочисленных князей под Тверью. Ушкуйники взяли Кострому, захватив множество пленных и ценного товара, после чего спустились к Нижнему Новгороду, который подожгли, предварительно «много полона взяша» [8, стб. 114]. С захваченным мужским и женским полоном и награбленным имуществом они остановились на реке Каме, после чего сплавились по ней к реке Волге, по которой доплыли до Булгара. В Булгаре они продали пленных, после чего отправились вниз по реке Волге вплоть до Сарая и Астрахани [8, стб. 114; 9, с. 116]. За столь дерзкими действиями ушкуйников стоит осознание ими положения великого князя и Булгарского улуса. Так, Дмитрием Иванович не мог пресечь действия новгородских разбойников по Волге, поскольку Новгород выступал в качестве его союзника во время взятия Твери [9, с. 116]. Статус же Булгарского улуса оставался в «подвешенном состоянии» — Мамай в 1375 г. бежал из Сарая, оставив его Каганбеку, который мог контролировать только близлежащие области от столицы.

В скором времени после рейдов ушкуйников под стенами Булгара появились уже рати русских князей. Так, под 6884/1376—1377 г. [8, стб. 116, 117; 9, с. 117, 118] книжниками описывается поход князя Дмитрия Михайловича Волынского на Булгар. Исследователи по-разному трактуют причины похода князей Северо-Восточной Руси на Булгар. Но среди мнений следует выделить предположение Р.Ю. Почекаева, которое выглядит наиболее оригинальным — поход 1376/1377 г. организован по требованию хана Каганбека, который занял к тому времени Сарай, с целью подчинения Поволжья [12, с. 63]. Нами было проведено текстологическое сравнение летописных сводов XV в., после которого мы пришли к заключению, что даруга и таможенник, которые были посажены в Булгаре русскими войсками, являлись представителями Каганбека, а не великого князя [2].

Таким образом, можно говорить, что события, происходящие в Посурье и Булгарском улусе, привлекли внимания летописцев, поскольку возникли в следствие неурядиц в Орде, чего до этого книжники не могли наблюдать. До начала 60-х гг. XIV в. летописи умалчивают о каких-либо походах ушкуйников в эти области, так как Среднее Поволжье управлялось железной рукой хана. Статус Булгарского улуса ввиду дестабилизации Улуса Джучи на протяжении 1360—1370-х гг. постоянно меняется. Походы ушкуйников в Среднее Поволжье представляют собой бессистемный характер, но в то же время они тесным образом связаны с внутривосточной ситуацией в Ак-Орде.

Список источников и литературы

1. *Варваровский Ю.Е.* Улус Джучи в 60–70-е гг. XIV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 128 с.
2. *Гребенников Н.Ю.* Статус города Болгара после похода русских князей 1376–1377 гг.: вымышленное приобретение Дмитрия Ивановича Московского, или как ханский даруга стал великокняжеским // Историческое вече: проблемы истории и археологии: сб. ст. всерос. (с междунар. участием) науч. конф. студентов и молодых ученых. Великий Новгород, 10–11 февраля 2022 г. Великий Новгород: НовГу им. Ярослава Мудрого, 2023. С. 65–71.
3. *Измайлов И.Л.* Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – сер. XV в. С. 448–470.
4. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. 348 с.
5. *Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Серия: «Археология евразийских степей» / отв. ред. А.Г. Ситдииков и А.А. Чижевский. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. Вып. 6. 132 с.
6. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 177 с.
7. *Новикова О.Л.* «Сокращенный свод» в 70–90-х гг. XV в. и его Соловецкий вид // Летописи и хроники. 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 162–234.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. XVIII, 540 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 316 с.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 417 с.
11. *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 131 с.
12. *Почекаев Р.Ю.* Мамай. История «антигероя» в истории. СПб.: Евразия, 2010. 288 с.
13. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биография ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.
14. Отдел рукописей РГБ (ОР РГБ). Ф. 173/ III № 146. Сборник летописный, составной // Собрание рукописей и старопечатных книг [Электронный ресурс]. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/173-iii/f-173iii-146/#image-402> (дата обращения: 21.04.2023).
15. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // Ученые записки Мордовского государственного ун-та. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960. 275 с.
16. *Селезнев Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2013. 472 с.
17. Средневековый город Мохши. Пенза: Изд-во ИРРПО, 2021. 250 с.
18. *Трепавлов В.В.* «Русский улус» Золотой Орды // Российская история. М., 2021. № 1. С. 3–16.

К вопросу о суде детей великого князя на рубеже XV–XVI века

Аннотация. Статья посвящена проблеме функционирования суда детей великого князя на рубеже XV и XVI столетий. В фокусе исследования находится как важнейший законодательный памятник эпохи – Судебник 1497 г., который отражает попытку правового закрепления упомянутого института, так и немногочисленный актовый материал, через анализ которого можно понять правоприменительную практику. Все судебные дела условно можно разделить на те, где дети великого князя выступали в роли первоначального судьи и выносили окончательное решение, и на те, где судебное разбирательство первоначально проводилось княжеским агентом, а затем посредством процедуры доклада передавалось сыну великого князя, который выносил окончательный вердикт. Появившись в период формирования Русского государства, суд детей великого князя трансформировался в суд царя и великого князя.

Ключевые слова: Русское государство; суд детей великого князя; великокняжеский Судебник.

On the trial of the children of the Grand Duke at the turn of the 15th–16th centuries

Abstract. The article is devoted to the problem of the functioning of the court of the Grand Duke's children at the turn of the XV and XVI centuries. The focus of the research is both on the most important legislative monument of the era – the Judicial Code of 1497, which reflects an attempt to legally consolidate the mentioned institution, and a few legal materials. Analyzing the latter makes it possible to understand the law enforcement practice. All court cases can be conditionally divided into those where the Grand Duke's children acted as the original judge and made the final decision, and those where the trial was initially conducted by the princely agent, and then through the report procedure was transferred to the Grand Duke's son, who made the final verdict. Having appeared during the formation of the Russian state, the court of the Grand Duke's children transformed into the court of the tsar and the Grand Duke.

Keywords: Russian state; the court of the children of the Grand Duke; Grand Duke Sudebnik.

¹ **Данила Валерьевич Сазонов** – ассистент кафедры истории России Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия), e-mail: dv.sazonov@mpgu.su

Danila V. Sazonov – assistant, Department of Russian History, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Современных исследователей продолжают интересовать вопросы судопроизводства в период русского Средневековья и раннего Нового времени. Об этом свидетельствует появление ряда новых работ [10; 11; 21].

В настоящей статье затронута тема функционирования суда детей великого князя, который впервые в законодательстве встречается в Судебнике 1497 г. [21, с. 54–62], если не считать упоминания суда сыновей Ярослава Мудрого в Русской Правде [17, с. 48; 18, с. 64], характер суда которых был явно иным.

Исследователи в ходе анализа суда детей великого князя ограничивались его упоминанием в контексте суда великого князя [8]. Мы же в этом аспекте разделяем позицию В.А. Кучкина, который выделяет интересующий нас правовой институт в отдельную инстанцию [13, с. 107]. Косвенно те или иные стороны этой проблематики можно встретить в современных исследованиях [6, с. 77; 10, с. 7; 14].

В связи со скепсисом в отношении к правоприменению Судебника 1497 г. [15] возникает вопрос об отправлении правосудия отпрысками великого князя — нашло ли это отражение в правоприменении?

Исходя из заголовка великокняжеского Судебника [22, с. 54], действительно можно бесспорно предположить, что в его принятии участвовали дети великого князя Василий, Юрий и Дмитрий, а Семен и Андрей, вероятно, могли принять участие только символически. Спорным кажется тезис об участии Дмитрия-внука [7, с. 192]. Дальнейший анализ актового материала продемонстрирует, что он наравне с детьми великого князя осуществлял судебные функции.

Описание основного функционала суда детей великого князя содержится в статьях 21, 22 и 24². Первая интересующая нас правовая норма связана с установлением таких же пошлин для судов великого князя и его детей, как и для боярского суда, что подчеркивает юридический статус последнего. Но обратим внимание на формулировку: «А с великого князя суда и с детей великого князя суда имати на виноватом по тому же, как и с боярского суда...» [22, с. 56]. В этом фрагменте фигурируют три юрисдикции — суд великого князя, суд детей великого князя и боярский суд. Таким образом, интересующая нас инстанция выделялась в отдельную судопроизводственную категорию. Далее мы узнаем, что у суда детей великого князя есть свой печатник, участвуют в судопроизводстве и дьяк, и подьячий [22, с. 56–57]. Статья 24 регламентирует вопрос о заверении докладного списка великого

² Использован подход к дифференциации на статьи Судебника 1497 г., предложенный М.Ф. Владимирским-Будановым.

князя и детей великого князя: «А докладной список с великого князя докладу и с детей великого князя докладу печатати великого князя печатнику и детей великого князя печатнику» [22, с. 57].

Перейдем от рассмотрения законодательной нормы к правоприменению. Предварительно отметим, что суд детей великого князя формируется до упоминания в Судебнике 1497 г. Это в очередной раз высвечивает перед нами специфику русского средневекового права — оно не столько вводит новые нормы в жизнь, сколько законодательно фиксирует устоявшийся порядок.

Всю правоприменительную практику в этом ключе можно условно разделить на две составляющие: дела, где дети великого князя изначально были судьями, и дела, которые передавались им на доклад. Например, Иван Иванович Молодой в 1480-х гг. трижды разбирал дело от начала и до конца [2, № 521, 522; 19, № 17, с. 50]. Свидетельством этого отражены в списке середины XVI в. с правой грамоты суда великого князя Ивана Ивановича и в еще одной правой грамоте, датируемые 1485–1490 гг. Они сообщают: «Си суд судил князь великий Иван Иванович» [2, № 521, с. 396; № 522, с. 398]. В соответствии с Судебником 1497 г. правую грамоту подписал дьяк Василей Долматов.

Заметим, что осуществление суда по грамоте какого-либо из детей великого князя с последующим докладом — более распространенная судебная практика. В связи с этим скажем несколько слов о процедуре доклада, который появляется не ранее 1460-х гг. [16, с. 106, 114]. Статус судьи, принимающего доклад, априори выше, чем статус того, кто первоначально разбирал дело. Ниже мы покажем, что первично судебное разбирательство осуществляло должностное лицо по грамоте того, кому впоследствии будет докладывать, хотя были и исключения. Кратко процедуру доклада описала А.А. Калашникова: «Обе стороны, истец и ответчик, должны были присутствовать на докладе (чаще всего это означало, что они должны были ехать в Москву) и подтвердить подлинность прочитываемого вслух судного списка, в котором излагался протокол первоначального судебного разбирательства. Затем судья, принимавший доклад, выносил решение по делу. Однако на этом судебный процесс не заканчивался. Несмотря на то, что принятое на докладе решение уже не пересматривалось, необходимо было оформить дополнительный документ, фиксировавший вынесенный вердикт. Судья, принимавший доклад, приказывал судье, начавшему земельное разбирательство, вынести тот или иной приговор и выдать об этом докладную правую грамоту победившей стороне» [9, с. 43–44].

Упомянутый нами Иван Иванович Молодой не раз «принимал» доклад по тому или иному делу [2, № 524, с. 402; 3, № 481, с. 520]. Об этом свидетельствует важная формула: «И о сем судья рекся доложите государя своего великого князя». Первичное рассмотрение дела осуществлялось «по великого князя грамоте» тем или иным должностным лицом, которому это было поручено. Интересный казус содержит докладная правая грамота суда Кузьмы Клементиева, доложенная Миките Васильевичу Беклемишеву, а затем великому князю Ивану Ивановичу [2, № 523, с. 399–401]. Она отражает факт двойного доклада. Первоначально «по государя своего грамоте, великого князя Ивана Ивановича, си суд судил Кузма Климентиев» [2, № 523, с. 399]. Он передал это дело Миките Васильевичу Беклемишову. Однако староста Андрейко, который представлял крестьян [20] Залесской волости, признал, что «суд был не таков, как писано в сем спике» [2, № 523, с. 400]. Возможно, что это вызвало необходимость Миките Васильевичу приказать «судье Кузме Климентиеву обоим исцем срок учнити перед великим князем Иваном Ивановичем, как будет у своего отца у великого князя со Твери, потому что князь великий Иван Васильевич всея Руси велел суды земляные отложить до своего сына, до великого князя» [2, № 523, с. 400]. Процитированный фрагмент может свидетельствовать, с одной стороны, о некой автономности Твери после ее вхождения в состав Русского государства, а с другой стороны, о делегировании своих полномочий великим князем Иваном Васильевичем своему старшему сыну, что отражает общий процесс деперсонализации власти [12, с. 18].

Было и другое дело, в котором после доклада «князь великий Иван Иванович велел судье Клементею Наумову васильевского старца Ивана Ворону оправити и земли и селища велел присудите к монастырю» [3, № 483, с. 524], не проведя каких-либо дополнительных следственно-розыскных действий сразу вынес решение. Это говорит о разнообразии судебной практики.

Во второй половине 90-х гг. суд начинает осуществлять Василий Иванович [2, № 628, с. 538–542; 4, № 172, с. 181–187; № 208, с. 217–220; № 209, с. 220–223; № 210, с. 223–225; № 215, с. 232; 5, № 117, с. 108–112; № 259, с. 226–232]. В судебном разбирательстве между архимандритом Спасо-Ярославова монастыря Венедктом и крестьянами «по государя своего грамоте великого князя Ивана Васильевича всея Руси, си суд судил великого князя тивун ярославский Офонас Дуров» [4, № 208, с. 217]. Ярославский тиун Офонас Матвеев сын Дурова «рекса доложить государя великого князя или человека стариша-

го. Перед князем Васильем Ивановичем великого князя тивун ярославской Офонас дуров сесь список положил» [4, № 208, с. 219]. Более того, Василий Иванович принимал доклад по земельным делам после смерти великого князя Ивана Ивановича Молодого и до своей опалы [4, № 210, с. 223–225], а также посредством указной грамоты приказывал ярославскому тиуну Офонасию Дурову произвести отвод и размежевание земель Спасо-Ярославова монастыря и от земли Леонтия Васильева, в упоминаемом выше разбирательстве [4, № 215, с. 232].

В 1498 г. произошло разбирательство, которое можно причислить к ряду правовых казусов Русского государства. Так, «по грамоте князь Васильеве Ивановича сей суд судил Семен Данилов сын Кроткого» [5, № 117, с. 108], где судились крестьяне с митрополичьими поселским и крестьянами. После обоюдного решения лезть «с ними на поле битись», судья передал дело посредством доклада великому князю Василию Ивановичу [5, № 117, с. 110], который и вынес решения проводить поединок. Однако у одной из сторон «знахорь Клишко Сидоров у поля у креста не стал на земле» [5, № 117, с. 111]. По словам крестьян, он уехал торговать в Нижний Новгород и не успел вернуться к судебному разбирательству. Они попросили у судьи отсрочки. Об этом Семен Данилов сын Кроткого доложил другому великому князю — Дмитрию Ивановичу. Он вынес решение в пользу митрополичьих крестьян, так как «знахорь Клишко Сидоров на срок у поля не стал».

В 1498 г. на доклад великого князя Дмитрия Ивановича было представлено дело о земельном суде между митрополичьим поселским села Куликовское Ваней с Ивашкой Избиным [5, № 259, с. 226–232]. Это дело любопытно тем, что «к списку князь великий Дмитрий Иванович велел деда своего великого князя печать приложить» [5, № 259, с. 232].

Осуществляли суд посредством процедуры доклада и князь Юрий Иванович [1, № 77, с. 80–84; 4, № 172, с. 181–187; № 173, с. 187–189], и князь Семен Иванович [1, № 57, с. 58–60; № 61, с. 65–68]. Первый упомянутый потомок Ивана III делал это как до, так и после смерти своего отца, что дает основания предполагать о том, что с кончиной великого князя Ивана Васильевича институт суда детей великого князя не канул в Лету. Действительно, Судебник 1550 г. знает суд детей царя и великого князя, регламентация которого содержится в статьях 37–39 [23, с. 37].

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что суд великого князя и суд детей великого князя не являются одним институтом, а представляют собой разные судебные инстанции. С нашей точки зрения,

это отражает процесс деперсонализации власти в Русском государстве. Сближает статус великокняжеского суда и суда его детей как одинаковые пошлины, так и право на окончательное решение. Наличие собственных агентов, выступавших в роли судей (князя, дьяки, писцы, тиуны), а также заверение документов подписью дьяка и печатью подчеркивает особое положение суда детей великого князя. Появившись в период формирования Русского государства, суд детей великого князя со временем не исчез, а трансформировался в суд царя и великого князя, что нашло свое отражение в Судебнике 1550 г.

Список источников и литературы

1. Акты Русского государства 1505–1526 гг. / сост. С.Б. Веселовский. М.: Наука, 1975. 435 с.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. 804 с.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. II. 727 с.
4. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. III. 687 с.
5. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Ч. 1. 400 с.
6. *Алексеев Ю.Г.* Государство и право в эпоху формирования Российского государства (XIV–XV вв.) / вступ. ст. К.В. Петрова, Н.В. Штыкова, С.В. Стрельникова. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 798 с.
7. *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск: Наука; Сибир. отд-ние, 1991. 240 с.
8. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. 333 с.
9. *Калашикова А.А.* Институт доклада в русских земельных судебных делах XV – первой половины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3(89). С. 42–52.
10. *Калашикова А.А.* Русские судебные документы XV – первой половины XVI в. как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. 329 с.
11. *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени / науч. ред. А.Б. Каменский. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.
12. *Кром М.М.* Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.
13. *Кучкин В.А.* Судебник 1497 г. и договорные грамоты московских князей XIV–XV веков // Отечественная история. 2000. № 1. С. 101–109.
14. *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели. М.: Древнехранилище, 2000. 215 с.

15. *Пенская Т.М.* Судебник Ивана III: источник русского права или литературный памятник? (опыт историко-культурной и юридической герменевтики) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 4. С. 39–50.

16. *Петров К.В.* Процедура судебного «доклада» в русском праве XV – первой половины XVI в.: к истории формирования судебных органов в России // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб.: Наука, 2007. С. 106–115.

17. Русская правда. Краткая редакция // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 47–49.

18. Русская правда. Пространная редакция // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 64–73.

19. Русский дипломатарий. Вып. 1 / отв. ред. А.В. Антонов. М.: Археогр. центр, 1997. 164 с.

20. *Сазонов Д.В.* «Во всех крестьян место...»: вопрос о корреляции роли старост и сотских в процессе формирования системы местного управления Русского государства во второй половине XV – первой половине XVI века // Ключевские чтения – 2022. Россия выбирает путь: Материалы Международной научной конференции молодых ученых. Сб. науч. тр. / отв. ред. В.Е. Воронин. М.: Спутник+, 2022. С. 78–83.

21. *Селин А.А.* «Дела судные, указы и записки вершенные и невершенные...». Новгородская практика судопроизводства XVI – начала XVII в. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2021. 568 с.

22. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 2. С. 54–62.

23. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 2. С. 97–120.

Библейские сюжеты в Сказании о Словене и Русе

Аннотация. Сказание о Словене и Русе – один из наиболее примечательных памятников русской исторической книжности первой половины XVII в. В этом памятнике излагается инновационная концепция легендарного периода истории славян и русов, возводящая происхождение последних к Скифу – правнуку Иафета. Этот памятник и содержащаяся в нем этногенетический миф неоднократно привлекал внимание исследователей. Однако несмотря на практически революционный характер по отношению к традиционной древнерусской историографии, данный памятник сохраняет ряд черт, присущих последней. Одной из таких черт являются прямые и скрытые параллели с библейским текстом, которые были характерны для русского летописания с момента его появления. В предлагаемой работе проведен анализ текста Сказания о Словене и Русе с точки зрения содержащихся в нем библейских отсылок. Анализ текста через эту призму показывает, что в рассматриваемом памятнике присутствуют как прямые отсылки к Ветхому завету, так и незаметные на первый взгляд сюжетные параллели, которые, тем не менее, играют важнейшую роль в повествовании.

Ключевые слова: Сказание о Словене и Русе; этногенетический миф; библейские отсылки; историко-политические сочинения.

Biblical stories in Tale of Sloven and Rus

Abstract. Tale of Sloven and Rus is one of the most remarkable pieces of Russian historical literature of the first half of the 17th century. It provides an innovative concept of the legendary period of history of Slavs and Rus' which traces their origins to Skyth – the grand-grandson of Japheth. The source and the ethnogenetic myth which it contains have attracted researchers' attention several times. However, despite its almost revolutionary character regarding Old Russian historiography, this text preserves some features of it. Among such features are direct or hidden biblical parallels, which were illustrative of Russian chronicle writing since its beginning. In this article, the text of Tale of Sloven and Rus is analyzed in terms of biblical references which it contains. The author concludes that the text contains direct references to the Old Testament as well as other parallels, invisible at first glance, which however play a crucial role in the narrative.

¹ **Георгий Александрович Емельяненко** – младший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института Российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), email: egor.a.e@gmail.com

Georgy A. Emelianenko – junior research fellow, Center of the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Keywords: Tale of Sloven and Rus; Ethnogenetic myth; biblical references; historical and political writings.

Сказание о Словене и Русе является одним из наиболее примечательных историко-политических сочинений русской книжности первой половины XVII в. В нем представлен оригинальный взгляд на легендарный период истории Руси, нехарактерный для предшествующих летописных и хронографических памятников. Ключевым элементом Сказания является этногенетическая концепция происхождения населения Древней Руси от легендарных Словена и Руса – потомков Скифа.

Однако несмотря на во многом революционный по отношению к традиционной древнерусской историографии характер памятника, Сказание все же сохраняет ряд сюжетных особенностей, характерных для памятников книжности более раннего периода. Одной из таких особенностей, о которых пойдет речь – обилие в тексте прямых и скрытых отсылок к библейским сюжетам.

Именно с точки зрения содержащейся в нем этногенетической легенды этот памятник, как правило, рассматривается в историографии. Например, в работах А.В. Лаврентьева и А.А. Турилова, А.В. Сиренова, П.С. Стефановича, А.П. Богданова, М.А. Бойцова, А.В. Доронина [1, с. 184–199; 2, с. 265–300; 6, с. 151–152; 10, с. 19–25; 18, с. 82–87; 19, с. 67–70; 20, с. 326–344]. В то же время, использование библейских сюжетов в тексте Сказания о Словене и Русе до сих пор практически не рассматривалось в затрагивающей этот памятник историографии.

Рассмотрение Сказания о Словене и Русе с точки зрения использования и адаптации в нем библейских сюжетов является целью предлагаемого исследования. Для этого необходимо рассмотреть отдельные фрагменты Сказания о Словене и Русе, проанализировать их содержание и сравнить с библейскими сюжетами, к которым они прямо или косвенно отсылают.

Несколько слов стоит сказать о самом источнике. Текст Сказания о Словене и Русе был создан не позднее 1630-х гг., вероятно при участии новгородского митрополита Киприана [3, с. 445–446; 8, с. 166–167; 9, с. 41–43]. Авторство Киприана, впрочем, оспаривается А.В. Сиреновым, предположившим авторство киевского иеромонаха Иосифа, приехавшего в Москву в 1632 г. и умершего в 1633 г. [18, с. 85–86].

Текстология известных списков Сказания и их соотношение в том или ином объеме рассматривались в работах С.К. Шамбинаго, А.Л. Гольдберга, А.В. Лаврентьева, Д.М. Буланина и А.А. Турилова,

М.А. Савинова [3, с. 444–447; 4, с. 51–62; 8, с. 166–167; 9, с. 41–43; 17, с. 79–84; 21, с. 261–265]. Стоит оговориться, что попытка общей классификации всех существующих списков Сказания была предпринята только в работе А.Л. Гольдберга, выявившего более 100 списков этого текста [4, с. 52]. Однако предложенная им схема не может считаться удовлетворительной в свете наблюдений, сделанных в последующих исследованиях. В рамках данной работы эта проблема рассматриваться не будет, так как заслуживает отдельного исследования.

Древнейшими из известных списков Сказания на данный момент являются списки ОР РГБ. Ф. 726 (собр. Андропова). № 2 и ОР ГИМ. Увар. 533, датируемые ок. 1638 г. и 1642 г. соответственно [3, с. 445–446]. Наиболее полным из них, на наш взгляд, является список из собрания Уварова (ОР ГИМ. Увар. 533), тогда как в древнейшем списке из собрания Андропова (ОР РГБ. Ф. 726 № 2) читается сильно сокращенная версия Сказания. В ходе данного исследования ссылки на текст Сказания будут даваться именно по списку из собрания Уварова. Там, где по той или иной причине будут приводиться ссылки на другие списки, это будет оговариваться отдельно.

Итак, текст Сказания о Словене и Русе начинается с вольного пересказа книги Бытия, в котором рассказывается о разделе земли между сыновьями Ноя. В списке Уваровского собрания ГИМ среди сыновей Ноя упомянут четвертый сын – Мунт, что является уникальной чертой этого списка [12, л. 193 об.]. Упоминание Мунта может свидетельствовать об обращении автора Сказания к апокрифическому Откровению Мефодия Патарского, которое было хорошо известно древнерусским книжникам [5, с. 283–284]. Также в этом списке наиболее полно, в сравнении с другими, передан библейский рассказ о проклятии Хама Ноем [12, л. 193 об. – 194].

В варианте Сказания, читающемся в Хронографе Пахомия, также присутствует фрагмент о «разделении языков», который отсутствует в других вариантах текста [13, л. 517].

Уникальные для Сказания этногенетические построения начинаются с рассказа о потомках Иафета. В «Повести Временных лет», в которой была сформулирована концепция о происхождении славян и руси от Иафета, ставшая традиционной для древнерусского летописания, об этом родстве говорится лишь в общих чертах [15, стб. 3–6]. В Сказании же представлена более детализированная генеалогическая схема: здесь говорится о правнуках Иафета Скифе и Зардане. Последние, отделившись от родичей из «западных стран», решили поселиться «во Евксипонте» (в Причерноморье) [12, л. 194]. Их потомки,

согласно Сказанию, назвали эту местность Великой Скифией в честь своего прадеда Скифа [12, л. 194].

Выходцами из Великой Скифии и потомками Скифа, как сообщает Сказание, были князья Словен и Рус, которые, переселившись со своим народом к «Озеру Моиска», названному впоследствии Ильмерь (Ильмень), основали Словенск Великий (впоследствии Новгород) и Руссу [14, л. 765 об. — 766]². Согласно Сказанию, скифы со временем стали называть себя «славянами» [14, л. 766]. Таким образом, с точки зрения автора Сказания, скифы «переименовались» в славян, переселившись на Волхов из Причерноморья.

Итак, наиболее бросающаяся в глаза отсылка к библейским сюжетам в Сказании о Словене и Русе — присутствующая в вводной части памятника генеалогическая схема, выводящая славян или «народ словенорусский» от Иафета. Как отмечалось выше, это роднит текст Сказания с ПВЛ, однако представленная здесь схема происхождения славян от Иафета значительно более детализирована.

Другим примером использования библейского сюжета является несколько раз встречающаяся в тексте Сказания отсылка к эсхатологической легенде о Гоге и Магоге. Упоминание «Гога в земле Магог» встречается в книге пророка Иезекииля, где говорится, что в «последние времена» Палестина будет завоевана Гогом из Магога — князем Роша, Мешеха и Фувала (Иез. 38:2—18). При этом Магог, Мешех и Фувал перечислены в книге Бытия среди сыновей Иафета (Быт. 10:2). В Откровении Иоанна Богослова уже упоминаются «народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога» (Откр. 20:7) В том или ином виде этот сюжет о Гоге и Магоге или народах Гога и Магога будет многократно повторяться в эсхатологическом контексте как в богословских, так и в исторических литературных памятниках Средневековья и раннего Нового времени.

В измененном виде этот сюжет отразился и в Сказании о Словене и Русе. Одним из центральных сюжетов памятника является легенда о грамоте Александра Македонского, якобы дарованная этим правителем «словенорусским» князьям Великосану, Асану, Авенхасану [12, л. 197—197 об.]. Текст грамоты предваряет фрагмент, в котором говорится, что до Александра дошел «жалостливый слух» о завоевательных походах «словенорусских князей», что заставило его заключить

² В списке Увар. 533. отсутствуют листы с этим и некоторыми следующими фрагментами. Эта и следующая ссылка даются по одному из списков т.н. «Хронографического» варианта Сказания (по определению М.А. Савинова), также являющемуся одним из древнейших [17, с. 79—80].

с ними договор. По отношению к этим князьям и их народу здесь применен термин «сыроядцы», на который стоит обратить особое внимание [12, л. 197–197 об.].

Само слово и контекст, в котором оно употреблено, обращает внимание на параллель с легендой об «Иафетовых внуках», которая читается в уже упомянутом ранее Откровении Мефодия Патарского. Согласно Откровению, Александр Македонский во время своих походов достиг земли, где обитали «Афетовы внуки», после чего разбил их и «заточил» в северных горах за «железными вратами». В «последние дни на скончание мира» языческие князья Гог и Магог «выидут» на землю Израильскую [7, с. 125]. Об «Иафетовых внуках» в этом фрагменте сообщается: «ядаху убо всяко животно жупеличеи твари гнусно бо убо есть и скаредно, комары мыши кошки и змеи и мезы(х) плоти скоты нечистыя (з)ивоги же(н)ския и дѣти своя мертвыя и всяку тварь животны(х) гад» [7, с. 125].

Как отмечалось ранее, согласно сюжету Сказания о Словене и Русе, «народ словенорусский» получил свое наименование по имени своих предводителей Словена и Руса, являвшихся потомками Иафета. Таким образом, фрагмент Откровения Мефодия Патарского об Иафетовых внуках, употребляющих «нечистую пищу», перекликается с определением «словенорусских» князей Великоасана, Асана и Авенхасана как «сыроядцев» в тексте Сказания о Словене и Русе.

Стоит отметить, что вопрос о конкретном источнике, посредством которого данный сюжет попал в текст Сказания, остается открытым. Помимо Откровения Мефодия Патарского сюжет об «Иафетовых внуках» с незначительными изменениями присутствует также во 2-й редакции Хронографической Александрии, текст которой дошел в составе Летописца Еллинского и Римского [11, с. 131]. В самом летописце Еллинском и Римском, также читается статья «Начало царства Царяграда», где вышеупомянутый эпизод дублируется [11, с. 176]. Аналогичная последней статья, озаглавленная «начало Царства Греческого», присутствует и в Русском Хронографе начиная с первой редакции [16, с. 213].

Определение «сыроядец» также встречается ближе к началу Сказания, где после перечисления потомков Скифа – Словена и Руса, а также их братьев Комана, Болгара и Истера говорится: «от сих же племени во время послѣднее и каган сыроядец искочи, о нем же греческая история послѣди изяснит» [12, л. 194 об.].

Подобно Гогу и Магогу, «каган сыроядец» происходит из потомков Иафета и должен «искочить в последние времена». Однако стоит

отметить некоторые разночтения между фрагментом о «кагане сыроядце» и его предполагаемым источником. Так, «каган сыроядец» выступает в единственном лице, в то время как Гог и Магог всегда упоминаются вдвоем. Кроме того, Гог и Магог называются в упомянутых памятниках «князьями», а не «каганами» [12, л. 194 об.].

Также сюжетная параллель Сказания о Словене и Русе и фрагмента о «Иафетовых внуках» прослеживается и в том, как в этих схожих сюжетах разрешается противостояние Александра с потомками Иафета. Как отмечалось ранее, согласно Откровению Мефодия Патарского, Александр разбил «Иафетовых внуков» в бою и заточил их за «железными воротами». Выход же князей Гога и Магога за пределы «железных врат» должен явиться одним из признаков «последних времён» [7, с. 125].

В Сказании о Словене и Русе конфликт разрешается, на первый взгляд, совершенно иначе. Александр дарует «словенорусским» князьям грамоту, в которой оговаривается пожалование им во владение земель от земли «от моря Варяжского даже до моря Хвалынского», а все народы, их населяющие подлежали «вечной работе». Но также было оговорено, что пределы этих земель «словенорусский» народ преступать не должен [12, л. 197 об.]. Это последнее условие можно считать аналогом заточения Иафетовых внуков за «Железными воротами» в Откровении Мефодия Патарского.

После рассказа о грамоте Александра Македонского Сказание повествует о возобновлении завоевательных походов потомков народа Словена и Руса. Князья Лах и Лахерн совершили поход на «скипетры земли греческия», в том числе на Царьград [12, л. 199]. Братья были разбиты: Лахерн погиб, а Лах вернулся восвояси [12, л. 199].

В дальнейшем текст Сказания повествует о божественной каре, постигшей «словенорусский» народ. Вследствие мора славяне и русы мигрировали на «Белое озеро», «озеро Тинное», в «иные страны» и в «старожитные страны» на Дунае, что привело к запустению Словенска и окрестностей [12, л. 199].

Фрагменты, повествующие о договоре «словенорусских» князей с Александром Македонским, о походе Лаха и Лахерна на греческую землю и о запустении Словенска вследствие мора, на первый взгляд, не связаны друг с другом, во всяком случае, об этом не говорится напрямую. Однако если рассматривать описываемые события в единой последовательности, то можно проследить причинно-следственную связь: нападение Лаха и Лахерна на греческую землю фактически являлось нарушением договора их предков с Александром, согласно

которому они не должны были преступать пределов пожалованных им во владение земель (от Варяжского моря до Хвалынского); нарушение же договора и стало причиной кары Божьей в виде мора, приведшего к запустению Словенска и миграции славян и русов в дальние страны.

Именно эпизод с запустением Словенска подводит нас к третьей сюжетной параллели с библейской историей. Впоследствии словене, возвратившиеся с Дуная вместе со «скифами и болгарами» вновь заселили Словенск с окрестностями, однако затем вновь были вынуждены оставить эти земли из-за нашествия «белых угров» [12, л. 199–199 об.].

Позднее словене и русы вновь, уже в третий раз, населили эти земли, заново основав город Словенск неподалеку от места, где ранее стоял старый Словенск [12, л. 199 об.]. Таким образом, согласно Сказанию, «словенорусский» народ трижды заселял свою землю, будучи дважды изгнанным.

В таком виде эта история вызывает довольно явную аналогию с ветхозаветной историей народа Израиля. Согласно книге Бытия, народ Израиля во главе с Иаковом переселился в Египет по предложению сына Иакова — Иосифа, по причине свирепствовавшего в земле Ханаанской голода (Быт. 42:5, 46:1–34). Позднее, в правление царей Иехонии и Седекии, Иудея была завоевана вавилонским царем Навуходоносором, после чего часть иудеев была переселена им в Вавилон, а оставшаяся часть, после безуспешного восстания, была вынуждена бежать в Египет (4Цар. 24:8–20, 25:1–26). Наконец, при персидском царе Кире иудеи вновь возвращаются в свои земли, воссоздав иерусалимский Храм (1Ездр. 1–6).

Обращает на себя внимание, что причины миграций «словенорусского» народа в Сказании о Словене и Русе схожи с таковыми у ветхозаветных иудеев. В первом случае славяне и русы переселились из-за мора (в случае ветхозаветных иудеев речь шла о голоде), во второй раз — из-за нашествия «белых угров» (в то время как иудеи — из-за нашествия вавилонян). Если следовать вышеуказанным параллелям, то можно отметить, что Словенск (Новгород) в этом контексте выступает в качестве аналога Иерусалима, а его окрестности — «землей обетованной» для народа словен и русов, хотя напрямую эту аналогия в тексте Сказания не проводится.

Впрочем, стоит оговориться, что в данном случае речь может идти лишь о сюжетном совпадении, так как в рассматриваемом тексте отсутствуют прямые сравнения с приведенными выше библейскими сюжетами. В то же время, учитывая, что вышеописанные библейские сю-

жеты должны были быть хороши известны русским книжникам, такое совпадение выглядит маловероятным.

Подводя итог, можно заключить, что отсылки к библейскому тексту имеют в Сказании о Словене и Русе ключевое сюжетное значение. Помимо явных отсылок в начале текста Сказания, где говорится о разделении земли между сыновьями Ноя и происхождении скифов и, впоследствии, славян и русов от Иафета, здесь также присутствуют косвенные и завуалированные отсылки. Так, упоминание «кагана сыроядца», который должен явиться в «последние времена», и рассказ о взаимоотношениях Александра Македонского с «сыроядцами» — князьями «словенорусского» народа можно считать развитием библейского эсхатологического предания о «народах Гога и Магога». Рассказ же о двукратном запустении Словенска и окрестных земель и последующем его заселении, как говорилось выше, имеет явные сюжетные сходства с историей ветхозаветных иудеев.

Итак, можно заключить, что текст Сказания о Словене и Русе, несмотря на общий инновационный по отношению к традиционной древнерусской историографии характер, тем не менее, сохраняет важную черту последней — прямые и завуалированные отсылки к библейским сюжетам. Стоит отметить, что это не единственная черта, указывающая на определенную преемственность Сказания по отношению к традиционной древнерусской литературе. В частности, большое влияние на этот памятник оказала «Повесть временных лет» — тот самый текст, который Сказания во многом пыталось собой заменить. Однако взаимоотношение этих двух памятников требует отдельного изучения.

Список источников и литературы

1. *Богданов А.П.* Сила легенды. Повесть о Словене и Русе в общерусском летописании XVII в. // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 1. С. 184–199.
2. *Бойцов М.А.* Как Александр Македонский по пути из Чехии поддержал московитов // *Polystoria: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе*. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. С. 265–300.
3. *Буланин Д.М., Турилов А.А.* Сказание о Словене и Русе // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3: (XVII в.). Ч. 3. Л.: Наука, 1998. С. 444–447.
4. *Гольдберг А.Л.* Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1982. Т. XIII. С. 50–63.
5. *Дмитриев Л.А.* Откровение Мефодия Патарского // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 283–284.

6. *Доронин А.В.* Сказание о Словене и Русе – первый нарратив раннемо­дерной московской нации // Словесность и история. Журнал филологиче­ских и историко-культурных исследований 2022. № 2. С. 121–152.
7. *Истрин В.М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические ви­дения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты (Тексты). М., 1897. 546 с. разд. паг.
8. *Лаврентьев А.В.* Летописный свод 1652 г. как источник по истории изучения русской средневековой повести XVI–XVII вв. // Русская книжность XV–XIX вв. М., 1989. С. 164–182.
9. *Лаврентьев А.В.* Свод 1652 г. – памятник русского летописания XVII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1984. 231 с.
10. *Лаврентьев А.В., Турилов А.А.* «Повесть о Словене и Русе» («Сказание о Великом Словенске») о происхождении и ранней истории славян и Руси // Славяне и их соседи. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени: тезисы 15 конференции [Москва, 27–28 мая 1996 г.]. М., 1996. С. 19–25.
11. Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст. СПб.: Дмитрий Була­нин, 1999. 510 с.
12. Отдел рукописей Государственного исторического музея (ОР ГИМ). Увар. 533.
13. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 588. Оп.2 № 1450.
14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф.550. FIV.600.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Изд. 2: Лаврентьевская ле­топись. Вып. 1. Повесть временных лет. Л., 1926. 286 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 22: Русский хронограф. Вып. 1. Хронограф редакции 1512 г. / ред. С.П. Розанова. СПб, 1911. 580 с.
17. *Савинов М.А.* Архиепископ Астраханский и Терский Пахомий и его хронограф: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2016. 160 с.
18. *Сиренов А.В.* «Повесть о Словене и Русе» – русский вариант легенды об «origo gentis» // Мобилизованное Средневековье: в 2 т. Т. II: Средневеко­вая история на службе национальной и государственной идеологии в России. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2022. С. 82–87.
19. *Сиренов А.В.* Русское историописание XV–XVII вв.: в поисках «своей истории» // Нарративы Руси конца XV – середины XVIII вв.: в поисках своей истории. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 59–79.
20. *Стефанович П.С.* Легенда о призвании варягов в историографии XVI–XVII вв. От средневековых мифов к раннемо­дерным // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 326–344.
21. *Шамбинаго С.К.* Иоакимовская летопись // Исторические записки. 1947. № 21. С. 254–270.

Провозглашая «всеобщее благо»? Манифест Петра I о вызове иностранцев в Россию 1702 г.: историографические и эдиционные аспекты²

Аннотация. В российской историографии с начала XX в. распространено утверждение, что Петр I провозгласил целью государства достижение «всеобщего блага» еще в преамбуле манифеста о вывозе иностранцев в Россию, изданном в 1702 г. В статье показывается, что такого рода утверждения опираются на публикацию этого манифеста, помещенную в «Полное собрание законов Российской империи» 1830 г. При сравнении этой публикации с оригиналом манифеста, написанном на немецком языке, а также с переводами, выполненными в начале XVIII в., выясняется, что в «Полном собрании законов Российской империи» был представлен достаточно вольный перевод преамбулы, выполненный, скорее всего, в конце XVIII или в первой трети XIX в. и модернизированный язык петровского времени, и что в оригинальных переводах начала XVIII в. не было фразы «всеобщее благо». В свою очередь это позволяет заново поставить вопрос о том, как, когда и с помощью каких слов в петровское время использовалось понятие «общее благо».

Ключевые слова: история России; Петр I; общее благо; история понятий.

Proclaiming “common good”? Manifesto of Peter I on invocation foreigners to Russia in 1702: historiographical and editorial aspects

Abstract. In Russian historiography since the beginning of the 20th century there is a widespread idea that Peter I proclaimed the goal of the state to achieve “common good” in the preamble of the manifesto on invocation of foreigners to Russia, published in 1702. The article shows that such statements are based on the publication of this manifesto, placed in “Complete collection of laws of the Russian Empire” of 1830. Comparing this publication with the original Manifesto, written in German, as well as with translations made in the early 18th century, it becomes clear that “Complete collection of laws of the Russian Empire” provided a rather free translation of the preamble, made most likely

¹ **Михаил Александрович Киселев** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), e-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com

Mikhail A. Kiselev – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Russian History, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

² Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

at the end of the 18th or the first third of the 19th century and modernizing the language of Peter's time, and that the original translations of the early 18th century did not contain the phrase "common good". In turn, this allows us to re-examine how, when and with what words the concept of "common good" was used in Peter the Great's time.

Keywords: Russian history; Peter the Great; common good; history of concepts.

К настоящему времени в отечественной историографии общим местом является утверждение, что важное место в обосновании преобразований, проводимых Петром I в первой четверти XVIII в., занимало понятие *общего блага*. При этом в качестве едва ли не самого первого примера, когда Петр I официально использовал выражение (*всеобщее благо*), как правило, указывают на преамбулу к так называемому манифесту «О вызове иностранцев в Россию» от 16 апреля 1702 г. [15, с. 316–317].

Еще в 1865 г. С.М. Соловьев писал, что Петр I выразил цели своей деятельности «в знаменитом манифесте своем о вызове иностранцев в апреле 1702 года», после чего привел обширную цитату из него, включавшую фразу про попечение монарха «о всеобщем благе» [20, с. 96–97]. Однако по-настоящему знаменитым этот манифест вместе с фразой *о всеобщем благе* сделали историки XX века.

М.М. Богословский в работе 1902 г. об областной реформе Петра I со ссылкой в т.ч. на С.М. Соловьева заявлял: «В очень неуклюжих выражениях и неловко, но все-таки очень ясно высказывал он (Петр I. — М.К.) свой взгляд на общее благо, как цель государства, в известной речи, произнесенной им 22 октября 1721 г. ... Это был все тот же взгляд, который провозглашался им еще в 1702 г. в манифесте о вызове иностранцев, где он облечен был в более гладкую, изящную форму, может быть, данную ему иностранным пером, где говорилось о намерении "государством управлять таким образом, чтоб все наши подданные попечением нашим *о всеобщем благе* более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние"» [4, с. 20]. В схожем духе в 1912 г. Д.А. Жаринов в очерке, посвященном Петру I как законодателю, отмечал, что в его царствование заявлялось, что «власть правит в интересах общего блага», после чего, во-первых, приводил цитату из манифеста 1702 г. «о всеобщем благе», а затем писал, что «тот же мотив слышится в словах Петра, при поднесении ему императорского титула, записанных в акте 1721 г.» [6, с. 171].

В советской историографии К.В. Базилевич в 1946 г. отмечал, что «Петр неоднократно указывал на идею "общего блага" как на основную задачу государственной власти», после приводил цитату из мани-

феста 1702 г. «о всеобщем благе», а также ссылался на петровскую речь 1721 г. [2, с. 47]. В 1964 г. Н.И. Павленко писал, что «впервые лозунг “общего блага” был выдвинут Петром I в 1702 г. в указе о приглашении иностранных специалистов на русскую службу. С тех пор “общее благо” не сходило со страниц указов верховной власти» [11, с. 398]. Развивая свои наблюдения об идеологии петровского царствования, в статье 1973 г. Павленко писал, что «впервые идея “общего блага” была высказана Петром в 1702 г. в манифесте о призыве иностранцев на русскую службу. Ранее этого времени она еще не оформилась в сознании Петра». При этом историк утверждал, что «понятие “общего блага” до издания манифеста не встречается ни в актах Петра, ни в законодательстве его предшественников». После этого он приводил цитату из этого манифеста, в которой, что важно отметить, выражение «о всеобщем благе» отсутствовало, а затем переходил к петровской речи 1721 г. [12, с. 60–61].

В работе 1982 г. историка права А.Б. Зайченко отмечалось, что «Петр I, как и монархи Западной Европы, мотивировал нововведения идеей “общего блага”... Идея “общего блага” фигурировала в бесчисленном множестве указов, рескриптов, регламентов, во вступлениях и заключениях к ним», после чего была помещена цитата со словами «о всеобщем благе» из манифеста 1702 г. [7, с. 105]. Далее в 1986 г. в историко-правовом издании А.Г. Маньков и О.И. Чистяков со ссылкой на статью Н.И. Павленко 1964 г. сообщали, что «впервые тезис о “всеобщем благе” мы находим в указе 1702 года о приглашении иностранных специалистов на русскую службу, с тех пор он не сходил со страниц указов» [17, с. 20]. В схожем духе в 1988 г. М.Т. Белявский и Л.Г. Кислягина утверждали, что «идея “всеобщего блага” (или “общего блага”) была впервые высказана Петром I в 1702 году в манифесте о призыве на русскую военную службу иностранцев» [3, с. 164].

В постсоветской историографии историки продолжили апеллировать к манифесту 1702 г. в своих рассуждениях о том, когда Петр I провозгласил целью своего царствования достижение *общего блага*. Ю.М. Лотман в работе, завершенной незадолго до смерти в 1993 г. и опубликованной в 1996 г., со ссылкой на статью Н.И. Павленко 1964 г. писал, что «выражения “общее благо” и “всеобщая польза”, впервые употребленные в указе 1702 г. о приглашении иностранцев на русскую службу, в дальнейшем стали почти обязательным атрибутом мотивировочной части петровских законов» [10, с. 49]. В книге 1999 г. А.Б. Каменский отмечал, что в манифесте 1702 г., который он цитировал по С.М. Соловьеву, «утверждалось, что с самого своего воцаре-

ния Петр стремился к утверждению “всеобщего блага” и что «появление манифеста – безусловное свидетельство того, что уже в это время Петр более или менее отчетливо представлял цели своей политики» [9, с. 92–93]. Эти же мысли историк повторит в своей монографии про реформы в России XVIII в. [8, с. 112–113]. В 2010 г. М.О. Акишин написал, что «в соответствии с идеями раннего немецкого Просвещения, Петр объявил целью верховной власти общее благо, образцом для которого было признано “регулярство” европейских государств», после чего приводил цитату из манифеста 1702 г. «о всеобщем благе», а затем из речи Петра 1721 г. [1, с. 98].

Отмеченные выше историки, начиная с С.М. Соловьева, сообщая о провозглашении в манифесте 1702 г. Петром I *всеобщего блага*, цитировали текст документа, опубликованный в 1830 г.в. «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗ). Исключением стала статья Н.И. Павленко 1973 г., где в цитате из манифеста 1702 г. отсутствовала фраза «о всеобщем благе», и это было неслучайно. Дело в том, что ПСЗ было издано в то время, когда научные приемы публикации исторических источников только вырабатывались. Более того, ПСЗ создавалось в рамках подготовки свода законов, т.е. его целью была не научная публикация материалов по истории права. При этом в 1889 г. вышел второй том «Писем и бумаг императора Петра Великого», которые до настоящего времени являются наиболее авторитетным научным изданием источников, связанных с деятельностью Петра I. Если обратиться к этому изданию, а не к ПСЗ, то можно обнаружить, что оригинал манифеста, подписанный Петром 16 апреля 1702 г., был составлен на немецком языке, его автором был находившийся с 1702 г. на русской службе лифляндский дворянин И.Р. фон Паткуль, а современный ему перевод этого документа не содержал выражения «о всеобщем благе» [13, с. 39–50, 227–340]. Соответственно, если Н.И. Павленко еще в статье 1964 г. цитировал манифест 1702 г. по ПСЗ, то уже к началу 1970-х гг. он ознакомился с публикацией в «Письмах и бумагах...», в связи с чем в статье 1973 г. в цитате и отсутствовало упоминание «о всеобщем благе». Правда, историк почему-то предпочел специально не комментировать это. Как результат, обращение к публикации в «Письмах и бумагах...» фактически оказалось незамеченным отечественными историками, которые продолжили опираться на текст из ПСЗ.

Дабы понять, насколько отличается текст преамбулы манифеста 1702 г., опубликованный в ПСЗ, от современных манифесту переводов, один из которых, согласно А.Ф. Бычкову, был выполнен П.П. Шафи-

ровым, а другой П. А. Коетом, приведем соответствующие цитаты, а затем сравним их с учетом немецкого оригинала [13, с. 337, 33–44].

В ПСЗ помещен такой перевод преамбулы: «Довольно известно во всех землях, которыя Всевышний Нашему управлению подчинил, что со вступления Нашего на сей престол, все старания и намерения Наши клонились к тому, как бы сим Государством управлять таким образом, чтобы все Наши подданные, попечением Нашим о всеобщем благе, более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние; на сей конец Мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствие, защитить Государство от внешнего нападения и всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей же цели Мы побуждены были в самом правлении учинить некоторыя нужныя и к благу земли Нашей служащия перемены, дабы Наши подданные могли тем более и удобнее научиться, по ныне им неизвестным познаниям, и тем искуснее становиться во всех торговых делах» [14, с. 192–193].

Перевод П. П. Шафирова: «Объявляем сим и чиним ведомо всем. Понеже с того времени, егда мы, милостию Всевышшаго, на престол предков наших вступили, наше начальнойше попечение было государства и земли, яже нам Всевышний облаадати подал, таким образом правительствовати, дабы всяк и каждый из наших верных подданных чюствовать мог, како наше единое намерение есть о их благосостоянии и приращении усердно пещися, и потому всякия способы и пути употребляти, еже бы ко одержанию такового славного намерения каким ни есть образом служити могло. И того ради мы не токмо едино торговлю в совершенное разширение привести, и внутреннее безопасение нашего государства утверждати, и оное от всяких опасных случаев, чем благосостояние общия пользы разрушено быти может, упредить, но и правительства состояние и что иное к вящему обучению народа доходит тако учредити, дабы наши подданные коль долее, толь вяще ко всякому обществу и обходительству со всеми иными христианскими и во нравах обученными народы удобны сочинены могли» [13, с. 44–45].

Перевод П. А. Коета: «Чиним сим всенародным ведомо и объявляем. От того времени, как мы милостию Вышняго на престол прародителей вступили, наша вячая попечение было те государства и земли, над которыми Вышний дал царствовать, тако управлять, дабы все и кийждо верных наших подданных разумел, каким подобием наше намерение о их преспевании и благополучии усердно попещися и всяким посредством и делом домогаться, дабы нам такое славное намерение

тем или иным образом получить. И мы подшилися не токмо торговлю в прямую красоту привести и внутреннее безопаство государства нашего укрепить и от всяких страхов тех приключениях (чем всенародная благополучия может сокрушиться) сохранить, но и политичное похождение и все, елико ко украшению народа пристойно, сие постановить, дабы наши подданные дале и больше ко всякому обученью и рукутверженью со всеми христианскими и благонаученными народами годны и привычны были» [16, л. 5–5 об.].

Итак, вместо стандартного заявления об объявлении манифеста («Thun hiermit allermänniglich kund und zu wissen») в переводе ПСЗ появилась фраза, что «довольно известно во всех землях» про петровские «старания и намерения», упоминание Всевышнего («Allerhöchste») в связи с престолом было просто убрано, а «государства и земли» («die Reiche und Länder») превратились в «Государство». Кроме того, попечение («sorge gewesen») об управлении («regieren») этими *государствами и землями*, чтобы подданные ощутили петровское намерение заботиться о их благосостоянии и преуспевании («Wohlfarth und Auffnehmen»), превратилось в намерение Петра «сим Государством управлять таким образом, чтобы все Наши подданные, попечением Нашим о всеобщем благе, более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние».

Что же до предупреждения Петром опасностей («vor allerhand gefährlichen Zufällen»), из-за которых может пострадать «das Wohlseyn des allgemeinen Besten», что П.П. Шафиров перевел как «благосостояние общия пользы», а П.А. Коет как « всенародная благополучия », то в ПСЗ вместо этого просто поместили пассаж про защиту от внешнего нападения («защитить Государство от внешнего нападения»)!. Более того, заявление про стремление Петра не просто развивать торговлю, а и создать «Policey-Wesen» («правительства состояние» у П.П. Шафирова и «политичное похождение» у П.А. Коета) и то, что нужно для «Cultur einer Nation» («обучение народа» у П.П. Шафирова и «украшение народа» у П.А. Коета), дабы его подданные могли успешнее взаимодействовать с другими христианскими народами, превратилось простое в утверждение об обучении подданных, чтобы они могли «искуснее становиться во всех торговых делах».

Итак, в ПСЗ был опубликован отнюдь не перевод петровского времени. Похоже, это был перевод, выполненный в конце XVIII в., если не в первой трети XIX в. Более того, в случае с преамбулой его нельзя назвать полноценным переводом. Скорее, он ближе к пересказу, при создании которого произошло как серьезное упрощение ори-

гинального текста преамбулы со всеми ее барочными витиеватостями, так и модернизация лексики в духе конца XVIII – начала XIX вв. При этом ни в переводе П.П. Шафирова, ни у П.А. Коета не использовалось выражение «всеобщее благо», не говоря о провозглашении пожелания «о всеобщем благе» от имени Петра I.

Правда, какие-то формулы из немецкого оригинала вполне можно было бы перевести как «(все)общее благо». Прежде всего, это касается выражения «das (all)gemeine Beste». Однако первый печатный немецко-русский словарь 1731 г. для выражения «das gemeine Beste», эквивалентом которого было определено латинское «bonum publicum», предложил перевод «общее, народное добро, общественная корысть» [5, с. 88]. Соответственно, в первой трети XVIII в. перевод выражения «das (all)gemeine Beste» как «(все)общее благо» был совсем не очевиден, хотя в современных переводах немецкое выражение XVIII в. «gemeines Beste» переводится как «общее благо» [19, с. 250–251].

К. Скиннер писал про соотношение *слов* и *понятий*: «Если мы хотим понять, как кто-то смотрит на мир – какие различия он проводит, какие классификации он принимает, – то нам нужно знать не то, какими словами он пользуется, а, скорее, то, какими понятиями он обладает». Это «может показаться простой игрой со словами. Ибо на него можно ответить ..., что обладать понятием – значит знать значение слова. ... Но было бы заблуждением отрицать существование разницы между ними», в связи с чем Скиннер указывал, что не следует сводить историю *понятия* к истории конкретного *слова* [18, с. 144]. В то же время для выражения понятия используются слова с теми или иными значениями, смысловыми акцентами и коннотациями. Соответственно, для истории бытования понятия важно, с помощью каких слов его выражали исторические акторы, что именно они хотели этими словами подчеркнуть, выразить, равно как и то, какой именно у них был словарный багаж для понимания и передачи понятия.

Таким образом, можно сказать, что автор преамбулы манифеста 1702 г. И.Р. фон Паткуль руководствовался понятием об «общем благе», которое разделял и Петр I. Другое дело, что при переводе тех слов, которые были в тексте Паткуля, в начале XVIII в. не использовалась фраза «(все)общее благо». Ей были предпочтены выражения «всенародное благополучие» и «общая польза». Это свою очередь ведет к необходимости дополнительных изысканий о том, с помощью каких слов в петровское время в России рассуждали об *общем благе* и, более того, каким было понятийное поле (Р. Вульпиус), связанное с этим понятием.

Список источников и литературы

1. Акишин М.О. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Велико-го // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 95–117.
2. Базилевич К.В. Петр I. Государственный деятель, преобразователь, полководец. Киев: Воен. изд-во, 1946. 56 с.
3. Белявский М.Т., Кислягина Л.Г. Общественно-политическая мысль // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 3: Наука. Общественная мысль. М.: МГУ, 1988. С. 162–211.
4. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великаго. Провинция 1719–27 гг. М.: Университетская тип., 1902. 521 с.
5. Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб.: ИАН, 1731. 788 с.
6. Жаринов Д.А. Петр Великий как законодатель и «Правда воли монаршей» // Три века: Россия от смуты до нашего времени. Т. 3. XVIII век. Первая половина. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. С. 163–179.
7. Зайченко А.Б. Взгляды Петра I на власть и закон // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М.: [б.и.], 1982. С. 103–109.
8. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.
9. Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: НЛЮ, 1999. 328 с.
10. Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. С. 13–346.
11. Павленко Н.И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М.: Наука, 1964. С. 389–427.
12. Павленко Н.И. Петр I (к изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I. М.: Наука, 1973. С. 40–102.
13. Письма и бумаги императора Петра Великаго. Т. 2 (1702–1703). СПб.: Гос. тип., 1889. 721 с.
14. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 4. СПб.: Тип. II Отд. собств. его имп. вел-ва канцелярии, 1830. № 1910. С. 192–195.
15. Редин Д.А. Очарование «регулярства»: Еще раз о «ментальном государстве» Петра Великаго. Ч. 2. «Российское имперское государство» // Диалог со временем. 2021. № 75. С. 315–334.
16. Российский государственный архив древних актов. Ф. 370. Оп. 1. Д. 2.
17. Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1986. 512 с.
18. Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. 2005. № 3. С. 143–152.
19. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи. Т. 2. М.: НЛЮ, 2014. 756 с.
20. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. XV. М.: Тип. Грачева, 1865. 431 с.

Образ Петра I как царя-воина в общественно-политической мысли первой четверти XVIII в.

Аннотация. В статье рассматривается образ Петра I как царя-воина в публичном дискурсе эпохи его правления. Методологической основой исследования служит история понятий. Источниковая база включает в себя панегирики видных проповедников первой четверти XVIII в. (Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Гавриила Бужинского, Феофилакта Лопатинского), исторические сочинения («Гистория Свейской войны» и «Разсуждение» П.П. Шафирова) и выпуски газеты «Ведомости». В рамках исследования были определены основные интенции в конструировании образа, выявлены библейские и античные герои, с которыми авторы текстов сравнивали Петра I, сформулированы общие и различные черты в том, как источники характеризуют образ правителя.

Ключевые слова: Петр I; общественно-политическая мысль; царь-воин; панегирики; «Гистория Свейской войны»; Феофан Прокопович.

The image of Peter the Great as a Tsar-Warrior in the socio-political thought of the first quarter of the 18th century

Abstract. The article considers the image of Peter the Great as a Tsar-Warrior in the public discourse during his reign. History of concepts is the methodological basis of the article. The source base includes panegyrics of prominent preachers of the first quarter of the 18th century (Theophan Prokopovich, Stefan Yavorsky, Gavriil Buzhinsky, Theophylact Lopatinsky), historical works (“History of Swedish War” and “Discourse” by P.P. Shafirov) and issues of the newspaper “Vedomosti”. The research identified the main intentions in creation of the image, revealed biblical and ancient heroes, with whom the authors of the texts compared Peter the Great features in the way the sources characterize the image of the ruler.

Keywords: Peter the Great; socio-political thought; Tsar-Warrior; panegyrics; History of the Swedish War; Theophan Prokopovich.

В период правления Петра I ввиду значимости ряда его преобразований встал вопрос о конструировании образа монарха. Как указывает

¹ Вячеслав Андреевич Коротин – магистрант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: vyacheslav.korotin@gmail.com

Viacheslav A. Korotin – master’s student at the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Р. Уортман, подобное идеологическое воздействие на подданных являлось важным фактором для российских императоров и императриц [17, с. 17–18]. Этому процессу способствовала активность ряда панегиристов, а также печатный станок, который стал работать в полной мере в петровскую эпоху. Немалое число проповедей авторы посвящали победам России на полях Северной войны. Чтобы соответствовать образу истинного императора, Петру было необходимо прославлять себя как эффективного военачальника, а война со Швецией создала удачную почву для оформления подобной характеристики. Вследствие этого особый интерес представляет рассмотрение образа Петра I как царя-воина в публичной дискурсе России первой четверти XVIII в.

В настоящем исследовании основное внимание уделено проблеме создания образа Петра I. Методологической основной работы является концепция истории понятий в том виде, в котором ее понимают Кв. Скиннер [13; 14] и Дж. Покок [11]. Выбранный в рамках данного исследования подход заключается в выявлении риторического инструментария и авторских интенций по отношению к представлению о Петре I как о воине и военачальнике. Таким образом, мы рассматриваем содержание тех или иных характеристик, а также средства, с помощью которых образ оформлялся. Схожий подход к изучению образа Петра нашел отражение в работах современных отечественных и зарубежных исследователей [1; 8; 10; 17].

Целью исследования является реконструкция образа Петра I как царя-воина и процесса формирования этого образа. Для ее достижения были поставлены следующие задачи: определить ключевые характеристики в рамках образа царя-воина; выделить основные средства создания образа; сравнить конструируемые характеристики у различных авторов эпохи.

В качестве источниковой базы использованы несколько видов письменных источников. Объединяющим качеством выбранных источников является их публичный характер. Он обеспечивается тем фактором, что тексты либо были напечатаны или распространены иным образом при жизни Петра, либо создавались изначально с целью их печати (пример «Истории Свейской войны», напечатанной только в 1770–1772 гг. [5, с. 45]). Первая группа источников – панегирические сочинения. В исследовании были использованы проповеди и торжественные речи самых видных панегиристов эпохи: Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Гавриила Бужинского, Феофилакта Лопатинского. Вторая группа используемых нами источников – исторические сочинения, в частности, «История Свейской войны» и «Раз-

суждение о причинах Свейской войны» (1717) авторства П.П. Шафирова. Необходимо оговориться, что сочинение Шафирова стоит считать скорее политическим трактатом, однако он снабжен объемной исторической справкой. Третьим источником для нас являются выпуски газеты «Ведомости». В ситуации затяжной войны газета становилась важным пропагандистским инструментом. Вопросы Северной войны являлись одной из постоянных рубрик в петровских «Ведомостях» [16, с. 40], а с 1704 г. вместо небольших сообщений стали публиковаться обширные материалы [16, с. 85]. Однако личности Петра I в этом источнике уделено внимания меньше, чем в упомянутых ранее.

По содержанию образа Петра I как царя-воина можно выделить два аспекта: прославление личной доблести правителя, которая проявляется непосредственно в ходе сражений, и его полководческих качеств.

В отношении первого компонента самым распространенным примером являлся известный эпизод с простреленной шляпой Петра во время Полтавской битвы. Несмотря на тот факт, что Петр I, как один из авторов «Истории Свейской войны», стремился к объективному повествованию и меньшей концентрации на персоне монарха [5, с. 37], в тексте произведения этот случай не был опущен: «И тако милостию Всевышняго совершенная виктория <...> одержана. Ибо государь в том нужном случае за людей и Отечество, не щадя своей особы, поступал как доброму полководцу надлежит, где на нем шляпа пулею прострелена, и в седельном орчаке фузейная пуля найдена» [5, с. 304]. Примечательно, что Петр собственноручно редактировал указанный фрагмент, добавив слова о том, что он, не щадя себя, пошел в бой «за людей и Отечество» [6, с. 121].

Эпизод с простреленной шляпой заинтересовал и панегиристов. Феофан Прокопович в проповеди 1717 г., посвященной Полтавской баталии, произнес: «Но отसेле уже не корону, но шляпу сию цареву разсуждайте и со удивлением опишуйте» [9, с. 216]. Тем самым Феофан сместил акцент с монаршего статуса Петра на его реальные деяния, индикатором которых служила простреленная шляпа. Аналогично и Гавриил Бужинский в 1719 г. посвятил панегирик Полтавской битве. В нем автор также не обошел стороной простреленную шляпу: «Должни же паки благодарити величество и престол его <...> иже сам своя царския персоны не пощаде, но, аки забыв себе царя быти, воинскую па себе восприяв ипостась, на стрели и мечи, на пушечныя громи и мушкетныя молныя себе представы, но, осеняя в день брани над главою избранных своих, господь знамение оставя брани в шля-

пе царской, дражайшую главу к болшей Российской ползе сохранил» [9, с. 253]. Похожий отрывок Гавриил поместил в «Слово в похвалу Санктпетербурга и его основателя государя императора Петра Великого», вновь акцентируя внимание на смелости и мужестве монарха: «не убоявшись жестокости боевья в самых Матровых огнях, в самой очевидной смерти, толикое явил всему свету мужество, яко равное нигде же слыханное, нигде же описанное. Самая на тривенечной главе от неприятеля простреленная шляпа гласнее всякия трубы сие мужество возглашает и возглашать будет во веки» [4, с. 11].

Большую роль в прославлении храбрости Петра сыграли панегирики Феофана Прокоповича. В «Слове похвальном о баталии Полтавской» (1717) Феофан проговаривает, что «воинстенник» Петра «и к скипетру и к мечу родившийся» [9, с. 215–216]. В «Слове на похвалу блаженныя памяти Петра» (1725) Феофан проводил непосредственную связь между детством царя и его военными успехами во взрослом возрасте, показывая уникальные качества Петра, данные ему с рождения: «С природы охотный к оружию и жаркий к огню военному, во отроческом возрасте как играл и в чем забавлялся? Водить и строить полки, созидать крепости и тыяжды доставать, и оборонять, и полевым боем сражаться — то его забавы и потехи, то его младенческая играция. И что веема пречудно, когда не пора еще было быть ему учеником воинским, он уже аки старый того учитель, преждее неправильное воинство яко слабое к защищению, но токмо к разорению отечества сильное узнав, презирать и отставлять, а новую регулу вводить потщался» [9, с. 286]. Феофан постулирует, что именно такая практика обусловила победы Петра I в Северной войне: «А Петр, кроме похода Азовскаго, по детских игралищных войнах своих, будто он уже и с спартаканами, и с африканами, и с македонами доволно навоевался, вступил в сию многобедную и ужасную войну и на толикую высоту славы востекл, до которой и по многих военных искусствах не мнози добираются. И что же дивно, что он всему миру дивен стал, что и по далечайшим иноземным странам, куды прежде имя российское слухом не доходило, славятся дела его!» [9, с. 288–289].

Петр I символически награждал себя за военные заслуги. После Полтавы он получил от «князя-кесаря» Ромодановского контр-адмиральский мундир, что Э. Зицер толкует как напоминание о рыцарском этосе, «обещавшем в награду за воинскую доблесть вечную славу, царскую милость и всеобщее восхищение» [8, с. 121]. Распространенная в петровскую эпоху практика триумфов также была нацелена на демонстрацию связи между военными подвигами царя

и наличием у него власти [17, с. 71]. Вследствие этого триумфы были отражены в некоторых рассматриваемых нами источниках. В частности, в выпуске «Ведомостей» от 2 января 1705 г. напечатано довольно обширное описание торжественного въезда Петра в Москву [2, с. 211], благодаря чему он уподобляется античным полководцам. Похожий пример встречается в «Ведомостях» от 22 февраля 1705 г. [2, с. 227].

В данном случае стоит перейти к представлению о Петре I как военачальнике. Р. Уортман пишет, что имидж полководца Петр получил после Полтавской победы [17, с. 78]. Эту мысль подтверждает хронология рассматриваемых нами источников: «Разсуждение» Шафирова и «Гистория Свейской войны» были написаны позже, а панегириков и выпусков «Ведомостей», где Петра презентовали бы как искусного полководца, до 1709 г. практически не встречается. В «Ведомостях» присутствуют многочисленные упоминания роли Петра в разного рода военных операциях [2, с. 194, 197, 291, 377; 3, с. 101–108, 112–113]. Похожие примеры приводит в своем трактате П.П. Шафиров [18, с. 37]. Что важнее, в «Дедикации», предварительной части трактата, Шафиров характеризует Петра не просто как полководца, но и как наставника своих военачальников: «И за храбрым и мудрым его царское величества приводом, и под команду своих храбрых и искусных генералов и офицеров, яко его учеников, то самым делом во многих баталиях и осадах, и протчих действиях воинских показали» [18, с. 4]. В остальном источники представляют Петра I скорее как флотоводца, чем командующего армией, однако этот аспект образа заслуживает рассмотрения в отдельной работе.

Следует выделить две основные группы примеров, с помощью которых панегиристы описывали Петра I как царя-воина: библейские образы и примеры из античной истории и мифологии. Говоря о первой группе, двумя устойчивыми источниками сравнения стала битва Давида и Голиафа, а также Самсон, разрывающий пасть льва. Феофан Прокопович в «Панегирикосе» (1709) [9, с. 194] и Стефан Яворский в нескольких проповедях [15, с. 243, 256–257, 259–260] проводили прямую аналогию между Петром и Давидом. Самсон оказался более распространенным и устойчивым образом. Контекст такой аналогии заключался в совпадении даты Полтавской баталии и дня памяти св. Самсона [10, с. 115–120]. Сравнение Петра и Самсона использовали Гавриил Бужинский в «Слове благодарственном о победе, полученной под Полтавой» (1719) [9, с. 253] и Стефан Яворский в «Слове о победе над королем Шведским под Полтавою 1709 года» (1709) [15, с. 242]. В итоговом панегирике петровского правления, «Слове на погребение»

ние Петра» (1725) авторства Феофана Прокоповича, Самсон оказался в ряду ключевых персонажей, аналогии с которыми использовал автор: «Се онный твой Россие, Сампсон». Далее Феофан перечисляет главные достижения именно в военной сфере, чтобы сравнить Петра и Самсона: «застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил» [9, с. 279–280].

В петровском дискурсе одними из самых распространенных стали образы Марса и Геркулеса. При погребении Петра помимо статуй России и Европы были также установлены именно Марс и Геркулес [17, с. 113], а после Полтавской победы на Синодальной арке Петра изобразили в виде Марса [17, с. 78].

Говоря о частоте этих сравнений, можно привести ряд примеров. В «Политиколепной апофеозис» (1709) Петр I именуется «российским Геркулесом» [12, с. 12], а в названии — «всероссийским Геркулесом». Стефан Яворский применил в проповеди «Колесница торжественная» (1703) наименование «кавалер Геркулес» [15, с. 173]. В «Епиникионе» (1709) Феофан Прокопович назвал Петра «русским Марсом»:

Темже приими, о храбрый царю, цвет победный
И сыл, яже в тебе Марс сей многобедный
<...>
Вси твоей начнут дружбы, вси мира желати
И не дерзнут рускаго Марса раздражати [9, с. 203].

Феофан Прокопович указывает, что «если бы таковой отрок у римлян оных древних» родился бы, то они бы уверовали, что «он от Марса рожден есть» [9, с. 286]. В «Панегирикосе» Феофан Прокопович также обращается к сравнению Петра I с Гераклом [9, с. 194]. Достаточно своеобразный пример использовал Феофилакт Лопатинский в проповеди «Слове о богодарованном мире» (1722). Панегирист указал, что Петр I в вопросе ведения войны соответствует одному из принципов древних спартанцев — необходимо либо вернуться с войны с оружием, либо погибнуть с этим оружием на поле боя: «Превзыде храбрость лаконскую и славу прехрабрый воин российский, государь наш милостивейший, иже не токмо с Марсова поля бывшия войны оружие цело принесе, но и победителными лаврами и мирными масличными ветви увенчанное: якоже видехом в день торжественнаго вхождения его» [9, с. 263].

В итоге образ Петра I как царя-воина отражает примечательную особенность общественно-политической мысли эпохи — это усвоение античной мифологии и истории как части гражданского культа. По мнению В.М. Живова и Б.А. Успенского [7], сюжеты древности были органично вплетены в общественно-политический дискурс начала XVIII в. Элементы античной культуры внедряются еще в середине XVII в., но при Петре I они становятся частью гражданского культа. Это относится к таким персонажам как Марс и Геркулес. В вопросе применения античных образов и авторы панегирических сочинения, и сам Петр I действовали в общем направлении. Содержание образа Петра I как царя-воина в целом достаточно единообразно: в источниках признаются его уникальные качества, необходимые для ведения войны. Авторы текстов сосредоточились на личной доблести Петра, это способствовало более яркому повествованию. При этом полководческие качества монарха в немалой мере были показаны на страницах «Ведомостей» в форме упоминания военных указаний правителя.

Список источников и литературы

1. *Агеева О. Г.* Титул «император» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII в. // Мир истории. Российский электронный журнал. 1999. № 5. URL: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm> (дата обращения: 14.06.2023).
2. Ведомости времени Петра Великого: в память двухсотлетия первой русской газеты / ред. В. Погорелов. Вып. 1. 1703—1707 гг. М.: Моск. синод. тип., 1903. VIII, 407 с.
3. Ведомости времени Петра Великого: в память двухсотлетия первой русской газеты / ред. В. Погорелов. Вып. 2. 1708—1719 гг. М.: Моск. синод. тип., 1906. 98, 373, XXIV с.
4. *Гавриил.* Полное собрание поучительных слов... М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1784. [2], V, [3], 263 с.
5. История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): в 2 вып. / сост. Т.С. Майкова; под. общ. ред. А.А. Преображенского. Вып. 1. М.: Круг, 2004. 632 с.
6. История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): в 2 вып. / сост. Т.С. Майкова; под. общ. ред. А.А. Преображенского. Вып. 2. М.: Круг, 2004. 656 с.
7. *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. // Античность и культура в искусстве последующих веков: Материалы научной конференции, 1982 г. М.: Советский художник, 1984. С. 204—285.
8. *Зицер Э.* Царство преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 240 с.

9. Панегирическая литература петровского времени / подгот. изд. В.П. Гребенюк; под ред. О.А. Державиной. М.: Наука, 1979. 311 с.

10. *Погосян Е.А.* Петр I — архитектор российской истории. СПб.: Искусство—СПБ, 2001. 424 с.

11. *Покок Д.* Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 886 с.

12. Политиколепная arotheosis достохвалныя храбрости... великаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексиевича... М.: Московский Печатный двор, 1709. [10], 177 [1] с.

13. *Скиннер Кв.* Свобода до либерализма. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 120 с.

14. *Скиннер Кв.* Язык и политические изменения // Логос. 2005. № 3 (48). С. 143–152.

15. *Стефан Яворский.* Проповеди... Ч. 3. М.: Синодальная типография, 1805. [2], IV, 302, VI с.

16. *Томсинский С.М.* Первая печатная газета России (1702–1727 гг.). Пермь: 2-я книжная типография Облполитграфиздата, 1959. 236 с.

17. *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. 608 с.

18. *Шафиров П.П.* Разсуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый ... к начатию войны против короля Карола 12, шведского 1700 году имел... СПб.: [б.и.], 1717. [2], 10, [2], 128 с.

Чинопроизводство на гражданской службе в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.

Аннотация. В статье рассматривается эволюция правил чинопроизводства гражданских служащих в Российской империи. На материалах Вологодской губернии показано, как изменения законодательства влияли на состав чиновничества. Автор приходит к выводу, что в последней четверти XVIII – первой четверти XIX в. продвижение по чиновной лестнице во многом зависело от места службы, должности, близости к главному начальству, личных (родственных) связей, во второй четверти XIX в. – скорость повышения в чинах напрямую зависела от сословного происхождения и уровня образования.

Ключевые слова: гражданская служба; чиновничество; канцелярские служащие; законодательство; Российская империя.

Civil promotion in rank in the last quarter of the 18th – first half of the 19th centuries

Abstract. The article discusses the evolution of civil promotion in rank in the Russian Empire. Based on the materials of the Vologda province, it is shown how changes in legislation influenced the composition of the bureaucracy. The author comes to the conclusion that in the last quarter of the 18th – the first quarter of the 19th century career advancement depended on the place of service, position, proximity to the chief authorities, personal (family) ties, and in the second quarter of the 19th century – the rate of increase in ranks directly depended on the class origin and level of education.

Keywords: civil service; officialdom; clerical servants; legislation; the Russian Empire.

Организация гражданской службы, получившая оформление в законах петровского времени, прежде всего в Генеральном регламенте (1720 г.) и Табели о рангах (1722 г.), положила начало формированию профессиональных управленцев – особой категории населения

¹ **Олеся Анатольевна Плех** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «История России XIX – начала XX вв.» Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: plekh@mail.ru
Olesya A. Plekh – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

в структуре общества дореволюционной России. Этот процесс не был быстрым, он был сопряжен со многими трудностями и едва ли можно сказать, что завершился к 1917 г. При этом последнюю четверть XVIII – первую половину XIX в. следует выделить особо, как переходный период, когда, с одной стороны, государство стремилось сохранить сословные рамки и ограничения, но с другой стороны, уже вполне осознавались значимость профессиональной подготовки и необходимость установления квалификационных требований. И эта борьба старого и нового во многом нашла отражение в эволюции чиновничества на гражданской службе.

Вопросы, связанные с правовым регулированием государственной службы в Российской империи, начали привлекать исследователей еще в дореволюционное время [11; 13; 16], и к настоящему моменту уже можно выделить целый пласт публикаций, так или иначе затрагивающих проблемы чиновничества [1; 12; 15; 18; 19; 69; 71–73]. Наибольший вклад удалось внести в изучение правовой базы. Кроме того, особое внимание уделено рассмотрению разного рода проектов, предполагавших реформирование гражданской службы и изменение правового положения служащих. Однако проблемы, касающиеся практики чиновничества, по сей день остаются малоисследованными. Более того, в последние годы нередко встречаются публикации, авторы которых подходят к анализу законодательства, не учитывая общеисторический контекст и не вникая в основы функционирования государственного аппарата, что приводит их к весьма спорным выводам². В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать эволюцию чиновничества с опорой на материалы систематического учета чиновничества. Территориальные рамки ограничены Вологодской губернией.

* * *

Первая четверть XVIII в. ознаменовалась масштабными преобразованиями в сфере государственного управления, требовавшими кардинального реформирования государственной службы. По замыслу Петра I на смену дьякам и подьячим должна была прийти

² К примеру, А.Д. Макей утверждает, что «к XIX в. система чиновничества устарела и не соответствовала условиям правительственной деятельности», «чины стали объектом злоупотреблений среди служащих недворянского происхождения», а правительство не решалось на кардинальную реформу гражданской службы и отмену чинов из-за того, что это «заняло бы не один десяток лет» и потребовало бы «колоссальных усилий» [14, с. 49].

бюрократия, выстроенная по западноевропейским лекалам. Утвержденная 24 января 1722 г. Табель о рангах впервые зафиксировала единую систему чинов и должностей статской (гражданской) службы [22, с. 486–493]. Чин стал обозначать ранг служащего по установленной иерархической шкале из 14 классов (рангов), каждый из которых охватывал соответствующие должности. Вне этой системы оказались звания, присваивавшиеся лицам, занимавшим низшие канцелярские должности, — канцелярист, подканцелярист и копиист; тем самым «табельные» чиновники были отделены от канцелярских служащих.

При разработке Табели о рангах Петр I исходил из того, что получение чинов не должно достигаться путем простой выслуги лет без занятия соответствующих чину должностей; не допускалось и производство в высшие чины, минуя низшие. Отныне каждый служащий должен был начинать свой карьерный путь с самых низов. При назначении на вакантные вышестоящие должности предпочтение отдавалось не выслуге, а способностям человека. Отсюда и главное «изъятие» из общих правил — лица, получившие образование или специальную подготовку, при выпуске из учебных заведений могли получить назначение на должности XIV ранга и выше.

При всем этом в основе кадровой политики лежал сословный принцип. Предполагалось, что все «классные» должности будут занимать потомственные дворяне. Для них государственная служба становилась не столько привилегией, сколько обязанностью. Выходцы из непривилегированных сословий могли претендовать лишь на позиции канцелярских служащих. Однако среди последних встречались и даровитые лица, достойные к занятию «классных» должностей, и для них законодатель предусмотрел особое поощрение — вместе с чином они получали права высшего сословия. Достижение XIV класса даровало личное дворянство, а VIII — потомственное.

Отступления от установленных правил чинопроизводства стали появляться уже при первых преемниках Петра I, когда на должности назначали без учета служебного опыта и наличия соответствующего чина, нередкими были случаи определения в высшие должности, минуя несколько рангов низших. В 1730-е гг. широкое распространение получило повышение в чинах «по достоинству» — по сути, щедрая раздача чинов лицам, приближенным к трону. Елизавета Петровна хотя и выразила приверженность петровским принципам, все же признала приоритетным производство в чины по старшинству. Весьма обычным явлением стала практика награждения статскими чинами выпускников учебных заведений даже при отсутствии соответствующих

вакансий. Учитывая, что потомственное дворянство предпочитало военную, а не гражданскую службу и всячески избегало занятия «не-табельных» должностей, канцелярские вакансии заполнялись детьми приказных служителей и представителями непривилегированных сословий, мечтавшими о продвижении по службе и получении первого классного чина. Эти лица все больше заявляли о себе, особенно с мест, подавая в Сенат «челобитные» с просьбами о повышении в чинах, что вызвало к жизни указ от 8 июня 1760 г., установивший право претендовать на это по истечении 8-летнего срока пребывания «в настоящем чине» [23, с. 478].

С течением времени упразднялись одни правительственные учреждения, появлялись другие, с новыми должностями, не соотносившимися с закрепленными в Табели о рангах наименованиями. В таких случаях уже Сенат решал, какой ранг присвоить той или иной должности, при этом для обозначения чина продолжали использовать названия должностей петровского периода, даже тех, которые уже не существовали. Вследствие чего чин начал приобретать особое значение, превращаясь в награду. Окончательный разрыв с классом занимаемой должности ознаменовался вместе с принятием указа от 13 сентября 1767 г., где всякому лицу, находившемуся на статской службе и исправлявшему «беспорочно» свою должность, в поощрение даровалось право на повышение в чине через каждые 7 лет [25, с. 344–345]. Недворяне, дослужившиеся до коллежских секретарей и титулярных советников, имели возможность получить чин коллежского асессора только по выслуге 12 лет «беспорочно» и при условии назначения на соответствующие вакансии [24, с. 319]. В условиях действия Манифеста о вольности дворянства (утвержден 18 февраля 1762 г.), освободившего «благородное» общество от обязательной службы, дефицит кадров стал ощущаться сильнее, и верховная власть была вынуждена открыть доступ к службе выходцам из прочих сословных групп. Особенно остро эта проблема заявила о себе в ходе губернской реформы 1775 г., когда многочисленные канцелярские вакансии на местах заполнялись семинаристами, купеческими детьми и прочими податными лицами.

В 1786 г. в ходе ревизии присутственных мест Вологодской губернии сенаторам А.Р. Воронцову и А.В. Нарышкину были представлены пофамильные списки служащих³, согласно которым на

³ Всего в списке указывалось 1138 должностей; 6 «табельных» должностей пребывали вакантными.

классных и канцелярских должностях состояло 748 человек⁴, из них только у 221 служащего (или 29,5%) был классный чин: I–V ранг – 2 чел., VI–VIII – 59 чел., IX–XIV – 160 чел. [48, л. 33–45 об., 51–70]. Среди чиновников была высока доля отставных военных (141 человек из 221). Все лица, имевшие классные чины, пребывали на «табельных» должностях, в том числе секретарских, но при этом не все «табельные» должности были заполнены чиновниками (30 должностных лиц, включая 18 секретарей, чинов не имели). К сожалению, материалы ревизии не позволяют детально проанализировать состав служащих, а формулярные списки за 1780-е гг. сохранились довольно плохо: удалось обнаружить сведения только о 246 лицах⁵ (см. Табл. 1). Среди них удельный вес лиц, имевших чины, составлял 22,4% (или 55 человек), что несколько ниже, чем в общем списке служащих губернии. Однако в целом приведенные в таблице 1 данные весьма красноречиво отражают ситуацию, сложившуюся на местах в период проведения губернской реформы. Чины VIII класса и выше имели только потомственные дворяне. В третьем разряде (IX–XIV) хотя и представлены другие сословные группы, наивысший показатель также принадлежит «благородным» лицам. Служащие, не имевшие чинов, состояли на канцелярских должностях, из них более 80% являлись выходцами из духовенства и податных сословий.

⁴ При подсчете не учитывались должности, исключенные из чинопроизводства: городские и сельские выборные лица (градские головы, ратманы, бургомистры, сельские заседатели) и низшие служители (сторожа, счетчики, переплетчики, присяжные унтер-офицеры и т.д.).

⁵ Вологодское наместническое правление, Вологодская палата уголовного суда, канцелярии Вологодской палаты гражданского суда и Вологодской казенной палаты, Устюгский и Вельский уездные суды, Устюгский и Лальский нижние земские суды, Устюгская верхняя расправа, Устюгская и Яренская нижние расправы, Устюгское областное казначейство, Лальское и Яренское уездные казначейства, уездные казначеи остальных уездов, Устюгское комендантское правление, Вельское и Лальское городнические правления.

Таблица 1

Состав служащих Вологодской губернии в 1780-е гг.⁶

Разряд ⁷	Дворянство		Обер-офицерские дети		Дети приказных служителей		Духовенство		Прочие		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
I–V	1	100	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	100
VI–VIII	13	100	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	13	100
IX–XIV	16	39,0	2	4,9	8	19,5	8	19,5	7	17,1	41	100
Без чина	4	2,1	3	1,6	28	14,6	117	61,3	39	20,4	191	100

Составлено по: [2, л. 1 об. – 5; 3, л. 1 об. – 6; 4, л. 1 об. – 5; 5, л. 1 об. – 87; 6, л. 1 об. – 71; 7, л. 1 об. – 41 об.; 8, л. 1 об. – 10; 9, л. 1 об. – 8 об.].

Трудности, с которыми столкнулась верховная власть в ходе проведения губернской реформы, вынуждали искать способы привлечения кадров. Ввиду ограниченных возможностей финансового поощрения именно чин стал рассматриваться в качестве главной награды. Между тем нередко нарушались действовавшие правила «относительно классов, в какие кого производить, или же времени, сколько кто в каком чине по справедливости служить долженствовал», что вызвало к жизни указ от 16 декабря 1790 г. [26, с. 201], не только подтверждавший предшествующие узаконения, но и введивший существенные новации. В частности, «к ободрению людей достойных и способных» устанавливались 3-летние сроки пребывания в каждом чине с XIV по IX класс. При этом нужно обратить внимание на обозначенный в указе порядок чинопроизводства: «из нижних чинов канцелярских в реги-

⁶ Здесь и далее в таблицах выделяются разряды служащих и сословные группы. К первому разряду относятся чиновники I–V классов (так называемая сановная бюрократия), ко второму – VI–VIII, к третьему – IX–XIV, к четвертому – канцеляристы, чьи должности не вошли в Табель о рангах. Среди сословных групп выделяются: потомственные дворяне; дети личных дворян (обер-офицерские дети); дети канцелярских (приказных) служителей; духовенство (дети священно- и церковнослужителей); прочие категории населения, представители которых на гражданской службе были малочисленны (выходцы из купечества, мещанства, крестьянства, иностранцы, дети унтер-офицеров и солдат, дети низших служителей гражданского, военного, почтового, горнозаводского и духовного ведомств, дети из воспитательных учреждений и др.).

⁷ Разделение на разряды при изучении состава служащих было предложено С.М. Троицким [69, с. 170–175, 213–215].

страторы и тому подобные, из сих в губернские секретари, или во второй надесять класс⁸, потом в коллежские секретари или в титулярные советники», т.е. служащий после получения XIV класса мог перейти в XII, затем в X или IX класс. Подчеркивалось, что начальство имеет право делать представления к повышению в чине лишь «по точным доказательствам прилежности, особенного искусства и успеха в делах» [26, с. 201–203]. Правда, закон не давал ясного представления, каким образом все это следует подтверждать. Допускалась возможность повышения и прежде узаконенного срока, но только за особенное отличие и с высочайшего одобрения (в докладах его императорскому величеству требовалось изъяснять, в чем именно состоит отличие и достойно ли оно уважения). Указ от 3 февраля 1791 г. вносил уточнения в процедуру чинопроизводства, предписывая присылать представления в Сенат в течение года, но не позднее 1 октября [26, с. 209–210].

Существенное сокращение численности местного аппарата управления в период правления Павла I⁹ предоставило возможность перераспределить высвободившиеся кадровые ресурсы, но на местах укомплектование присутственных мест обернулось беспорядочными назначениями. Так, в указе от 20 апреля 1797 г. отмечалось, что «многие чиновники удастаиваются из других мест и из находящихся не у дел, а прежде находящиеся при должностях определенные Сенатом совсем исключаются, старшие же остаются за помещением, а младшие заступают на места, не объясняя, по каким причинам младшие заступают на места, а старшие и прочие чиновники исключаются, по собственному ли их желанию или по неспособности» [27, с. 593]. Отныне губернаторам и губернским правлениям предписывалось при назначении на должность соблюдать «старшинство мест и чинов». Иными словами, наличие чина давало право на занятие соответствующей вакансии, а от старшинства зависел порядок назначения.

В указе от 9 декабря 1799 г. Павел I закрепил привилегии потомственных дворян: для получения чина коллежского асессора им требовалось беспорочно прослужить всего 4 года (для недворян сохранялся 12-летний срок). Содержание указа позволяет увидеть, что в VIII класс производились коллежские секретари (минуя IX класс) и титулярные советники. Кроме того, сократились сроки выслуги с VIII по V чин (5, 6, и 4 года соответственно), а чины выше пятого мог пожаловать только император [28, с. 823–824, 914].

⁸ Т. е. двенадцатый класс.

⁹ Число должностных мест уменьшилось примерно на треть.

Таким образом, к концу XVIII в. чин из награды превратился в право, на которое мог претендовать каждый служащий при условии простой выслуги лет, соответственно, численность чиновников стала расти непропорционально открытию «табельных» должностей. Верховная власть надеялась привлечь способные и мотивированные на беспорочную службу кадры, однако фактические результаты законотворчества оказались далеки от ожиданий. Как отмечал в 1816 г. министр внутренних дел О.П. Козодавлев, в первой половине царствования Екатерины II «зло от чинолюбия» еще не ощущалось из-за действовавших ограничений, но во второй — «страсть к чинам по статской службе возросла и усилилась до такой степени, что она все оплоты порядка по службе сломила и наводнила вдруг гражданскую в России службу безграмотными чиновниками, кои определялись к должностям, способностям и знаниям их ни мало несоразмерным, единственно токмо потому, что они приобрели по службе чины, а некоторые из таковых поступали и в места высшие потому токмо, что они облечены были высшими чинами» [17, с. 246]. Изменившиеся правила чинопроизводства запустили процесс «одворянивания» бюрократии: гражданская служба превратилась в «социальный лифт», позволявший представителям непривилегированных сословий пополнять ряды дворянства. Как следствие, служба стала привлекать не только тех, кто стремился к карьерным высотам, но и лиц, заинтересованных лишь в изменении сословного статуса.

В последней четверти XVIII — начале XIX в. правила чинопроизводства систематически нарушались, а аттестация лиц, представляемых к повышению, на практике не работала. В этом отношении весьма показательна жалоба уездного предводителя коллежского асессора Д.И. Ракова, направленная в 1800 г. генерал-прокурору. В 1799 г. Сенат отказал в повышении до надворного советника, хотя чин секунд-майора он получил при отставке с военной службы в 1783 г., спустя год поступил на должность председателя Великоустюгской верхней расправы (и пребывал в ней до упразднения учреждения в 1796 г.), в 1793 г. переименован в коллежские асессоры. В жалобе отмечалось, что другие чиновники, имевшие чин секунд-майора и в одно время с ним перешедшие в гражданские учреждения, уже утверждены в VII классе (причем даже те, которые находились не у дел). Из дальнейшей переписки с Герольдмейстерской конторой стало понятно, что по поступившему в Сенат послужному списку Ракова попросту не смогли правильно подсчитать выслугу [10, л. 1—11 об.]. Проникнутое обидой прошение свидетельствова-

ло о щепетильном отношении не только к чину, но и к служебной иерархии.

Александр I уже в первый год своего правления обратил внимание на гражданское чинопроизводство. Указом от 11 июля 1801 г. он попытался прекратить беспорядочную присылку в Сенат представлений о повышении в чинах: губернаторам предписывалось доставлять единый список всех удостоиваемых лиц к 1 октября, чтобы Герольдия могла их рассмотреть одновременно и до конца года вынести на утверждение Сената [29, с. 713–714]. В указе от 1 августа 1801 г. признавалось, что правила чинопроизводства «в силе своей изменились», дополнились «разнообразными представлениями и по оным выходящими положениями», что привело «к крайнему смещению порядка службы и к унижению цены сих наград»¹⁰. В связи с этим требовалось «обратить порядок производства в чины к первым его началам» (т.е. согласно указам от 16 декабря 1790 г. и 9 декабря 1799 г.). Кроме того, император выразил намерение связать чин и должность, «чтоб все места наполняемы были чиновниками самых тех классов, в коих места сии по штатам положены». Но тут же допустил исключение из этого правила: «по уважению способностей и в нужных случаях» разрешалось назначать служащих, имевших чины одним классом выше или ниже той степени, в которую «положена» должность [29, с. 735–736]. Рассматривая эту инициативу, следует учитывать, что в начале XIX в. были восстановлены некоторые местные учреждения, что привело к открытию вакансий, на замещение которых подходящих кандидатов оказалось недостаточно. В этой ситуации с мест стали поступать многочисленные просьбы о разрешении назначить лиц с чином меньшего класса, чем класс должности, или вообще без чинов. Сенат удовлетворял такие ходатайства и, не взирая на сроки выслуги и наличие заслуг, одновременно с назначением служащих повышал их в чине до класса должности¹¹. Уже в июне 1804 г. требование о соответствии чина и должности отменялось в отношении «мест секретарских, протоколистских и тому подобных»¹² [31, с. 386].

¹⁰ Более того, на местах обнаруживались случаи масштабных злоупотреблений. В частности, в Калужской губернии под суд попал даже губернатор, делавший пристрастные представления «к производству в чины без заслуг и не в урочные годы людей недостойных» и не поощрявший «ревностно и долговременно служивших» (см.: указ от 16 августа 1802 г.) [29, с. 221–222].

¹¹ Повышение в чинах прежде выслуги узаконенных лет наблюдалось и в дальнейшем, о чем свидетельствуют неоднократные предписания Сенату прекратить нарушения [30, с. 460; 32, с. 287].

¹² Что касается других должностей, то правило формально продолжало действовать.

В 1803 г. впервые в законодательстве были обозначены преимущества в чиновпроизводстве учителей и лиц, имевших ученые степени. Так, в Правилах народного просвещения, утвержденных 26 января, закреплялось право поступать на службу с классным чином: «Имеющие ученые степени, вступая в род службы, соответствующий их познаниям, по предъявлении данных им свидетельств принимаются чинами тех классов, в которых они состоят»¹³ [30, с. 440].

Как отмечено выше, изменение правил чиновпроизводства привело к значительному увеличению численности чиновников на гражданской службе. Если в 1780-е гг. в Вологодской губернии их удельный вес не превышал 30%, то к 1806 г. составлял почти 70% [21, с. 18]. Получить более детальную информацию о составе служащих за первую половину XIX в. удалось благодаря материалам систематического учета чиновничества – групповым формулярным спискам, сохранившимся в фонде 1349 Российского государственного исторического архива (РГИА). С конца XVIII в. каждая губерния ежегодно присылала такие списки в Герольдию Сената. К сожалению, они в основном содержат информацию о чиновниках, т.е. лицах, имевших чины (канцелярские служители в них попадали в порядке исключения). В связи с этим в Таблице 2 представлены сведения о составе только чиновников Вологодской губернии¹⁴.

Общее число потомственных дворян было весьма небольшим, но только им удалось выслужить чины первого разряда (I–V) и занять доминирующие позиции во втором. Представители прочих сословий, главным образом, пребывали в третьем разряде; из 12 человек, которым посчастливилось выйти в VIII чин и выше, только один поступил на гражданскую службу из студентов Московского университета, один перешел из Вологодской духовной консистории, пятеро являлись отставными военными и свои первые обер-офицерские чины получили на военной службе, и лишь пятеро начали карьерный путь с низших канцелярских должностей в гражданских учреждениях. Особо хотелось бы выделить одного чиновника – никольского земского исправника А.А. Красильникова, который поступил на службу в 1780 г. (канцелярским служителем в Вологодский совестный суд), в 1783 г. перешел в канцелярию Вологодского губернского правления,

¹³ Первая университетская степень (кандидат) соответствовала XII классу, вторая (магистр) – IX, третья (доктор) – VIII. Студенты по окончании курса наук принимались на службу с XIV чином. Старшие учителя гимназий принадлежали к IX классу, младшие – к X, учителя уездных училищ – к XII.

¹⁴ В групповой формулярный список за 1806 г. был внесен только один служащий, не имевший чина, занимавший должность секретаря Яренского уездного суда (по словному происхождению потомственный дворянин).

в 1790 г. попал под суд (что отмечено в формулярном списке), но это не помешало ему в 1794 г. получить первый классный чин. Дальнейшее продвижение по карьерной лестнице было более чем успешным для провинциального чиновника: с 1797 г. состоял в должности земского исправника, а в 1804 г. получил чин коллежского асессора. Красильников был выходцем из купеческого сословия, приходился двоюродным братом секретарю Вологодского губернского правления А.И. Изюмову и в продвижении по службе активно использовал родственные связи с великоустюгскими купцами Булдаковыми¹⁵, в первую очередь, с первенствующим директором Российско-Американской компании М.М. Булдаковым, имевшим связи в столице¹⁶.

Таблица 2

Состав чиновников Вологодской губернии в 1806 г.

Разряд	Дворянство		Обер-офицерские дети		Дети приказных служителей		Духовенство		Прочие		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
I–V	8	100	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	8	100
VI–VIII	27	69,2	1	2,6	3	7,7	2	5,1	6	15,4	39	100
IX–XIV	41	14,8	23	8,3	64	23,1	114	41,2	35	12,6	277	100

Составлено по: [53, л. 1 об. – 176].

Следует отметить, что показатели по Вологодской губернии отличаются от данных, представленных в исследовании У. Пинтнера. Согласно его подсчетам, среди столичной бюрократии в первом разряде дворяне составляли 60,3%, во втором – 59,3% и в третьем – 29,0%, среди провинциальной – 87,5, 73,6 и 32,7% соответственно [20, с. 345; 74, р. 197–198]. Такую разницу следует объяснять особенностями сословного состава населения Вологодской губернии, в котором на потомственное дворянство приходился низкий удельный вес и в то же время

¹⁵ Сын Красильникова был женат на Катерине Прокопьевне Черемисиновой, дочери купца Прокопия Никитича Черемисинова и Любови Матвеевны, урожденной Булдаковой, племяннице первенствующего директора Российско-Американской компании М.М. Булдакова.

¹⁶ Об этом свидетельствуют письма М.М. Булдакову, сохранившиеся в Российском государственном архиве древних актов [49, л. 1–1 об., 4–4 об.; 50, л. 1–4 об.; 51, л. 1–30 об.].

была высока доля представителей духовенства. Кроме того, исследование Пинтнера основано на выборке, которая сделана на широком хронологическом отрезке: он обработал 2832 послужных списка за 1796–1824 гг., из них 1220 чиновников отдельных центральных учреждений и 1612 провинциальных¹⁷ [74, р. 224–225]. Следовательно, его данные можно лишь условно считать точными применительно к началу XIX в. Хотя, конечно, необходимо учитывать, что столичная служба привлекала даровитых и способных, стремившихся сделать карьеру и зарекомендовать себя перед главным начальством, которое могло существенно ускорить повышение в чинах.

Указ от 6 августа 1809 г. изменил правила производства в VIII и V классы. Отныне чиновникам требовались не только выслуга лет и похвальные отзывы начальства, но и «свидетельство от одного из состоящих в империи университетов, что он обучался в оном с успехом наукам, гражданской службе свойственным, или что, представ на испытание, заслужил на оном одобрение в своем знании» [32, с. 1054]. Из текста указа следует, что «главным поводом» к его принятию стала «удобность достигать чинов не заслугами и отличными познаниями, но одним пребыванием и счислением лет службы». Кроме того, правительство предполагало, что проводившаяся с 1803 г. реформа образования «доставит способных и учением образованных чиновников» «разным частям гражданской службы»¹⁸, но спустя 5 лет существенных изменений не наблюдалось, уровень образования служащих, особенно в провинции, по-прежнему оставался крайне низким. Еще одной причиной, которую не могли прямо озвучить, являлось стремление затормозить пополнение «благородного» сословия и не допустить его размывания лицами, кроме служебной деятельности не имевшими средств к существованию. Однако указ носил компромиссный характер: производство в чины до VIII класса оставалось на прежних основаниях; полностью отменялось правило о соответствии чина и должности; в силе сохранялись указы, регулировавшие поступление отставных военных на гражданскую службу, чиновничество медиков и лиц, изъявивших желание отправиться в малонаселенные и отдаленные губернии¹⁹.

¹⁷ Владимирской, Вологодской, Костромской, Курской, Новгородской, Пензенской, Тобольской и Ярославской губерний.

¹⁸ Согласно Правилам народного просвещения 1803 г., «ни в какой губернии, спустя пять лет по устройении в округе... училищной части, никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище» [30, с. 440].

¹⁹ Речь идет о Грузии, Кавказе и Сибири. Льготы для лиц, отправлявшихся на службу в эти части империи, стали вводиться с конца XVIII в.

Исследователи по-разному оценивают результаты принятия этого указа: одни утверждают, что уже спустя пару лет начали появляться «изъятия» для отдельных категорий служащих, которые превратили в «изъятие» сам указ; другие, вслед за современниками и дореволюционными литераторами, полагают, что он породил такое явление, как «вечный титулярный советник», следовательно, на практике работал (по меткому замечанию писателя И.А. Гончарова, «между титулярным советником и коллежским асессором разверзалась бездна, мостом через которую служил какой-то диплом») (подробнее см.: [69, с. 103–120]). Действительно, первые так называемые изъятия ввели уже спустя два года и в дальнейшем их появилось довольно много. В основном они касались Академии наук и отдельных учебных заведений²⁰: от испытаний освобождались ученые, преподаватели²¹ и выпускники²². В 1812 г. такую же привилегию получили гражданские чиновники, состоявшие по Военному и Морскому министерствам [34, с. 239], а в 1822 г. – «служащие во всех ведомствах по счетным частям» [37, с. 642]. Иными словами, изъятия из общего правила делались только для особых родов службы, и они не распространялись на основную массу чиновничества. О силе указа от 6 августа 1809 г. и недопустимости исключений, даже по ходатайствам высокопоставленных лиц, говорят также неоднократные напоминания в последующих законах (см., например: [35 с. 556, 662; 36, с. 46]).

Необходимо особо отметить указ от 16 апреля 1811 г., окончательно утвердивший последовательность чинопроизводства до VIII класса: «Усмотрев, что из губернских секретарей поступают одни в коллежские секретари, а другие в титулярные советники, и находя, что по Табели о рангах чины коллежского секретаря и титулярного советника состоят в различных классах и следственно составляют две различные степени» впредь «для единообразия» предписывалось из губернских

²⁰ Царскосельский и Ришельевский лицеи, Ярославское демидовское училище, Горный кадетский корпус, Константиновское межевое училище, духовные учебные заведения и др.

²¹ В случае, если преподаватели переходили на должности, не подпадавшие под «изъятие», то должны были выдержать испытание на общих основаниях.

²² Лица, выпустившиеся из высших и ряда средних учебных заведений, не только освобождались от испытаний при производстве в VIII и V классы, но и получали право поступать на службу с классными чинами. В числе первых привилегии получил Царскосельский благородный пансион (воспитанники, «совершившие полный курс учения», имели возможность поступить на службу с чинами от XIV до X класса). Затем право на получение чинов было даровано выпускникам Санкт-Петербургской гимназии, Ришельевского лицея, Александровского дворянского училища, Московского университетского пансиона, Константиновского межевого института и др.

секретарей производить в коллежские, из последних в титулярные советники [33, с. 614–615]²³.

Таблица 3

Состав чиновников Вологодской губернии в 1826 г.

Разряд	Дворянство		Обер-офицерские дети		Дети приказных служителей		Духовенство		Прочие		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
I–V	1	100	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	100
VI–VIII	19	70,4	3	11,1	0	0,0	4	14,8	1	3,7	27	100
IX–XIV	50	11,9	96	22,9	117	27,9	135	32,1	22	5,2	420	100

Составлено по: [52, л. 19 об. – 40; 54, л. 1 об. – 492; 55, л. 465 об. – 478].

Сведения о составе чиновников Вологодской губернии за 1826 г. иллюстрируют результаты принятия указа от 6 августа 1809 г. (см. Табл. 3): всего трое служащих состояли в VIII классе, или 0,7% (против 6,5% в 1806 г.), из них двое отставных военных (на военной службе дослужились до чина майора) и один получил чин по гражданскому ведомству (потомственный дворянин, окончил гимназию при Московском университете, начал службу в Коллегии иностранных дел и 10 лет служил в центральных учреждениях). В целом почти все служащие второго разряда дослужились до VIII класса либо на военной службе (20 из 27 человек являлись отставными военными), либо получили чин коллежского асессора до 1809 г. Только у одного чиновника в формулярном списке отмечено, что он произведен в VIII класс на основании указа от 6 августа 1809 г. (на момент прохождения испытания он состоял на службе в Департаменте разных податей и сборов Министерства финансов). Среди служащих третьего разряда 116 человек имели чин титулярного советника (из них 12 служили в IX классе более 20 лет, 4 получили чин в 1808 г.). Следовательно, для рядовых провинциальных служащих

²³ Для основной массы служащих номенклатура чинов третьего разряда приобрела следующий вид и последовательность: XIV – коллежский регистратор, XII – губернский секретарь, X – коллежский секретарь, IX – титулярный советник. Чины XIII и XI классов формально не отменялись в первой половине XIX в., но на практике назначались крайне редко (лишь в отдельных учреждениях).

«какой-то диплом» действительно стал непреодолимой преградой в получении чина коллежского асессора. При этом изменившиеся правила чинопроизводства не способствовали росту уровня образования (даже к 1826 г. для основной массы служащих он едва ли соответствовал курсу уездного училища). Отмечу, что и увеличения удельного веса чиновников в составе служащих уже не наблюдалось (он составлял около 60%) [21, с. 18].

Во второй четверти XIX в. правила чинопроизводства были пересмотрены. После принятия указов от 14 октября 1827 г. и 25 июня 1834 г. скорость приобретения чинов стала напрямую зависеть от сословного происхождения и уровня образования (см. Табл. 4). Так, в 1827 г., исходя из сословного происхождения, служащих гражданского ведомства разделили на 4 разряда: 1) потомственные дворяне; 2) дети личных дворян, купцов 1-й гильдии, священников и дьяконов православного исповедания, евангелических и реформаторских пасторов; 3) дети приказных служителей, ученых и художников, не имевших чинов; 4) прочие категории населения. Для каждого разряда определялись разные сроки выслуги первого классного чина: 2, 4, 6 и 12 лет соответственно [38, с. 895–897].

«Положением о порядке производства в чины по гражданской службе» от 25 июня 1834 г. вводились разряды служащих, исходя из уровня образования: 1) лица с высшим образованием; 2) со средним; 3) обучавшиеся в низших учебных заведениях и не имевшие образования [39, с. 656–665]. Как видно из таблицы 4, были скорректированы сроки награждения первым классным чином, выслуга следующих чинов рассчитывалась с учетом разряда по сословному происхождению и образованию. Наибольшие преимущества получили лица, прошедшие курс обучения в высших учебных заведениях. Они поступали на службу с чинами, обозначенными в аттестатах. Сословные различия отражались на выслуге чинов коллежского регистратора (XIV) и коллежского асессора (VIII), вместе с которыми служащие получали дворянство (в первом случае личное, во втором – потомственное). Так, потомственному дворянину, имевшему аттестат высшего учебного заведения, требовалось не более 14 лет, чтобы получить чин VIII класса, недворянину – не более 16; дворянам со средним образованием – 16, второму разряду по происхождению – 24, третьему – 26; без образования – 17, 26 и 28 соответственно. «Положение» предусматривало «особенный» порядок производства в чины «за отличие», устанавливавший сокращенные сроки выслуги для каждого разряда. Отныне, чтобы воспользоваться этой привилегией, в представлении к награждению на-

чальство обязывалось «с точностию» обозначить, «какая именно заслуга» дает право на исключение из общих правил. Пожалование в чины первых четырех классов зависело «единственно» от воли императора («непосредственно или по ходатайству высших начальств»).

Таблица 4

Сроки гражданского чиновпроизводства с 1834 г.

	Разряд гражданского служащего*							
	1-й разряд по образованию		2-й разряд по образованию			3-й разряд по образованию		
	1-й разряд по происхождению	2-й и 3-й разряды по происхождению	1-й разряд по происхождению	2-й разряд по происхождению	3-й разряд по происхождению	1-й разряд по происхождению	2-й разряд по происхождению	3-й разряд по происхождению
со времени поступления на службу до производства в XIV класс	—	—	1	2	4	2	4	6
из XIV в XII класс	3	3	4	4	4	4	4	4
из XII в X класс	3	3	4	4	4	4	4	4
из X в IX класс	4	4	4	4	4	4	4	4
из IX в VIII класс	4	6	4	10	10	5	10	10
из VIII в VII класс	3	3	4	4	4	6	6	6
из VII в VI класс	3	3	4	4	4	6	6	6
из VI в V класс	4	4	6	6	6	8	8	8
Итого	24	26	31	38	40	39	46	48

* *Разряды по образованию:* 1) лица с высшим образованием; 2) лица со средним образованием; 3) лица, обучавшиеся в низших учебных заведениях и не имевшие образования. *Разряды по происхождению:* 1) потомственные дворяне; 2) дети личных дворян, купцов 1-й гильдии, священников и диаконов; 3) дети приказных служителей, ученых и художников, не имевших чинов.

В 1835 г. в дополнение к «Положению» был опубликован список высших и средних учебных заведений «с означением, к какому разряду в порядке службы относятся воспитанники, совершившие в них полный курс обучения», а также «Расписание должностей гражданской службы по классам, от 14 до 5 включительно» [41, с. 1114, прил., с. 331–356]. Тем самым Николай I возвращал в практику чинопроизводства правило «исправления должности не иначе, как сообразно чину каждого». Получение чина зависело от занимаемой должности («чины получают соответственно классам должности»). Исключение допускалось в случае «действительной нужды» в замещении вакансий: определять чиновников, имевших чины классом выше или двумя ниже той степени, в которую «положена» должность²⁴. Если служащий занимал вакансию более чем одной степенью ниже его чина, то не мог претендовать на повышение в чинах до тех пор, пока не поступит на соответствующую должность.

Кроме того, были систематизированы служебные преимущества выпускников учебных заведений. Так, лица, удостоенные в университетах ученых степеней, утверждались при поступлении на гражданскую службу следующими чинами: доктора – VIII класс, магистры – IX, кандидаты – X, студенты, с успехом прошедшие полный курс (действительные студенты), – XII; те, кто не выдерживал выпускной экзамен («на степень по крайней мере студента»), не относились к успешно прошедшим полный курс²⁵ [40, с. 851; 42, с. 243; 44, с. 243]. Особое внимание уделялось поощрению специалистов (врачи, архитекторы, землемеры, инженеры и т.п.), оканчивавших специализированные учебные заведения. К примеру, выпускавшиеся из медико-хирургических академий с медицинскими учеными степенями поступали на службу со следующими чинами: доктора медицины и хирургии – VII класс; доктора медицины, медикохирурги, штаб-лекари и старшие ветеринарные врачи – VIII; аптекари и лекари – IX; ветеринары и провизоры – X; кандидаты медицины и хирургии, фармации и ветеринарии, лаборанты химии и фармации – XII; гезели и ветеринарные помощники – XIV [41, с. 1201–1202, 1217; 43, с. 57].

Таким образом, новые правила чинопроизводства были призваны не только устранить «неуравнительность и разнообразие в порядке

²⁴ В случае острой нехватки служащих предусматривалась возможность занятия должности более, чем двумя степенями ниже.

²⁵ В 1847 г. было дано пояснение, что исключенные из университетов студенты при поступлении на службу сохраняли право на чин XIV класса, но «с утверждением в оном не прежде года... со времени определения» [46, с. 102].

чинопроизводства», но и мотивировать на посещение учебных заведений, а также согласовать «преимущество способностей, приобретенных науками», с действительными потребностями службы, соединив чины с классами занимаемых мест [39, с. 656–657]. С этого времени повышение в чинах строго соответствовало установленным срокам выслуги. Награждение «за отличие» стало редкостью и действительно подтверждалось особыми успехами. Но в то же время право на повышение в чинах с определенной периодичностью превратило звание канцелярского (приказного) служителя во временное, переходное состояние: каждый поступавший на службу рано или поздно получал первый классный чин, а в перспективе мог дойти до VIII класса (с 1834 г. указ от 6 августа 1809 г. утратил силу). Так, согласно групповым формулярным спискам, к 1844 г. удельный вес чиновников VIII класса среди служащих Вологодской губернии достиг 7%, т.е. превысил показатели начала века [56, л. 1 об. — 256; 57, л. 1 об. — 332; 58, л. 1 об. — 559; 59, л. 1 об. — 27; 60, л. 1 об. — 246]. Все это противоречило одной из главных задач сословной политики — не допустить размывания потомственного дворянства.

В указе от 11 июня 1845 г. отмечалось: «Имея постоянною целью поддерживать дворянство... на той степени, на которой оно поставлено государственными учреждениями, и вместе с тем не желая никому заграждать пути к достижению трудами и дарованиями дворянских преимуществ, Мы признали за благо... приобретение дворянства потомственного перенести на чины высшие, дающие действительную возможность оказывать заслуги, достойные столь важной награды» [45, с. 450]. При этом законодатель пересмотрел порядок приобретения не только потомственного, но и личного дворянства: «Недворяне, поступающие в гражданскую службу, при производстве на оной в чин 14 класса получают право личного почетного гражданства, а при производстве в 9 класс вступают в права личного дворянства; дослужившиеся до чина 5 класса приобретают дворянство потомственное» [45, с. 451]²⁶. С этого времени для абсолютного большинства гражданских служащих, среди которых даже к середине XIX в. количество лиц с высшим образованием было ничтожно мало, приобретение потомственных прав превратилось в недостижимую мечту. Более того, с 1845 г. были увеличены сроки выслуги первого классного чина для лиц, не получивших высшего и среднего образования: для первого

²⁶ С 1856 г. права потомственного дворянства на гражданской службе давал чин IV класса [47, с. 1052].

разряда по происхождению — 4 года, для второго — 6 лет. Для третьего разряда при наличии аттестата низшего учебного заведения устанавливался срок 8 лет, без аттестата — 12 [44, с. 788–789].

Таблица 5

Состав чиновников Вологодской губернии в 1850 г.

Разряд	Дворянство		Обер-офицерские дети		Дети приказных служителей		Духовенство		Прочие		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
I–V	5	83,3	1	16,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0	6	100
VI–VIII	27	32,5	15	18,1	11	13,3	26	31,3	4	4,8	83	100
IX–XIV	95	13,8	162	23,5	55	8,0	348	50,5	29	4,2	689	100

Составлено по: [61, л. 1 об. — 6; 62, л. 1 об. — 14; 63, л. 1 об. — 24; 64, л. 1 об. — 304; 65, л. 1 об. — 24; 66, л. 1 об. — 469; 67, л. 1 об. — 580; 68, л. 1 об. — 870].

Связь уровня образования со скоростью приобретения чинов, а чинов — с классами занимаемых мест сыграла решающую роль в изменении состава служащих местного аппарата управления. Если в первой четверти XIX в. доля чиновников, окончивших средние и высшие учебные заведения, в Вологодской губернии была совсем незначительной, то к середине века удельный вес лиц с законченным и незаконченным высшим образованием достиг 5,7%, с законченным средним — 19,5% [61, л. 1 об. — 6; 62, л. 1 об. — 14; 63, л. 1 об. — 24; 64, л. 1 об. — 304; 65, л. 1 об. — 24; 66, л. 1 об. — 469; 67, л. 1 об. — 580; 68, л. 1 об. — 870]. К середине XIX в. доля чиновников в составе служащих уже превысила 80% [21, с. 18]. Из таблицы 5 видно, что удельный вес служащих первого и второго разрядов составлял 11,4%, т.е. заметно вырос по сравнению с 1826 г. (6,2%), но уступал показателям 1806 г. (14,5%). В первом разряде помимо потомственных дворян оказался один представитель обер-офицерских детей — вице-губернатор статский советник П.А. Замятнин, дошедший до высоких чинов на гражданской службе²⁷. По-

²⁷ Как видно из послужного списка, чиновник прошел долгий путь прежде, чем занять такую высокую должность: в 1814 г. начал службу на низших канцелярских должностях в местных учреждениях, с 1826 г. служил в Министерстве юстиции, в 1828 г.

томственные дворяне утратили доминирующее положение во втором разряде. Важно отметить, что из 83 человек только 20 начали карьерный путь с военной службы, включая четырех медиков с высшим образованием. Остальные смогли дослужиться до высоких чинов в гражданских учреждениях, причем почти все в провинциальных. Очевидно, не последнюю роль в этом сыграло и наличие аттестатов учебных заведений (36 человек имели законченное среднее и высшее образование). Произошли изменения и в составе третьего разряда. Удельный вес детей личных дворян вырос, а детей приказных служителей и прочих категорий населения существенно сократился, что является логичным следствием изменившихся правил чинопроизводства и полного запрета брать на службу представителей податных сословий. В то же время каждый второй служащий являлся выходцем их духовного звания, что следует относить к региональным особенностям.

Сравнивая показатели по Вологодской губернии с данными, представленными в исследовании Пинтнера, также можно заметить разницу [20, с. 346; 74, р. 199–200]. По его подсчетам, в центральных учреждениях в первом разряде дворяне составляли 77,2%, во втором – 54,2%, в третьем – 38,2%, в провинциальных – 81,8, 47,9 и 30,6% соответственно. Весомыми выглядят показатели по обер-офицерским детям: в столице – 4,6, 13,2 и 27,1%; в провинции – 4,5, 14,7, 24,7% соответственно. Заметно меньшая доля приходится на представителей духовенства (в столице – 7,2, 10,0, 12,7%; в провинции – 6,8, 17,3, 33,3%). Повсеместно сокращался удельный вес детей приказных служителей (в столице – 1,4, 5,7, 9,8%; в провинции – 2,3, 7,8, 6,6%). Весьма любопытные показатели приводятся по прочим категориям населения (в столице – 9,6, 16,9, 12,2%; в провинции – 4,6, 12,3, 4,8%), что можно объяснить только получением высшего образования и успешной военной службой до перехода в гражданские учреждения. Состав бюрократии середины века Пинтнер изучил на основе выборки, сделанной на широком хронологическом отрезке (4679 послужных списка за 1843–1857 гг., из них 2397 чиновников отдельных центральных учреждений и 2282 провинциальных²⁸ [74, р. 224–226]).

получил чин коллежского асессора, отправившись на Кавказ, с 1832 г. служил в разных местах губернским прокурором, с 1835 г. состоял на службе в центральных учреждениях и, наконец, в 1844 г. был назначен вологодским вице-губернатором [68, л. 1 об. – 18].

²⁸ Владимирской, Вологодской, Воронежской, Костромской, Курской, Московской, Пензенской и Харьковской губерний, а также отдельных учреждений Орловской, Пермской, Саратовской и Оренбургской губерний.

* * *

На протяжении последней четверти XVIII – первой половины XIX в. правила чинопроизводства неоднократно менялись, что позволяет выделить этапы развития правового регулирования.

К началу проведения губернской реформы 1775 г. служащие хотя и получили право на регулярное повышение в чинах, значительного увеличения численности чиновников не наблюдалось, поскольку получение первого классного чина требовало занятия «табельной» должности. В 1780-е гг. ситуация изменилась. Реформа местного управления создала внушительный аппарат управления, для заполнения многочисленных вакансий которого чиновников оказалось недостаточно. Проблему частично удалось решить за счет активного привлечения отставных военных, имевших обер-офицерские чины, однако дефицит кадров вынуждал правительство назначать на должности канцелярских служащих, рекрутировавшихся из разных слоев населения, включая податные сословия.

В 1790-е гг. сроки пребывания в каждом чине были существенно сокращены, а за особенное отличие служащие получили право претендовать на еще более быстрое продвижение, что обернулось ростом численности чиновников: к 1806 г. их удельный вес среди служащих вырос более чем в два раза по сравнению с 1786 г.

В 1809 г. государство попыталось ограничить пополнение потомственного дворянства через гражданскую службу: для получения чина VIII класса требовалось выдержать университетские экзамены. Это правило не обеспечило рост уровня образования чиновничества. В период его действия для большинства провинциальных служащих вершиной карьеры стал чин титулярного советника.

В 1827–1834 гг. порядок чинопроизводства был пересмотрен: скорость повышения в чинах стала напрямую зависеть от сословного происхождения и уровня образования. Наличие университетского аттестата уже не являлось обязательным условием получения чина VIII класса, но способствовало более быстрому достижению этой цели. Новые правила упорядочили чинопроизводство и положительно отразились на уровне образования новобранцев, но при этом ускорили рост численности чиновников в составе служащих (к середине XIX в. их удельный вес достиг 80%) и открыли перспективы пополнения высшего сословия, в связи с чем в 1845 г. верховная власть увеличила сроки выслуги первого классного чина для лиц, не имевших высшего и среднего образования, и повысила планку приобретения прав потомственного дворянства до чина V класса.

Проведенное исследование позволило также увидеть общие тенденции в эволюции чиновпроизводства, характерные для всего изучаемого периода. Во-первых, стремление не допустить получения высших чинов только выслугой лет, что находило отражение в попытках связать чин с занимаемой должностью. На службе в Вологодской губернии чиновники первого разряда (I–V) были большой редкостью: их удельный вес хотя и достиг в 1806 г. 2,5% (в первую очередь из-за беспорядочного чиновпроизводства в предыдущее десятилетие), в целом в изучаемый период не превышал 1%. В основном эти лица занимали самые высокие посты в губернском аппарате управления, достичь которых удавалось, главным образом, потомственным дворянам. Во-вторых, следуя сословной политике, верховная власть пыталась не допустить размывания дворянского сословия, что проявлялось в попытках ограничить получение чина VIII класса. В Вологодской губернии чиновников второго разряда также было немного: наибольшие показатели в 1786 г. (26,7%) связаны с привлечением на службу отставных военных, а наименьшие в 1826 г. (6,0%) — с действием указа от 6 августа 1809 г. Наряду с чиновниками первого разряда эти лица составляли ядро губернской администрации: именно из них формировались присутствия губернских учреждений (в уездных и городских учреждениях служащие такого ранга были редким явлением). В-третьих, внося изменения в порядок чиновпроизводства, правительство надеялось обеспечить гражданскую службу не только способными к занятию должностей людьми, но профессионально подготовленными. Материалы Вологодской губернии показывают, что количество чиновников с аттестатами средних и высших учебных заведений постепенно росло и к середине века превысило 25% от общего числа служащих, а доля отставных военных сокращалась (с 25,0% в 1806 г. до 3,5% в 1850 г.).

Список источников и литературы

1. *Воропанов В.А.* Развитие системы государственной гражданской службы Российской империи во второй половине XVIII в. Управление карьерой классных чиновников // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 5. С. 90–97.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 100.
3. ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 101.
4. ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 177.
5. ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 329.
6. ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 342.

7. ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 399.
8. ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 403.
9. ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 405.
10. ГАВО. Ф. 806. Оп. 3. Д. 5.
11. *Евреинов В.А.* Гражданское чинопроизводство в России: ист. очерк. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. 87 с.
12. *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
13. *Карнович Е.П.* Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1897. 127 с.
14. *Макей А.Д.* Эволюция гражданского чинопроизводства в Российской империи в XVIII–XIX веках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1. С. 39–52.
15. *Метушевская Т.И.* Правовой статус государственного служащего в России в XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 198 с.
16. *Нелидов Н.К.* Юридические и политические основания государственной службы. Ярославль: Тип. губернской земской управы, 1874. III, 281 с.
17. Об излишней привязанности гражданских чиновников к чинам и о средствах к пресечению зла, от чинов происходящего (Всеподаннейшая записка О.П. Козодавлева) // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 7. СПб.: Государственная тип., 1895. С. 245–251.
18. *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. М.: Новый хронограф, 2019. 414 с.
19. *Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Человек. 1995. № 3. С. 121–139; № 4. С. 147–158. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/PISAR_1.HTM (дата обращения: 10.06.2023).
20. *Плех О.А.* Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 400 с.
21. *Плех О.А.* Численность провинциальных служащих в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии) // Российская история. 2020. № 2. С. 3–25.
22. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]: [в 45 т.] (ПСЗ–I). Т. 6. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 815 с.
23. ПСЗ–I. Т. 15. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1050 с.
24. ПСЗ–I. Т. 17. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1135 с.
25. ПСЗ–I. Т. 18. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1033 с.
26. ПСЗ–I. Т. 23. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 969 с.
27. ПСЗ–I. Т. 24. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 869 с.
28. ПСЗ–I. Т. 25. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 933 с.
29. ПСЗ–I. Т. 26. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 875 с.
30. ПСЗ–I. Т. 27. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1122 с.

31. ПСЗ—I. Т. 28. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1328 с.
32. ПСЗ—I. Т. 30. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1404 с.
33. ПСЗ—I. Т. 31. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 944 с.
34. ПСЗ—I. Т. 32. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1109 с.
35. ПСЗ—I. Т. 33. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1173 с.
36. ПСЗ—I. Т. 36. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 734 с.
37. ПСЗ—I. Т. 38. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1354 с.
38. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.]: [в 55 т.] (ПСЗ—II). Т. 2. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1561 с.
39. ПСЗ—II. Т. 9. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1835. 891 с.
40. ПСЗ—II. Т. 10. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1836. 918 с.
41. ПСЗ—II. Т. 10. Отд. 2. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1836. 867 с.
42. ПСЗ—II. Т. 11. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1837. 895 с.
43. ПСЗ—II. Т. 12. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1838. 822 с.
44. ПСЗ—II. Т. 19. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1845. 921 с.
45. ПСЗ—II. Т. 20. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1846. 1045 с.
46. ПСЗ—II. Т. 22. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1848. 950 с.
47. ПСЗ—II. Т. 31. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1857. 1110 с.
48. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1261. Оп. 12. Д. 41.
49. РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 204.
50. РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 218.
51. РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 219.
52. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 379. Оп. 8. Д. 87.
53. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1806. Д. 37.
54. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1826. Д. 129.
55. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1826. Д. 163.
56. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 473. Ч. 1.
57. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 473. Ч. 2.
58. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 473. Ч. 3.
59. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 474. Ч. 1.
60. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 474. Ч. 2.
61. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 224.
62. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 346.
63. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 1806.
64. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 2117 а.
65. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 2117 б.
66. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7664.
67. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7735.
68. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7771.
69. *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 394 с.
70. *Феребов А. Н.* Развитие норм указа 6 августа 1809 г. в ходе его реализации в первой трети XIX в. // Российская история. 2018. № 6. С. 103—120.

71. Чуб Н.В. Организационно-правовые основы прохождения государственной службы в губернских органах России в XIX веке: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 215 с.

72. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2005. 420 с.

73. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб.: «Искусство-СПб», 1999. 479 с.

74. Pintner W. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 // Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th century. Chapel Hill, N.C., 1980. P. 190–226.

**Образ «монарха-полководца»
в российских панегирических текстах
в 1800-х – начале 1810-х гг.²**

Аннотация. В статье анализируется трансформация образа «монарха-полководца» в панегирической литературе 1800-х – начала 1810-х гг. Демонстрируются основные механизмы формирования образа «монарха-полководца» в обозначенном периоде, а также формирование связи этой образности с культом Петра I в период царствования Александра I. Использование петровской образности проецировалась до 1812 г. непосредственно на действующего монарха, но после, была переосмыслена панегиристами александровской эпохи. Автор прослеживает не только динамичное развитие жанра панегирической литературы, как главного механизма сакрализации власти монарха, но и приходит к выводу о причинах трансформации петровского образа «монарха-полководца» на фоне событий 1812–1814 гг.

Ключевые слова: Александр I; монархизм; провиденциализм; сакрализация; панегирик.

**The image of the “monarch commander” in Russian
panegyric texts in the 1800s and early 1810s.**

Abstract. The paper analyzes the transformation of the image of the “monarch commander” in the panegyric literature of the 1800s – early 1810s. The author demonstrates the basic mechanisms of the “monarch commander” image formation during the indicated period, as well as the formation of the connection of this image with the cult of Peter the Great during the reign of Alexander I. The use of Peter’s imagery was projected until 1812 directly on the current monarch, but afterwards it was reinterpreted by the panegyrists of the Alexander era. The author traces not only the dynamic development of the genre of panegyric literature as the main mechanism of sanctification of power of the monarch, but also notes the reasons of transformation of Peter’s image of “monarch commander” on the background of events in 1812–1814.

Keywords: Alexander I; monarchism; providentialism; sacralization; panegyric.

¹ **Владислав Сергеевич Ившин** – младший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия), e-mail: v.s.ivshin96@gmail.com

Vladislav S. Ivshin – Junior Researcher at the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649 «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.», <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>.

Феномен сакрализации российских монархов давно привлекает внимание исследователей, будучи значимой частью российской политической культуры XVIII – первой четверти XIX вв. [11; 18; 19]. Доминирующим механизмом описания власти монарха выступал панегирический жанр, сформировавший сам важнейший элемент российской политической культуры – сакрализацию власти монарха, но и выработавший за XVIII в. устойчивый провиденциальный глоссарий описания этой же власти монарха. Этот глоссарий включал различные риторические стратегии, литературные приемы и наборы канонических образов: описание государя в категориях «чудотворца», «полубога» или же наборы солярных метафор и воплощения предков монарха (главным образом, Петра I и Екатерины II) в действующем правителе [См.: 10; 11; 15]. Именно последнее – метафора воплощения (перерождения) представляет особый интерес в контексте сакрализации власти Александра I в период 1800-х – начала 1810-х гг., сопровождавшаяся, как отмечает В.С. Парсамов, «поиском роли» императора в военных событиях 1812–1814 гг. [17, с. 233–254]. Поиск роли монарха в событиях 1812 г. был вызовом для панегиристов, вынужденных соотносить образы метафоры воплощения с ролью монарха в образовавшемся военном кризисе, так и в зависимости от конкретных событий. Ответы на этот вызов позволяют проследить не только конкретные риторические стратегии и новации в российской политической культуре, но и шире – продемонстрировать динамичность и адаптивность панегирического жанра под давлением быстроменяющихся контекстов 1800-х – начала 1810-х гг.

Целью настоящего исследования является реконструкция трансформации образа «монарха-полководца» («монарха-воина») в панегириках, посвященных Александру I в 1800-х – начале 1810-х гг., особенно на фоне военного кризиса 1812–1814 гг. Для достижения поставленной цели исследования была использована методология *Кембриджской школы истории понятий* (Дж. Покок, Кв. Скиннер и др.), позволившая перенести оптику исследования в область функционирования политических языков: идиом, понятий, аргументации и риторических стратегий, использованных в панегирических сочинениях и функционировавших к указанному периоду в виде политико-культурных глоссариев.

Историография, сформировавшаяся вокруг исследования панегириков и их роли в российской политической культуре, концентрируется, в основном, на периоде XVIII в. [10; 11; 12; 13; 15]. Однако панегирический жанр существовал на протяжении всего царствования Александра I. В указанный хронологический период панегирический

жанр не выступал предметом отдельных исследований, наряду с проблемой трансформации риторических стратегий этого жанра в контексте событий 1812–1814 гг. Несмотря на крупные работы, посвященные общественно-политической мысли конца XVIII – первой четверти XIX вв., в центре внимания исследователей, в основном, находятся иные тематики, к примеру действительная роль Александра I в 1812 г. и политическая роль тех или иных частей российской общественно-политических сил. Зачастую данные работы игнорируют существующий обширный комплекс панегириков или используют фрагментарно [1; 8; 14; 17]. Но именно панегирический корпус имел наибольшую распространенность написания среди российских образованных подданных, в отличие, например, от трактатов и политических памфлетов конца XVIII – первой четверти XIX вв. Это отнюдь не «принижает» панегирики как политический жанр, а лишь подчеркивает их специфику как исторических источников, что позволяет рассматривать их частью существующего пространства политического. Комплекс панегирической литературы к первой четверти XIX в. функционировал не только в придворной сфере, а выходил за ее пределы – в пространство зарождающейся публичной сферы – периодическую печать.

Важнейшей фигурой в панегирической топике к началу XIX в. оставался образ Петра I. Часть современных исследователей, изучающая историю российского консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв., прослеживает неоднозначное отношение к Петру I и его реформам среди первых российских консерваторов (А.С. Шишкова, Н.М. Карамзина и др.), аргументируя этот тезис осознанием консерваторами «социокультурного раскола» российского общества в начале XIX в. Однако, согласно этим же исследователям, антипетровская аргументация содержалась исключительно в их эпистолярном наследии и записках, не выходявших за пределы ограниченного круга лиц [1, с. 43; 8, с. 273; 14, с. 283–289]. Петровский миф органично вписывался в монархические представления российских консерваторов конца XVIII – первой четверти XIX вв., что подтверждается панегириками за авторством самих консерваторов. Так, А.С. Шишков – видный представитель российского консерватизма – уподоблял молодого императора фигурам Петра I и Екатерины II:

С ним [Александром] правосудие воссядет на престол;

<...>

С Екатерининской великою душой,

Он [Александр] будет новый Петр и на суде и в поле [25, с. 177].

Указанная в последней строке образность Петра I как монарха-полководца (монарха-воина) показательна. Наряду с другими образами Петра I (царя-плотника, царя-флотоводца, царя-законодателя и др.) она возникла в первой четверти XVIII в. в панегириках Феофана Прокоповича, а также в *«Истории Свейской войны»*, в которой подчеркивалась роль царя в военной сфере [5, с. 105, 115–118, 164–168, 235, 250]. Для первой четверти XVIII в. использование образа монарха-полководца объяснялось непосредственным участием Петра I в Северной войне. К началу XIX в. петровский образ «монарха-полководца» соседствовал с библейскими и античными героями – Соломоном, римскими императорами и др. [2, с. 234–235].

Доминирующим образом в метафоре воплощения в начале царствования Александра I была образность Екатерины II. Екатерининский культ, активно создаваемый панегиристами с 1760-х гг., к началу XIX в., однозначно был сопоставим с кульгом Петра I в российской интеллектуальной традиции. Актуализации ее культа способствовал всплеск прославления Екатерины II, спровоцированный Французской революцией 1789 г. и Польским восстанием 1794 г. [3, с. 83–85]. В ходе которых выстроилась четкая система противопоставления российской монархической «стабильности» французскому революционному хаосу. Эта система оказалось не востребованной в первые годы правления Александра I [3, с. 85]. Однако, сама екатерининская образность долго использовалась панегиристами для легитимации дворцового переворота 1801 г., из-за манифеста Александра, обещавшего править по заветам Екатерины II. В последующие годы его правления, в панегириках произошло дистанцирование от екатерининской образности [Подробнее см. 3, с. 81–99]. Отчасти, как указывал Ю.В. Кагарлицкий на материалах XVIII в., из-за различий в риторических стратегиях описания женских и мужских правлений [11]. Это же подтверждают панегирики первой четверти XIX в., в которых наряду с образом монарха-полководца, артикулированного, в основном, в мужском образе Петра I, образ Екатерины II раскрывался в качестве продолжательницы «дел Петровых», но в роли правительницы-созидательницы, обладавшей качествами «мудрости», «просвещенности», «справедливости» и др. Иными словами, «сила меча» (читай – монарха-полководца) в отношении Екатерины II сменилась «силой созидания». Показательно на это указывал в манифестах Отечественной войны 1812 г. Шишков, описывая взятие Нарвы в Северную войну, Петр I «...обагрил меч свой кровью своих поданных», казнив мародеров из числа русской армии, а «при Ека-

терине II <...> [военачальнику] сделан был *строжайший выговор...*» (курсив мой. — В.С.) за сожжение шведской деревни [24, с. 51].

Более того, образ «монарха-полководца» уже в правление Екатерины II смещался на «героев-полководцев» ее времени: П.А. Румянцева, А.В. Суворова и др. В контексте рассматриваемой проблематики, образность Екатерины II слабо подходила к фигуре Александра I, переосмысляемой панегиристами на волне военных кампаний. Поэтому центральной фигурой, олицетворявшей «монарха-полководца», оставался образ Петра I. Это отнюдь не отменяет полного исчезновения екатерининской образности — она продолжала использоваться при Александре I. К первой же четверти XIX в. образ «монарха-полководца» Петра I вышел за рамки панегирического жанра, благодаря усилиям светских и церковных панегиристов XVIII в. Уже упоминаемый Шишков, приводя отрывок из сочинения М.В. Ломоносова «Петр Великий», отмечал «человеколюбие» Петра I к русским воинам при взятии крепости Шлиссельбург в период Семилетней войны [22, с. 12].

Петровский образ монарха-полководца оставался главенствующим и после Тильзитского мира 1807 г. Издатель и литератор С.Н. Глинка обращался к нему в сочинении «Петр Великий», воспевая Петра I опять же как монарха-полководца, создавшего Российскую империю силой оружия. Отсылая читателя к топику Феофана Прокоповича, Глинка подчеркивал заслуги Петра I в военной сфере [6, с. 14–15, 20–21]. В 1810 г. близкий к кругу Шишкова-Державина [1, с. 155–123], С.А. Ширинский-Шихматов опубликовал «лирическое песнопение» Петру I, напоминающий пространный панегирик и повествующий о его жизни. На близость поэмы панегирическому жанру указывают использование автором ряда метафор, характерных только для панегирика, в частности, солярная метафора и метафора «парящих орлов» (монархов), сошедшихся в Полтавской битве, а также другие литературные топосы, относящиеся к характеристикам данного жанра [21, с. 6, 30]. В центре произведения находились петровские военные подвиги — этому посвящены большая часть третьей, четвертой, пятой и шестой из восьми песен. Произведение открывалось панегириком Александру I, в котором Ширинский-Шихматов призывал его объять «дела великие» Петра, акцентируя на его военных победах:

В ТЕБЕ ПЕТРОВА кровь, сам ПЕТР живет в тебе,
 Сам ПЕТР, ТВОЕЙ рукой метая молний стрелы
 <...>

Что славно начал ПЕТР, ты [Александр] славно кончил ныне,
ПЕТРОВЫХ ТЫ врагов низверг, поправ в конец,
Сравнился в торжестве ПЕТРУ, ЕКАТЕРИНЕ... [21, с. 1]³

Использование метафоры воплощения Петра I в образе «монарха-полководца» было вызвано аллюзией на современные события — победы над шведами в Русско-шведской войне 1808—1809 гг. Получалось, что Петр начал войну со шведами, а Александр ее закончил, вновь закрепив петровские завоевания на Балтике. Приведенный фрагмент показателен и в другом ключе — образ «монарха-полководца» Петра I, активно продуцировался в панегириках 1800-х гг. на Александра I, несмотря на отсутствие его непосредственного участия в военном конфликте (в отличие от того же Петра I).

Как уже отмечалось выше, ключевым вызовом для панегиристов эпохи Александра I была Отечественная война 1812 г. Поиск роли императора в этих событиях 1812 гг. обстоятельно рассмотренный В.С. Парсамовым доказал, что император не обладавший полководческими талантами не мог играть роль монарха-полководца, а в отсутствии полной народной поддержки не смог воспользоваться и предложенной Шишковым идеей «народной войны». В итоге, Александр обратился к роли «смирненного Божьего избранника» [17, с. 249—251]. Этот мощный импульс заставил современников-панегиристов переосмыслить метафору воплощения Петра I в образе «монарха-полководца», проецируя ее уже не на монарха, а на войско и полководцев. В начале войны 1812 г., студент Харьковского университета К.М. Парпур — автор ряда панегириков в начала XIX в., проецировал образ «монарха-воина» Петра I на русскую армию «россов»:

Петр жив в душе — и Петр сердцами,
О Росс!
Твой правит смелой путь;
Ты грянешь страшными громами,
Заклепы вражь падут [16, с. 4].

Менялись и действующие лица панегириков. Д.М. Хвостов — яркий представитель литературы конца XVIII — первой четверти XIX вв., посвятил оду М.И. Кутузову, где в центре сюжета — «Вожди полков,

³ В оригинальном издании страницы панегирика не указаны. Нумерация в римских цифрах моя. — В.С.

краса Державы», а сам Кутузов «украшает лаврами чело» Александра I [20, с. 8, 11]. Нельзя сказать, что образ «монарха-полководца» обязательно должен был проецироваться на кого-либо — панегирический жанр подразумевал в том числе исторический экскурс, зачастую являвшийся аллюзией на современные события. Это было характерно для завершающего этапа заграничных походов русской армии в 1813—1814 гг., когда панегиристы обращались к рефлексии периода от Французской революции до вступления Александра I в Париж в 1814 г. Такой экскурс мог возвращать утраченные образы вновь в панегирическую традицию, как например, в оде члена «Беседы любителей русского слова» С.В. Висковатого, отметившего наряду с военными талантами Петра I их равенство таким же талантам Екатерины II:

Орла взнесла на верх небес. —
Сармат возстал [Польское восстание 1794 г.] ...перун прияла,
И враг с лица земле исчез. —
Во брани грозна, кротка в мире... [4, с. 4].

В 1813—1814 гг. происходит угасание Петра I в образе «монарха-полководца» панегириках, что связано с усилением роли Александра I в качестве «божьего избранника», чьи действия опираются на «божественное провидение». Эти сюжеты подробно изложены В.С. Парсмовым [17, с. 287—310]. Отмечу лишь, что главным выразителем новой идеологии выступил юный С.С. Уваров, увидевший в заграничных походах русской армии «естественный порядок вещей» и «божественное провидение», в котором Александр предстал «полубожеством», «примирияющим с Небом [Богом] народ [французов]...» [9, с. 345—346].

Таким образом, метафора воплощения в панегирических текстах 1800-х — начала 1810-х гг. воспроизводила в образе «монарха-полководца» именно Петра I. На эту роль по целому ряду описанных выше причин не мог претендовать достигший к этому времени своего апогея культ Екатерины II. Петровский образ, в качестве «монарха-полководца», без особых проблем мог проецироваться на действующего монарха Александра I вплоть до событий 1812 г. Однако с началом войны роль монарха оставалась неопределенной в происходящих событиях. Панегирическая традиция успешно адаптировалась под такое развитие событий, спроецировав образ «монарха-полководца» Петра I на главнокомандующего армией М.И. Кутузова и русскую армию. Александр, принявший роль «божьего избранника», рассматривался панегиристами главным организатором всех их побед и проводником «провидения».

Список источников и литературы

1. *Альшиллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М.: НЛЮ, 2007. 448 с.
2. *Бугров К.Д.* «Счастья общего творец»: панегирики первых лет царствования Александра I и политическая традиция российского монархизма // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 231–237.
3. *Бугров К.Д., Ившин В.С.* Трансформация политической культуры российского монархизма в панегириках рубежа XIX в. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 81–99.
4. *Висковатый С.И.* Ода, сочиненная по случаю торжества России, на вступление великого государя императора Александра Первого в Париж. СПб.: Тип. при Кадетском корпусе, 1814. 8 с.
5. История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): в 2 вып. / сост. Т.С. Майкова; под. общ. ред. А.А. Преображенского. М.: Кругъ, 2004. Вып. 1. 632 с.
6. *Глинка С.Н.* Петр Великий // Русский вестник. 1808. Ч. 1. № 1. С. 11–22.
7. *Державин Г.Р.* Гимн лиро-эпический на прогнание Французов из отечества // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1866. Т. 3. С. 137–164.
8. *Егерева Т.А.* Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина. М.: Новый Хронограф, 2014. 416 с.
9. *Ившин В.С.* Риторические стратегии Ф.-Р. Шатобриана и С.С. Уварова в памфлетах о Наполеоне во второй декаде XIX в. // VIII Информационная школа молодого ученого: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2020. С. 336–348.
10. *Кагарлицкий Ю.В.* Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 243–259.
11. *Кагарлицкий Ю.В.* Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влияния имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 66–77.
12. *Кислова Е.И.* Проповедь и проповедничество в России XVIII века: при дворе и вне двора // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2014. Vol. 3. № 2. Р. 179–181.
13. *Матвеев Е.М.* Русская ораторская проза середины XVIII века (панегирик в светской и духовной литературе). СПб.: Ф-т филологии и искусств, 2009. 140 с.
14. *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та., 2011. 560 с.
15. *Осват К.* Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: НЛЮ, 2020. 480 с.

16. *Партура К.М.* Ода на объявление войны французами. СПб.: Медицинской типографии, 1812. 4 с.
17. *Парсамов В.С.* На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М.: Изд. дом Высшей Школы экономики, 2020. 407 с.
18. *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии / пер. с англ. С.В. Житомирский. М.: ОГИ, 2002. Т. 1. 608 с.
19. *Успенский Б.А., Живов В.М.* Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 110–192.
20. *Хвостов Д.И.* Ода на победы, одержанные российским воинством под предводительством генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова, и освобождение Москвы. СПб.: Морской типографии, 1812. 11 с.
21. *Ширинский-Шихматов С.А.* Петр Великий. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 216 с.
22. *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге / под ред. А.О. Ханского. Тверь: [б/ и], 2008. 265 с.
23. *Шишков А.С.* Рассуждения о любви к Отечеству. СПб.: Тип. Императорской Российской Академии, 1811. 53 с.
24. *Шишков А.С.* Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб.: Морская типография, 1816. 212 с.
25. *Шишков А.С.* Стихи при восшествии на Престол Императора Александра I // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб.: Тип. Императорской Российской Академии, 1831. Ч. XIV. С. 289–290.

Взаимоотношения городских дум и коронной администрации при наборах рекрутов и сборе ополчений в 1800-х – 1810-х гг.: контакты, взаимодействие и конфликты в уездных городах Санкт-Петербургской губернии²

Аннотация. В центре статьи анализ взаимоотношений дум с городской полицией (городничим) при наборе рекрутов и ратников и при сборе материальных средств (провиант, оружие, экипировка), и финансовые отношения думы и полиции. Определены фактические возможности и ограничения дум и городской полиции, и причины этого. Четко выделены линии взаимодействия и взаимопомощи между думой и полицией, причины возникших споров и пути решения. Разобраны сложные финансовые отношения дум и городничих по причине того, что полиция финансировалась городом. Показано, что в основе эффективного исполнения воинских наборов лежала координация усилий городского самоуправления и полиции. Необходимость тесного взаимодействия была следствием ограниченности возможностей каждой из сторон, заложенной реформами Екатерины II: но налаженные взаимоотношения «на местах» это компенсировали, что позволяло уездному городу быстро, эффективно, избегая конфликты, исполнять требования даже самых тяжелых наборов ополчений в 1806–1807 и 1812 гг.

Ключевые слова: городские думы; полиция; городничий; рекрутские наборы; Земское войско 1806–1807 гг. (милиция); Земское ополчение 1812 г.

Relationships of town councils and crown administration during recruit and militia gathering in the 1800s – 1810s: contacts, support, and conflict in the district towns of St. Petersburg province

Abstract. The focus is on the analysis of relationships of councils and urban police (Chief of Police, *gorodnichii*) when conscripting recruits and militiamen

¹ Михаил Александрович Белан – DPhil in History, кандидат исторических наук, научный сотрудник НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: mikhailbelan@mail.ru

Mikhail A. Belan – DPhil in History, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia).

² Исследование осуществлено в рамках проекта «Практики урбанистического развития в российском политическом пространстве конца XV – начала XVII в.: человек и малый город» программы «Зеркальные лаборатории» Центра исторических исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург и Центра археологических исследований Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (НовГУ).

and when fundraising material contributions (provisions, equipment, weapons), and on the financial relationships between councils and police. The actual abilities and capacity of councils and urban police, and the reasons for this – have been studied. Complicated financial relations between councils and police are explored, as police was funded by the town. The effective execution of military levies rested upon coordination of efforts of the urban self-government and police. This need for close cooperation was a consequence of limited capabilities of both of them, which was laid down by the reforms of Catherine II. But established relationships “on ground” compensated for this, thus allowing district towns to quickly, efficiently, avoiding conflicts, fulfil requests even during the hardest militia levies of 1806–1807 and 1812.

Keywords: town council (*duma*); urban police, Chief of Police (*gorodnichii*), recruit gatherings, Zemstvo army (militia) levies of 1806–1807, People’s militia of 1812.

Введение. В этой статье на примере нескольких небольших городских центров Санкт-Петербургской губернии рассматриваются взаимоотношения городских дум уездного города с административно-полицейской властью при наборе рекрутов во время регулярных наборов и при сборе ополчений – Земского войска в 1806–07 гг. и Земского ополчения в 1812 г. Сбор в уездном городе рекрутов, экипировки, провизии для них, оружия и разного рода пожертвований был сложным процессом, в основе которого лежали согласованные действия городских дум, общин купцов и мещан, и коронной администрации. Последняя была прежде всего представлена городской полицией: согласно Уставу Благочиния 1782 г. в небольших городских центрах городничим был фактически единственным представителем административно-полицейской власти. Координация усилий, переговоры, разрешение споров между городничим и думой играли важнейшую роль при организации сбора рекрутов и ополчений.

Вопрос исследования – какую роль играло взаимодействие между думой и городской полицией при сборе рекрутов и ополчений «на местах», в уездном городе Северо-Запада. Цель – выделить общие тенденции в трех уездных центрах Санкт-Петербургской губернии (объект исследования: Новая Ладога, Гдов, София-Царское Село). В основе метода лежит анализ действий и мотивов дум и городничих. Предмет исследования – основные аспекты взаимоотношений дум и полиции: переговоры, сотрудничество, конфликты. Задачи – рассмотреть: 1) финансовые отношения дум и полиции; 2) взаимодействие при сборе рекрутов и ополченцев; 3) координацию усилий для сбора материальных средств.

Взаимоотношения городского самоуправления с коронной администрацией при исполнении воинских повинностей — важная тема для изучения истории стран Европы, городских социальных групп институтов самоуправления, особенно актуальная для периода наполеоновских войн. Взаимоотношения дум и общин русских провинциальных городов с коронной администрацией «на местах» — с городничим — остается малоизученным, особенно до середины XIX в. В большей мере освещено взаимодействие во время Отечественной войны 1812 г., особенно в Москве и Санкт-Петербурге. При этом отношения городского самоуправления и городничего являются одной из ключевых проблем, интересовавшей еще историков правовой школы. Но до сих пор изучались отдельные аспекты (и чаще пореформенного города): например, взаимодействие дум и городничего при организации постоя [8; 11], тогда как повседневные отношения, связанные с выполнением воинских обязанностей (сбор рекрутов, ополченцев, постой), конкретные механизмы взаимодействия в разных ситуациях, пути решения сложных спорных вопросов, роль переговоров — почти не освещены.

Даная работа призвана подробнее осветить проблему взаимоотношений дум и коронной администрации на местах, анализируя один аспект: взаимодействие дум и полиции при сборе рекрутов, ратников и материальных средств в 1800-х — 1810-х гг. В ее основе — малоизученные источники локального уровня из архивов дум Новой Ладоги, Глова, Софии (с 1808 г. — Царское Село) из ЦГИА СПб и РГИА [14–15; 17–25]: протоколы заседаний дум, где обсуждались сборы, переписка дум с городничими, с гражданским губернатором. В первой части рассмотрены финансовые отношения думы и полиции, во второй — взаимодействие при наборе солдат, в третьей — координация усилий по сбору материальных средств.

1. Взаимоотношения городской думы и полиции: финансирование

Для понимания взаимоотношений думы и городской полиции во время наборов рекрутов и ополчений следует рассмотреть специфику положения этих двух институтов, прежде всего вопрос финансировании думой местной полиции.

После реформ Екатерины II присутствие коронной власти в уездных русских городах осталось крайне ограниченным. Канцелярия гражданского губернатора находилась в столице провинции; в Москве и Санкт-Петербурге существовала также канцелярия

Военного губернатора, а также Управа Благочиния, возглавляемая Обер-полицмейстером — губернская полиция с множеством обязанности и штатом полицейских, следователей и приставов. Но в уездных городах полицейская реформа 1782 г. учредила только должность начальника полиции, который должен был выступать как главный и в небольших городах единственным представителем короны с административно-полицейскими функциям: полиция охраняла центр города, рынок, соляные и винные *магазейны*, здания государственных учреждений, шлагбаумы и тюрьмы (в рассматриваемых городах полиция была единственной силой правопорядка, кроме Новой Ладogi, где был небольшой отряд Команды Ладожского канала [17, л. 15–16 об.]).

Но сфера обязанностей и круг возможных действий городничего не ограничивались вопросами безопасности. Основополагающе принципы реформ Екатерины II подразумевали разделение власти на местах, в то же время требуя тесной взаимной работы дум и полиции. Важнейшей помощью думе со стороны городничего было использование полиции для сбора недоимок, поиска уклоняющихся от я городских и государственных повинностей — в том числе при воинских наборах — на что у дум, общин купцов и мещан не хватало своих сил.

Место городничего обычно занимал отставной офицер, часто в звании майора. Городничий подчинялся Министерству внутренних дел и губернатору. Ситуация, однако, была сложной — так как почти все средства на содержание городничего, полицейских служителей и зданий поступали из бюджета города. Дума ежегодно выделяла определенную сумму на нужды городничего, его отряда и инфраструктуры городской безопасности из доходов города. Переписка Гдовской думы с городничим в 1812 г. служит хорошей иллюстрацией того, насколько сложными могли быть эти финансовые взаимоотношения.

1 февраля дума получила сообщение городничего, «просившего» построить новую гауптвахту «рядом с соляными складами, так как в нынешней стены обрушились возле печи, едва избежав пожара, и теперь рядовым в его распоряжении приходится постоянно терпеть стужу» [22, л. 17 об.]. Но дума ответила, что гауптвахта возведена не за счет города, а из «государственных средств», и поэтому дума не обязана ее чинить или строить новую. 5 апреля городничий просил нанять еще трех человек в городскую полицию. Дума ответила, что в его распоряжении уже трое десяцких и один соцкий, оплачиваемые думой, а потому санкционировала наем только одного служителя.

8 апреля городничий просил «очистить дороги и противопожарные полосы, принадлежащие городу»: дума ответила, что уборка дорог является обязанностью не совета, а самой полиции [22, л. 41–41 об.; л. 43–44 об.].

Когда обсуждался найм трех служителей, депутаты подчеркнули, что город ежегодно тратит 500 рублей на полицию. В 1812 г. и в предыдущие годы доход города составлял в среднем 1 500 рублей в год [22, л. 35–35 об.]: треть тратилась на полицию. Объяснимо, что дума неохотно исполняли новые просьбы городничего и могла отказать, если требовалось дополнительное финансирование. При этом, когда в июне городничий обратился с просьбой провести ремонтные работы в центре города для «удобства и безопасности жителей», дума согласилась («ремонт моста; установить флагшток, перила и доску объявлений на площади») [23, л. 25–25 об.].

Когда же в октябре городничий просил возвести на выездах из города два новых шлагбаума с гауптвахтами, чтобы проверять всех проходящих через город (распоряжения поступили из-за оккупации Москвы и нанять двух новых полицейских, дума вновь отказала, сославшись на указ Госсвета от 15.07.1812 г. «О мобилизации государственных доходов», запрещавший ненужное строительство [21, л. 112] и добавив, что по расписанию должна быть одна гауптвахта, и денег на новые нет [24, л. 21–21 об.]. Как мы видим, даже в самые тяжелые военные месяцы дума могли отстаивать свои интересы. Другой пример: в разгар сборов ополчения в августе-сентябре 1812 г. думы могли отказать и губернатору: так, в Новой Ладогe дума отказывались удвоить число ратников от города, а местные купцы предоставили лишь треть обещанного пожертвования [19, л. 101–101 об., 117].

2. Взаимоотношения дум и городничего при наборе рекрутов и ратников

Обзор финансовых взаимоотношений дум и городской полиции служит фоном для анализа реальных позиций, ролей и возможностей обеих сторон во время рекрутских наборов и сборов ополчений. Изучение документов 1790-х – 1810-х гг. из архивов трех дум показало, что городское самоуправление и полиция всегда тесно сотрудничали во время наборов. Думам и общинам неизменно не хватало средств для проведения в жизнь решений собраний мешан и купцов: поиска назначенных в службу уклонистов, их семей, сбора денег на экипировку партии рекрутов и т.д. Во время сборов ополчений возникала еще большая по-

требность в помощи полиции — для набора взрослого числа ратников, сбора денег, пожертвований от купцов и мещан (одежды, провизии, оружия).

В распоряжении мещанской общины, которая выставляла рекрутов и ратников, не было достаточно людей и средств для поиска уклоняющихся от набора, охраны новобранцев, взимания сборов. Каждую осень во время набора община нанимала несколько «сыщиков» из числа надежных семей: но розыск назначенных в рекруты занимал много времени; особенно сложно было отыскать уклонистов за пределами города. А уже собранные рекруты (2–7 человек) часто содержались в городе, и иногда под охраной, по нескольку недель, перед отправкой в Санкт-Петербург. В итоге расходы общин были велики: помимо поиска рекрутов, она оплачивала помещение, провизию, дрова для рекрутов и сыщиков и проезд в Санкт-Петербург. Поэтому для помощи мещанам, думы обращались к городничему для поиска и сбора рекрутов, отбора подписок, сбора средств. Рекруты могли содержаться под охраной в полицейских зданиях.

Такое взаимодействие достигло апогея в период сборов ополчения. По получении манифестов о созыве Земского войска (от 30.11.1806) и Земского ополчения (от 6.07.1812) думы срочно собрали общины для назначения рекрутов и сбора денег на их снаряжения — и в первые же дни связались с городничими, прося предоставить полицейских служителей для помощи думами и общинам.

Хорошим примером слаженного взаимодействия служит Новая Ладога в летне-осенние месяцы 1812 г. Сразу после получения манифеста дума постоянно обращалась к городничему для поиска назначенных в ратники, сбора денег и решения других задач. 28 июля дума попросила городничего дать нескольких человек для охраны здания думы, где «теперь первый этаж переполнен каждый день и легко могут произойти ссоры», и просила дать еще одного пристава для розыска назначенных. Городничий Унковский отвечал, что у него есть только два пристава, все время занятых, но уверил думу, что полиция сделает все, чтобы помочь мещанам — пусть только община предоставит ему список назначенных [19, л. 45–45 об.]. Через несколько дней Унковский представил думе подробный отчет, в котором указал, кто из разыскиваемых найден и задержан, сколько не удается найти, кто находится вне города [19, л. 56]. А 2 августа уже городничий просил думу о помощи: двух его полицейских, которые «охраняли караульное помещение и пожарные орудия близ торговых рядов», мещане забрали в ополчение, а по-

этому Унковский просил думу и общину дать взамен «двух новых мужчин, здоровых и крепких, не слишком молодых и не слишком старых» для нужд полиции [19, л. 93–94 об.]. Как и в Гдове, в Новой Ладогe в эти годы случались споры между думой и городничим, в том числе о финансах (что, видимо, было обычной ситуацией для уездного города) – но это не помешало удачной координации усилий при сборе ратников.

3. Координация усилий при сборах средств

Во-вторых, думы обращались к городничему по поводу сбора материальных средств: полиция помогала со сбором рекрутских денег во время обычных наборов и вместе с думой отвечала за сборы для ополчений. Особенно важным было взаимодействие дум и полиции при сборах для ополчения: в 1806–1807 и 1812 гг. обязательные платежи и добровольные пожертвования купцов и мещан (деньги, провизия, оружие, одежда) должны были быть должным образом приняты, проверены, сохранены и переданы властям. Повсеместно думы в тесном взаимодействии с полицией собирали, проверяли и хранили денежные средства, экипировку, оружие и провизию, закупленную мещанской общиной для своих ратников – и организовывали сбор добровольных пожертвований купеческих и мещанских семей. Для иллюстрации этого взаимодействия рассмотрим сбор оружия в Новой Ладогe во время созыва первого ополчения. В конце 1806 – начале 1807 гг. дума и городничий принимали и хранили оружие, закупавшееся мещанами для ратников, а также сдававшееся в виде безвозмездных пожертвований отдельными купцами и мещанами (см. Таблицу 1).

Община мещан закупила для своих ополченцев 4 мушкетера со штыками и полную экипировку на 46 человек: в декабре 1806 г. от города потребовали 46 ратников [18, л. 100–100 об.], а, например, в Софии община мещан купила 38 пик [14, л. 23–24, 63]. Согласно манифестам и распоряжениям губернаторов, особенно поощрялись добровольные пожертвования: оружие следовало приносить в думу или в канцелярию городничего. В Новой Ладогe дума и городничий принимали и проверяли такие взносы, отмечая каждое пожертвование, после чего городничий отправлял отчеты губернатору и командирам ополчения (раз в 1–2 недели) [6, с. 534–554].

Таблица 1

**Оружие, закупленное и пожертвованное в Новой Ладоге
для Земского войска, кон. 1806 – нач. 1807 гг.**

	Пушек	Ружей	Пистолетов	Эспантонов	Палашей драгунских	Сабель казацких	Шпаг	Тесаков	Штыков	Пик
Пожертвована милицию новолодожским гражданством	2	26	1	4		2	2	4		5
Закуплено для своих ратников		46			10			36	46	
Отдано сотенному начальнику 29.03.1807		72	1						46	
После передачи в думе хранится	2			4	10	2	2	40		5
Из них годны					10	1		36		
Из них не годны	2 (пушки без лафетов)			4		1 (без ножен)	2	4		5

Думы совместно с городничим отвечали и за сохранение всех запасов, подготовленных для ополченцев – продуктов, экипировки, оружия – по числу полагавшегося от города ратников, а также пожертвований – а также за их передачу властям. В итоге в конце 1806 – начале 1807 гг. думы и городничие заготовили в уездных городах солидные склады: в них входили установленные трехмесячные наборы на каждого ратника, полагавшегося от города – 3 рубля (в 1812–6 р.), ржаная мука и гречка, одежда и экипировки (штаны, рубахи, ремни, ранцы) – и разнообразные пожертвования, включая оружие [14, л. 2–5]. Весной 1807 г. в города прибывали уездные командиры ополчения (милиейские тысячники), которые проверяли и собирали заготовленные по числу затребованных ратников провиант, деньги, снаряжение, оружие. В итоге в уездных городах, включая Новую Ладогу и Софию, в марте 1807 г. думы и городничие передали практически всю экипировку,

продукты, закупленные по числу ратников, а так же все годное огнестрельное оружие, как купленное, так и пожертвованное (см. Таблицу 1). При этом припасы для ратников были собраны думами и городничими в соответствии с числом ополченцев, запрошенным от мещан в декабре 1806 г. — т.е. из расчета 1 ратник от каждых 16 душ мужского пола. И хотя к марту 1807 г. требования снизили до 1 с 57 [3, № 22496], милицейские начальники забирали припасы по первоначальному расчету (1:16): то есть втрое больше комплектов снаряжения, провианта, денег и оружия, чем было поставлено ратников от города.

Тем не менее, существенная часть запасов не была передана весной 1807 г. и оставалась в городах после окончания военных действий. Позднее, в 1808—1809 гг. власти обязали городничих совместно с думами провести ревизию и распродать остатки «запасов на милицию» (ткани, одежды, часть экипировки и оружия, не взятые милицейскими начальниками) на специально организованных аукционах, выслав вырученные деньги в казначейства [18, л. 98—102 об.]. Например, в Новой Ладогe, в 1808 г. дума по запросу городничего составила списки «оставшихся припасов от прошлой милиции», отмечая те, что «подвержены порче» (провиант) или «гниению» (ремни, патронташи) [20, л. 84—86 об.]. Затем дума по указанию городничего организовала несколько аукционов: в итоге большая часть запасов (одежда, провиант, продукты) была распродана — но только к концу 1809 г.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что система управления уездным городом в том виде, в котором она сложилась в ходе реформ 1780-х гг., показала свою эффективность. Города были способны исполнять военную обязанность, ее основную часть — набор солдат и сбор материальных средств — быстро и слаженно, избегая конфликтов, даже с учетом роста рекрутских наборов в 1800—10-х гг. — что показали гораздо более сложные, но успешные сборы двух ополчений.

Анализ документов по военным наборам, прежде всего из фондов дум, и в частности посвященных сборам ополчений в 1806—07 и 1812 гг., показал, что в основе этой эффективности лежало тесное взаимодействие между думой и городской полицией. Несмотря на непростые финансовые отношения и часто возникавшие споры, эти основные городские институты во время наборов работали в тесном и слаженном взаимодействии, занимаясь сбором рекрутов и материальных средств, демонстрируя высокую эффективность координации как при регулярных рекрутских наборах, так и во время сложных сборов ополчений.

Как дума, так и полиция уездного города нуждались в этом сотрудничестве, так как в силу реформ 1780-х гг. обе стороны имели недостат-

ки: думам и общинам не хватало административного инструмента для сбора солдат и материальных средств — тогда как городская полиция зависела от дум финансово. Часто воспроизводимая начиная с середины XIX в. точка зрения, что екатерининские думы в основных действиях и решениях подчинялись коронной администрации (городничему), требует коррекции. Многие аспекты сложных взаимоотношения дум, общин и полиции требуют дальнейшего изучения [29, p. 237–239].

Список источников и литературы

1. *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М.: Соцэкгиз, 1962. 212 с.
2. *Белан М.А.* Участие мещанских обществ уездных городов санкт-петербургской губернии в сборах ополчений 1806–1807 и 1812 гг. // Тульский научный вестник. Серия история. Языкознание. 2021. № 2(6). С. 15–28.
3. *Белов А.В.* 1812 год в судьбе русского города. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 326 с.
4. *Белоусов С.В.* Купечество среднего Поволжья в Отечественной войне 1812 года // Вестник СамГУ. 2010. № 3 (77). С. 59–63.
5. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973. 616 с.
6. *Горновский И.А.* Сто лет назад. Милиция 1806–1807 годов и жертвования на нее // Русский архив. 1904. Вып. 8. С. 534–554.
7. *Гулевич С.А.* История Лейб-гвардии Финляндского полка, 1806–1906 гг. Т. 1. СПб.: Экономическая типо-лит., 1906. 458 с.
8. *Лалин В.В.* Реформа постоянной повинности в ряду преобразований эпохи Александра II // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбе реформы, реформы в судьбе людей: сб. ст. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 292 с. С. 175–194.
9. *Лалина И.Ю.* Земское ополчение России 1812–1814 гг.: исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. 626 с.
10. Отечественная война и русское общество: 1812–1912 / под ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. Т. 5. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. 236 с.
11. *Плешаков И.Н.* Саратовская квартирная комиссия (1808–1872). К истории постоянной повинности в России // Известия Саратовского университета. 2007. Т. 7. Сер. История. Международные отношения. С. 59–67.
12. Полное Собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Том 29: 1806–1807. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1372, [19] с.
13. Полное Собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Том 32: 1812–1814. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1109, 14, 5, [3] с.

14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 488. Оп. 1. Д. 907.
15. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060.
16. *Спиридонова Л.М.* Ополчения 1812 года: постсоветская историография // Военно-исторический журнал. 2017. № 8. С. 85–91.
17. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 685. Новолодожская дума. Оп. 1. Д. 156.
18. ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206.
19. ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500.
20. ЦГИА СПб. Ф. 881. Гдовская дума. Оп. 1. Д. 215.
21. ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 341.
22. ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 342.
23. ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 343.
24. ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 344.
25. ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 345.
26. *Brewer J.* The Sinews of Power: War, Money, and the English State, 1688–1783. N. Y.: Alfred A. Knopf. 1989. 289 p.
27. *Hartley J.M.* Patriotism in the Provinces in 1812: Volunteers and Donations // *Russia and the Napoleonic Wars (War, Culture and Society, 1750–1850)*. Ed.: J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. L.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 148–162.
28. *Hartley J.M.* Veterans and empire: a comparison of British and Russian treatment of veterans in the late eighteenth and early nineteenth centuries // *Journal of the Society for Army Historical Research*. Vol. 100 (2022), pp. 14–31.
29. *Hittle J.M.* The service city: state and townsmen in Russia, 1600–1800. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979. 309 p.
30. *Speier H.* Class Structure and Total War // *American Sociological Review*. 1939. Vol. IV. No 3. С. 370–380.

Образ Наполеона в отражении социально-политических слухов первой четверти XIX в.²

Аннотация. В статье анализируется содержание социально-политических слухов, отражающих варианты восприятия Наполеона в общественном сознании русского общества первой четверти XIX в. Показывается, на фоне обострения внешнеполитической обстановки становится актуальной рефлексия о «пораженческом» сценарии в рамках распространяемых в городской среде слухов, а также о возможной победе французской армии. Исследование проведено по материалам дел «Комитета охранения общей безопасности» и публикаций периодической печати. Проводится анализ системы государственного контроля за распространением потенциально опасной информации. Делается вывод о формировании образа Наполеона как воплощения нереализованных ожиданий образованной части русского общества о социально-политических преобразованиях.

Ключевые слова: слухи, общественное сознание, политический сыск, проблематика исследований слухов, общественно-политическая мысль.

The image of Napoleon in the reflection of socio-political rumors of the first quarter of the XIX century

Abstract. The article analyzes the content of socio-political rumors reflecting the perception of Napoleon in the public consciousness of Russian society in the first quarter of the XIX century. It is shown that against the background of the aggravation of the foreign policy situation, reflection on the “defeatist” scenario becomes relevant within the framework of rumors spread in the urban environment, as well as about the possible victory of the French army. The study was conducted based on the materials of the cases of the “Committee for the Protection of General Security” and publications of the periodical press. The analysis of the system of state control over the dissemination of potentially dangerous information is carried out. The conclusion is made about the formation of the image of Napoleon as the embodiment of unrealized expectations of the educated part of Russian society about socio-political transformations.

¹ **Мария Алексеевна Козлова** – младший научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия), e-mail: cozlova.marya2018@yandex.ru

Maria A. Kozlova – Junior Researcher, Centre of Social History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649 «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.», <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>.

Keywords: rumors, public consciousness, political investigation, the problems of rumor research, socio-political thought.

Первая четверть XIX в. связана с формированием четкой позиции со стороны государства по мониторингу распространения информации, в особенности политической направленности. Понимание роли средств массовой информации в вопросе формирования общественного мнения актуализировалось в связи с обострением внешнеполитической обстановки. Государственными органами вырабатывается подход, направленный не только на контроль, но и на систематическое отслеживание, а также недопущение распространения разговоров определенного содержания. Понимание со стороны государства необходимости мониторинга настроений в обществе влекло за собой попытки создания системы надзора за распространением потенциально опасной информации, в том числе и передаваемыми посредством устной коммуникации слухами социально-политической направленности.

С поиском оптимальной организации секретной полиции связано учреждение 13 января 1807 г. «Комитета охранения общей безопасности» как надведомственного органа, деятельность которого была направлена в том числе на мониторинг и попытки пресечения распространения социально-политических слухов. Особое внимание Комитет обращал на сообщения «о разглашаемых в городе слухах и известиях опасение и тревогу наводящих», «о источниках от куда таковыя разглашения происходят» [7, л. 10 об.].

По замечанию В.В. Латынова, слухи как способ осмысления событий и адаптации к изменившимся реалиям играют особую роль в период социально-политических трансформаций и войн [2, с. 15]. Являясь индикатором общественных настроений, определяющим ожидания социальных групп, слухи не могли не затронуть геополитическую ситуацию в Европе, а также вопрос русской внешней политики. Недостаточность информации и страх перед возможной угрозой безопасности влекли за собой попытки восполнить «информационный вакуум» вокруг проблемы войн с Наполеоном.

Слухи, как слабо поддающийся контролю феномен, хотя и опирались на массовые настроения, но свидетельствовали о довольно прагматичных настроениях образованной части русского общества. Рефлексия на тему прихода к власти в России Наполеона и возможных политических трансформаций — одна из ключевых тем для «опасных рассуждений» в обществе.

Довольно частый вариант «пораженческого» сценария — слухи о скорой победе Наполеона и восхваление его полководческих талантов, а также о приближающемся поражении британской армии. При этом довольно часто в народных «толках» победа Наполеона не имела негативной коннотации, с его приходом в Россию связывали надежды на некоторое улучшение, смягчение социально-политической обстановки, или по крайней мере — сохранение прежних порядков. Для городской среды характерно частое восприятие Наполеона как либерального, отчасти прогрессивного правителя, во многих отношениях превосходящего личность русского монарха.

Так, в 1812 г. служащие Хозяйственной экспедиции Адмиралтейств-Коллегии губернские секретари Фрязиновский и Запрягаев были привлечены Комитетом 1807 г. к ответственности за «неприличные разговоры о политических делах», а Фрязиновский — за ношение перстня с изображением Наполеона и надпись, найденную в его бумагах: «Слава века сего — истреби Англию!!!!!!» [9, л. 12]. Согласно пояснительной записке по делу от 29 сентября 1812 г., Фрязиновский вел беседы «противу России со стороны французов по предмету взятия Смоленска» [9, л. 1].

Перстень же Фрязиновский, по его утверждению, купил «из уважения к отличительным дарованиям Бонапарте, и носил его публично потому, что не имел в сердце своем никакого зловерного и преступного намерения ни против Отечества, ни против Государя. А теперь раскаиваясь в сем непристойном поступке, готов он сжечь сей перстень, не жалея и руки своей» [9, л. 12]. Фрязиновский, моделируя вариант победы французской армии и захвата власти в России, отметил: «...что он хотя иностранных языков и не знает, но когда придет сюда Бонапарте, он готов ему служить» [9, л. 12]. Запрягаев был задержан в нетрезвом виде и, согласно доносу, в момент обсуждения сей «крамолы» находился в компании Фрязиновского в трактире. Однако признательных показаний «Комитету охранения общей безопасности» не дал. Оба фигуранта дела были задержаны полицией, и после проведения следственных мероприятий отпущены. Фрязиновский же был сослан в Киевскую губернию, где ему велено жить в течение одного года под надзором местного начальства» [9, л. 18].

В 1812 г. в Петербурге получили широкое распространение слухи, согласно которым утверждалось, что Наполеон «побочный сын» императрицы Екатерины Алексеевны, а Отечественная война — повод к возвращению российской короны по наследству от якобы старшего брата Бонапарта императора Павла I. В распространении слухов были

заподозрены торгующий в Апраксином дворе мещанин Михаил Шебалкин, харчевник Логин Иванов и мещанин Владимир Воротилов [8, л. 1]. В ходе расследования Комитет получил следующие показания: в харчевне у Иванова собирались по вечерам люди разного звания, между всеми первенствующие купец Шабалкин и погребщик Владимир. Как-то разговор зашел о толковании Апокалипсиса и пророчестве Иоанна Крестителя о Наполеоне: «Они уверяют, что Наполеон есть побочный сын Императрицы Екатерины II, и идет присвоить себе корону всероссийскую по наследству после брата законно ему принадлежащую» [8, л. 1]. Воротилов показал на Шебалкина, якобы последний «бранил сначала попов, потом Митрополита и наконец Государя. Цесаревича сперва также бранили, а потом стал вздыхать и говорить: разве бы его сделали Государем — то так не лучше было» [8, л. 4].

Щебалкин в распространении слухов «про особу императора и персон царской фамилии» сознался и в вине раскаялся [8, л. 15]. Свидетели сего разговора в харчевне уверяли в своей непричастности к доносу на товарища, но и распространению крамольных речей не препятствовали. Император собственноручно на донесении о данном инциденте кратко резюмировал: «Простить всех» [8, л. 14].

Сравнение личностей Александра I и Наполеона Бонапарта довольно частое явление для слухов рассматриваемого периода, однако в данном варианте слухов, порочащих честь императора, появляется довольно острый нюанс — вопрос о правопреемнике русской короны. Исходя из слухов, Наполеон, будучи младшим братом императора Павла Петровича, по версии, получившей распространение в столице, имеет столько же, если не больше, прав на престол Российской империи, нежели его младший «родственник» Александр Павлович.

Восхваление Наполеона и сравнение с русским императором продолжилось и после Отечественной войны. В обществе начали распространяться слухи о восстановлении независимости Польши под властью Наполеона, что само по себе независимостью можно назвать условно. Французский полководец, как гений тактики и либеральный информатор, в глазах части населения империи, интересовавшейся внешней политикой и положением дел в Европе, выглядел более привлекательной и прогрессивной фигурой, нежели русский император.

В 1815 г. по доносу студентов Медико-хирургической академии Алексея Суворова и Антона Сутгофа был обвинен в произнесении дерзких слов об Императоре Александре I и восхвалении Наполеона студент той же академии Сильвестр Тумчевский [11, л. 1]. Показания студентов свидетельствовали о наличии дискуссии вокруг вопроса не-

обходимости продолжения войны с Наполеоном по его возвращению с Эльбы. В студенческой среде нашли широкое распространение слухи о скором возвращении Наполеона во Францию и сборе русской армии для нового заграничного похода.

На реплику Сутгофа о скором возвращении Наполеона с Эльбы и сборе русских войск, Тумчевский якобы высказался: «Ежели Французы приняли его опять своим начальником, за что же соседственные державы намереваются его опять беспокоить и вместе с его народом преследовать...» [11, л. 2], указав причиной участия русской армии в судьбе Франции «русской только алчностью» [11, л. 5]. Со слов доносчиков Суворова и Сутгофа, Тумчевский неоднократно грубо отзывался о Государе: «...что Государь наш глуп, что очень любит женский пол...» [11, л. 6]. Продолжая сравнение с Наполеоном, студент якобы утверждал, что русский император «...по слабости ума должен непременно быть под управлением Бонапарта, который гением и качествами своими <...> его превосходит...» [11, л. 7].

Превозношение личных качеств Бонапарта сопровождалось рефлексией на тему социально-политических реформ и путей решения польского вопроса. На фоне внешнеполитического контекста недостаточность либеральных преобразований первой половины царствования Александра I и нереализованные ожидания населения неизбежно вели к сравнению политического устройства Франции и России и личностей императоров (звучало даже мнение, что «Император не стоит маленького пальца Наполеонова») [11, л. 9].

Согласно показаниям доносчиков, студентов медико-хирургической академии Тумчевский якобы утверждал, что Наполеон, усилившись, сконцентрирует силы на восстановление целостности Польши, даст полякам вольность, между тем как русские крестьяне пребудут в рабстве [11, л. 7]: «Польша <...> будет скоро восстановлена, что русские не могут быть повелителями поляков, потому что они есть глупы, а поляки народ образованный, все русское худо, а все польское и французское касательно правления и прочего хорошо...» [11, л. 6]. Тумчевский за «неприемлемый» образ мыслей и разглашение «особо опасных» слухов был выгнан из академии, разжалован в солдаты и сослан в отдаленный гарнизон [11, л. 16].

Острая внешнеполитическая обстановка также порождала слухи о вездесущих французских шпионах. В периодической печати в 1812 г. не раз мелькали сообщения о распространении слухов и работе шпионов как о ключевой тактике контроля завоеванных Наполеоном территорий: «Но надлежало расточать оное, для развращения чинов-

ников разных Государств, для платы мятежникам, разглашателям слухов, шпионам, служащим нашему делу, а в чужих землях ревностным последователям наших правил» [3, с. 171]. В опубликованной в «Сыне Отечества» «Выписке из первой газеты, обнародованной в Мадриде, по занятии сего города Английскими войсками» приводились цитаты об «умножившихся шпионах» и разглашении слухов, «коим никто не верил» [1, с. 36–42].

Доносы, «обличающие» лиц, заподозренных в шпионстве, получили распространение и в России. Комитет 1807 г. проводил следствие по ряду таких дел. Фигурант одного из них, квартальный поручик Московской полиции титулярный советник Иван де-Мобургеле, был обвинен в октябре 1812 г. в шпионстве в пользу Франции [10, л. 1].

Поручик Московской полиции, по происхождению французский дворянин, утверждал, что был захвачен французами. Согласно показаниям, около 20 сентября, якобы с неизвестной причиной, де-Мобургеле вызвал к себе польский генерал Михаил Соколинский: «...и начал говорить, чтоб он отправился в С.-Петербург, узнать, что там делается; и хотя он отговаривался от того, но как Соколинский просил неотступно, говоря, что хочет сего император, то он согласился; будто бы по неволе, с намерением, прибыв в Петербург, объявить Правительству. Смолинский дал ему 1200 франков и билет до аванпостов <...>. На аванпостах их пропустили, а билет взяли; но при нем остался Сенатский паспорт, с которым и шли до Твери; где товарищ остался, а он прибыл сюда и объявил Квартальному упомянутый паспорт, а сам между тем располагался явиться к какому-нибудь знатному лицу, дабы донести о данном поручении. В Твери же и Новгороде не почитал приличным объявлять о том. Министр юстиции препроводил его с таким признанием к Главнокомандующему в С.-Петербурге, а сей приказав его задержать, представил Комитету. В Комитете отобранные были от него как словесные, так и письменные ответы. В дополнение прежнего показания объявил он, что происходит из французского дворянства, что Соколинский поручил ему узнать в Петербурге: где находится император? Чего хотят, миру или войны, и что думает Сенат?» [10, л. 13].

Де-Мобургеле заявил, что не думал нарушать присяги русскому императору. Причиной же того, что поручик немедленно не заявил о случившемся, были названы неопытность и «недогадки». Следствие по делу Де-Мобургеле продлилось два года, после чего неудавшегося «шпиона» выслали в Оренбург под строгий присмотр местного начальства как «человека вредного и опасного» [10, л. 14].

Таким образом, слухи, распространявшиеся в городской среде, транслировали готовность и ожидание населения к социально-политическим преобразованиям в империи. В годы войны с Францией часть населения связывала возможность трансформации политической системы с фигурой Наполеона Бонапарта. Личность русского императора довольно часто подлежала сравнению с фигурой Наполеона, и не всегда народная молва отдавала предпочтение Александру I. Причинами тому можно назвать нереализованные ожидания общества, применительно к проблеме проведения либеральных реформ, нерешенный крестьянский вопрос, страх перед иноземным вторжением и бытовой дискомфорт, вызванный бременем войны. Рассмотренные выше варианты слухов, затронувших внешнеполитическую обстановку, отнюдь не охватывают все возможные варианты «слухов и толков» в обществе, однако свидетельствуют о тенденции поиска отчасти рациональных коренных изменений в вопросе управления государством. Такие «прагматичные» идеи неизбежно связывались с фигурой Наполеона, моделируя, с одной стороны, образ полководца-захватчика, с другой — шанс на реорганизацию, совершенствование государственного аппарата.

Несколько иная тенденция прослеживается при анализе слухов, представленных в материалах периодической печати. Ввиду цензурных ограничений в публикации не попадали попытки рефлексии о возможной роли Наполеона в государственных преобразованиях Российской империи. Однако в периодике также отчетливо прослеживается интерес к внешней политике России и европейской ситуации как одна из ключевых тем, затрагиваемых общественными «толками». В 1813 г. в журнале «Сын Отечества» в рамках новостных сообщений публиковались несколько статей с комментариями внешнеполитических слухов, якобы распространяемых самими французами. Зачастую подобные слухи касались действий армии Наполеона в европейских державах. При этом сообщения чаще всего опровергались, а слухи имели негативную коннотацию.

Так, в статье «Новости. Пруссия» автор указал на использовании французами слухов как способ пропаганды для создания благоприятной обстановки на фронте: «До 10 числа Французы ежедневно распускали новые, выгодные для них слухи, о победах, одержанных между нашим городом и Кенигсбергом, и о обратном занятии сего города; и о прибытии 20,000 вспомогательных войск...» [4, с. 252]. Не оставляли и без внимания фигуру Наполеона и его положения во Франции. В заметке «Новости. Франция» в том же номере автор намекает

на шаткое положение императора французов: «Из Пруссии от 28 Января уведомляют, что там пронесся слух, будто на сих днях в Париже, во время оперы, некоторые из зрителей закричали было: мир! мир! (La paix, la paix) а другие: да здравствует Император». В толпе якобы кто-то объявил Наполеона тираном, в связи с чем император был вынужден покинуть столицу [6, с. 254].

Отечественная периодика, пытаясь воздействовать на массовое сознание и пресечь слухи о скором возвращении французской армии в Россию, изобличала Наполеона. Согласно статье «Новости. Пруссия и Варшавское Герцогство», опубликованной в «Сыне Отечества», Бонапарт, не имея других способов давления, вынужден был прибегнуть к распространению ложных слухов, воздействовавших на общественное мнение негативным образом: «При сих необыкновенных происшествиях, предвиденных Императором Наполеоном, остается у него одно средство: поражать общее мнение ложными слухами о средствах, которыми он может пользоваться» [5, с. 297].

Обращение к «народной молве и толкам» в периодической печати и попытки опровержения ряда внешнеполитических сообщений свидетельствуют о понимании роли слухов в формировании общественно-политического сознания и необходимости контроля «общего мнения», особенно в условиях войны. Слухи фиксировали возможность формулирования альтернативных государственному курсу вариантов решения внешнеполитических проблем. Подобная альтернативность со стороны государственных институтов воспринималась как особо опасная и нарушающая общественное спокойствие. Внешнеполитические события обусловили повышенное внимание к контролю за общественными настроениями, в особенности на западных границах империи. Распространенным вариантом внешнеполитических слухов являлось превозношение личности Наполеона как олицетворение ожиданий на возможные социально-политические преобразования. Отечественная периодика же пыталась «перенаправить» толки в обществе, изобличив французского императора как захватчика и неудачливого полководца.

Список источников и литературы

1. Выписка из первой газеты, обнаруженной в Мадриде, по занятии сего города Английскими войсками // *Сын Отечества*. 1812. № 1. С. 36–42.
2. *Латынов В.В.* Слухи: социальные функции и условия появления // *Соц. исследования*. 1995. № 1. С. 12–17.

3. Наставление, данное Исполнителю Директориею Гражданину Шереру Главнокомандующему Итальянской армией // Сын Отечества. 1812. № 9. С. 171.
4. Новости. Пруссия // Сын Отечества. 1813. № 1. С. 252–253.
5. Новости. Пруссия и Варшавское Герцогство // Сын Отечества. 1813. № 1. С. 297–300.
6. Новости. Франция // Сын Отечества. 1813. № 1. С. 254–255.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1163. Оп. 1. 1807. Д. 1.
8. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1812. Д. 11.
9. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1812. Д. 14.
10. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1812. Д. 15.
11. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1815. Д. 4.

Пример «потомкам всей России»: к истории культа П.Л. Полуботка в Малороссии в первой четверти XIX в.²

Аннотация. Малороссийский генерал-губернатор Н.Г. Репнин в выстраивании коммуникации с местным дворянством нередко прибегал к практике произнесения публичных речей перед различными дворянскими собраниями. В одной из таких речей, произнесенной 25 сентября 1823 г., Репнин использовал имя черниговского полковника П.Л. Полуботка в качестве мобилизующего образа, через который малороссийское дворянство призывалось к активному служению и участию в дворянских выборах. Использование этой крайне спорной фигуры свидетельствовало о наличии определенного культа Полуботка. Отталкиваясь от содержания публичной речи Репнина, планируется обратиться к анализу источников, благодаря которым смог сформироваться подобный культ.

Ключевые слова: публичная сфера; Российская империя; Н.Г. Репнин; П.Л. Полуботок; Ж.-Б. Шерер; «История русов»; малороссийское дворянство.

An example for «the descendants of all Russia»: to the history of the cult of P.L. Polubotok in Malorossiya in the first quarter of the 19th century

Abstract. Governor general of Little Russia N.G. Repnin often resorted to the practice of giving public speeches in front of various assemblies of the nobility when building communication with the local nobility. In one of such speeches, delivered on September 25, 1823, Repnin used the name of the Chernigov colonel P.L. Polubotok as a mobilizing image, through which the Little Russian nobility was called to active service and participation in noble elections. The use of this highly controversial figure indicated the presence of a certain cult of Polubotok. Using the Repnin's public speech as a basis, we plan to discover the sources thanks to which such a cult could be formed.

Keywords: public sphere; Russian Empire; N.G. Repnin; P.L. Polubotok; J.-B. Scherer; "History of the Rus", Little Russia nobility.

¹ **Яков Анатольевич Лазарев** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия), e-mail: ylazarev@gmail.com

Yakov A. Lazarev – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Center of Social History of the Institute of Archaeology and History of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649 «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.», <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>.

В истории русско-украинских отношений XVII—XIX вв. найдется немало исторических деятелей, образы которых используются для различных интерпретаций прошлого Украины и политических манифестаций в публичном пространстве. Имеющаяся историография приучила читателя к тому, что практически любой деятель украинской истории используется в качестве объяснения негативного характера русско-украинских отношений и интеграции украинских элит в сословия Российской империи. Это разительно контрастирует с тем, когда российский имперский чиновник в публичной коммуникации использовал противоречивые образы из украинской истории для общественной мобилизации в интересах Российской империи. В данном конкретном случае речь идет о князе Николае Григорьевиче Репнине, занимавшем должность малороссийского генерал-губернатора в 1816—1834 гг.

Н.Г. Репнин, женившийся на внучке последнего гетмана Войска Запорожского графа К.Г. Разумовского, был весьма расположен к малороссийскому дворянству. Будучи малороссийским генерал-губернатором, он собрал вокруг себя деятелей украинской культуры (И.П. Котляревский, В.В. Капнист, Г.Ф. Квитка и др.), выступая в качестве мецената и внимательного слушателя, живо интересовался местной историей [5, с. 251—294; 6—7]. Как можно понять из документов, Репнин в выстраивании коммуникации с местным дворянством нередко прибегал к практике произнесения публичных речей перед различными дворянскими собраниями. Эти речи были важным коммуникативным актом, призванным мобилизовать малороссийское дворянство на решение разных общественных задач.

В речи, произнесенной в Чернигове 25 сентября 1823 г. по случаю открытия дворянских выборов, Репнин наставлял местное дворянство избрать «судей правых, правительству первыя орудия к охранения общаго спокойствия, себе предводителей, достойных уважения сограждан своих, ходатаев о выгодах ваших и ревностных исполнителей попечений правительства, к коим мог бы я обращаться всегда с полным доверием». Далее Репнин назидательно предупреждал, что «любое уклонение от службы общественной» нарушает отличительную черту «российского дворянина» — «никогда не принадлежать самому себе, а всегда жертвовать царю и соотчичам жизнью, имением, умом и способностями». В этой фразе можно было увидеть намеки на нерадение малороссийского дворянства, но Репнин поясняет свое высказывание и усиливает его следующим образом: «Малороссия никогда не нуждалась людьми достойными к прохождению службы». В качестве наглядных примеров, могущих послужить и «потомкам всей России»,

выбирается гетман Б.М. Хмельницкий, генеральный писарь В.Л. Кочубей и полтавский полковник И.И. Искра, черниговский полковник П.Л. Полуботок и канцлер А.А. Безбородко [9, л. 1–1 об.]. Сделанный Репниным выбор мобилизационных образов вызывает определенное удивление. Хмельницкий, безусловно, пример «доблестей воинственных, верности царю, твердости духа, глубокомысленности политика», благодаря которому территория Малороссии вошла в состав Российского государства в 1654 г. Кочубей и Искра – пример «верности царю» и «твердости духа», так как они сообщили Петру I о неверности гетмана И.С. Мазепы, а затем несправедливо были казнены. Безбородко, видный деятель екатерининской эпохи, был ярким руководителем внешней политики Российской империи. А вот чем отметился Полуботок?

После смерти гетмана И.И. Скоропадского в начале июля 1722 г. черниговский полковник П.Л. Полуботок стал фактически наказным гетманом, который во главе Генеральной войсковой канцелярии должен был управлять Малороссией. В 1723 г. Полуботок подал прошение Петру I о восстановлении гетманства, после чего был заключен в Петропавловскую крепость, где умер в конце 1724 г. Почему же Репнин представил Полуботка как пример верного и честного служения «царю и соотчичам»?

Здесь надо обратиться к проблеме формирования образ П.Л. Полуботка в историописании Малороссии к началу XIX в. Еще в рукописном «Кратком описании о казацком малороссийском народе» (1765) П.И. Симоновского, малороссийского дворянина, сделавшего успешную карьеру имперского чиновника, отмечалось, что введение Малороссийской коллегии в 1722 г. привело к болезни и последующей смерти гетмана И.И. Скоропадского, выборы нового гетмана были отменены, а в качестве своеобразной замены был назначен Полуботок, как глава Генеральной войсковой канцелярии. Полуботок повел борьбу с коллегией из-за введения тяжелых поборов с местного населения. Такое незавидное положение «своего отечества» заставило Полуботка просить императора дозволения прислать депутатов в Санкт-Петербург, которые бы донесли о нуждах малороссиян. Получив разрешение и оказавшись в столице, депутаты во главе с Полуботком попросили «и о дозволении избрать гетьмана вольными голосами». Однако «прогневанное Небо более государя привело к огорчению на Малую Россию, нежели к милосердию», Полуботок и его соратники были арестованы, а в 1724 г. он и часть старшин «жизнь свою окончили» [11, с. 140–141]. Из небольшого фрагмента сочинения выходило,

что Полуботок, «ищущий пользы своего отечества», оказался незаслуженно под арестом, где и окончил свои дни.

Схожим образом политическая активность П.Л. Полуботка описывалась в «Краткой летописи Малой России», опубликованной в 1777 г. В.Г. Рубаном, писателем малороссийского происхождения, бывшим секретарем Г.А. Потемкина. Эта книга, посвященная тогдашнему правителю Малороссии П.А. Румянцеву, была важным публичным коммуникативным актом, направленным на создание целостного представления об истории края у российского чиновника. Согласно «Краткой летописи», в 1723 г. Полуботок и его соратники были «указом позваны в Санктпетербург, которые намерены были тамо по давным статьям, привилегиям и грамотам монаршим на вольности козацкия данным, просить у Его императорского величества милости, а паче о избрании вольными голосами гетмана». В столице их арестовали, а о причинах ареста давалась расплывчатая формулировка: «А за что на них был гнев монарший явствует в манифесте, по указу Ея императорского величества об оных напечатанном» [10, с. 180–185]. Что это был за манифест, в книге не сообщалось.

Детали, объясняющие арест П.Л. Полуботка, появляются в рукописном сочинении русского военного инженера А.И. Ригельмана «Летописное повествование о Малой России», созданное им в отставке в собственном имении в Малороссии около 1787 г. Со слов Ригельмана, Полуботок со старшиной в июне 1723 г. прибыли в Санкт-Петербург, «чтоб при том испросить от Его величества о подтверждении и пожаловании ... о вольности козацкой и о избрании вольными голосами себе хетмана, но, по смелым и отважным об оном представлениям, привели на гнев» Петра и были арестованы [8, с. 119–120]. Итак, попытка испросить царской милости превратилась в смелый и дерзкий публичный акт, создавая такой образ Полуботка, откуда Ригельман мог черпать свое вдохновение? Известно, что он использовал немало число исторических сочинений от казацких летописей до печатных работ, вроде сочинения Г.Ф. Миллера о запорожских казаках [1, с. 363–373]. Однако, возможно, в сюжете с Полуботком были использованы и устные предания, которые циркулировали в Малороссии.

Практически одновременно с А.И. Ригельманом служивший одно время в Санкт-Петербурге французский дипломат Жан-Бенуа Шерер написал и издал на французском языке в Париже в 1788 г. «Анналы Малой России», где на титульном листе было заявлено, что при их создании использовались некие рукописи, хранившиеся в Киеве. Шерер писал, что Полуботок был назначен Сенатом вместо гетмана

руководить Малороссией, что уже противоречило правам и привилегиям казаков, подтвержденных самим царем. Затем описывалось, что Полуботок вступил в конфликт с президентом Малороссийской коллегии С.Л. Вельяминовым по поводу сбора налогов во всей Малороссии, в чем ему сопутствовал успех: первоначально на его сторону встал Сенат, но вернувшийся царь их восстановил по представлению Вельяминова. В 1723 г. Полуботку и генеральным старшинам было указано прибыть в Санкт-Петербург для совещания по «некоторым важным вопросам». По окончании этого совещания казаки просили царя подтвердить новыми жалованными грамотами их привилегии, включая право избирать гетманов [13, р. 203–205]. Царь не был разгневан их просьбой, но медлил с решением вопроса. Полуботок и его соратники провели всю осень и начало зимы в столице империи. Виновиком этого был князь А.Д. Меншиков, мстивший за отобранные в Малороссии земли, которые он ранее присвоил себе. Меншиков всячески стремился возбудить царя против казаков. Однако Полуботок оказался достаточно смелым, чтобы произнести перед царем обличительную речь. В ней Полуботок изобличал происки Меншикова, из-за которых может «пострадать моя родина». Полуботок указывал царю, что тот ставит «ложные принципы» выше законов и тем самым стремится уничтожить привилегии, подтвержденные прежними монархами и им самим. Больше всего огорчало казаков то, что царь хочет лишить Малороссию права свободно избирать гетманов и прочих начальников, а также отдаст правосудие на откуп судьям, назначенным из великороссиян. На этом Полуботок не остановился и прямо укорял царя в несправедливости по отношению к малороссиянам: принуждение к новым правилам не принесет никакой выгоды, кроме гибели целого народа, а управление при помощи силы «униженными рабами» умалит славу и достоинство монарха, за которого готов умереть малороссийский народ. Полуботок предчувствовал свою гибель, заявляя, что его ждут кандалы, ужасы мрачной темницы и гибель от голодной смерти «по обычаю русских». Полуботка не страшила самая ужасная смерть, ибо он не хотел наблюдать разорение своего народа. После такой «патетической речи» (*discours pathétique*) Полуботок и его соратники были арестованы и заключены в крепость. В 1724 г. Полуботок и ряд старшин умерли в заключении от «горя, голода, холода и других страданий» [13, р. 207–211].

Стараниями Ж.-Б. Шерера перед читателями предстал смелый государственный деятель, защищающий свой край, изобличающий вороватого царского фаворита и готовый отдать жизнь за справедливость

и народ. При этом в описании действий и поступков Петра I присутствовала определенная ориентализация. На контрасте с Полуботком Петр выступал в качестве правителя диковатой страны, который не умел контролировать свои аффекты и был подвержен влиянию фаворита. Кроме того, царь сознательно стремился ограничить автономию Малороссии и для этого использовал классический принцип «разделяй и властвуй». Так, царь поддерживает недовольства жителей Стародуба против местного полковника с выдуманной фамилией *Шурнавио*, чтобы на его место посадить великороссиянина. После ареста Полуботка и его соратников Петр, «не удовлетворившись этим актом мести», в нарушение малороссийских прав назначает двух великороссиян на должности полковников в Чернигов и Стародуб [13, р. 205–206, 210–211].

Приведенный выше образ и речь П.Л. Полуботка, созданные Ж.-Б. Шерером, получили определенную известность в Европе. В 1807 г. на страницах одного английского литературно-исторического журнала появилось некое «Описание Украины, сделанное русским путешественником к своему другу в Санкт-Петербурге, в серии писем». Свою задачу автор «Описания» видел в том, чтобы охарактеризовать «тех людей, которые теперь представляют себя как барьер на пути продвижения Бонапарта». Им, в частности, сообщалось, что при преемнике И.С. Мазепы гетмане И.И. Скоропадском Петр I изменил политику в отношении украинских казаков, стремясь поставить своих «подчиненных» (subjects) во главе местного управления. Такая политика не могла не вызвать недовольства, выразителем которого стал Полуботок. Автор «Описания» восхищался смелым поведением Полуботка и произнесенной перед царем «простой, но впечатляющей речью», где он требовал у Петра «возместить ущерб, понесенный его страной». Далее практически слово-в-слово на английском языке воспроизводилась речь Полуботка, приведенная в сочинении Шерера [12, р. 128, 134–135]. После этого автор «Описания» эмоционально обращался к своему адресату: «Скажите мне, мой дорогой друг, можете ли вы, может ли кто-нибудь читать эту речь с безразличием? Читать и не желать, чтобы тот, кто произнес ее и кто был бы честью для самого просвещенного века, избежал судьбы, которую он слишком верно предсказал?». Автор затем сокрушался, что права казаков зависели от настроения последующих монархов, которые могли их расширить, но чаще сокращали. Более всех постаралась Екатерина II, отменившая «древние привилегии Украины» [12, р. 135].

Таким образом, образ П.Л. Полуботка мог использоваться к началу XIX в. в публичной сфере в Западной Европе как пример печальной

судьбы свободолюбивых казаков в составе деспотической России. По сравнению с сочинениями малороссийских авторов, образ Полуботка обогатился несравненно большим количеством деталей, особенно проникновенной речью. И затем эта речь попадает в Малороссию, где используется в анонимном сочинении начала XIX в. «История русов».

«История русов» – это анонимное рукописное историческое сочинение. Наиболее ранний список которого датируется примерно 1818 г. «История русов» пользовалась большой популярностью: ее читали и обсуждали среди малороссийского дворянства, читал ее и сам малороссийский генерал-губернатор Н.Г. Репнин. С копией, хранившейся в имении Репниных в Яготине, познакомился гостивший там Т.Г. Шевченко. «История русов» не являлось каким-то запрещенным сочинением и было опубликовано по решению Императорского общества истории и древностей российских О.М. Бодянским в 1846 г.

Известно, что автор «Истории русов» пользовался различными источниками описательного характера, включая «Краткую летопись Малой России» В.Г. Рубана. Однако многие детали описываемых им событий были плодом авторского воображения. Его домыслы сводились к тому, что население Малороссии – это подлинные русские (русы), а нахождение региона в составе Российского государства (1654–1764) – это трагическая история постепенной утраты свободы. К числу трагических эпизодов украинской истории причислялось и короткое управление Малороссией Полуботком. В описании хронологии событий его управления автор-аноним во многом следовал за сочинением Рубана. В то же время он привнес и творчески обработанную речь Полуботка из сочинения Шерера. Из нее исчезла фигура А.Д. Меншикова, хотя тот и упоминался в сочинении как «единственный гонитель малороссийский», а действия Петра I оценивались как поступки «азиатского тирана, а не христианского монарха». Смелая речь Полуботка не принесла ему снисхождения и вместе со своими соратниками он оказался в темнице, где тот и часть старшины померли в оковах от «притеснений» и «сырости», «а прочие пригнали и перекалечились» [3, с. 228–230].

Итак, популярность «Истории русов», равно как и яркая речь П.Л. Полуботка, похоже, привели к развитию среди малороссийского дворянства своеобразного культа Полуботка, как малороссийского патриота. Столкнувшийся с этим Н.Г. Репнин решил использовать этот образ в публичной сфере. Более того, не без помощи и личного содействия Репнина [7] увидела свет в 1822 г. посвященная императору Александру I «История Малой России», созданная сотрудником,

а потом и руководителем репнинской канцелярии Д.Н. Бантыш-Каменским. В этой книге также воспроизводилась речь Полуботка из сочинения Шерера и «Истории русов» [2, с. 72–73]. Получалось так, что два великороссийских чиновника и интеллектуала, прекрасно знакомые с границами допустимого в публичном пространстве, считали более чем уместным использовать образ Полуботка, видя в нем важные положительные черты, о которых можно было сообщить самому главному читателю в государстве. Образ Полуботка, сформировавшийся в сочинениях сомнительного происхождения и содержания, оказался приемлемым и в академической литературе. При этом подобные описания были далеки от реальности, равно как и описания политической деятельности самого Полуботка и причин, приведших его под арест [4, с. 214–267].

Список источников и литературы

1. *Аваков П.А.* Труды и дни Александра Ивановича Ригельмана (1714–1789) // В тени великих: образы и судьбы. СПб.: Алетейя, 2010. С. 351–374.
2. *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России, со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. Ч. 4. М.: Тип. Семена Селивановскаго, 1822. 303 с.
3. История русов или Малой России. Сочинение Георгия Конисского. М.: Университетская Типография, 1846. 314 с.
4. *Киселев М.А., Кочегаров К.А., Лазарев Я.А.* Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 1244 с.
5. *Киянская О.И.* Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I. СПб.: Нестор-История, 2008. 301 с.
6. *Кравченко В.В.* Д.М. Бантыш-Каменский // Україїнський історичний журнал. 1990. № 4 (349). С. 88–94.
7. *Павловский И.Ф.* К истории Малороссии во время генерал-губернаторства кн. Н.Г. Репнина // Труды Полтавской архивной комиссии. 1905. Вып. 1. С. 49–154.
8. *Ригельман А.И.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще, отколь и из какого народа оные происхождение свое имеют, и по каким случаям они ныне при своих местах обитают. М.: О-во истории и древностей рос., 1847. 766 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1035. Оп. 1. Д. 465.
10. *Рубан В.Г.* Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год. СПб.: Печ. при Артиллер. и инженер. шляхетн. кадетском корпусе, 1777. 242, 118 с.

11. *Симоновский П.И.* Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах. М.: Б. и., 1847. 159 с.

12. Description of the Ukraine, by A Russian traveller, to his Friend at St. Petersburg, in a series of letters // The Literary panorama. 1807. Vol. II. P. 128–135.

13. *Scherer J.-B.* Annales de la Petite-Russie ou histoire des Cosaques-Saporogues et des Cosaques de l'Ukraine, ou de la Petite-Russie. T. 2. Paris: Chez Cuchet, 1788. 384 p.

**«Атаманскому полку от атамана».
К вопросу об авторстве стихотворного послания
Казачьему Атаманскому Его Императорского
Высочества Наследника полку**

Аннотация. Статья посвящена выяснению авторства и уточнению обстоятельств создания стихотворного послания Атаманскому полку, сочиненного в 1828 г. от лица великого князя Александра Николаевича. В 1827 г. наследник престола был назначен шефом этого полка, и во время русско-турецкой войны атаманцы поднесли ему первое трофейное оружие, взятое ими у турок при штурме крепости Браилов. Ответом на подарок стало стихотворение, вошедшее в историческую летопись полка под авторством цесаревича. При внимательном взгляде на поэтические строки возникло предположение, что его автором был наставник великого князя В.А. Жуковский. В текущем году в Государственном архиве Российской Федерации был обнаружен автограф поэта с данным стихотворением. Авторство произведения подтверждают записи в дневниках великого князя Александра Николаевича, которые дают возможность датировать создание стихотворения 17–19 мая 1828 г.

Ключевые слова: В.А. Жуковский; цесаревич Александр Николаевич; Атаманский полк; стихотворение; дневники.

**“To the Ataman’s regiment from the ataman”.
On the question of the authorship of the poetic epistle
to the Cossack Ataman His Imperial Highness the Heir regiment**

Abstract. The article is devoted to clarifying the authorship and the circumstances of the creation of a poetic epistle to the Cossack Ataman regiment, composed in 1828 on behalf of the grand duke Alexander Nikolaevich. In 1827 the heir became a chief of this regiment, and during the Russian-Turkish war, the regiment presented him the first captured weapons taken from the Turks during the storming of the Brailov fortress. The respond to this gift was a poem which was included in the historical chronicle of the Ataman regiment by the authorship of the tsarevich Alexander Nikolaevich. A careful study of the poem showed that its author was the tutor of the grand duke V.A. Zhukovsky. This year, the autograph of V.A. Zhukovsky with this poem was found in the

¹ **Анна Николаевна Сидорова** – кандидат исторических наук, главный специалист отдела хранения документов по истории России XIX – начала XX вв., Государственный архив Российской Федерации (г. Москва, Россия), email: ansidorova.garf@yandex.ru
Anna N. Sidorova – Candidate of Historical Sciences, Chief Specialist of the Department of Storage of Documents on the History of Russia of the XIX – early XX centuries of the State Archive of the Russian Federation (Moscow, Russia).

State archive of the Russian Federation. The authorship of the poem is also confirmed by the notes in the diaries of the grand duke Alexander Nikolaevich, which make it possible to date the creation of the poem from May 17–19, 1828.

Keywords: V.A. Zhukovsky; Tsarevich Alexander Nikolaevich; Ataman regiment; poem; diaries.

Атаманский полк был сформирован в 1775 г. под названием Войска Донского Атаманского полка для несения непрерывной внутренней службы. Будучи всегда в особом присмотре и на попечении войскового атамана, он мог служить образцом для всех остальных полков [14, с. 213]. В 1783 г. полк начал свою боевую службу, под командованием А.В. Суворова приняв участие в подавлении ногайского восстания. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. атаманцы отличились в осаде Очакова, штурме Измаила, в сражениях у Малой Сальчи и Мачина. При атамане М.И. Платове полк принял участие в наполеоновских войнах 1806–1807 гг., в 1809 г. – в очередной русско-турецкой войне, но наибольшее число его подвигов пришлось на период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. В награду за боевые заслуги император Александр I пожаловал атаманцам георгиевское знамя и бунчук. В 1826 г. император Николай I дополнил регалии полка личной саблей Александра I, а 2 октября 1827 г. назначил своего старшего сына Александра Николаевича, наследника российского престола, атаманом всех казачьих войск и шефом полка, который получил теперь новое наименование – Казачий Атаманский Его Императорского Высочества Наследника полк [9, с. 47]. Девятилетний великий князь в этот день записал в своем дневнике: «Папа назначил меня высочайшим приказом быть атаманом всех казачьих войск, что меня крайне обрадовало» [1, л. 182]. На Рождество 1827 г. Александр Николаевич получил в подарок казачий мундир, а в июле 1828 г. великий князь не преминул зафиксировать в своем детском дневнике готовившуюся перемену формы атаманцев: «Сегодня мы поехали верхом в Царское Село, там г. Заурвейд меня рисовал, потом я видел казака, который был одет в новый мундир Атаманского полка...» [2, л. 111]. В обер-офицерском мундире летнего образца наследника изобразил в 1832 г. художник Ф. Крюгер [12, с. 90]. Атаманский полк оставался одним из самых любимых полков Александра II. Он состоял его шефом до вступления на престол, уступив место своему сыну цесаревичу Николаю Александровичу, но и после 1855 г. числился в списках полка и с удовольствием надевал «атаманский» мундир.

Атаманцы приняли активное участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. В 1828 г. в составе армии генерала П.Х. Витгенштейна они отличились при взятии Браилова. 28 апреля во время осады крепости казаки отбили у неприятеля первое оружие, которое в качестве трофея поспешили преподнести своему августейшему шефу. Император Николай I, лично присутствовавший на театре военных действий, в письме от 16 мая из Одессы с удовольствием сообщал сыну: «Я видел полк твой, который с любопытством о тебе спрашивает и с нетерпением ждет тебя перед собой; он тебе в подарок послал первое взятое в бою оружие у турок; вот тебе также турецкий горох, который я сам тебе собрал» [10, л. 2]. 17 мая посылка атаманцев (сабля, ятаган, ружье и два пистолета) дошла до Петербурга, о чем великий князь написал в своем дневнике [2, л. 73], а 23 мая пришло и письмо отца вместе с собранными на поле боя турецкими ядрами. Воспитатель наследника К.К. Мердер так описывал это: «Полученное от Государя Императора письмо принесло Великому Князю неизъяснимое удовольствие. “Вот первое письмо, мною от Папа полученное! Как я рад, я его спрячу”. Я поздравил великого князя с получением письма и показал ему присланные самим императором у крепости Браилов собранные два пушечные ядра. Он долго смотрел на оные в молчании, потом сказал: “Вот для меня драгоценный подарок”. Я прочел великому князю из прочитанных известий то место, в котором сказано, что неприятель производил сильный пушечный огонь по батарее, на которой находился государь император. Глаза великого князя заблестели и наполнились слезами» [3, л. 19].

Юный великий князь Александр Николаевич находился в то время в Павловске у бабушки, вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Его очень увлекали события, происходившие на театре военных действий. Вся императорская семья следила за новостями, беспокоясь за жизнь императора и его брата, великого князя Михаила Павловича, находившихся на войне, все с нетерпением ждали побед русских войск и необыкновенно радовались известиям о сдаче Браилова и падении Анапы [15, с. 32]. Александр Николаевич устраивал в дворцовых залах военные игры: маневрировал оловянными солдатиками, строил крепости, окружал их и брал штурмом. С помощником воспитателя С.А. Юрьевичем он чертил карту той части Турции, где шли военные действия, для того чтобы в дальнейшем на этой карте располагать свои игрушечные войска в наступательном и оборонительном положениях. Вместе с товарищами наследник в полной походной амуниции штурмовал настоящие укрепления в районе Павловской крепости Мариенталь, воображая взятие Браилова: «С криком “Ура!” бросились на

вал через палисадник, действительно мигом все очутились на высоком крутом валу сей крепости, где с триумфом победителей обежав вал, расположились на оном, как на бивуаках после сражения, и тут уже каждый рассказывал свои подвиги, кто сколько раз падал... Старший Трубецкой, увидя в крепости испуганных неожиданным появлением нашим собак, которые залаяли на нас гурьбою, рассмешил всю нашу молодую армию, сказав, что это турки от испуга обратились в собак», — записал С.А. Юрьевич [6, л. 26 об. — 28]. Подобные свидетельства говорят о проживании великим князем событий русско-турецкой войны через призму детских, но вполне отчетливых представлений о боевых действиях, неприятельских атаках и героизме русских войск.

К этому времени относится появление стихотворного послания, в котором великий князь Александр Николаевич благодарит свой подшефный Атаманский полк за проявленную в бою храбрость и поднесенное трофейное турецкое оружие:

Мой храбрый полк, благодарю
За первый твой трофей победный!
Ты верен славе был наследной,
Ты делом угодил царю!
Твой атаман перед тобою
Еще не может в бой лететь,
Но может он уже душою
От дел отважных пламенеть!
Еще он скрыт от взоров света:
На честь младенцу права нет,
Но знает он, что детски лета
Готовят честь грядущих лет!
Летя за славою прекрасной,
Молитесь, храбрые друзья!
Чтоб лета не прошли напрасно,
Чтоб славу мог нажать и я!

Это послание вошло в историческую летопись полка под авторством самого великого князя [8, с. 86]. Однако стиль и ритмика стихотворения явно выдают руку мастера, которым, при всем уважении к будущим заслугам царя-освободителя, не мог быть 10-летний ребенок, ни разу до этого не пробовавший свои силы в стихосложении.

Кто мог сочинить эти прекрасные строки от лица наследника престола? Человек не просто близкий к нему и посвященный во все под-

робности переписки между членами императорской семьи, но и знающий мысли и чувства великого князя в тот период. К тому же человек этот должен был, безусловно, обладать поэтическим даром. При таких требованиях единственная кандидатура на авторство стихотворения — В.А. Жуковский, состоявший при великом князе Александре Николаевиче в должности наставника по учебной части.

Однако данное стихотворение не вошло ни в одно издание произведений В.А. Жуковского, нет его и в последнем полном собрании сочинений поэта, которое издает коллектив кафедры русской литературы филологического факультета Томского государственного университета [5]. Хотя впервые о Жуковском как авторе этих поэтических строк упомянул еще в начале XX в. Н.В. Соловьев в книге об А.А. Воейковой. В комментариях к публикуемым письмам А.А. Воейковой к разным лицам за 1828 г. Н.В. Соловьев привел текст стихотворения, ссылаясь на копию, найденную в письме графини А.Н. Куселевой-Безбородко к сестре. В этом письме графиня сообщала: «Прежде чем закончить письмо, посылаю тебе копию, которая, думаю, доставит тебе удовольствие, стихотворных строк, которые г-н Жуковский сочинил для маленького великого князя, как будто он обращается к донским казакам» (перевод с франц. яз.) [13, с. 129]. О том, что Жуковский являлся автором послания, знал лишь узкий круг его друзей. Логично, что поэт не афишировал свое авторство и не публиковал стихотворение в своих прижизненных сборниках, поскольку он в послании обращался к атаманцам от лица своего августейшего воспитанника. Это объясняет тот факт, что стихотворение курсировало в устной и письменной истории Атаманского полка под авторством великого князя Александра Николаевича. Современных же исследователей творчества В.А. Жуковского, несмотря на указание, что такое сочинение у поэта существовало, смущало отсутствие автографа стихотворения; всегда сложно говорить об авторстве произведения, не имея ни чернового, ни белого его варианта.

Вероятно, еще долгое время все оставалось бы без движения, но счастливый случай внес свои коррективы. При плановых технических работах с фондом рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца (Ф. 728) в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) наше внимание привлекло дело, в заголовке которого фигурирует стихотворение неустановленного автора «Атаманскому полку от атамана». Дело было сформировано в начале XX в. заведующим библиотекой Зимнего дворца и В.В. Щегловым, занимавшимся описанием и систематизацией документального собрания библиотеки. Согласно состав-

ленной им в 1909 г. описи, он присвоил делу заголовок, с которым оно практически без изменений дошло до наших дней [7, л. 136].

При полистном просмотре дела оказалось, что среди разноформатных листов с автографами 1854–1880 гг. лежит лист со стихотворением, озаглавленным «Атаманскому полку от атамана» [4, л. 4]. Уже при первом взгляде на стихотворение стало понятно, что перед нами автограф В.А. Жуковского. Но так как он не подписан и не датирован автором, предстояло сличение почерка с другими рукописями Василия Андреевича, отложившимися в императорских фондах ГА РФ: поэтическими произведениями, завещаниями поэта и его многочисленными письмами за разные годы. Вся императорская семья вела с В.А. Жуковским регулярную переписку, достаточное количество писем поэта сохранились в личных фондах семьи Романовых, там же недавно были выявлены автографы стихотворений В.А. Жуковского, поднесенных поэтом особам императорской фамилии [11].

Сравнение почерка подтвердило принадлежность текста послания Атаманскому полку руке В.А. Жуковского. Более того, в дневнике великого князя Александра Николаевича за 1828 г. обнаружилась запись от 19 мая: «День провел весело. Г. Жуковский дал мне его стихи, которые он сочинил на то, что Атаманский полк мне прислал первые их добычи» [2, л. 74]. Совершенно очевидно, что именно этот лист со стихотворением поэт вручил наследнику. Если учесть, что 17 мая великий князь получил посылку с оружием, а 19 мая он уже читал сочиненное от его имени послание, то Василию Андреевичу потребовался всего один полный день (18 мая 1828 г.) на сочинение стихотворения. Таким образом, собрание ГАРФ фактически обогатилось ранее неизвестным автографом поэта. Знаменательно, что данная находка произошла в юбилейный год В.А. Жуковского, когда отмечается 240 лет со дня его рождения.

Таким образом, исходя из вполне определенных записей в дневнике великого князя Александра Николаевича, авторство В.А. Жуковского по отношению к посланию «Атаманскому полку от атамана» можно считать вполне доказанным. Находка автографа стихотворения В.А. Жуковского в ГА РФ еще больше убеждает нас в этом и побуждает надеяться, что данное произведение со временем по праву займет свое место в собраниях сочинений поэта².

² За помощь в работе над статьей приношу искреннюю благодарность главному специалисту Государственного архива Российской Федерации С.П. Балану и профессору Томского государственного университета В.С. Киселеву.

Список источников и литературы

1. Дневник великого князя Александра Николаевича за 1827 год // ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 269. 254 л.
2. Дневник великого князя Александра Николаевича за 1828 год // ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 270. 205 л.
3. Донесения К.К. Мердера о занятиях, поведении и времяпрепровождении цесаревича Александра Николаевича. 1828 // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1547. 123 л.
4. Жуковский В.А. «Атаманскому полку от атамана» // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2992. 7 л.
5. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1–16. М.: Языки славянской культуры. 1999–2019.
6. Записки С.А. Юрьевича о занятиях цесаревича Александра Николаевича. 1828. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1526. Ч. 1. 167 л.
7. Каталог собрания рукописей, хранящихся в библиотеке Зимнего дворца. Ч. II. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3331. 170 л.
8. Краснов П.Н. Атаманская памятка. Краткий очерк истории Лейб-Гвардии Атаманского Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича полка. 1775–1900. СПб., 1900. 270 с.
9. Очерк истории Лейб-Гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, составленный к столетней годовщине. СПб., 1875. 56 с.
10. Письма Николая I сыну великому князю Александру Николаевичу. 1828–1837 // ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 817. 81 л.
11. Сидорова А.Н. Неизвестные автографы известных стихотворений. Рукописи В.А. Жуковского из императорских фондов Государственного архива Российской Федерации // Атрибуция, история и судьба предметов из музейных коллекций: сборник докладов научной конференции Кучумовские чтения. СПб.: ГМЗ «Павловск», 2021. С. 217–228.
12. «Совершенно модный живописец». Франц Крюгер в Петербурге: Каталог выставки / сост. Б.И. Асвариц. СПб.: Славия, 1997. 175 с.
13. Соловьев Н.В. История одной жизни. А.А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1916. Т. 2. 188 с.
14. Статистическое описание земли Войска Донского, составленное генерал-майором И.Ф. Богдановичем. 1834 // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1729. 286 л.
15. Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. 538 с.

М.И. Богословский в социокультурном пространстве Императорского училища правоведения

Аннотация. В данной статье анализируется роль законоучителя и священника церкви Императорского училища правоведения М.И. Богословского в социокультурном пространстве учебного заведения во время его преподавания в училище в 1835—1865 гг. Автор характеризует его учебную деятельность и взаимоотношения с воспитанниками. Особое внимание уделяется авторитету М.И. Богословского не только среди правоведов, но и среди руководства учебного заведения. Выявлены основные подходы в обучении, использованные на занятиях законоучителя. Подробно проанализирован портрет М.И. Богословского в мемуарах воспитанников разных лет. Описывается профессиональный путь М.И. Богословского до момента его попадания в Императорское училище правоведения и во время его нахождения в учебном заведении. Подчеркивается особенная религиозность М.И. Богословского. Делается вывод о ключевом значении М.И. Богословского в формировании социокультурного пространства училища правоведения.

Ключевые слова: Императорское училище правоведения; М.И. Богословский; принц П.Г. Ольденбургский; религиозное воспитание; закрытое учебное заведение; В.В. Стасов; К.К. Арсеньев.

M. I. Bogoslovsky in the sociocultural space of the Imperial School of Jurisprudence

Abstract. This article analyzes the role of the law teacher and priest of the Imperial School of Jurisprudence M. I. Bogoslovsky in the socio-cultural space of this educational institution during his teaching at the school in 1835–1865. The author studies his educational activities and relationships with pupils. Special attention is paid to the authority of M. I. Bogoslovsky not only among lawyers, but also among the institute management. His main approaches to teaching law are revealed. Using memoirs of pupils of different years, the portrait of M. I. Bogoslovsky is analyzed in detail. The article describes the professional path of M. I. Bogoslovsky up to the moment of his admission to the Imperial School of Jurisprudence and during his stay at it. The special religiosity of M. I. Bogoslovsky is emphasized and a conclusion is made about the key role of M. I. Bogoslovsky in the formation of the socio-cultural space of the School of Jurisprudence.

¹ Мария Сергеевна Шишкина – историк-исследователь (Орел, Россия), email: tilotilo166@gmail.com
Maria S. Shishkina – historian–researcher (Oryol, Russia).

Keywords: Imperial School of Jurisprudence; M.I. Bogoslovsky; Prince P.G. Oldenburg; religious education; closed educational institution; V.V. Stasov; K.K. Arsenyev.

Социокультурное пространство Императорского училища правоведения представляло особый микромир, внутри которого дети представителей дворянской элиты получали не только юридическое образование, но и воспитание, основанное на принципах теории официальной народности. Обучение в училище носило закрытый характер, мальчики отпускались домой только на выходные (если не допускали провинностей) и на каникулы. Все остальное время они находились в кругу одноклассников, воспитателей и преподавателей. Руководство учебного заведения уделяло особое внимание обстановке, в которой должна была происходить социализация юношей. Общий курс в этом процессе определяло руководство училища: попечитель, директор, инспектор классов. Кроме них, знаковой фигурой в жизни учебного заведения являлся настоятель училищной церкви, законоучитель и преподаватель логики и психологии. Именно перед этим человеком мальчики должны были признаваться во всех своих прегрешениях, и именно он должен был оказывать влияние на неокрепшие умы.

По воспоминаниям правоведов, первый законоучитель заведения М.И. Богословский обладал необходимым авторитетом и пользовался уважением среди воспитанников. В училище Богословский находился почти 25 лет, со дня открытия в 1835 г. и до 1865 г. [6, с. 13]. Ему довелось работать при трех директорах и видеть разные периоды в жизни училища.

Михаил Измайлович Богословский родился в 1807 г. в семье сельского пономаря, первоначальное образование получил во Владимирской духовной семинарии, после чего продолжил обучение в Санкт-Петербургской духовной академии, где был лучшим студентом на своем курсе [4, с. 221]. Получив степень магистра богословия в 1831 г., он начал преподавание греческого языка в *alma mater*. Кроме педагогической деятельности, Богословский активно занимался переводами с греческого.

В 1835 г., уже имея определенный педагогический опыт, он был принят в Императорское училище правоведения на должность настоятеля училищной церкви и преподавателя Закона Божия. До этого жизнь и занятия Богословского были связаны исключительно с духовной средой. Теперь он оказался в закрытом заведении, в котором первые позиции занимали люди с военным прошлым (попечитель

принц П.Г. Ольденбургский, директор С.А. Пошман), а дисциплина носила армейский характер. Однако Богословскому удалось не только успешно адаптироваться к новым условиям, но и приобрести авторитет в глазах как воспитанников, так и руководства. Один из его бывших питомцев И.А. Тютчев, писал: «И само начальство, не исключая и принца, его побаивается» [9, с. 9]. Ему вторил Г.П. Сюзор: «Очень требовательный в отношении учащихся, он сам всегда высоко нес знамя науки, и по характеру, и по уму своему пользовался у начальства, особенно у директора князя Голицына, так же, как и у воспитанников, большим авторитетом» [7, с. 296]. К.К. Арсеньев отмечал: «Это был человек большого ума и твердого характера, импонировавший не только нам, но и начальству училища» [1, с. 206]. Правовед В.И. Танеев так характеризовал своего законоучителя: «Он никогда не подличал, не унижался, не преклонялся ни перед кем, не признавал никакого начальства, был сам по себе. Все его боялись, начиная с директора, кончая воспитанниками и дьячками» [8, с. 279]. Неоднократно выпускники училища в своих воспоминаниях подчеркивали особый статус их законоучителя, выходящий за рамки его должностных прав и обязанностей. М.И. Богословский обладал уникальной харизмой и определенным властолюбием: «Власть эта, особенно заявлявшая себя при прежних мирных директорах училища Пошмане и князе Голицыне, должна была уступить несколько позднее военной силе в лице генерал-майора А.П. Языкова, назначенного директором училища в 1848 г.» [10, с. V].

Как человек, чья искренняя вера была подкреплена высшим духовным образованием и педагогическим опытом, М.И. Богословский со всей ответственностью подошел к реализации возложенной на него миссии духовного окормления правоведов. Для попечителя училища П.Г. Ольденбургского, отличавшегося глубокой религиозностью и определенной сентиментальностью, М.И. Богословский являлся идеалом священнослужителя. Хорошо относился к нему и первый директор училища С.А. Пошман, который, будучи сторонником дисциплины, весьма ценил строгость Богословского. Для второго директора Н.С. Голицына Богословский (1847–1849) стал главным помощником в деле воспитания. Полковник Голицын до назначения в училище преподавал стратегию и военную историю слушателям Императорской военной академии и, как кабинетный ученый, не был готов к тому, чтобы принять на себя хлопоты по управлению учебным заведением. Голицын мечтал вернуться к военной науке, не погружался в жизнь училища и во многих вопросах опирался на авторитетное мнение за-

коноучителя. Новый директор А.П. Языков в 1849 г. был направлен в училище правоведения для наведения порядка после участия одного из выпускников в деле петрашевцев. Сторонник жесткой дисциплины, он нашел явное одобрение М.И. Богословского.

Принципиальность Богословского в работе и его авторитетность стали известны далеко за пределами училища. По воспоминаниям В.П. Мещерского, его знал весь Петербург [2, с. 12], в 1853 г. он был приглашен в члены комитета Санкт-Петербургской духовной цензуры, в 1858 г. получил степень доктора богословия, а в 1859 г. преподавал Закон Божий детям великого князя Константина Николаевича.

М.И. Богословский был центральной фигурой в училище не только для руководства, но, как и предполагалось изначально, для воспитанников. Правовед В.В. Стасов вспоминал: «Во всех отношениях своих к нам он был необыкновенно строг и взыскателен — быть может, строже всех остальных наших профессоров, директора и “воспитателей”» [5, с. 310]. Аналогичными были и воспоминания В.П. Мещерского: «Всего выразительнее в этом культе внешней дисциплины казался нам наш знаменитый законоучитель, священник Михаил Измайлович Богословский» [2, с. 12]. В.И. Танеев отмечал: «Он требовал от воспитанников безусловного повиновения» [87, с. 279]. К.К. Арсеньев писал: «Его не столько любили, сколько боялись; но эта боязнь была смешана с искренним уважением» [1, с. 206].

Вместе с тем правоведы отмечали определенную деспотичность в характере М.И. Богословского и другие отрицательные черты: «У него были и крупные недостатки, например властолюбие, вспыльчивость, не исключавшая злопамятства» [1, с. 206]. Однако, несмотря на неидеальность, Богословский умел притягивать к себе мальчиков и по отношению к нему они испытывали не ужас, а благоговейный страх. Уже за пределами занятий правоведы любили продолжать длительные беседы со своим наставником о том, что их волновало не только в истории Закона Божьего, но и в жизни училища, окружающей обстановке [5, с. 311]. «Он был единственный из всех наставников и воспитателей, старавшийся узнать каждого из нас и до известной степени в этом успевавший» [1, с. 206]. Доверяя своему законоучителю свои сокровенные тайны и ожидая справедливого наказания за свои поступки, правоведы уважали его. На некоторых мальчиков М.И. Богословский оказал особое влияние. И.А. Тютчев вспоминал: «Много лет по выходу из училища, я встретился с одним из более юных правоведов, который просто молился на Богословского и под его влиянием сделался религиозным фанатиком» [9, с. 9].

Богословский имел «аскетический угол зрения во всем, что не духовное, что не церковь» [3, с. 28], личные взгляды законоучителя отражались и на развитии культурной жизни училища правоведения. Он негативно относился к театру и во время его нахождения в учебном заведении не практиковалась постановка спектаклей. Правоведы лишь посещали постановки столичных театров, на занятиях и проповедях же Богословский не забывал поделиться своей точкой зрения на такой досуг. Опале со стороны духовника подвергались и воспитанники, читавшие в пост стихи А.С. Пушкина.

Как преподаватель М.И. Богословский был строг к своим ученикам и требовал учения наизусть содержания Ветхого и Нового заветов: «начнет спрашивать строго и беспощадно придирчиво» [2, с. 12]. К.К. Арсеньев вспоминал: «любил, чтоб ему отвечали буквально по его запискам, не вдавался в подробные объяснения — но все-таки заставлял нас думать, будил наше сознание и совесть» [1, с. 206]. Правовед В.П. Мещерский писал, что воспитанники заметили связь между рясой законоучителя и его настроением: «ждали этого с нетерпением и страхом: если в зеленой — скверно, его строгость будет сердитая; в черной — легче было на душе: его строгость была мягче и подчас нарушалась улыбкою» [2, с. 12]. На занятиях он использовал различные методики: делил класс на группы и в каждой группе назначал ответственного за опрос, самое время занятия делил пополам, часть из которого обязательно отводилась проверки знаний, а другая — объяснению нового материала [9, с. 7]. Г.П. Сюзор писал: «Преподавание его отличалось живым интересом по способу изложения, которому о. Михаил умел придавать занимательность, и по содержанию его лекций» [7, с. 296].

Богословский прикладывал силы для соблюдения училищных правил. Во время его нахождения в учебном заведении неукоснительно соблюдались все посты по средам и пятницам [11, л. 24]. И в 1843 г. благодаря Богословскому, училище в этом стало примером для Константиновского межевого института. Помимо постов воспитанники регулярно водились в церковь, отправляли их в отпуск домой только после посещения церковной службы [7, с. 297].

В то же время усиливавшаяся строгость духовного и светского порядка в училище в 1850—1860 гг. приводила к росту сопротивления среди воспитанников: «в связи с томительным нашим стоянием в церкви, а во время говения и с противною пищей на постном масле, только отталкивало нас от Богословского» [3, с. 28].

“Бенефисы” были обычным явлением в жизни закрытого учебного заведения, подчас правоведы придумывали различные хитрости,

чтобы публично насолить своим учителям. Однако лишь дважды за 25 лет воспитанники публично проявили непослушание к своему законоучителю, отказавшись просить у него благословение. Обе ситуации были урегулированы с вмешательством попечителя П.Г. Ольденбургского. В то же время для большинства правоведов сама возможность получения наказания от Богословского внушала страх и отлучение от исповеди и причащения воспринимались как нечто ужасное.

Всю четверть века нахождения в Императорском училище правоведения М.И. Богословский был центральной фигурой его социокультурного пространства, оказывал первостепенное влияние на формирование личностей будущих юристов, его проповеди вносили свою лепту в нравственный облик правоведов. Благодаря его воздействию на воспитанников, руководство учебного заведения всегда могло быть уверено в религиозности своих подопечных.

Список источников и литературы

1. *Арсеньев К.К.* Воспоминания об училище правоведения // Русская старина. 1886. № 4. С. 199–220.
2. *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. Т. 1. СПб., 1897. 453 с.
3. *Михайлов А.В.* Из прошлого // Русская школа. 1900. № 1.
4. *Смирнов А.В.* Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы: (материалы для библиографического словаря). Владимир, 1896–1917. Вып. 2. 1897. 247 с.
5. *Стасов В.В.* Училище правоведения сорок лет тому назад // Избранные сочинения: в 3 т. Живопись. Скульптура. Музыка. Т. 2. М.: Искусство, 1952. С. 299–390.
6. Статистические сведения о личном составе, воспитанниках и хозяйственной части Императорского училища правоведения за 50 лет его существования [Текст]. Собраны правителем дел училища Т. Конюченко. СПб.: Гос. тип., 1886. 171 с.
7. *Сюзор Г.П.* Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения (исторический очерк). СПб.: Государственная типография, 1910. 514 с.
8. *Танеев В.И.* Детство. Юность. Мысли о будущем. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 713 с.
9. *Тютчев И.А.* В Училище правоведения. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1885. 48 с.
10. *Устимович П.А.* Общественное воспитание и образование в России. Записки об училище правоведения. СПб.: Тип. В. Демакова, 1869. 160 с.
11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 355. Оп. 1. Д. 4550.

Г.А. Гряникова¹, Н.В. Неженцева²

**Официальные публикации статистических органов
как источники по исследованию территории
и населения Алтая последней трети XIX – начала XX вв.
(на примере «Обзоров Томской губернии»)³**

Аннотация. Статья посвящена изучению информационного потенциала официальных публикаций статистических органов на примере «Обзоров Томской губернии» за 1881–1912 гг. Комплексное исследование обзоров и ведомостей к ним позволило детально охарактеризовать данный вид уникального историко-статистического издания и определить роль и задачи центральных и региональных органов в процессе сбора материалов. Особое внимание уделено выявлению общего и особенного в структуре и содержании обзоров для определения возможностей их дальнейшего применения в деле изучения территории и населения Алтая последней трети XIX – начала XX вв. Также определены историко-ведческие проблемы, связанные со спецификой времени и обстоятельств создания отчетов и обзоров к ним. Полученные результаты способствуют введению в научный оборот мало используемых до настоящего времени документов и проведению в дальнейшем на их основе компаративных исследований отдельных территорий в рамках диахронного метода.

Ключевые слова: обзоры; Томская губерния; Алтай; губернаторские отчеты; историческая статистика.

¹ **Галина Андреевна Гряникова** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия), e-mail: galya9309@mail.ru

Galina A. Gryanikova – Candidate of Historical sciences, senior teacher of the Department of Russian History and International Relationships of the Altay State University (Barnaul, Russia).

² **Наталья Владимировна Неженцева** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия), e-mail: neshenzewan@mail.ru

Natalya V. Nezhentseva – Candidate of Historical sciences, docent of the Department of Russian History and International Relationships of the Altay State University (Barnaul, Russia).

³ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-28-20287 «Историческая статистика Алтая онлайн: репрезентация статистических источников в цифровом пространстве». URL: <https://rscf.ru/project/22-28-20287/>.

**Official publications of statistical bodies as sources
for the study of the Altai territory and population
in the last third of the XIX – early XX centuries
(on the example of “Reviews of the Tomsk province”)**

Abstract. The article is devoted to the study of the information opportunities of official publications of statistical bodies on the example of “Reviews of the Tomsk province” for 1881–1912. The comprehensive study of reviews and statements for them made it possible to describe in detail this type of unique historical and statistical publications and determine the role and tasks of central and regional authorities in the process of collecting materials. Attention is paid to identifying the common and special in the structure and contents of reviews to determine the possibilities of their further use while studying the territory and population of Altai in the last third of the XIX – early XX centuries. Source-based problems related to the time and circumstances of the creation of these reports and reviews are also identified. The obtained results allow to introduce these sources for scientific use and to carry out comparative studies of separate territories on the basis of the diachronic method.

Keywords: reviews; Tomsk province; Altai; governor’s reports; historical statistics.

Традиционными источниками комплексного изучения социально-экономических и демографических аспектов развития губерний, уездов и волостей Российской Империи в XIX – начале XX вв. являются официальные статистические издания. Официальная статистика представлена такими изданиями как адрес-календари, всеподданнейшие отчеты губернаторов с приложением обзоров к ним, памятные книжки, списки населенных мест, а также обобщающие публикации, изданные медицинским и хозяйственным департаментами Министерства внутренних дел. К числу наиболее полных и систематических исторических источников относятся отчеты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи. Детализация изучения формирует исследовательский интерес к обзорам губерний, которые формально хоть и являлись приложениями к отчетам губернаторов, однако в действительности играли самостоятельную роль в официальной имперской статистике и в настоящее время становятся важным историческим источником для изучения демографического, социального и экономического состояния губерний последней трети XIX – начала XX вв. Изучение структуры, содержания и информационного потенциала обзоров, а также роли и задач государственных органов в процессе сбора материалов и формирования историко-статистических изданий в рамках конкретного региона представляет большой интерес с точки зрения истории статистики и региональной истории.

Вопросы изучения историко-статистических изданий Российской Империи и Сибири, в частности, представлены в ряде обстоятельных исследований. Обзор дореволюционного, советского и современного опыта применения губернаторских отчетов как востребованных исторических источников представлен в статье А.С. Минакова, который помимо прочего определял взаимоотношения между центральной и местной властями, а также место отчетов и обзоров в системе делопроизводства [7; 8]. Наиболее полные сведения о сохранности обзоров губерний и областей, как приложений к губернаторским отчетам, представлены в работе А.И. Раздорского, который на основе исследования около 600 архивных, библиотечных и музейных собраний России и Зарубежья систематизировал сведения о свыше 4 тыс. печатных и рукописных экземпляров Обзоров за 1870–1916 гг. [36]. Библиография основных серийных изданий Центрального статистического комитета представлена в статье И.И. Елисеевой и А.Л. Дмитриева [1]. Е.А. Брюхановой и М.В. Рыгаловой выполнен обзор наиболее заметных работ современного периода по истории городов Сибири, определены группы источников, выявлен их источниковедческий потенциал, а также недостатки и неточности [38].

Круг исследователей обращались к конкретно-историческому и источниковедческому изучению отчетов губернаторов и обзоров к ним. С одной стороны, М.Г. Рутц называет ежегодные отчеты губернаторов наиболее полным источником сведений для характеристики торгово-промышленного развития и состояния населения западносибирских городов [37]. М.В. Зайцев и Т.А. Кискидосова характеризуют данный вид источников как информативный, содержащий уникальную информацию и дающий представление о развитии конкретной территории в территориально-хронологическом контексте при его грамотной источниковедческой критике [2; 3]. С другой стороны, В.П. Шахеров отмечает субъективизм обзоров губернии и отчетов к ним в связи с тем, что эти источники не являются первичными [40]. Кроме того, Б.Г. Литвак отмечает, что, несмотря на то, что губернаторский отчет является важнейшей разновидностью массовых документальных источников, его анализ с исследованием обзоров к нему весьма затруднителен по причине неоднородности, неполноте и неточности данных [5]. А.С. Маджаров и Е.Л. Пономарева фокусируют внимание на том, что даже в самих обзорах губерний можно встретить сведения о приблизительном сборе сведений на некоторых территориях в связи с их отдаленностью и труднодоступностью [6].

Цель данной работы — проанализировать информационный потенциал официальных публикаций центральных и региональных статистических органов для изучения территории и населения Алтая последней трети XIX — начала XX вв. на примере «Обзоров Томской губернии» за 1881—1912 гг. Исключение составляют 1899, 1901 и 1911 гг. ввиду отсутствия обзоров. К задачам исследования относятся характеристика «Обзоров Томской губернии» обозначенных годов выпуска как уникального источника в виде историко-статистического издания, выявление общего и особенного для определения возможностей их дальнейшего применения в деле изучения Алтая в контексте исторической статистики и определение источниковедческих проблем, связанных со спецификой времени и обстоятельств создания обзоров.

Решение поставленных цели и задач потребовало обращения к массиву исторических источников, представленных непосредственно ежегодными обзорами в виде приложений к всеподданейшим отчетам губернатора Томской губернии и отраслевым ведомостям к ним [9—35]. В настоящее время большая часть обзоров как историко-статистических изданий по населению и территории Томской губернии оцифровано и представлено на сайтах Государственной публичной исторической библиотеки России и Томской областной библиотеки им. А.С. Пушкина. Анализ обзоров позволяет выявить механизмы государственного учета населения и социально-экономического развития отдельных территорий на материалах конкретного региона — Алтая. Информация, содержащаяся в отчетах, отражает интересы государства в деле развития отдельных территорий с демографической, социальной и экономической точки зрения.

Отчеты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи входят в число наиболее востребованных исторических источников и содержат колоссальный фактографический и аналитический материал о внутривластном положении страны в XIX — начале XX вв. Средняя величина отчета составляла примерно сто рукописных листов, заполненных с обеих сторон, что определяло достаточно внушительный общий объем [3, с. 51]. Отчеты, полученные от губернаторов, перенаправлялись в Статистический комитет, входивший в структуру Министерства внутренних дел. Его обязанностью являлось сведение и обобщение полученных со всей страны данных [4, с. 118]. Результаты, полученные по итогам обработки предоставленных полицией и губернаторами отчетов, издавались в виде периодических статистических сборников и использовались в различных исследованиях.

Отдельную группу историко-статистических изданий представляют обзоры губернии, которые ежегодно прилагались к всеподданнейшему отчету губернатора, и ведомости или статистические таблицы для Центрального статистического комитета и Министерства внутренних дел. «Обзоры Томской губернии» представляют собой научно-практическое и отчетно-содержательное издание, которое пользовалось популярностью как среди чиновников правительственных кругов прошлых лет, так и среди ученых-исследователей вплоть до настоящего времени. Практическая сторона данного издания заключалась в упорядоченном представлении материалов по губернии [39, с. 300].

Обращаясь к характеристике «Обзоров Томской губернии» за 1881–1912 гг. выпуска, стоит отметить, что эти историко-статистические источники содержат сведения о численном, гендерном, сословном, религиозном составе населения, финансах, развитии медицины, образования, промышленности, сельского хозяйства, торговли, связи, пожарной части, строительстве дорог, т.е. отражают основные направления демографии и инфраструктуры Томской губернии в целом и уездов, волостей и городов, в частности. Средняя величина ежегодного обзора составляла в среднем сто печатных страниц. Обзоры имели схожую структуру согласно следующим пяти тематикам: естественные и производительные силы губернии и экономическая деятельность населения, подати и повинности, общественное устройство и благочиние, народное здравие и общественное призрение, народное просвещение.

Реализуя задачу данного исследования в выявлении общего и особенного в «Обзорах Томской губернии» для определения возможностей их дальнейшего применения в деле изучения Алтая в контексте исторической статистики обратимся к отдельным составляющим структуры. К наиболее встречаемым сведениям, собираемым на протяжении всего изучаемого периода, относятся цены на хлеб и другие припасы по Томской губернии, средняя заработная плата по округам и состояние хлебозапасных магазинов (по округам) [15–25; 26–35], урожай картофеля по округам [17–25; 26–35], количество скота по округам [9–13; 16–18; 20; 22–35], сведения о состоянии пчеловодства (по округам) [19–21; 32–35], деятельность заводов по выплавке металлов и добыче золота [9; 14–24; 26–35], стоимость ремонтных работ [9–17; 19; 21–25], о числе ярмарок и сумме привоза и сбыта (по округам) [9; 10; 12; 15–16; 18–22; 34; 35], денежные обороты аптек (по городам) [12; 13; 17–33], сведения о количестве медицинского персонала [17–35], число детей, находившихся в приютах, и суммы на их содержание [15–34],

о движении почтовой и телеграфной корреспонденции [18–31; 33; 34], об оспопрививании [17–18; 20; 23–35]. Исходя из этого, можно предположить, что государство более всего было заинтересовано в сборе цифровых данных по таким категориям как сельское хозяйство, выплавка металлов и добыча золота, медицина, ремонтные работы, средства связи и уровень доходов населения. Эти области представляется возможным отнести к сферам наиболее развитым или более всего приносящим доход в тот временной период.

К менее встречаемым сведениям относятся данные о количестве жителей по округам [23; 27–35], о посеве и урожае хлеба [13–20; 32–34], о числе семей, занятых ремеслами [15–21], богадельни по городам и округам [13–25], о количестве мест в больницах (по городам) [11–16; 18; 32–35] и др. Меньшая частота встречаемости может быть объяснена дополнительным характером самих сведений, что делало возможным менее тщательный сбор данных по таковым категориям и его нерегулярность.

Наконец, уникальными сведениями, встречаемыми в единичных обзорах, представляются данные о средней температуре года и сезонов в разных городах губернии, продолжительности времен года для Томска и Барнаула, среднем времени вскрытия и замерзания рек (по городам), посевных площадях процентном соотношении площадей засеянных культур по уездам, урожаи культур на душу населения по уездам и количестве лавок и кабаков (по округам) [35]; количестве ссудо-сберегательных товариществ (по округам) [11], о стоимости сена (по округам) и количестве раскольников в губернии, количестве пожаров и их причины (по округам) [17], деятельности Кольванской шлифовальной фабрики [32]. С одной стороны, единичность встречаемости сведений определяет их уникальность. С другой стороны, отсутствие данных по обозначенным категориям в большинстве обзоров исключает возможность проведения компаративного исследования в хронологическом разрезе.

К большинству обзоров прилагались отраслевые ведомости в виде статистических таблиц по Томской губернии, содержащие сведения о посеве и урожае хлеба, о фабриках и заводах, о пожарах, об устройстве пожарной части в городах, о насильственных и случайных смертных случаях, о числе учебных заведений и учащихся и о городских доходах и расходах и о распределении окладных и неокладных недоимок по округам и городам [9–16; 18–34], о движении населения [9–16; 18–35], о количестве арестантов, содержащихся в тюремных замках и об исполнении воинской повинности [10–16; 18–35]. Так, к новым

освещаемым тематикам относятся образование, миграционные процессы, финансы и воинская обязанность. К реже встречаемым ведомостям относятся такие как о состоянии сельских хлебозапасных магазинов [11–14], о числе торговых свидетельств [32–35], о распределении населения по вероисповеданию и о распределении населения по сословиям [23; 32–35], о числе жителей в городах и округах [11–13; 35], о податях и недоимках [20; 21; 26–35], о числе и роде преступлений и числе осужденных [18–35], о движении переселения по Томской губернии [18–24]. В целом, с исследовательской точки зрения данные ведомостей значительно дополняют обзоры и представляют интерес для формирования представления о демографическом и социально-экономическом состоянии Томской губернии.

Несмотря на высокий информационный потенциал обзоров и ведомостей к ним, подтвержденный столь широким кругом вопросов, по которым собирались статистические сведения, представляется возможным определить ряд источниковедческих проблем, связанных со спецификой времени и обстоятельств создания источника. Прежде всего, обзоры не являются первичными источниками, т.к. материал для отчета предоставлялся различными ведомствами (полиция, земский суд, министерство внутренних дел, губернское правление, епархиальное начальство), обрабатывался, обобщался и представлялся в переработанном виде. В дополнении к этому, предоставляемые официальные данные могли быть намеренно искажены ведомствами и как следствие, не формировали достоверные сведения в обзорах. Еще одним недостатком выступает различия в формировании обзоров в разные годы их выпуска: изменениях в формулярах, характер предоставляемой информации и полнота сведений. Также по разным тематикам имелись различия в охвате исследуемой территории – по городам, по округам или по губернии в целом.

Таким образом, анализ официальных публикаций центральных и региональных статистических органов на примере ежегодных «Обзоров Томской губернии» за 1881–1912 гг. дает разнообразный материал для дальнейшего изучения территории и населения Алтая последней трети XIX – начала XX вв.: численный, гендерный, сословный, религиозный состав населения, финансы, развитие медицины, образования, промышленности, сельского хозяйства, торговли, строительства, пожарной части и связи. Несмотря на разнообразие сведений, содержащихся в обзорах и ведомостях к ним и определяющих высокий информационный потенциал данного вида историко-статистического источника, проведение компаративных исследований отдельных территорий в рамках

диахронного метода представляет определенные сложности. Проблемы связаны с вторичным характером источника, изменениях в формулярах, объеме и характере собираемой информации, и наконец, с публикацией преимущественно губернских данных, тогда как уездные, волостные и городские данные представлены значительно реже.

Список источников и литературы

1. *Елисеева И.И., Дмитриев А.Л.* Правительственная статистика России в конце XIX – начале XX в.: проблемы и реформы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 146–152.
2. *Зайцев М.В.* Основные статистические источники для изучения развития российского города в XIX веке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2015. Т. 15. Вып. 3. С. 11–18.
3. *Кискидосова Т.А.* Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири в 1850–1880 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 50–53.
4. *Левин С.В.* Организация государственной статистики в Российской империи в XIX веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 2. Ч. 2. С. 116–120.
5. *Литвак Б.Г.* О достоверности сведений исторической статистики XIX в. // Источниковедение отечественной истории. М.: Наука, 1976. С. 125–164.
6. *Маджаров А.С., Пономарева Е.Л.* Социальная история Сибири 50–80-х гг. XIX в. в материалах всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов // Известия Иркутского государственного университета. 2015. Т. 14. С. 6–17.
7. *Минаков А.С.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской Империи: современные проблемы историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (38). С. 5–24.
8. *Минаков А.С.* Губернаторский корпус пореформенной России в современной историографии // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 160–168.
9. Обзор Томской губернии за 1881 год. Томск: Губернская типография, 1882. 45 с., [29] л. прил.: ил., табл.; 21 см. На тит. л. также: Приложение ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора. // Томская электронная библиотека. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5/> (дата обращения: 10.06.2023).
10. Обзор Томской губернии за 1882 год. Томск: Губернская типография, 1883. 68, [76] с.: ил., табл.; 25 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-7/> (дата обращения: 10.06.2023).
11. Обзор Томской губернии за 1883 год. Томск: Губернская типография, 1884. 108, [100] с.: ил., табл.; 21 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-529/> (дата обращения: 10.06.2023).
12. Обзор Томской губернии за 1884 год. Томск: Губернская типография, 1885. 124, [64] с.: ил., табл.; 21 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-524/> (дата обращения: 10.06.2023).

13. Обзор Томской губернии за 1885 год. Томск: Губернская типография, 1886. 48, [78] с.: ил., табл.; 34 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-525/> (дата обращения: 10.06.2023).

14. Обзор Томской губернии за 1886 год. Томск: Губернская типография, 1887. 33, [67] с.: ил., табл.; 34 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-526/> (дата обращения: 10.06.2023).

15. Обзор Томской губернии за 1887 год. Томск: Типография губернского правления, 1889. 42, [75] с.: ил., табл.; 34 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-527/> (дата обращения: 10.06.2023).

16. Обзор Томской губернии за 1888 год. Томск: Типография губернского правления, 1889. 47, [75] с.: ил., табл.; 34 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-528/> (дата обращения: 10.06.2023).

17. Обзор Томской губернии за 1890 год. Томск: Типография губернского правления, 1891. 152 с. // Новосибирская государственная областная научная библиотека. URL: http://poisk.ngonb.ru/flip236/dom%20dly%20uma/14/45939_Обзор%20Томской%20губернии%20за%201890%20год%20-%201891/ (дата обращения: 10.06.2023).

18. Обзор Томской губернии за 1891 год. Томск: Типография губернского правления, 1892. 128 с.

19. Обзор Томской губернии за 1892 год. Томск: Типография губернского правления, 1893. 129 с.

20. Обзор Томской губернии за 1893 год. Томск: Губернская типография, 1894. 145 с.

21. Обзор Томской губернии за 1894 год. Томск: Губернская типография, 1895. 107с.

22. Обзор Томской губернии за 1895 год. Томск: Губернская типография, 1896. 106 с.

23. Обзор Томской губернии за 1896 год. Томск: Губернская типография, 1897. 119 с.

24. Обзор Томской губернии за 1897 год. Томск: Губернская типография, 1898. 136 с. // Электронная библиотека Новосибирской государственной областной научной библиотеки (НГОНБ). URL: <http://poisk.ngonb.ru/flip236/dom%20dly%20uma/14/45944-Обзор%20Томской%20губернии%20за%201897%20год%20-%201897/66-67/> (дата обращения: 10.06.2023).

25. Обзор Томской губернии за 1898 год: Приложение к всеподданнейшему отчету томского губернатора. Томск: Тип. губерн. управления, 1899. 99 с.

26. Обзор Томской губернии за 1902 год. Томск: Губернская типография, 1904. 53, [84] с.: ил., табл.; 34 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-1172/> (дата обращения: 10.06.2023).

27. Обзор Томской губернии за 1903 год. Томск: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1904. 41, [84] с.: ил., табл.; 34 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-1168/> (дата обращения: 10.06.2023).

28. Обзор Томской губернии за 1904 год. Томск: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1905. 40, [84] с.: ил., табл.; 34 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-1169/> (дата обращения: 10.06.2023).

29. Обзор Томской губернии за 1905 год. Томск: Губернская типография, 1906. 40, [84] с.: ил., табл.; 34 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-1170/> (дата обращения: 10.06.2023).

30. Обзор Томской губернии за 1906 год. Томск: Губернская типография, 1907. 38, [86] с.: ил., табл.; 34 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-1173/> (дата обращения: 10.06.2023).

31. Обзор Томской губернии за 1907 год. Томск: Типография губернско-го управления, 1909. 39, [81] с.: табл. // Электронная библиотека ГПИБ. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/41519-za-1907-god-1909> (дата обращения: 10.06.2023).

32. Обзор Томской губернии за 1908 год. Томск: Типография Губернского управления, 1909. 65, [90] с.: ил., табл.; 34 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-1176/> (дата обращения: 10.06.2023).

33. Обзор Томской губернии за 1909 год. Томск: Типография Губернского управления, 1910. 64, [92] с.: ил., табл.; 34 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-1175/> (дата обращения: 10.06.2023).

34. Обзор Томской губернии за 1910 год. Томск: Типография Губернского управления, 1912. 55, [90] с.: ил., табл.; 34 см. // Томская электронная библиотека. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-1177/> (дата обращения: 10.06.2023).

35. Обзор Томской губернии за 1912 год. Томск: Типография Губернского управления, 1914. 61 с. // Электронная библиотека НГОНБ. URL: <https://elibrary.ngonb.ru/catalog/4178/37382/> (дата обращения: 10.06.2023).

36. *Раздорский А.И.* Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи (приложения к всеподданнейшим отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников): 1870—1916, сводный каталог. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 913 с.

37. *Рутц М.Г.* Торгово-промышленное развитие и население городов Западной Сибири первой половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003. 351 с.

38. *Рыгалова М.В., Брюханова Е.А.* Статистические источники по истории городов Сибири второй половины XIX — начала XX вв.: историографический анализ и критика данных // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2021. № 72. // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-istochniki-po-istorii-gorodov-sibiri-vtoroy-pолоviny-xix-nachala-hh-vv-istoriograficheskiy-analiz-i-kritika-dannyh> (дата обращения: 12.06.2023).

39. *Скопа В.А.* Издательская деятельность статистических служб Томской губернии и ее роль в изучении региона во второй половине XIX — начале XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2007. Ч. 1. С. 299—302.

40. *Шахеров В.П.* Формирование городской среды Байкальской Сибири в XVIII — первой половине XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2012. 692 с.

Читательские предпочтения жителей Вологодской губернии в конце XIX в.: на материалах почтово-телеграфной службы

Аннотация. В статье представлен анализ читательской аудитории Вологодской губернии в конце XIX в., когда в обществе происходили важнейшие социокультурные изменения, отразившиеся на читательской активности и развитии периодической печати. Данные по количеству выписываемых в почтово-телеграфных конторах газет и журналов рассмотрены с учетом численности грамотного населения в губернии. В ходе исследования выявлены основные газеты и журналы, выписываемые жителями, рассмотрена их тематика и востребованность у населения.

Ключевые слова: периодическая печать; читательская аудитория; почтово-телеграфные конторы; газеты; журналы; Вологодская губерния.

Reader preferences of Vologda Province residents in the late XIX century: based on the materials of the postal and telegraph service

Abstract. The article presents an analysis of the Vologda province readership at the end of the XIX century, when the most important socio-cultural changes took place in society which reflected in the reader's activity and the development of the periodical press. Data on the number of newspapers and magazines issued in postal and telegraph offices are considered taking into account the number of literate population in the province. In the course of the study, the main newspapers and magazines subscribed by residents were identified, their topics and demand by the population were considered.

Keywords: periodical press; readership; postal and telegraph offices; newspapers; magazines; Vologda province.

Изучение читательской аудитории предоставляет возможность получить ценные сведения о культурном пространстве провинциальных городов, складывавшемся под влиянием целого комплекса различных политических, экономических и духовных факторов. На рубеже XIX—

¹ Наталья Андреевна Овчинникова — соискатель кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I; заведующий отделом информационно-поисковых систем, Государственный архив Вологодской области (Вологда, Россия), e-mail: baraewa.n@yandex.ru

Natalya A. Ovchinnikova — External PhD student, Department of history, philosophy and socio-political studies of the Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I; head of the Department of Information Retrieval Systems, State Archive of the Vologda Region (Vologda, Russia).

XX вв. российское общество переживало трансформацию. Изменения, происходившие в политической сфере и общественной жизни, волновали все население, что отражалось в интересе к периодической печати и спросе на те или иные газеты и журналы. Настоящее исследование ставит перед собой цель на материалах почтово-телеграфной службы проанализировать читательскую активность и читательскую аудиторию периодических изданий в Вологодской губернии в конце XIX в.

В историографии выделяется целый пласт исследований по истории периодической печати, в которых рассматривается ее появление и распространение в России, анализируется роль и влияние на политику, экономику, социальную сферу [1; 10; 12; 14; 15; и др.]. Ряд публикаций освещает историю отдельных газет / журналов, в том числе региональных, а также изданий, объединенных связующей темой (церковная пресса, мода, литература и т.д.) [3; 11; 16; и др.]. В последние годы предпринимаются попытки провести сравнительный анализ читательских интересов двух периодов — начала XX в. и начала XXI в., при этом исследователи стремятся выявить общие тенденции влияния прессы на настроения общества [13]. Читательская аудитория Вологодской губернии конца XIX в. еще не становилась предметом специального исследования.

Ввиду того, что почтово-телеграфная служба Вологодской губернии с 1887 по 1905 г. входила в состав Ярославского почтово-телеграфного округа [5, л. 46—47 об.], в ходе настоящего исследования проводилась работа с документальными материалами двух архивохранилищ — Государственного архива Ярославской области (далее — ГЯАО) и Государственного архива Вологодской области (далее — ГАВО). Особое внимание было уделено отчетам почтово-телеграфных контор губернского города Вологды и девяти уездных городов за 1895—1900 гг., в которых представлена информация о распространении газет и журналов на территории всего региона. Эти материалы сохранились в фонде Управления Ярославского почтово-телеграфного округа (ГЯАО, ф. 573). Кроме того, потребовалось обращение к документам, отложившимся в фондах Канцелярии вологодского губернатора (ГАВО, ф. 18) и Вологодской губернской почтово-телеграфной конторы (ГАВО, ф. 400), благодаря чему удалось изучить распорядительную документацию о деятельности Вологодской губернской почтово-телеграфной конторы, а также выявить статистические данные по населению губернии в конце XIX в.

В административно-территориальном отношении Вологодская губерния делилась на 10 уездов. В непосредственной близости от Вологодского уезда располагались Грязовецкий и Кадниковский, далее на восток — Тотемский, Вельский, Никольский и Великоустюгский, самыми

удаленными от губернского центра являлись Сольвычегодский, Яренский и Усть-Сысольский уезды. Согласно данным первой всеобщей переписи населения 1897 г., в губернии проживало 1 341 785 чел. [19, с. 3]; к концу 1898 г. численность жителей выросла до 1 436 783 чел. [4, л. 34]. Самыми населенными городами являлись Вологда (27 705 чел.) и Великий Устюг (11 137 чел.). Удельный вес грамотного населения составлял 283 955 чел., или 21% от общего числа жителей. Грамотность среди горожан составляла 53,9%, среди жителей уезда – 19,5%. В структуре грамотного населения выделялась молодежь от 10 до 19 лет (96 837 чел., или 34% от общего числа грамотных) [19, с. 8].

Как следует из таблицы 1, кроме Вологды лидерами по количеству жителей, обученных грамоте, являлись города Вельск, Яренск и Великий Устюг (причем они находились достаточно далеко от губернского центра). В целом основу населения уездов составляли крестьяне, уровень грамотности которых был довольно низким. На общем фоне выделяются Кадниковский (32,3%), Вологодский (25,6%) и Грязовецкий (25,0%) уезды.

Таблица 1

Численность грамотного населения в Вологодской губернии в 1897 г.

Уезд	Численность населения уезда (чел.)	Численность грамотного населения в уезде		Численность городского населения (чел.)	Численность грамотного городского населения	
		(чел.)*	(%)		(чел.)*	(%)
Великоустюгский	132109	19994	15,1	12261**	6336	51,6
Вельский	100495	16498	16,4	1989	1107	55,6
Вологодский	144482	37089	25,6	27705	16676	60,2
Грязовецкий	102233	25614	25,0	3205	1611	50,2
Кадниковский	186391	60206	32,3	2406	1167	48,5
Никольский	225830	28060	12,4	2553	1300	50,9
Сольвычегодский	115176	19697	17,1	2459***	1218	49,5
Тотемский	141872	22202	15,6	4947	2359	47,6
Усть-Сысольский	85376	11351	13,2	4464	1682	37,6
Яренский	44839	9238	20,6	993	550	55,3
Всего	1278803	249949	19,5	62982	34006	53,9

* В том числе временно проживающих.

** Включая г. Лальск.

*** Включая г. Красноборск.

Составлено по: [18, с. 2, 37–61].

По данным переписи 1897 г., с середины XIX в. грамотность в Российской империи, не исключая Вологодскую губернию, заметно выросла, что, по всей видимости, способствовало читательской активности населения в провинции. Спрос населения во многом способствовал росту числа почтово-телеграфных контор, для которых к концу XIX в. обеспечение доступности прессы для жителей становится одной из главных задач. Так, если в 1895 г. на территории губернии имелось 34 почтово-телеграфных учреждения, то в 1900 г. — уже 39 [6, л. 1 об. — 7; 9, л. 341–348; 17, с. 163]. В таблице 2 представлены сведения о количестве печатных изданий, выписанных жителями Вологодской губернии в 1895 г.

Таблица 2

**Количество печатных изданий,
полученных населением через почтово-телеграфные конторы
Вологодской губернии в 1895 г.**

Уезд	Количество изданий	Количество экземпляров*	Количество экземпляров на душу населения (%)**
Великоустюгский	111	11379	0,07
Вельский	69	4483	0,04
Вологодский	185	23697	0,13
Грязовецкий	32	4271	0,04
Кадниковский	87	8777	0,04
Никольский	105	6461	0,02
Сольвычегодский	69	6146	0,05
Тотемский	85	5913	0,04
Усть-Сысольский	128	7010	0,07
Яренский	68	2466	0,05
Всего	230	80603	0,06

* Экземпляр — один номер журнала или газеты.

** Учитывались данные по численности населения городов и уездов на 1897 г.

Составлено по: [7, л. 21–22 об., 35–36 об., 74–77, 108, 149–150, 212–213 об., 285–286, 297–298 об., 308–309 об., 351–351 об.; 18, с. 22–45].

В целом по губернии показатель числа выписанных экземпляров печатных изданий в расчете на душу населения составлял 0,06%.

Как видно из таблицы, самыми читающими являлись жители Вологды и ее округа (0,13%). В большинстве остальных уездов этот показатель выглядит довольно ровно: 0,04–0,05%. На общем фоне более высокими числовыми значениями выделяются Великоустюгский и Усть-Сысольский уезды (0,07%), более низкими – Никольский (0,02%). Эти данные в полной мере не коррелируются с уровнем грамотности, и объяснение показателей, по всей видимости, кроется в составе проживавшего в уездах и уездных городах населения. Очевидно, что в Великоустюгском уезде большая часть выписываемой прессы приходилась на горожан²; что же касается Усть-Сысольского уезда, то преобладающее здесь коренное зырянское (коми) население в изучаемый период стремилось к изучению русского языка (что объяснялось необходимостью активного взаимодействия с русскоязычным населением, в том числе с представителями власти).

В ходе исследования не удалось обнаружить источники, которые позволили бы установить точные данные по численности городских и сельских читателей, но известно, что издания, выписываемые через городские почтово-телеграфные учреждения, расходились не только в городах, но и поступали в села через представителей волостных правлений. Об этом отчасти свидетельствуют представленные выше показатели. Так, в Сольвычегодске, насчитывавшем чуть больше 1 200 грамотных горожан, контора выдала более 6 тыс. экземпляров газет и журналов за 1895 г., в Никольске на 1 300 человек грамотного населения пришлось почти 6,5 тыс. экземпляров и т.д.

Следует отметить, что читательская активность напрямую зависела от времени года. Наименее востребованными газеты и журналы были в зимний период, особенно в январе-феврале. В марте-апреле наблюдался рост спроса на печатную продукцию, который далее оставался на одном и том же уровне вплоть до конца осени. По всей видимости, главную роль в этом играла продолжительность светового дня: весной-летом у населения появлялось больше возможностей для чтения, чем в самые «темные» зимние месяцы.

По моим подсчетам, в 1895 г. через почтово-телеграфные конторы в Вологодскую губернию поступило 230 различных газет и журналов. Такое разнообразие обращает на себя внимание: интерес жителей к прессе свидетельствует об активности и подвижности аудитории. В изучаемый период население привлекали не только вопросы, свя-

² Древний купеческий город Великий Устюг был вторым по величине в губернии и играл весомую роль в экономическом развитии региона.

занные с политикой и церковью, но и проблемы воспитания, науки и техники, мода, домоводство, юмор и т.д. Некоторые издания пользовались популярностью только у жителей определенных уездов. Например, в Усть-Сысольском предпочитали читать «Волжский вестник», «Горный журнал», «Минеральное обозрение», «Волжско-Донской листок».

Таблица 3

**Распространенность отдельных периодических изданий
в Вологодской губернии в 1895 г.**

Количество экземпляров	Количество изданий
От 5 000 до 7 000	4
От 3 000 до 4 000	4
От 1 000 до 2 000	9
От 500 до 1 000	10
От 100 до 500	47
От 10 до 100	143
Менее 10	7
Всего	224

Составлено по: [7, л. 21–22 об., 35–36 об., 74–77, 108, 149–150, 212–213 об., 285–286, 297–298 об., 308–309 об., 351–351 об.].

Таблица 3 позволяет увидеть востребованность отдельных периодических изданий у читательской аудитории. Представленные в ней данные свидетельствуют, что активно распространялись далеко не все газеты и журналы. В 1895 г. повсеместно приобретали газеты «Свет» и «Сельский вестник», журналы «Нива» и «Церковные ведомости» (число поступивших в губернию экземпляров этих изданий варьировалось от 5 до 7 тыс.). Самым востребованным являлся журнал «Нива», освещавший внутри- и внешнеполитические события и имевший много приложений, содержавших отечественные и зарубежные литературные произведения, календари, картины, фотографии и т.д. Рассчитанный на широкую аудиторию журнал был интересен для представителей всех слоев населения не только в провинции, но и в целом в России [20]. Больше всего «Ниву» заказыва-

ли жители Вологодского, Великоустюгского, Кадниковского и Усть-Сысольского уездов. Не меньшим спросом пользовался «Сельский вестник», издававшийся при «Правительственном вестнике». Газета была максимально приближена к народу, бесплатно выдавалась волостным правлениям. В ней публиковались сообщения, поступавшие из волостных правлений, а также ответы редакции на различные вопросы крестьян. Эту газету больше всего выписывали в Кадниковском, Никольском и Великоустюгском уездах. Газета «Свет» отличалась своей дешевизной, что делало ее доступной широким слоям населения. Наибольшее количество изданий в 1895 г. приобрели жители губернского центра (более 2000 экз.), а также Великоустюгского и Тотемского уездов. В условиях сохранения традиционного жизненного уклада в провинции, в котором вера и религиозные убеждения играли ведущую роль, не удивительна популярность издававшегося Синодом журнала «Церковные ведомости». Менее всего его покупали в уездах с преобладающим зырянским населением, что было связано с этнокультурными особенностями — коренное население в основной своей массе не знало русского языка (приходское духовенство вело проповеди и беседы с прихожанами на родном языке) [2].

Спросом у читателей в Вологодской губернии пользовались официальные газеты («Сенатские ведомости», «Вологодские губернские ведомости»), газета «Сын Отечества» и журнал «Родина». На страницах «Сенатских ведомостей» публиковали указы и правительственные распоряжения (их выписывали, главным образом, служащие государственных и иных учреждений). Общественно-политическая и литературная газета «Сын Отечества» была рассчитана на массового читателя и выпускалась в двух изданиях: первое (полное) стоило дороже, соответственно, его заказывали реже, в основном в Вологодском и Великоустюгском уездах; второе (удешевленное) было более доступным и пользовалось популярностью во всех уездах, особенно в Сольвычегодском и Кадниковском. Ежемесячный журнал «Родина» также представлял интерес для широких слоев населения (в нем публиковались статьи по истории, географии, торговле, медицине, обзоры современных событий и т.п.). В целом ежегодно в уездные почтово-телеграфные конторы поступало по 200—300 экземпляров этого журнала.

Губернские ведомости являлись местной газетой, где публиковалась не только правительственные распоряжения, но и актуальная для жителей информация. Кроме того, Вологодская почтово-телеграфная контора ежемесячно заказывала по одному экземпляру губернских и областных ведомостей, выходявших в других регионах России

(в частности, в 1895 г. было выписано 44 издания, насчитывавших 532 экземпляра). Уездные почтово-телеграфные конторы также могли заказывать официальные газеты из соседних губерний. К примеру, в Вельске, расположенном на севере губернии, заказывали Архангельские губернские ведомости.

Группа изданий, представленных в таблице 3 в графе с количеством экземпляров менее 10 шт., включает газеты и журналы особой тематики, не рассчитанной на массового читателя. Так, в 1895 г. в Кадниковский и Усть-Сысольский уезды поступило несколько изданий журнала о музыке и театре «Артист», в Великоустюгский — журнал Харьковской духовной академии «Вера и разум», в Усть-Сысольский — геологический журнал «Минеральное обозрение», в Никольский — либеральная газета «Восточное обозрение», в Вельский — газета о курортной жизни в Крыму «Ялта». Все периодические издания, выписанные в губернию в 1895 г., по содержащейся в них информации можно разделить на несколько групп.

Из Таблицы 4 видно, что основной тематикой газет и журналов, интересовавших читательскую аудиторию Вологодской губернии, являлись история, литература, политика, общественная мысль: более 50 изданий, 30–40 тыс. экземпляров в год. Среди них были газеты «Неделя», «Русские ведомости», «Сын Отечества», журналы «Живописное обозрение» для семейного чтения, «Луч» с обзором текущей хроники, «Новь» с новинками в науке, «Север» с историческими обзорами и др. Не теряло актуальности для читателей богословие. На страницах таких изданий, как «Богословский вестник», «Воскресный день», «Душеполезное чтение», «Кормчий», «Руководство для сельских пастырей», «Христианское чтение», «Церковный вестник», «Церковные ведомости» и т.п., в частности, рассказывалось о духовно-нравственной стороне жизни общества, правилах ведения церковных служб и общения сельских священников с паствой.

Развитие в конце XIX в. науки, техники и медицины привело к росту потребности населения в актуальных знаниях в этих отраслях. В Вологодской губернии популярными являлись журналы «Будьте здоровы», «Врач», «Вестник Красного Креста», «Вестник Российского общества Красного Креста», «Научное обозрение». Развитие предпринимательской инициативы вызывало интерес к ежедневному общественно-политическому изданию «Новости и Биржевая газета». По количеству продаваемых экземпляров этой газеты можно выделить Вологодский, Великоустюгский, Вельский и Грязовецкий уезды.

Таблица 4

**Тематика периодических изданий, выписанных населением
Вологодской губернии в 1895–1900 гг.**

Тематика издания	Количество изданий)	Количество экземпляров изданий
История, литература, политика, общество	50–65	30 000–40 000
Богословие	23–25	10 000–12 000
Крестьянская жизнь	1	6 000–7 000
Медицина	18–20	2 500–3 000
Путешествия	1	1 700–2 000
Промышленность, торговля	2–3	1 000–1 200
Мода	4–5	1 000–1 200
Образование, педагогика	22–25	900–1 000
Еженедельные новости, объявления	5–6	650–750
Юмор, развлечения	6	600–700
Полиция, суд	6–7	500–600
Детское чтение	5–6	500–600
Сельское хозяйство	4–5	300–500
Военное дело	3–4	250–300
Юриспруденция	1	200–230
Наука, изобретения	4–5	150–180
Охота	2	80–90
Иноязычные издания (немецкий язык, иврит)	3–4	70–85
Ветеринария	2–3	40–60
Питание	1	40–50
Тюремная жизнь	1	40–50
Музыка и театр	3–4	36–50
Метеорология	1	36–40
Пожарное дело	1	30–40
Фотография	1	30–40
Пчеловодство	1	12

Составлено по: [7, л. 21–22 об., 35–36 об., 74–77, 108, 149–150, 212–213 об., 285–286, 297–298 об., 308–309 об., 351–351 об.; 8, л. 22–23 об., 36–37 об., 71–74, 127–127 об., 159–160, 241–242 об., 329–330 об.].

В 1890-е гг. вместе с системой образования активно развивалась педагогическая мысль, в провинции стали пользоваться популярностью журналы для детского чтения, которые уже учитывали возраст детей. Так, «Задушевное слово» печаталось в двух изданиях: для детей младшего (от 5 до 9 лет) и старшего возраста (от 9 до 14). Кроме него жители Вологодской губернии интересовались журналами «Вестник воспитания», «Детский отдых», «Детское чтение», «Малютка», «Родник», «Русская школа» и др.

Женскую половину населения конечно же интересовали публикации о моде и ведении домашнего хозяйства, которые можно было найти в журналах «Вестник моды», «Модный свет», «Новый русский базар», «Парижские моды» (отдельное приложение к журналу «Живописное обозрение») и др. Спросом пользовались также юмористические и развлекательные журналы «Будильник», «Осколки», «Шут», «Стрекоза» и др. В среднем они продавались по 100–150 экз. ежегодно каждый.

Такие журналы, как «Архив ветеринарных наук», «Чтение для солдат», «Разведчик», «Природа и охота», «Нувеллист», охватывали тематику, интересовавшую далеко не все слои населения, — военное дело, юриспруденция, охота, ветеринария, музыка, театр, метеорология, фотография. Выделялся своей спецификой журнал «Тюремный вестник» с приложением для чтения арестантов: он выписывался в Вельском, Никольском, Усть-Сысольском и Яренском уездах. Незначительная часть изданий поступала в почтово-телеграфные конторы Вологды, Великого Устюга, Вельска для немецкоязычного населения и евреев: газеты «St. Petersburger Herold», «St. Petersburger Zeitung», Ха-мелиц.

Подводя итог, следует отметить, что читательская аудитория Вологодской губернии в конце XIX в. представляла собой хотя и скромное по численности, но динамично развивающееся культурное сообщество, интересовавшееся новыми веяниями практически во всех отраслях знаний. Основную массу жителей составляли крестьяне, что влияло на типы и тематику периодических изданий, поступавших через почтово-телеграфные конторы, — помимо «Сельского вестника» наиболее востребованными были дешевые газеты и журналы, публиковавшие статьи на разные темы. Стоимость изданий напрямую отражалась на их популярности: выигрывали те, покупку которых могли себе позволить широкие слои населения. Кроме того, на специфику распространения газет и журналов в губернии влияли занятия и состав населения.

Список источников и литературы

1. *Вахрушев А.А.* Просветительская миссия печати и литературы в провинциальной России: (на материале Вятской губернии XVII – начала XX веков). Ижевск: УдГУ, 2011. 273 с.
2. *Власова В.В.* Родной язык и религиозные практики в приходах Коми края в начале XX века // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 341–351.
3. *Гермизеева В.В., Глазунова Т.В.* Повседневная жизнь Омска в начале XX в. на страницах местных периодических изданий // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2023. № 1. С. 37–46.
4. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 3399.
5. ГАВО. Ф. 400. Оп. 3. Д. 10.
6. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 573. Оп. 1. Д. 112.
7. ГАЯО. Ф. 573. Оп. 1. Д. 113.
8. ГАЯО. Ф. 573. Оп. 1. Д. 199.
9. ГАЯО. Ф. 573. Оп. 1. Д. 218.
10. *Жирков Г.В.* Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. 382 с.
11. *Ким Е.Х.* Еженедельный журнал «Нива» о быте, нравах, интересах русского общества на рубеже XIX–XX вв. // Символ науки. Межд. науч. журнал. 2016. № 4/4 (16). С. 77–85.
12. *Коновченко С.В.* Власть, общество и печать в России. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2003. 398 с.
13. *Котик М.С.* Проблемы неосознанного потребления читателем очерковой публицистики в начале XX и начале XXI вв. // Тенденции развития науки и образования. № 84, Апрель 2022 (Часть 6). Самара: Изд. Научный центр «LJournal», 2022. С. 20–22.
14. *Лепилкина О.И.* Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.). М.: Пекса, 2010. 362 с.
15. *Летенков Э.В.* Писчебумажное производство и периодическая печать в России: очерк истории (1901–1916 гг.). СПб.: ЛЕМА, 2018. 101 с.
16. *Нетужилов К.Е.* Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб.: СПбГУ, 2008. 266 с.
17. *Овчинникова Н.А.* Развитие почтово-телеграфной службы в Вологодской губернии в начале XX в. // История России с древнейших времен до XXI в.: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. статей Межд. науч.-практ. школы-конф. молодых ученых. М.: ИРИ РАН, 2022. С. 161–170.
18. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. VII: Вологодская губерния. Тетр. 1/ под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Санкт-Петербургское акционерное общество «Слово», 1901. 54 с.
19. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. VII: Вологодская губерния. Тетр. 2 (последняя) / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Санкт-петербургское акционерное общество «Слово», 1904. 208 с.
20. *Полонский А.В., Глушкова В.Г.* Журнал «Нива» в контексте культуры серебряного века // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 3 (38). С. 118–128.

Проблемы участия Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества и его музея во всероссийских и международных выставках конца XIX – начала XX в.

Аннотация. В статье исследуются основные проблемы, характеризующие участие Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества и его музея в выставках конца XIX – начала XX в.: недостаточное финансирование, сложности сбора, транспортировки и возврата экспонатов, слабое взаимодействие с экспонентами по вопросу пополнения музейных коллекций. На основе протоколов заседаний и общих собраний организации, переписки с центральными ведомствами, администрацией, общественными организациями, местными корреспондентами, публикаций в периодических изданиях выявляются сложности, с которыми сталкивалось руководство отдела на всех этапах выставочной деятельности. Делается вывод о том, что руководители Западно-Сибирского отдела в определенной степени учитывали негативный опыт, полученный при участии в подобных мероприятиях. Об этом свидетельствовали разработка более детальных смет, поиск дополнительных источников денежных средств, особое внимание к пополнению фондов музея.

Ключевые слова: ЗСОИРГО; музей; выставка; экспозиция; экспонат; Омск.

Problems of Participation of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society and its Museum in All-Russian and International Exhibitions of the Late 19th – Early 20th Centuries

Abstract. The author studies the main problems involved with the participation of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society and its museum in exhibitions in the late 19th – early 20th centuries. These were: insufficient funding, difficulties in collecting, transporting and returning exhibits, weak interaction with exhibitors on the issue of replenishing museum collections. Using the board minutes of the organization, its correspondence with central departments, administration, public organizations, local correspondents, publications in periodicals, the author reveals the difficulties

¹ Александр Викторович Филимонов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омского государственного историко-краеведческого музея (Омск, Россия), e-mail: aleks.filimonoff@yandex.ru
Alexander V. Filimonov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher in the Omsk State Museum of History and Regional Studies (Omsk, Russia).

that the management of the department faced at all stages of the exhibition activity. The author draws a conclusion that the leaders of the West Siberian Department, to a certain extent, took into account the negative experience gained when participating in such events. This was evidenced by the development of more detailed estimates, the search for additional sources of funds, and special attention to replenishing the museum's funds.

Keywords: West Siberian Department of the Imperial "RGO"; museum; exhibition; exposition; exhibit; Omsk.

Экспозиционная деятельность представляет одно из ключевых направлений работы музеев. С течением времени неоднократно менялись и совершенствовались критерии и методы отбора экспонатов для выставок, принципы их объединения в коллекции и представления. Исследование процесса формирования провинциальной сети музеев в Российской империи в конце XIX – начале XX в. позволяет выявить основные проблемы, с которыми сталкивались данные учреждения. В рамках настоящей работы соответствующие вопросы рассматриваются на примере участия Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ЗСОИРГО) и его музея в ряде выставок конца XIX – начала XX в.

Всероссийские и международные выставки позднеимперского периода являлись важным событием в жизни страны. Ход и результаты каждого подобного мероприятия широко освещалось в правительственной и частной печати. В связи с этим неудивителен интерес исследователей к различным сторонам выставочной деятельности. Не останавливаясь подробно на значительном пласте литературы об истории выставок в Российской империи, необходимо отметить, что вопросы участия в них ЗСОИРГО (одной из крупнейших научных организаций за Уралом) и его музея достаточно редко становились предметом исследования. В работе И.В. Захаровой и Н.А. Сергеевой рассматривается подготовка отдела к всероссийским и международным выставкам от Антропологической в Москве в 1879 г. до Первой Западно-Сибирской 1911 г. в Омске, ее роль в развитии научных исследований края и укреплении связей с местными и центральными общественными организациями [16]. В статье О.В. Блиновой через участие музея ЗСОИРГО в выставках конца XIX – начала XX в. выявляется трансформация отношения руководства и членов организации к этому роду деятельности и подходов к комплектованию фондов [1]. Автором, в частности, отмечается индивидуальное значение каждой выставки для отдела: так, на Нижегородской выставке он впервые выступил не только как экспонент, но и как соорганизатор. Более конкретный

срез представляет статья Л.П. Полоницкой, в рамках которой процесс подготовки отдела к Нижегородской выставке раскрывается через служебную переписку председателя организации Г.Е. Катанаева с вице-председателем Императорского Русского географического общества (далее — ИРГО) П.П. Семеновым, степным генерал-губернатором М.А. Таубе и рядом других лиц [18].

В рамках данного исследования предполагается более подробно остановиться на ряде основных проблем, характеризовавших участие ЗСОИРГО и его музея в выставках конца XIX — начала XX в., и попытках их решения с целью выявления общих тенденций данного вида деятельности научной организации. Основными источниками послужили протоколы заседаний Распорядительного комитета и общих собраний ЗСОИРГО, переписка с ведомственными учреждениями, общественными организациями и местными корреспондентами и периодические издания.

В числе организационных вопросов выставочной деятельности, обсуждавшихся на заседаниях распорядительного комитета и общих собраниях членов ЗСОИРГО, финансовый можно считать одним из наиболее частых. В связи с ограниченностью бюджета и нерегулярностью других источников поступлений (государственные ассигнования, частные пожертвования и т.д.) участие в таком крупном мероприятии как всероссийская или международная выставка представляло серьезную проблему для организации. Так, на подготовку степной группы Нижегородской выставки ЗСОИРГО было выделено 3 тыс. руб. [16, с. 210]. Данной суммы хватило только для сбора и отправки экспонатов в Нижний Новгород, в связи с чем представитель отдела на выставке К.В. Николаевский вынужден был выслать предметы обратно в Омск за казенный счет, что привело к утрате и порче ряда экспонатов.

Для участия во Всемирной выставке 1900 г. ЗСОИРГО изначально была выделена сумма в 1 тыс. руб. [7, л. 22]. На общем собрании 10 ноября 1898 г. члены отдела констатировали, что отпущенных средств не хватит на упаковку и отправку предметов и приняли решение обратиться к П.П. Семенову с просьбой выделить дополнительные средства в размере не менее 500 руб. или указать на возможные сокращения программы сбора экспонатов [6, л. 68 об.; 7, л. 44 об. — 45]. 20 декабря 1898 г. Семенов сообщил, что считает 1 тыс. руб. достаточной суммой для выполнения поставленной отделу задачи и предложил отказаться от подготовки некоторых коллекций [7, л. 55–56 об.]. В 1901 г. Отдел все же вынужден был обратиться к Министерству финансов с просьбой выделить средства для уплаты по счетам обратной перевозки вы-

ставочных экспонатов, что свидетельствовало о недостаточности изначальной суммы [8, л. 8 об.].

Финансовый вопрос не потерял своей остроты при подготовке ЗСОИРГО к Первой Западно-Сибирской выставке 1911 г. В ходе обсуждения ряда предварительных вопросов 1 марта 1910 г. правитель дел распорядительного комитета указал на крайнюю финансовую бедность отдела, которая препятствовала широкому участию в мероприятии [10, л. 164 об.]. 27 января 1911 г. хранитель музея ЗСОИРГО А.Н. Седельников представил подготовленную специальной комиссией смету, согласно которой предполагалось выделить 4 тыс. руб. на участие отдела по приложенной программе [13, л. 12 об.]. В связи с отклонением части проекта, касавшейся участия отдела как организатора мероприятия, выставочный комитет согласился выделить ему 3 тыс. руб. (300 руб. на составление обзоров научной деятельности отдела и 2700 руб. на пополнение и приведение в порядок коллекций музея) [11, л. 92 об.]. Распорядительный комитет ЗСОИРГО отметил, что уменьшение сметы вызовет нежелательное сокращение программы, но вынужден был согласиться. Уменьшение бюджета удалось частично компенсировать за счет частных пожертвований и субсидии от Омской городской думы [11, л. 79]. В целом согласно отчету Седельникова отделу удалось практически полностью выполнить программу, несмотря на сокращение изначальной сметы [10, л. 194 об.].

Приступая непосредственно к подготовительным мероприятиям, организаторы неизбежно сталкивались с проблемами при сборе экспонатов и подготовке их к отправке. Чаще всего сложности были связаны с отсутствием необходимых предметов или отказом от участия конкретных экспонентов. В письме П.П. Семенову от 3 ноября 1895 г. Г.Е. Катанаев сообщал о задержке «подготовительных работ» в связи с тем, что приходилось прилагать значительные усилия в переговорах с «подходящими лицами и учреждениями» об участии в выставке [18, с. 248]. Местное население далеко не всегда соглашалось на отправку предметов в Омск. Так, один из участников переписки с Катанаевым В. Маевский сообщал, что многие казахи Семипалатинского уезда отказывались передавать старинные и дорогие вещи на выставку в связи с тем, что ранее при проведении подобных мероприятий имели место случаи потери или порчи предметов [3, л. 346–349]. Со сходной проблемой отдел столкнулся в начале весны 1911 г., когда Семипалатинский подотдел ИРГО сообщил об отказе от участия в Западно-Сибирской выставке, так как ранее подобные мероприятия приносили большой ущерб коллекциям [10, л. 180 об.]. Позднее подотдел все же

согласился участвовать в выставке на условиях отправки вместе с экспонатами своего представителя [12, л. 17].

Подготовительные мероприятия ЗСОИРГО заканчивались с отправкой экспонатов. Тем не менее, выставочная деятельность отдела на этом не прекращалась. Рядом сложностей характеризовался период после окончания мероприятия. Серьезной проблемой была обратная перевозка экспонатов с выставки в Омск и их возврат владельцам. В случае с Нижегородской выставкой свою роль сыграла ограниченность средств: из-за отсутствия денег представитель отдела К.В. Николаевский вынужден был отправить экспонаты за казенный счет [18, с. 255]. При получении ящиков в Омске представители Западно-Сибирского отдела обнаружили, что большинство предметов было перепутано, а ярлыки с информацией о них оторваны [5, л. 12]. В результате значительное время ушло на разбор и определение принадлежности коллекций, что задержало отправку экспонатам до марта-апреля 1897 г.

Стремясь не допустить повторения ситуации, при подготовке к выставке в Париже распорядительный комитет отправил вместе с коллекциями своего представителя [7, л. 10]. С той же целью 30 апреля 1903 г. в период участия в выставке костюмов в Петербурге распорядительный комитет постановил просить комитет выставки приложить к обратным посылкам опись предметов [10, л. 36 об.]. В целом ситуация с возвратом предметов несколько улучшилась по сравнению с Нижегородской выставкой, однако отдельные случаи потери вещей все же имели место. Так, осенью 1903 г. ЗСОИРГО вел переписку с крестьянскими начальниками об отсутствовавших казахских костюмах мужчины, женщины и взрослой девушки [9, л. 45, 52, 61]. При проверке присланных с выставки ящиков в конце сентября 1903 г. ряда предметов (нож, чалпа, женский камзол и др.) недосчитались письмоводитель канцелярии каркаралинского уездного начальника Чанчиков и сотрудник канцелярии Павлодарского уездного начальника Лоскутов [9, л. 55, 56, 62].

Еще одной проблемой, связанной с перевозкой, была порча предметов. Г.Е. Катанаев в объяснениях к отчету о деятельности отдела за 1895–1896 гг. указывал на то, что лично обнаружил поврежденные вещи в семи ящиках, прибывших в Омск. Подобные случаи были также отражены в переписке руководства Западно-Сибирского отдела с крестьянскими начальниками Степного края. Так, 30 марта 1897 г. кокчетавский уездный начальник сообщил Западно-Сибирскому отделу о получении ряда испорченных экспонатов: погнутой уздечки

с мозаикой, замшевого халата с двумя оторванными серебряными пуговицами, пояса с утерянными аметистами, и просил учесть это при упаковке и отправке других предметов, в особенности – ценных китайских ваз [5, л. 71]. В ответе от 22 апреля 1897 г. представители отдела сообщили уездному начальнику, что одна из ваз также оказалась поврежденной при пересылке в Омск [5, л. 70–70 об.]. Несмотря на принятые при подготовке к Всемирной выставке в Париже меры, ситуация повторилась: при вскрытии некоторых ящиков с коллекциями в Омске была отмечена крайняя небрежность перевозки, вследствие чего достаточно серьезно пострадали сельскохозяйственная и минералогическая коллекции [1, с. 30].

Участвуя в выставках, ЗСОИРГО преследовал не только цели укрепления связей с учреждениями и организациями, привлечения внимания общественности к своей деятельности и расширения сети местных корреспондентов. Не менее важной задачей было пополнение музейных коллекций новыми предметами после окончания мероприятия. После проведения Нижегородской выставки данный вопрос, в частности, был поднят в печати. В связи с уходом Г.Е. Катанаева в 1897 г. с должности председателя организации обратную рассылку вещей экспонентам осуществлял переизбранный распорядительный комитет. В фельетоне в «Сибирском Вестнике» от 22 апреля 1897 г. ставилось под сомнение решение нового руководства как можно быстрее вернуть предметы владельцам, не попытавшись договориться о передаче их в музей отдела [17, с. 2]. Подобная критика носила субъективный характер, поскольку делопроизводственные документы и описи коллекций свидетельствуют о значительном пополнении коллекций после выставки. Большое количество экспонатов сельскохозяйственного, этнографического, дендрологического характера поступило из Зайсанского и Семипалатинского уездов, от хозяйственного правления Сибирского казачьего войска, управления государственных имуществ степных областей [4, л. 12; 2, л. 108–109 об.; 16, с. 213].

При подготовке к выставке костюмов в Петербурге 1902 г. ЗСОИРГО столкнулся с проблемой отсутствия многих необходимых предметов казахского быта в собственных музейных коллекциях. Вероятно, определенные сомнения вызывали также случаи порчи экспонатов при возврате с предыдущих выставок. Через местную администрацию был передан запрос представителям киргизского населения Акмолинской и Семипалатинской областей о возможности подготовки необходимых костюмов по приложенной программе [9, л. 10 об. – 11]. Данное решение оказалось достаточно удачным выходом из сложив-

шейся ситуации, позволив сохранить собственные фонды и одновременно обогатить музейные коллекции после окончания выставки.

Рассчитывая на новые поступления в музей, представители ЗСОИРГО должны были также учитывать возможность их размещения. Актуальность данного вопроса постоянно повышалась: особенно остро он встал в процессе организации Западно-Сибирской выставки. Уже в конце 1909 г. при обсуждении возможности участия ЗСОИРГО в выставке А. Н. Седельников отметил тесноту здания и поставил вопрос о пристройке к нему павильона для размещения предметов во время выставки и после нее [10, л. 158–159]. В декабре 1910 г. вернувшийся в состав ЗСОИРГО Г. Е. Катанаев представил распорядительному комитету общую программу подготовки к мероприятию [10, л. 170 об. – 172]. В соответствии с выдвинутой идеей участия отдела на правах соорганизатора научного павильона предполагалось гарантировать передачу всех поступивших предметов в музей ЗСОИРГО после окончания выставки [10, л. 170 об. – 172]. Данный вопрос остался нерешенным в связи с тем, что эта часть проекта была отклонена главным комиссаром выставки Б. В. Трувеллером.

После окончания выставки на заседании 5 сентября 1911 г. члены распорядительного комитета ЗСОИРГО подняли вопрос о необходимости сохранить в Омске научные материалы из сибирского и переселенческого павильонов выставки, передав их в музей отдела [10, л. 190 об.]. В процессе обсуждения выявились две основных проблемы. Г. Е. Катанаев сообщил, что на коллекции также претендует Омский отдел Московского общества сельского хозяйства (далее – ОО МОСХ), планирующий открыть собственный сельскохозяйственный музей [10, л. 190 об.]. Выступивший после него член распорядительного комитета А. Ярмош уведомил собравшихся о том, что большая часть коллекций уже увезена на Царскосельскую выставку и их дальнейшая судьба остается неизвестной [10, л. 190 об.]. Итогом обсуждения стало решение обратиться в учреждения и организации, принимавшие наиболее активное участие в выставке, с просьбой передать их экспонаты в музей [10, л. 190 об.].

Предпринятые отделом попытки связаться с центральными и местными ведомственными учреждениями не имели большого успеха: только Омское управление государственных имуществ было готово отправить небольшую часть предметов с согласия экспонентов [14, л. 17–17 об.]. Главноуправляющий Главной конторы переселенческих складов, заведующий землеустройством и земледелием в Томском районе и чиновники Семипалатинского переселенческого района от-

казались выслать коллекции, сообщив об их передаче в Переселенческое управление в Петербурге [10, л. 192 об.; 15, л. 15, 18]. Заведующий переселенческим делом в Тургайско-Уральском районе ограничился предложением отправки фотоснимков предметов [14, л. 14]. Тем не менее, отделу все же удалось добиться определенных результатов в пополнении собственных коллекций. Согласно отчету А.Н. Седельникова после окончания выставки в музей поступило около 350 экспонатов [10, л. 194–194 об.]. Позднее была достигнута договоренность с ОО МОСХ: 21 января 1912 г. Г.Е. Катанаев доложил о состоявшемся постановлении организации о передаче выставочных коллекций в музей ЗСОИРГО [15, л. 3].

В целом, участие ЗСОИРГО и его музея во всероссийских и международных выставках конца XIX – начала XX в. отразило не только результаты нескольких десятилетий его деятельности, но и проблемы развития, которые были во многом характерны и для других подобных учреждений позднейимперского периода: недостаточное финансирование, сложности сбора и транспортировки экспонатов, слабое взаимодействие между общественными организациями и административными учреждениями. В то же время, руководители отдела старались учитывать негативный опыт, полученный при организации подобных мероприятий. Об этом свидетельствовали определенные положительные изменения в начале XX в.: разработка детальной сметы и поиск дополнительных источников денежных средств, расширение сети постоянных корреспондентов – экспонентов и повышение внимания к пополнению фондов музея.

Список источников и литературы

1. *Блинова О.В.* Выставочная деятельность музея Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в конце XIX в. – начале XX в. как фактор влияния на комплектование фондов: трансформация подходов // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2023. № 24. С. 27–34.
2. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 86. Оп. 1. Д. 29.
3. ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 42.
4. ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 53.
5. ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 66.
6. ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 82.
7. ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 83.
8. ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 115.

9. ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 121.
10. ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 124.
11. ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 126.
12. ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 141.
13. ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 143.
14. ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 145.
15. ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 148.
16. *Захарова И. В. Сергеева Н. А.* Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества: участие во всероссийских и международных выставках // Проблемы музееведения и народная культура. Новосибирск: Наука, 1999. С. 205–220.
17. Омские письма. Наши общества. Письмо II // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 22 апреля 1897.
18. *Полоницкая Л. П.* Музей ЗСОИРГО и Нижегородская выставка 1896 г // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2002. № 9. С. 241–256.

**Система «общающихся сосудов»
конца XIX – начала XX в.: место России
в диалоге двух макросистем**

Аннотация. В статье анализируется система международных отношений конца XIX – начала XX в. в контексте становления имперского (межимперского) порядка в рамках Венской системы международных отношений. Особое внимание уделяется особенностям выстраивания отношений между крупными и малыми политиями в контексте взаимодействия двух макросистем континентальных империй, затрагивающих Европу и Азию. Характеризуется место России в этой системе регулярного межгосударственного диалога, обозначаемого как система «общающихся сосудов». Исследование проводится с опорой на социал-конструктивистский подход в изучении международных отношений, а также на «новую имперскую историю», позволившую рассмотреть империю как доминировавшую форму политической организации в Новое время.

Ключевые слова: международные отношения; имперский порядок; макросистема континентальных империй; идентичность.

**The system of “communicating vessels”
of the late XIX – early XX centuries: Russia’s place
in the dialogue of two macro systems**

Abstract. The article analyzes the system of international relations of the late XIX – early XX centuries in the context of the formation of the imperial (inter-imperial) order within the framework of the Vienna system of international relations. Special attention is paid to the peculiarities of building relations between large and small parties in the context of the interaction of two macro-systems of continental empires affecting Europe and Asia. Russia’s place in this system of regular interstate dialogue, designated as a system of “communicating vessels”, is characterized. The research is based on the social constructivist approach to the study of international relations, as well as on the “new imperial history”, which allowed us to consider the empire as the dominant form of political organization in Modern times.

Keywords: international relations; imperial order; macro system of continental empires; identity.

¹ **Алексей Федорович Савченко** – бакалавр, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия), e-mail: alexey.savchenko_02@mail.ru
Alexey F. Savchenko – bachelor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Начиная с 1980-х гг. изучение системы международных отношений выходит на новый уровень своего эмпирического потенциала. К этому моменту завершается оформление мир-системного анализа Ф. Броделя, И.М. Валлерстайна, А.Г. Франка, который лег в основу современной «глобальной истории». Опираясь же на инструментарий социологии международных отношений Р. Арона, в начале 1990-х гг. возник конструктивистский подход в изучении истории международных отношений, наиболее известным представителем которого стал А. Вендт. В результате понятия «система» и «общество» («историческое пространство»), «сила» и «интересы» получают новое прочтение, а понятие «идентичность» и вовсе занимает одно из ведущих мест в историческом познании, рассматривая «идентичность» как ведущий фактор развития международных отношений [17]. Так, находясь под влиянием возникшей в этот период общей теории систем, проходит становление новых исследовательских оптик, где изучение общесистемных закономерностей развития общества не отделяется от идеи об усложнении форм общественной организации в условиях динамического равновесия систем.

Обозначенные подходы представляют из себя лишь часть того инструментария, который применяют современные исследователи теории и истории международных отношений, такие как А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов и М.А. Хрусталева [1], В.В. Кочетков и др. [5; 10] Применительно к системе международных отношений рубежа XIX–XX вв. эвристический потенциал этих подходов, на наш взгляд, лишь раскрывается в отечественной науке [6; 8; 9; 2]. В связи с этим цель настоящей работы – охарактеризовать такие концептуальные рамки исследования как «имперский порядок» и система «сообщающихся сосудов», применительно к концу XIX – началу XX в., выявляя место России в этой сложной архитектуре межгосударственного диалога. Исследование основывается на комплексе работ современных историков, социологов и политологов рубежа XX–XXI вв., идущих в русле «новой имперской истории», исследования образов «свой/другой/чужой» и складывания национальных идентичностей в этих рамках.

Методологические основы исследования строятся на социал-конструктивистском подходе, беря концепцию центр – полупериферия – периферия, часто используемую в «глобальной истории», как широкую структуру для социализации государств и интернализации ими международных норм и правил, рассматривая в этой системе иерархии идентичность крупных и малых политий позднего Нового времени.

* * *

Система международных отношений Нового времени, несмотря на многие структурные инновации, наследовала некоторые принципы и формы взаимодействия «до Вестфальской» эпохи, ключевым из которых стало сохранение империи как главенствующей формы политической организации на международной арене [16; 15]. Доминирование империй формировало особое поле для диалога крупных и малых политий – имперский (межимперский. – прим. А.С.) порядок, наследовавший черты имперских мир-систем древности с точки зрения складывания целостной политической, экономической и, в целом, образно-коммуникативной картины мира, которая наслаивалась на всех членов этого порядка, независимо от его отдаления от центра (ядра) мир-системы.

Место России в этом пространстве всегда носило эклектичный характер, определяясь не столько собственными ресурсами, сколько той социальной структурой, в которой та находилась, и уже вследствие этого формируя ее собственное восприятие («мы – европейцы» или «азиаты – мы», как метко отметил А.А. Блок). Так, с одной стороны, Петербург играл ведущую роль в определении как общей, так и региональной повестки международных отношений. Его принятие в концерт «великих держав» являлось следствием возросшей силы России, а также историческим контекстом – победой над Наполеоном Бонапартом и окончанием революционных войн. С другой же стороны, политика России часто шла в фарватере других акторов, а ее место в системе европейской коллективной идентичности было куда ближе к образу «другого» для остальных европейцев, чем «своего» [13].

Уникальное географическое положение России также играло свою роль. Находясь на окраине и Европы, и Азии, Российская империя формировалась как «мост» для широкого культурного диалога, часто беря на себя цивилизаторскую миссию, например, «в деле насаждения культуры в Азии и в деле защиты креста и старой христианской европейской культуры против вторжения монголов и буддизма», как выразился германский кайзер Вильгельм II в письме от 10 июля 1895 г. императору Николаю II [12, с. 23–24]. Примечательным в этом вопросе является позиция Б.В. Межуева, который называет стремление России закрепиться на Дальнем Востоке требованием политического сознания империи, которая считала, будто ее сакральный центр «находится не внутри, а вне ее» [6, с. 39]. При этом рассмотрение места России и в европоцентричном имперском порядке, и в системе «обща-

ющихся сосудов», как его продукте, невозможно без понимания того, как эта архитектура выстраивалась в Новое время.

Развиваясь с раннего Нового времени, расширение влияния имперского порядка шло как в русле становления западной (включая Россию и США) колониальной системы, включившей в созданное имперское поле земли евразийского Севера, Нового Света, Африки и Юго-Восточной Азии [14, с. 9], так и в рамках борьбы «великих держав» за сферы влияния (например, включение в Венский порядок Средней Азии и Дальнего Востока началось в ходе российско-британского соперничества, а их утверждение произошло посредством борьбы Лондона, Петербурга, Парижа, Берлина и Вашингтона за подчинение Китая, Кореи и Японии) [3]. Вместе с тем установившейся европоцентризм международных отношений не отменял наличие в рамках Венского порядка автономных подсистем до середины XIX в. в Восточной Азии и до конца Первой мировой войны в Новом Свете.

К концу XIX в. имперский порядок был окончательно установлен, сформировав уникальную в истории систему «общающихся сосудов» — систему политий, соединенных таким образом, что идейно-политически, социально-экономически и культурно каждая подсистема, входящая в имперский порядок и состоящая из этих политий, существовала как в рамках взаимодействия, так и взаимовлияния и взаимозависимости внутри себя и между собой. Особое значение в этой системе играли образы «своих/других/чужих», способствуя конструированию корпоративной, типовой, ролевой и коллективной идентичности стран.

Имперская оптика подчиняла международные отношения четкой иерархической системе, производя деление имперского порядка по принципу: центр — полупериферия — периферия. Тем самым отражая на мировом уровне главную составляющую любой империи — наличие особых отношений между центром (ядром) и периферией (окраинами). Само же место имперской метрополии играло существенную роль в определении динамики «практически всех имперских процессов и, в особенности, взаимоотношений империй и национализма» [9, с. 35].

С точки зрения своего политического веса в центр этого порядка вошел так называемый концерт «великих держав» (Великобритания, Франция, Германия, Россия и Австро-Венгрия), в полупериферию — сопредельные с ними государства (например, Италия, Испания, Португалия, Турция, Китай, США и Япония до определенного этапа), в периферию — государства, находящиеся на отдаленных участках

международной системы и не принимающие в ней активного участия (страны Латинской Америки, Эфиопия и др.).

Одним из примеров диалога описанных подсистем имперско-го порядка стала связка двух макросистем, отразивших диалог Запада и Востока — Европы и Азии, где Россия играла ключевую роль:

1. Макросистема континентальных империй на окраине Европы (далее — МКИвЕ). В нее входили Германская, Российская, Австро-Венгерская и Османская империи как равноправные участники этой системы [8, с. 32–33; 2, с. 257–263].
2. Макросистема Восточно-Азиатских империй (далее — МВАИ). В ее состав входили Китай и Япония как ведущие ее акторы, Корея, как объект интересов и борьбы ее соседей, а также Россия с точки зрения ее роли посредника между двумя системами с последней четверти XIX в. [11]

Становление обозначенных макросистем — «сосудов» имперского порядка — проходило в русле трансформации традиционного общества в эпоху Модерна, а также понимания собственной взаимозависимости как в рамках «равных» отношений, так и с точки зрения позиции гегемон/сателлит [8, с. 33].

МКИвЕ оформилась под крылом Венской системы в результате понимания ее членами общих проблем ведения национальной политики («переваривание» польского наследия), схожей идейной основы (крепкие позиции социал-консерватизма и традиционализм, антизападный дискурс, панэтнические идеологии [8, с. 34]) и широких процессов модернизации экономики, политической, социальной и культурной сферы. К концу XIX в. МКИвЕ являлась устойчивой системой, даже несмотря на военно-стратегическое разделение стран на противоборствующие блоки (Антанта и Тройственный союз).

МВАИ же обладала иными свойствами и характером взаимодействия. Существующая с древности [11, с. 44], МВАИ опиралась куда более на религиозно-философское и этнокультурное переплетение, чем на политическое взаимодействие между своими субъектами в силу отсутствия сухопутной связи между ними. Исключение составлял политический диалог между политиями в контексте идеи о верховенстве «срединной земли» в этих отношениях, старшинство которой в иерархическом порядке Восточной Азии признавался всеми его частями до периода, когда в японском политическом дискурсе со второй половины VII в. начинает появляться именование монарха как «тэнно» («Небесный император») [11, с. 46]. Как бы то ни было, целостность восточноазиатской макросистемы выражается в ее «динамическом

равновесии между центробежными и центростремительными силами по отношению к китайской модели централизованной государственности» [11, с. 44]. В связи с этим принятие нового титула подчеркивало самостоятельность японской государственности, формируя Корейский полуостров, не имеющий «защиты» в виде морских границ, как своеобразное место борьбы между равными по рангу акторами как от МВАИ, так и от МКИВЕ.

К XVI–XVII вв. МВАИ начинает трансформироваться в силу разных факторов, в том числе ввиду возникновения внешней угрозы (миссионерская деятельность католических стран, попытки европейцев создать торговые зоны в регионе) [11, с. 47]. Самоизоляция Восточной Азии привела к тому, что в ней прервались органические отношения, под которыми мы подразумеваем постоянный диалог в разных сферах государственного взаимодействия. Вначале XIX в., под влиянием уже нового характера внешней угрозы (агрессивное экономическое и цивилизаторское проникновение стран Запада), Китай, Корея и Япония выходят из своей самоизоляции. Вместе с тем это не говорит о том, что МВАИ стала вновь органической системой. Наоборот, культурно-философское переплетение стран не было восстановлено на новом этапе. Теперь они ориентировались не на собственные интеллектуальные и политические ресурсы, или же ресурсы соседей (в этом вопросе очень характерен японский лозунг «Вакон кансай» («японская душа – китайская мудрость»), а лишь на силу центра, фиксируя европоцентристский взгляд на мир.

В результате рубежу веков установившийся центр мир-системы стал главным цивилизационным актором, создающим собственное образно-коммуникативное и идейно-философское пространство. МКИВЕ же стала проводником центра в Восточной Азии, формируя более древнюю МВАИ под себя в эпоху катаклизмов Модерна.

Несмотря же на различия и отдаленность, обе макросистемы были зависимы друг от друга главным образом в нескольких основных аспектах:

Во-первых, с точки зрения отношений центр – полупериферия – периферия, в рамках которой близкая к центру МКИВЕ входила в эпицентр международной экономической системы, получая ресурсы для своего развития с остальных регионов посредством колониальной системы. МВАИ, хотя и являлась с точки зрения экономического взаимодействия придатком стран Запада (включая Россию), могла получать регулируемую со стороны центра стимуляцию своей экономики и модернизации своих политических институтов. В результате этого

отношения между МКИВЕ и МВАИ с точки зрения их ролевой идентичности выстраивались в паре гегемон – спутник.

Во-вторых, обе системы были необходимы друг для друга для формирования собственной идентичности, причем как на макро- (европейцы и азиаты), так и на микроуровне (немцы, русские, китайцы, японцы и т.д.). Дихотомия образов «свой/другой/чужой» стала ключевым инструментом политических курсов ряда стран во второй половине XIX в. для конструирования имперских наций и их «исторического пути». Для МКИВЕ особое значение имели образы «желтой угрозы» со стороны азиатских стран по отношению к европейской цивилизации, «поворота на Восток» в немецком и русском политическом дискурсе, «бремени белого человека» как общезападном тренде [4]. Для МВАИ же ситуация обстояла сложнее, так как та складывалась в контексте своего подчиненного положения по отношению к центру. И если в китайском дискурсе идея о «Поднебесной империи» и «европейских варварах» оставалась свежа и в период реформ Китая по западному образцу, то, например, в Японии со второй половины XIX в. формировался образ приниженной нации, а в японском дискурсе в этот период зрели идеи об «ущербном» положении японского народа по сравнению с европейцами [7].

В-третьих, с точки зрения военного взаимодействия МКИВЕ играла роль стабилизирующего фактора для региональной безопасности Восточной Азии, ярким примером чего стало подавление Ихэтуаньского восстания (1899–1901 гг.) в Китае, в большей степени, силами России и Германии, и оказание военной и экономической помощи императору Мэйдзи в Войне Босин (1868–1869 гг.) в Японии. Безусловно, оба примера имели разный характер: в Китае мы видим подавление прямого восстания китайцев против господства держав Запада, в Японии же центр системы преследовал иные цели – включить Японию в формирующуюся мировую экономику и сформировать рычаг давления против своих конкурентов (например, Лондон стремился поддержкой Токио сдержать развитие русской экспансии в Азии).

В-четвертых, не стоит забывать о идейно-политическом взаимодействии макросистем. Азиатские страны приняли от МКИВЕ социал-консервативную парадигму в выстраивании своей корпоративной и типовой идентичности, найдя там близкие себе идеи органического созидания и классовой гармонии в «эпоху перемен». В этом смысле консервативная стабилизация Александра III и консервативная революция императора Мэйдзи имели куда больше общего между собой, чем устоявшиеся мнение о схожести «Мэйдзи исин» с либеральной

модернизацией Александра II. Европейские же державы использовали политические концепты стран Востока для складывания «черной легенды» против своих соперников, подчеркивая их «отсталость» в изменчивом мире.

Таким образом, представленные концептуальные рамки исследования, такие как «имперский порядок» и система «сообщающихся сосудов», применительно к концу XIX – началу XX в., показывают широкую взаимосвязь совершенно разных по своему характеру регионов. Место же России в этой системе взаимодействия являлось ключевым с точки зрения налаживания диалога между регионами Евразии, которые объединялись в цельные макросистемы с общей национальной политикой или религиозно-философским базисом.

Список источников и литературы

1. *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. 377 с.
2. Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 2019. 940 с.
3. *Гарбузарова Е.Г.* Геополитический аспект противостояния Российской и Британской империй в Центральной Азии в XIX веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2010. 24 с.
4. *Дятлов В.И.* Экзотизация и «Образ врага»: синдром «Желтой опасности» в дореволюционной России // Идеи и идеалы. 2014. № 2 (20). С. 23–41.
5. *Кочетков В.В.* Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 5–26.
6. *Межуев Б.В.* Моделирование понятия «национальный интерес». На примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX века // Полис. 1999. № 1. С. 26–39.
7. *Мещеряков А.Н.* Самоидентификация японцев в отношениях с западом и приемы преодоления национальных комплексов // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2 (2). С. 27–41.
8. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 246 с.
9. *Миллер А.И.* Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада // Политическая наука. 2013. № 3. С. 30–42.
10. *Павленко О.В.* Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 6 (149). С. 53–67.

11. *Пахомов О.С.* Восточная Азия как региональная цивилизация // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2 (53). С. 44–53.
12. Переписка Николая II с Вильгельмом II. М.: ЭКСМО: ГрандМастер, 2017. 316 с.
13. *Саид Э.В.* Культура и империализм. СПб.: Владимир Даль, 2012. 733 с.
14. *Фененко А.В.* История международных отношений, 1648–1945: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2018. 783 с.
15. *Berger S., Miller A.* Nationalizing Empires. Budapest; N.Y.: CEU press, 2015. VIII, 691 p.
16. *Osterhammel J.* The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century. Trans. from the German by P. Camiller. Princeton: Princeton University Press, 2014. 1167 p.
17. *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999. 429 p.

Цензура в Казанском военном округе в 1914 – феврале 1917 гг.

Аннотация. В статье рассматривается организация и особенности работы цензуры в Казанском военном округе с начала Первой мировой войны и до Февральской революции. В большинстве случаев столица военного округа одновременно являлась крупным экономическим и культурным центром региона, с развитой полиграфической промышленностью и рынком печати. Ярким примером была Казань, что делало Казанскую местную военно-цензурную комиссию одной из самых загруженных. Многочисленным был и состав цензоров в Казанском военном округе, работавших с местной печатью, а также на почте и телеграфе. Большой объем работы с начала войны обозначил основные проблемы цензурской работы, типичные и для других регионов империи: пропуск без цензуры большей части внутренней переписки, ошибки при вскрытии писем высших военных и государственных чинов, пропуск в печать сведений, запрещенных к опубликованию. Несмотря на принимавшиеся меры (увеличение числа цензоров, упорядочивание работы с редакциями газет и журналов, развитие сети цензурских пунктов) полностью решить эти проблемы не удалось, они сохранялись и после Февральской революции, и вплоть до окончательного упразднения большевиками старых органов военной и гражданской цензуры в 1918 г.

Ключевые слова: цензура; Казанский военный округ; Первая мировая война; Временное положение о военной цензуре.

Censorship in the Kazan Military District in 1914 – February 1917

Abstract. The article discusses the organization and features of censorship in the Kazan Military District from the beginning of the First World War until the February Revolution. In most cases, the capital of the military district was simultaneously a major economic and cultural center of the region, with a developed printing industry and printing market. A striking example was Kazan, which made the Kazan local military censorship Commission one of the busiest. The composition of censors in the Kazan Military District, who worked with the local press, as well as at the post office and telegraph, was also

¹ **Игорь Константинович Богомолов** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия), e-mail: bogomolov@inion.ru

Igor K. Bogomolov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

numerous. A large amount of work since the beginning of the war has identified the main problems of censorship work, typical for other regions of the empire. Despite the measures (an increase in the number of censors, the streamlining of work with the editorial offices of newspapers and magazines, the development of a network of censorship points), it was not possible to completely solve these problems, they persisted after the February Revolution, and until the final abolition of tsarist military and civil censorship in 1918.

Keywords: censorship; Kazan Military District; World War I; Temporary regulations on Military Censorship.

Исследования военной цензуры в России в годы Первой мировой войны активизировались в последние годы [4], при этом работа местных военно-цензурных органов до сих пор редко привлекает внимание. Между тем, цензура в провинции имела свою специфику, связанную с социальными, культурными, языковыми, экономическими особенностями. Изучение региональной истории цензуры важно для лучшего понимания общественных процессов в Российской империи на финальном этапе ее существования. В данной статье мы обратимся к истории военной цензуры в Казанском военном округе, где в начале XX в. были сосредоточены крупнейшие центры полиграфической промышленности Поволжья и Урала. Рассмотрение цензуры именно в масштабах округа, а не отдельных его городов (как в исследованиях последних лет [1;3]) позволит более системно взглянуть на организацию цензуры в России накануне революции 1917 г.

Согласно введенному 20 июля 1914 г. «Временному положению о военной цензуре» осуществление цензорских функций возлагалось на военно-цензурные комиссии, создававшиеся при штабах военных округов. Формально это объяснялось тем, что цензура изначально рассматривалась именно как военная, призванная в первую очередь охранять от оглашения секретные военные сведения, перечисленные в специальном «Перечне». При этом «Временное положение» изначально предполагало возможность выхода за эти «узкие» рамки, позволяя военным цензорам не допускать к публикации и пересылке сведения, оглашение которых может быть «вредно для военных интересов государства» [2, с. 12]. В связи с этим неслучайно и привлечение в комиссии представителей МВД (почтово-телеграфного ведомства и установлений, наблюдающих за печатью) и местной гражданской администрации. Председателем и одновременно делопроизводителем комиссии назначался представитель военного ведомства, однако именно у МВД было численное большинство как в Главной, так и в местных комиссиях [2, с. 23–24]. Кроме того, на практике ос-

новную часть работы по просмотру корреспонденции выполняли почтово-телеграфные чиновники при местных отделениях и конторах, а просмотром газет и журналов – местные инспектора и комитеты по делам печати.

В большинстве случаев столица военного округа одновременно являлась крупным экономическим и культурным центром региона, с развитой полиграфической промышленностью и рынком печати, большими объемами пересылаемой почтовой и телеграфной корреспонденции. В этом смысле среди провинциальных военно-окружных центров выделялась Казань. Через нее ежедневно проходили тысячи писем и телеграмм, сюда стекали потоки корреспонденции со всего Поволжья, а также транзитные телеграммы в Сибирь и Центральную Россию, здесь пересылалась почта из Европы в Азию и наоборот. В этом смысле создание крупного цензурного пункта в Казани было бы логично вне зависимости от того, на какой основе – военной или гражданской – создавалась бы в России сеть таких пунктов и комиссий. Стоит отметить, что к 1914 г. Казань была одним из 8 городов, где действовал комитет по делам печати. В 1913 г. Казанский комитет просмотрел 1126 газет (486 на иностранных языках), 65 журналов (все на иностранных языках) и 1826 книг (497) [4, с. 556–557]. По этому показателю Казань в разы уступала Петербургу, Москве, Тифлису, Варшаве, Одессе и Вильно, однако это отражало общий уровень развития полиграфической промышленности в Поволжье, отстававший от западных регионов империи. Кроме того, следует учитывать большие объемы работы инспекторов по делам печати в других крупных региональных центрах – Саратове и Нижнем Новгороде [4, с. 558].

Сформированная после отмены предварительной цензуры в 1905 г. система контроля над печатью составила основу военно-цензурной системы в годы Первой мировой войны. В 1914 г. во всех центрах, где действовали комитеты по делам печати, были созданы военно-цензурные комиссии. Не стал исключением и Казанский военный округ. Уже 17 июля 1914 г., за два дня до начала войны, в провинциальных городах начались назначения военных цензоров [5, л. 1]. Председателем Казанской военно-цензурной комиссии стал подполковник М.В. Прогнаевский. К 14 августа военные цензоры были назначены в Казани, Оренбурге, Симбирске, Вятке, Сарапуле, Саратове, Челябинске, Екатеринбургe, Уфе, Златоусте, Сызрани, Самаре, Царицыне, Астрахани, Перми, Пензе, Уральске [5, л. 8]. Поначалу это были исключительно военные чины, их состав периодически менялся, в первую очередь из-за призывов военных чинов на фронт,

что уже осенью 1914 г. привело к увеличению числа чинов гражданских на должностях военных цензоров. Эти тенденции хорошо видны по списку военных цензоров на 7 ноября 1914 г. Из 39 работавших на тот момент в округе цензоров 11 находились в Казани, 4 – в Саратове, 3 – в Самаре, по 2 – в Оренбурге, Симбирске, Вятке, Уфе, Царицыне, Златоусте, по 1 – в Астрахани, Перми, Пензе, Уральске, Челябинске, Екатеринбургe, Сызрани, Сарапуле и на Ижевском оружейном заводе. Более половины (16 человек) были гражданскими чиновниками, преподавателями или не имели чина. При этом 8 из них работали военными цензорами в Казани, в большинстве других городов эти функции исполняли военные чины [6, л. 123].

Большое количество гражданских чинов, назначенных военными цензорами в Казани, было вызвано тем, что члены Казанского временного комитета по делам печати согласно ст. 20 «Временного положения» становились одновременно и военными цензорами. Так, военным цензором стал председатель комитета, отставной статский советник Пинегин, а также члены комитета статский советник Фролов, коллежский советник Ашмарин, доцент Казанской духовной академии Жузе, почтовый чиновник 2-го разряда Казанской почтовой конторы Маринин. Обычным делом было назначение военными цензорами почтово-телеграфных чиновников, приоритет также отдавался тем, кто знал иностранные и «инородческие» (например, татарский) языки. К примеру, в Оренбурге военным цензором был назначен переводчик при военном губернаторе Тургайской области, губернский секретарь Тунгачин [5, л. 8].

«Временное положение» разделяло Российскую империю на территории «полной» и «частичной» военной цензуры. В Казанском военном округе, как тыловом, вводилась «частичная» цензура, предполагавшая ограниченный, «в отдельных случаях», просмотр внутренней корреспонденции [5, л. 10]. Гораздо больше внимания уделялось заграничным письмам и телеграммам. 15 августа 1914 г. Прогнаевский сообщил цензорам, что международная корреспонденция будет цензуроваться в Казани и Самаре [5, л. 42 об.]². Полностью просматривалась корреспонденция военнопленных [5, л. 13]. После просмотра простых писем следовало ставить штампель «вскрыто военной цензурой» и приложить свою именную печать с фамилией цензора. Шифрованными считались все телеграммы, адресованные за границу и имевшие «условный» (непонятный для цензора) адрес [5, л. 13 об.].

² Уже в сентябре 1914 г. это ограничение было снято.

Отдельное внимание было уделено цензуре посылок, просмотр которых в тыловых округах предполагалось производить выборочно, в основном — зарубежных отправок и посылок военнопленных. При вскрытии посылки заполнялся специальный акт, в котором указывались имена цензоров, описание содержимого и того, что подлежало конфискации. Подписывали акт обычно присутствовавшие военные цензоры и почтовые чиновники [5, л. 16]. Не забыта была и цензура лекций и публичных выступлений. Если лекция была посвящена тому или иному военному вопросу, их конспекты предварительно просматривались военными цензорами [5, л. 72–73].

«Частичный» просмотр корреспонденции неизбежно порождал противоречия и несогласованность в работе цензуры. В этом деле не могло не быть исключений, которые, однако, не были подробно перечислены, и с самого начала войны центральным властям приходилось рассылать на места десятки уточнений, чьи письма и посылки можно вскрывать, а чьи — нельзя. Перечисленные во «Временном положении» исключения («особы императорской фамилии», командующие фронтами и армиями, правительственные учреждения и дипломаты иностранных государств [2, с. 6]) далеко не полностью охватывали правительственные «верхи», военную и дипломатическую элиту. В течение войны возникало множество казусов, когда вскрывались письма, к примеру, начальников армейских и фронтовых штабов и их ближайших подчиненных (освобождались только командующие), не упомянутых во «Временном положении» депутатов Думы или дипломатов, не сопроводивших свои письма казенными печатями посольств и консульств.

Задержка писем высших сановников и военачальников была лишь «вершиной айсберга», на местах спорных и непонятных цензорам ситуаций было гораздо больше, и зачастую начальство советовало цензорам самим принимать решения. К примеру, на вопрос цензора в Уральске о цензуре корреспонденции жен военнообязанных Прогнаевский ответил, что ее следует просматривать «в зависимости от обстоятельств, оценка коих зависит от Вас» [5, л. 55]. 19 октября 1914 г. он также предписал просматривать письма лиц, у которых поселились на жительство военнопленные или военнообязанные, «если у цензоров имеются серьезные данные полагать, что через этих лиц идет корреспонденция названных выше иностранцев» [5, л. 62]. Столь же размытые инструкции касались и корреспонденции губернского и областного начальства. 2 ноября 1914 г. Прогнаевский рекомендовал не вскрывать почту, направленную лицам, служебное положение которых

«связано с привычкой хранить тайны», например – командующий военным округом, начальник штаба округа, губернатор, вице-губернатор. Также цензоры «должны свою деятельность обставлять так, чтобы не допускать возможности чьих-либо указаний, что то или иное письмо вскрыто и просмотрено ими “только из любопытства”» [5, л. 75, 76].

На практике наделение цензоров широкими полномочиями и правом на «усмотрение» приводило к их желанию перестраховаться и быть в целом строже к непонятным им выражениям и словам. Нередко запрещались даже освобожденные от цензуры официальные телеграммы Петроградского телеграфного агентства, несмотря на неоднократные разъяснения Прогнаевского [5, л. 168]. Удалялось все, что вызывало малейшие подозрения – номер транспорта, госпиталя, обоза, обозначение крепостей и др. На эту бессмысленную строгость поступали жалобы и из Петрограда. Так, в мае 1915 г. начальник Главного управления почт и телеграфов В.Б. Похвиснев писал начальнику Казанского округа о случаях вычеркивания местными цензорами номеров воинских частей на отправлениях [5, л. 165 об.].

В ответах на подобные жалобы Прогнаевский редко признавал ошибки, отверг он и эти обвинения, заверив начальника округа, что лично следит за вскрытием писем и отправлений [5, л. 83]. Впрочем, во внутренней переписке он ставил цензорам на вид жалобы авторов корреспонденции, требуя подходить к цензуре писем более гибко и не слишком «усердствовать». 21 января 1915 г. он отмечал, что некоторые цензоры, вскрывая почтовые отправления, не запечатывают обратно конверты, из-за чего «вскрытые письма могут читаться каждым, а бывали случаи, что письма выпадали и адресаты получали вместо писем только конверты с отметкой “вскрыто военной цензурой”, что вызывает справедливые нарекания» [5, л. 115]. Критика за неаккуратное заделывание писем и посылок, а также за утерю корреспонденции при ее попадании в цензуру, повторялась Прогнаевским регулярно [5, л. 95, 307, 372].

Особенностью Казанского военного округа было большое количество немцев-колонистов, к которым правительство относилось с подозрением с самого начала войны. 25 августа 1914 г. Прогнаевский предписывал цензорам на местах просматривать все внутренние почтовые отправления колонистов, среди которых могли быть те, кто собирает сведения о русской армии. Предписывалось усилить наблюдение за всем, что печатается на татарском и киргизском языках, так как «возможно ожидать присоединения» Турции к Германии, а «значительную часть населения Казанского военного округа составляют мусуль-

мане... которые считают турок братьями и прислушиваются к тому, что происходит в Турции». Приказано было также не допускать сообщения о войне по сведениям из турецкой печати, ориентировавшейся главным образом на германские источники [5, л. 25].

С осени 1914 г. цензорам предписывалось еженедельно представлять в комиссию отчеты о проделанной работе. В них следовало вносить краткие обзоры русской и инородческой корреспонденции, писем военнопленных, местной прессы на всех языках, а также заграничной прессы (если она прибыла в город без предварительного просмотра на границе). Следовало указывать «вообще все то, что так или иначе имеет значение с точки зрения военной цензуры и о чем полезно быть осведомленным военному начальству». В общих чертах нужно было указывать, что и почему не пропущено цензором [5, л. 26 об.]. 21 ноября 1914 г. Прогнаевский приказал высчитывать процент просмотренных писем по следующим пунктам: 1) патриотический подъем; 2) пожелания скорого окончания войны; 3) жалобы на что-либо; 4) указания на недисциплинированность автора (критика действий начальства, брань по его адресу и т.д.); 5) сообщение таких сведений, «кои оглашению не подлежат». Позднее прибавился пункт для писем «без упоминания о войне» [5, л. 81]. Прогнаевский регулярно критиковал цензоров за опоздания с предоставлением отчетов, неправильные подсчеты, пропуски пунктов [5, л. 107, 126, 359].

Одной из основных задач и трудностей военной цензуры был поиск и раскрытие тайнописи и скрытых вложений в посылках. Прогнаевский регулярно сообщал о новых приемах. 22 сентября 1915 г. он отмечал, что некоторые отправители посылок пишут послания адресатам на обертках конфет, другие вшивают тайные послания в рукава, вороты, подкладки рубашек и другой одежды, запекают в хлеб и заливают в плитки шоколада [5, л. 240, 245, 246]. В мае 1916 г. сообщалось, что военнопленные пишут на адресной стороне между строк короткие сообщения вроде «сильно голодаем» [5, л. 299]. Получатели писем также стремились обойти цензуру, пытаясь с помощью нехитрых средств разглядеть зачеркнутое. Уже в сентябре 1914 г. Прогнаевский писал цензорам, что краска, которой они затушевывали в письмах запретные сведения, «легко смывается скипидаром» [5, л. 35]. Неоднократно он просил по возможности вырезать или стирать ластиком места в тексте, а не зарисовывать карандашом, который легко стереть [5, л. 317].

Необходимым условием для улучшения работы цензоров было решение кадрового вопроса, но с ним в годы войны было сложнее всего. Первой и самой главной причиной этого дефицита была относи-

тельно небольшое жалование — 3 рубля в сутки [5, л. 44]. За эти скромные деньги военные цензоры проделывали огромный объем работы, просматривая тысячи писем, сотни номеров газет и журналов в месяц. Хотя численность цензоров в Казанском военном округе была выше, чем в других (особенно восточных) округах, однако и этих кадров едва хватало для охвата небольшой части корреспонденции и просмотра местной печати. И если количественный дефицит возможно было восполнить за счет почтово-телеграфных и иных гражданских чиновников, то качественных кадров не хватало хронически. В первую очередь требовались цензоры, знавшие иностранные и инородческие языки. Уже в сентябре 1914 г., после того как было разрешено назначать на должности военных цензоров лиц, не состоявших на государственной службе, Прогнаевский просил подчиненных сообщать ему о людях, знавших языки и приглашать их в цензуру [5, л. 39].

Проблему пытались решить разными способами, в том числе предлагалось разрешать инородцам писать только на русском языке. Прогнаевский считал это «крайне стеснительным мероприятием, могущим вызвать неудовольствие инородческого населения» [5, л. 42 об.]. Последнее знало об этих трудностях цензуры. В мае 1916 г. Прогнаевский отмечал, что те, кто желал избежать цензорского контроля, специально писали письма на редких языках (например, на чувашском). Такие письма со временем стали задерживать в цензуре [5, л. 298]. Другим способом решения было составление на нераспространенных языках специальной формы, в которой можно было бы указать только краткие сведения [5, л. 305]. Однако дальше проектов дело в основном не шло, наиболее распространенной практикой оставались задержки писем на определенный срок (обычно две-три недели), либо отказ в дальнейшей отправке, если письма были написаны на иврите или немецком. Другой распространенной практикой была отправка писем на неизвестных языках в другие города и губернии, где работали знавшие эти языки [5, л. 325].

Хотя военная цензура печати в тылу не предусматривалась «Временным положением», фактически контроль устанавливался, причем использовались довоенные связи и схемы взаимодействия военных и гражданских властей с редакциями газет и журналов. Как часто бывало и на театре военных действий, в тыловых регионах устанавливалось негласное соглашение: редакции не предоставляли гранки с «невоенными» материалами в цензуру, а та, в свою очередь, их не требовала, просматривая «военные» материалы и проверяя вышедшие в свет номера на предмет нарушений. В Казани соответствующие рас-

поряжения были сделаны в августе 1914 г. рядом циркуляров. Согласно им, цензоры должны были следить за телеграммами и корреспонденциями, адресованными в редакции. Это нужно было «для недопущения помещения в них описаний событий, противоречащих соблюдению военной тайны» [5, л. 13 об.]. Комиссия просила цензоров заранее «войти в соглашение с редакторами местной прессы» [5, л. 14]. О нарушениях следовало сообщать в военно-цензурную комиссию, без ее решения цензоры не могли давать распоряжения о конфискации органов печати, где помещались недопустимые статьи или заметки [5, л. 15]. Но такие послабления предлагались только в ответ на «добросовестное» взаимодействие с цензурой, предполагавшее фактически полный переход прессы на предварительный просмотр всего военного материала. Прогнаевский предписывал особенно строго следить за газетами и журналами, «редакторы коих будут уклоняться от согласия предъявлять военным цензорам гранки с известиями, касающимися войны» [5, л. 26 об.].

В Петрограде и Москве пресса с самого начала войны стремилась обойти строгости военной цензуры, желая быстрее конкурентов сообщить интересующие читателя сведения. Это приводило к постоянной скрытой борьбе печати и цензуры, в которой последняя далеко не всегда выходила победителем. Самыми частыми способами была замена заголовка запрещенной статьи и несущественное переписывание самого текста. Нередко отвергнутый материал отправлялся в цензуру на следующий день, когда другой дежурный цензор мог принять иное решение. Пропуски «запрещенной» информации в печать приняли хронический характер, и цензуре за годы войны не удалось переломить ситуацию. На этом фоне контроль над печатью в провинции выглядел легче и эффективнее, прежде всего из-за гораздо меньших объемов газетного и книжного рынка. В Казани при этом ситуация была сложнее: относительно небольшое количество прессы сопровождалось явным дефицитом цензоров. Начальник штаба Казанского военного округа сообщал главноначальствующему Уральской области 25 мая 1915 г., что телеграммы ПТА печатаются и распространяются в городах и больших селах, где нет военных цензоров. Были случаи, что издатели таких телеграмм «допускали искажение текста их, пропуски, а также печатание к ним сенсационных заголовков» [5, л. 178].

Острой проблемой была несогласованность цензорских органов в разных частях империи. Особенно часто поднимался вопрос перепечаток из петроградской и московской печати. В сентябре 1914 г. Главная военно-цензурная комиссия сообщила в Казань, что перепечатки

из столичной печати не должны просматриваться, а сообщения собкоров всех газет, если они содержали запрещенную информацию, должны быть задержаны даже при наличии штампа «Д.Ц.» (дозволено цензурой) [5, л. 38]. Но уже в октябре перепечатки разрешались только при условии «воспроизведения статьи без коего бы то ни было искажения ее смысла» [5, л. 65]. Подобные противоречивые указания на практике лишь усложняли работу: перепечатанные материалы зачеркивались, что вызывало недовольство редакций.

Летом 1915 г., на фоне военного и политического кризиса, правительство пошло на некоторые послабления цензурной политики, что сказалось и на тоне цензоров в провинции. 13 июля 1915 г. Прогнаевский просил цензоров «во избежание излишнего стеснения для периодической печати и нареканий на военную цензуру» условиться с редакторами о времени присылки материалов на просмотр, чтобы военная цензура просмотрела их и «без промедления» вернула обратно [5, л. 213]. 2 сентября он отметил, что некоторые цензоры сокращают заметки и статьи «чисто политического характера, не имеющие прямого отношения к войне» и напомнил, что цензуровать они могли только военные сведения [5, л. 229].

К началу 1917 г. военная цензура в Казани, как и во всей Российской империи, разрослась в сложную и разветвленную структуру. По основным направлениям — просмотр печати и почтово-телеграфной корреспонденции — военной цензуре с трудом и далеко не всегда удавалось выполнять предписанный минимум работы, тем более — эффективно пресекать распространение в печати и письмах запрещенных сведений. Во многих случаях удавалось перехватить корреспонденцию шпионского характера, но в целом (и это признавали сами цензоры) при установившемся порядке работы, дефиците кадров, сложных отношениях с печатью и недоверии населения решать эту важнейшую задачу военной цензуре было не под силу. Недоверие складывалось не только из-за избирательной жесткости и непоследовательности цензоров, но и весьма размытых, так до конца и не определенных границ компетенции военной цензуры в 1914–1917 гг. Занимаясь по распоряжению правительства пресечением обсуждения в газетах и журналах, в письмах и телеграммах насущных политических и экономических проблем, военная цензура в глазах русского общества быстро стала цензурой политической, наследницей цензуры «старого порядка», отмененной в результате революции 1905 г. Символично, что последним документом, подписанным полковником Прогнаевским в качестве председателя Казанской военно-цензурной комиссии, была теле-

грамма за 23 февраля 1917 г.: «Телеграммы исполнительного комитета Государственной думы задержанию не подлежат» [5, л. 393]. После Февральской революции военная цензура сохранилась, но ее функции и сама суть работы претерпели кардинальные изменения, как и весь общественно-политический строй России.

Список источников и литературы

1. *Блохин В.Ф.* Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // *Новый исторический вестник.* 2019. № 3(61). С. 29–43.
2. *Временное положение о военной цензуре.* Одесса: тип. «Спорт и наука», 1914. 40 с.
3. *Гавриков Ф.А. Голованова С.П.* Цензура в городах Курской губернии во время Первой мировой войны // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.* 2009. № 4(52).
4. *Патрушева Н.Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. 620 с.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1720. Оп. 11. Д. 15.
6. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 11. Д. 16.

II. Отечественная история XX – начала XXI в.

Формирование и боевая деятельность революционных батальонов летом 1917 года в 11 армии Юго-Западного фронта

Аннотация. Революционные батальоны из волонтеров тыла – особые военно-политические формирования, набравшиеся на добровольческой основе, начиная с конца мая 1917 г. Создание революционных батальонов являлось попыткой вернуть боеспособность русской армии во время подготовки и проведения Летнего наступления. В статье рассматривается специфика существования революционных батальонов из волонтеров тыла в 11 армии Юго-Западного фронта в течение лета 1917 г. В процессе исследования устанавливается, на основании каких документов проводилась организация революционных батальонов, определяется количество революционных батальонов, находившихся летом 1917 г. в 11 армии, какие из батальонов принимали участие в боевых действиях. Кроме того, исследуется попытка армейского и политического начальства 11 армии объединить революционные батальоны в единую «ударную группу».

Ключевые слова: Русская армия; 1917 год; Юго-Западный фронт; 11 армия; революционные батальоны.

The formation and combat activity of the revolutionary battalions in the 11th army of the South-Western front during the summer of 1917

Abstract. The revolutionary battalions were special military and political units that were recruited on a voluntary basis since late May. The creation of revolutionary battalions was an attempt to restore the combat capability of the Russian army during the preparation and conduct of the Summer offensive. This article considers the peculiarities of formation of the revolutionary battalions in Russian army in the 11th army of the South-Western front in the summer of 1917. The study determines the basis of documents used to organize the revolutionary battalions, determines the number of the battalions which were in 11th army during the summer of 1917. The author also studies which of the battalions took part in combat operations. In addition, the attempt of the army and political authorities of 11th army to unite the revolutionary battalions in a single “strike group” is analyzed.

Keywords: Russian army; 1917; South-Western front; 11th army; revolutionary battalions.

¹ **Василий Алексеевич Лаптев** – аспирант, Институт российской истории РАН (Москва, Россия), e-mail: vasilylap1996@gmail.com

Vasily A. Laptev – postgraduate Student, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Созданию и боевой деятельности революционных батальонов из волонтеров тыла посвящено значительное количество статей и разделов в монографиях. В советской историографии целый ряд исследователей так или иначе затрагивал проблему создания и боевой деятельности революционных батальонов. В работе О.Н. Чаадаевой был поднят вопрос о социальном составе волонтеров революционных батальонов [17]. Историк С.Е. Рабинович затрагивал вопрос о происхождении ударничества, отмечая, что большую роль в «организации будущих белых кадров, ударных батальонов смерти» сыграло Политическое управление Военного министерства [8]. Революционным батальонам была посвящена глава в книге П.А. Голуба. В частности, исследователь проанализировал роль ударных революционных батальонов Юго-Западного фронта в карательных операциях против солдатских масс и вооруженном сопротивлении большевикам в Киеве и Воронеже в октябрьские дни 1917 г. [4] Последнему этапу существования революционных батальонов была посвящена статья В.Д. Поликарпова [7]. Историк А.С. Сенин опубликовал ряд статей о женских батальонах смерти [14]. В постсоветский период проблема создания и деятельности революционных батальонов затрагивалась в работах Р.М. Абинякина, С.Н. Базанова, И.Н. Гребенкина, А.В. Олейникова, С.А. Солнцевой [1; 3; 5; 6; 15].

Цель данного исследования – во-первых, установить, на основании каких документов проводилась организация революционных батальонов, во-вторых, определить количество сформированных революционных батальонов, находившихся в 11-й армии Юго-Западного фронта в течение лета 1917 г., в-третьих, выявить, какие из батальонов приняли участие в боевых действиях, в-четвертых, проанализировать попытку армейского и политического начальства создать из ударных батальонов единую «ударную группу». Исследование основывается, в том числе, на комплексе архивных документов Российского государственного военно-исторического архива.

Впервые идея о формировании революционных батальонов прозвучала на Юго-Западном фронте в начале мая 1917 г. Ряд офицеров, среди которых наиболее заметную роль сыграли капитан 122-го пехотного Тамбовского полка М.А. Муравьев, подполковник Генерального штаба В.К. Манакин и старший адъютант разведывательного управления отделения генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии капитан М.О. Неженцев, заявили о необходимости формирования особых добровольческих частей, которые должны были повысить морально-боевой дух армии во время готовящегося масштабного наступления.

В заявлении офицерской группы капитана Муравьева, в частности, отмечалось: «поставленные на стратегически важных участках фронта ударные части должны поднимать войска в наступление» [15, с. 77, 91]. Идеей создания революционных батальонов лично заинтересовался главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, генерал от кавалерии А.А. Брусилов. Он издал приказ № 561 от 22 мая, которым создавался Исполнительный комитет по формированию революционных батальонов тыла – специальный орган при Штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта [3, с. 229–231]. В 11-й армии кампания по формированию революционных батальонов из волонтеров тыла началась в тот же день.

Следует отметить, что существенную роль в распространении информации о создании революционных батальонов в 11-й армии сыграла армейская печать. На страницах газет были опубликованы положения об инструкторах революционных батальонов, присяга революционера – волонтера и другие документы [2]. В заметках во фронтовой печати можно было найти информацию о материальном содержании волонтеров: за военнотружущим запасных частей и гражданским, вступившими в состав революционных батальонов, сохранялись их должности и содержание на протяжении всего времени службы [16].

Боевая жизнь революционных батальонов из волонтеров тыла в 11-й армии регулировалась специальной инструкцией – «Планом формирования революционных батальонов из волонтеров тыла». Данный документ был составлен в конце мая, под руководством генерала Брусилова [9, л. 141].

Согласно «Плану формирования», в кратчайшие сроки должны были быть сформированы 12 революционных подразделений, по штату отдельных латышских батальонов, сформированных в 1915 г., приказом Верховного главнокомандующего № 688. Центрами формирования революционных батальонов из волонтеров тыла на Юго-Западном фронте становились 290 пехотный запасной полк в Дунаевцах и 15 пехотный запасной полк в Виннице [9, л. 142].

Важно отметить, что существование кампании по формированию революционных батальонов из волонтеров тыла определялось их идейно-политической спецификой. За все вопросы, касавшиеся существования революционных батальонов, отвечало не военное начальство, а армейский комитет 11-й армии, находившегося под контролем исполнительного комитета Юго-Западного фронта. Списки добровольцев отправлялись через армейский комитет в исполнительный ко-

митет фронта, который должен был предоставить их в Учредительное собрание [11, л. 627а].

Первым революционным формированием в 11-й армии стал 1-й революционный батальон «Свободы, равенства и братства». Он был создан 24 июня капитаном 21-го инженерного полка И.Т. Талалаевым при 290 пехотном запасном полку. Батальон был прикомандирован ко 2-й Финляндской стрелковой дивизии 6-го армейского корпуса. В начале июля при 17-м армейском корпусе образовался 1-й Омский ударный батальон, который состоял преимущественно из юнкеров военных училищ города Омска. Кроме того, 7 июля при штабе 49-го армейского корпуса были сформированы 1-й и 2-й Оренбургские ударные батальоны, состоявшие из прапорщиков и юнкеров города Оренбурга [11, л. 735]. Наконец, 9 июля был сколочен Юнкерский ударный революционный батальон, первым заданием которого была охрана железнодорожного вокзала в г. Проскуров [10, л. 537].

Наиболее активное участие в боевых действиях принял 2-й Оренбургский революционный батальон. Согласно реляции боевых действий 2-й Финляндской стрелковой дивизии у местечка Залаве: «ударный батальон бросившись с беззаветным мужеством в контратаку обратил в бегство противника. В результате боя батальон потерял до половины состава убитыми и ранеными и остатки батальона были сняты с передовой и отправлены на пополнение и отдых» [10, л. 463 об.]. Наиболее отличившиеся в бою волонтеры позднее были награждены георгиевскими крестами [13, л. 8–8 об.]. В боестолкновения с противником вступил и 1-й революционный батальон «Свободы, равенства и братства» капитана Талалаева, которому было поручено задержать наступавшего противника в черте города Тернополя [12, л. 140].

После провала Июньского наступления, военно-политическое начальство Юго-Западного фронта загорелось идеей, для большей эффективности, собрать революционные батальоны из волонтеров тыла в единый «боевой отряд» 11-й армии. Идею об укрупнении добровольческих формирований предлагал как армейский комитет, так и некоторые командиры революционных батальонов. Например, командир 1-го ударного революционного батальона «Свободы, равенства и братства» капитан Талалаев в первых числах июля обращался к комиссару Юго-Западного фронта Б.В. Савинкову с ходатайством о развертывании батальона в полк двухбатальонного состава [11, л. 662, 692].

Командующий 11-й армией генерал от инфантерии П.С. Балувев предложил собрать все ударные части армии под начало 13-й кавалерийской дивизии 7-го кавалерийского корпуса под названием «удар-

ного отряда 11-й армии». По мнению генерала Балужева, «ударные батальоны, роты, части смерти и революционные батальоны, находясь в различных корпусах и действуя разрозненно не могут принести той пользы, которую ждет от них Родина» [11, л. 760]. По указанию генерала Балужева, всех волонтеров революционных батальонов надлежало отправлять в район д. Дитковцы южнее Ямполья под начало полковника М.М. Плешкова, которого назначили ответственным за проект «ударного отряда 11 армии» [11, л. 778–779]. Однако, ввиду прекращения активных наступательных действий на Юго-Западном фронте, проект «ударного отряда» был вскоре свернут, а все военнослужащие революционных батальонов 11-й армии были распределены по другим частям. Черту под попытками укрупнения революционных формирований подвел приказ Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова от 22 июля, в котором он дал четкое указание крупным ударным частям на Юго-Западном фронте не формировать [10, л. 658].

Начиная с августа, формирование революционных батальонов из волонтеров тыла в 11 армии Юго-Западного фронта полностью прекратилось. Существующие батальоны были выведены с передовой и занимались вспомогательной работой: задерживали дезертиров, охраняли железнодорожные узлы и станции [13, л. 136].

Таким образом, кампания по формированию революционных батальонов в 11 армии началась с конца мая 1917 г. Она проводилась на основании специальной инструкции – «Плана формирования революционных батальонов из волонтеров тыла». Формирование первых батальонов было закончено только к концу июня. Существенную роль в распространении информации о революционных батальонах сыграла армейская печать. На страницах фронтовых газет можно было найти как публикации документов, относящихся к батальонам, так и информацию о материальном содержании волонтеров. На протяжении лета 1917 г. в 11 армии находились 5 революционных батальонов из волонтеров тыла. Вопросом их деятельности занимался как штаб армии, так и армейский комитет, который подчинялся исполнительному комитету Юго-Западного фронта. Непосредственное участие в боевых действиях приняли 2-й Оренбургский ударный батальон и 1-й ударный батальон «Свободы, равенства и братства». В июле в 11 армии была предпринята попытка объединить разрозненные революционные батальоны в единый «ударный отряд 11 армии», однако данный проект не был реализован по причине сворачивания активных боевых действий на Юго-Западном фронте. Начиная с августа 1917 г. кампания

по формированию революционных батальонов из волонтеров тыла в 11 армии завершилась.

Список источников и литературы

1. *Абиякин Р.М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920. Орел: Издатель А. Воробьев, 2005. 204 с.
2. Армейский вестник. 1917. 2 авг.
3. *Базанов С.Н.* Родоначальник ударных батальонов // Генерал А.А. Брусилов (очерки о выдающемся русском полководце). Тула: Гриф и К°, 2010. 400 с.
4. *Голуб П.А.* Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 года – февраль 1918 года). Киев: Госполитиздат УССР, 1958. 253 с.
5. *Гребенкин И.Н.* Долг и выбор: Русский офицер в годы первой мировой войны и революции 1914–1918. М.: АИРО–XXI, 2015. 528 с.
6. *Олейников А.В.* Ударные батальоны в Русской армии. Организация, тактика и подготовка штурмовых частей в первую мировую войну (1915–1917 гг.) // ВИЖ. 2010. № 8. С. 3–6.
7. *Поликарпов В.Д.* Разгром белогвардейских ударных батальонов под Белгородом в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1963. № 1. С. 103–109.
8. *Рабинович С.Е.* Борьба за армию в 1917 г. Очерки партийно-политической борьбы и работы в армии в 1917 году. М.; Л.: Гос. изд-во воен. лит., 1930. 160 с.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347.
10. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 530.
11. РГВИА. Ф. 2148. Оп. 2. Д. 248.
12. РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 811.
13. РГВИА. Ф. 2190. Оп. 1. Д. 255.
14. *Сенин А.С.* Женские батальоны и военные команды в 1917 году // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 179–185.
15. *Солнцева С.А.* Без царя в голове. Социальная модернизация русской армии в период войны и революции (февраль–ноябрь 1917 г.). М.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество», 2020. 160 с.
16. Известия Севастопольского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 21 июня.
17. *Чаадаева О.Н.* Добровольческое движение в 1917 г. // Пролетарская революция. 1928. № 9 (80). С. 57–88.

Поездка Г. Е. Зиновьева в Украину в ноябре–декабре 1917 г.

Аннотация. Статья посвящена деятельности одного из виднейших большевиков, Григория Зиновьева в ноябре–декабре 1917 г. Хотя Зиновьев был в оппозиции к ленинскому плану вооруженного восстания, а затем выступал против Ленина по вопросу об однородном социалистическом правительстве, тем не менее, уже в первый месяц Советской власти смог вернуть доверие лидера большевиков и сделать головокружительную карьеру в государственном аппарате. Автор впервые в отечественной и зарубежной историографии делает попытку объяснить стремительную реабилитацию Г. Е. Зиновьева, в которой важную роль сыграла его поездка в Украину в середине ноября – начале декабря 1917 г.

Ключевые слова: большевики; Великая российская революция; Зиновьев; Ленин; Центральный Комитет; Украина; Центральная Рада.

The trip of G. E. Zinoviev to Ukraine in November–December 1917

Abstract. The article is devoted to the activities of one of the most famous Bolsheviks Grigory Zinoviev since November to December 1917. Although Zinoviev was in opposition to the Lenin's plan of an armed uprising, and then opposed Lenin on the question of a homogeneous socialist government, nevertheless, the first month of Soviet power was able to restore the confidence of the leader of the Bolsheviks and make a dizzying career in the state apparatus. The author, for the first time in Russian and foreign historiography, makes an attempt to explain the rapid rehabilitation of G. E. Zinoviev, in which his trip to Ukraine in mid-November – early December 1917 played an important role.

Keywords: The Bolsheviks; Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies; The Great Russian Revolution; Zinoviev; Lenin; Ukraine; The Central Rada.

Если разыскать в энциклопедических словарях, изданных с середины 1920-х гг. вплоть до нашего времени, статью, посвященную Григорию Зиновьеву [см., напр.: 2; 3; 4; 7], то можно нередко прочесть, что он

¹ Вячеслав Николаевич Самоходкин – кандидат исторических наук, заведующий музеем «Шалаш В. И. Ленина» СПб ГБУК «Историко-культурный музейный комплекс в Разливе» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: feoclistus-sicilicius@yandex.ru
Vyacheslav N. Samokhodkin – Candidate of Historical Sciences, Head of the Museum “V.I. Lenin's Hut”, St. Petersburg Historical and cultural museum complex in Razliv (St. Petersburg, Russia).

вместе с Л.Б. Каменевым состоял в оппозиции к Ленину сперва по вопросу о курсе партии на вооруженное восстание, затем – по поводу создания «однородного социалистического правительства», а потом, как будто внезапно, в декабре 1917 г. стал председателем Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Выходит, что в революционном вихре всего за 36 дней Г.Е. Зиновьев проделал удивительный путь от положения иступленного оппозиционера, готового, вопреки партийной дисциплине, немедленно сложить полномочия члена ЦК до верного сторонника ленинского курса на однопартийную диктатуру, против которого он прежде выступал – именно такая репутация могла ему позволить возглавить важнейший из органов советской демократии в революционной России.

Одним из важнейших событий в деятельности Г.Е. Зиновьева в этот период была его поездка в Украину, в отношении которой по сей день исследователи не могут определиться, какую же задачу преследовал Центральный комитет РСДРП(б), направляя Зиновьева в явно стремившийся к сепарации осколок бывшей Российской империи. Так, по мнению исследователя В.В. Мельситова, эта поездка была ничем иным, как высылкой Григория Евсеевича, инициированной Лениным за выказанное им инакомыслие [11, с. 237]. Однако это совсем не так. На момент отбытия из Петрограда Зиновьев уже успел раскаяться в своей поддержке ультиматума Викжеля, полностью встав на сторону Ленина. Наконец, вряд ли можно назвать высылкой поездку, продлившуюся меньше месяца. Ю.Н. Жуков, исследуя в своей монографии, специально посвященной Г.Е. Зиновьеву, этот эпизод, подчеркивал, что Григорий Евсеевич «скорее всего по собственному желанию» отправился в Украину, «понадеявшись на свободное знание “мовы”, понимание характера украинцев, да еще и на то, что к нему, как к земляку, прислушаются» [6, с. 82–83]. Эта точка зрения также кажется дискуссионной, поскольку основывается сугубо на домыслах. Не будет лишним отметить, что Г.Е. Зиновьев никогда не указывал в своих анкетах знание иных иностранных языков, кроме немецкого и французского [16, л. 1–2].

В настоящей статье мы сделаем попытку проанализировать поездку Г.Е. Зиновьева в Украину, чтобы постараться подробнее осветить характер этого политического мероприятия.

15 (28) ноября 1917 г. Г.Е. Зиновьев отправился в Киев [2, с. 120]. Сразу следует подчеркнуть, что личный момент в этой поездке, безусловно, был: еще летом Зиновьев и его супруга, Злата Левина (Лилина), отправили своего сына, Стефана Радомысльского, к дедушке с бабуш-

кой (Арону и Розалии Радомысльским), проживавшим в г. Елисаветграде Херсонской губернии. Лилина отправилась в поездку вместе с супругом [14, л. 25]. Тем не менее, по всей видимости, личные мотивы не были основной целью поездки. Сам Зиновьев следующим образом обозначил цели своего визита в Украину: «я получил поручение посетить Киев исключительно для того, чтобы выработать формы братского союза между Украиной и остальной Россией, и, в частности, чтобы указать на необходимость делегировать представителей Рады в Совнарком» [9]. Впоследствии, предоставляя автобиографические сведения в Истпарт, Зиновьев отмечал, что поехал на Украину «по поручению ЦК партии, в связи с тем, что Рада помогла Каледину и Корнилову организовывать белогвардейские отряды против Советской власти» [14, л. 77]. Кроме жены, Григория Евсеевича сопровождал также С.Г. Рошаль [1, с. 426].

В фонде Совнаркома в Государственном архиве Российской Федерации отложились документы, посвященные переговорам Советского правительства с Центральной Радой: никаких сведений о поездке Зиновьева в Украину там нет. 19 ноября (2 декабря) СНК, заслушав доклад И.В. Сталина о деятельности Центральной Рады и ее отношении к советскому правительству, постановил создать особую комиссию, призванную всесторонне выяснить положение дел, переговорить по прямому проводу и выдвинуть кандидата на пост Уполномоченного от правительства для поездки в Украину [12, с. 28]. Из всего этого можно заключить, что визит Зиновьева в Киев имел скорее неофициальный характер. Весьма вероятно, он должен был вступить в переговоры с Центральной Радой не от имени Совнаркома, а от имени ЦК РСДРП(б).

Отправившиеся в поездку Зиновьев, Лилина и Рошаль, как и их петроградские товарищи, весьма смутно представляли себе характер политики Центральной Рады: большевистские агитаторы в Петрограде квалифицировали этот вызванный общероссийской революционной бурей государственный орган как «истинную представительницу украинских рабочих и крестьян», всячески поддерживающую российское рабоче-крестьянское правительство. Надо сказать, что до прибытия в Киев Зиновьев с товарищами полностью разделял эту явно иллюзорную точку зрения [17, с. 61].

В пользу неофициального визита говорит также и тот факт, что прежде, чем посетить Киев, Григорий Евсеевич отправился в свой родной город — Елисаветград. Еще месяцем ранее туда отправился муж родной сестры Зиновьева Лии Радомысльской, Самуил Закс (Гладнев),

который значительно оживил в городском Совете борьбу за признание свершившегося в Петрограде Октябрьского переворота [5, с. 7]. Совет, в котором меньшевики, эсеры и украинские социалисты составляли большинство, к политическим переменам в Петрограде отнесся крайне настороженно. Хотя с возвращением делегатов со II Всероссийского съезда советов поддержка Советской власти в елисаветградском органе народной демократии несколько укрепилась, ситуация, в целом, оставалась достаточно напряженной: с одной стороны, рабочие и солдатские массы стояли за признание Совета Народных Комиссаров, с другой стороны, значительная часть населения ориентировалась на Центральную Раду [5, с. 7–8].

Такой была политическая обстановка Елисаветграда, когда Григорий Евсеевич 21 ноября (4 декабря) прибыл в родной дом [5, с. 8]. Посетив его и проведав семью, 24 ноября (7 декабря) Зиновьев прочитал в городском театре лекцию, посвященную октябрьским событиям в Петрограде [13, л. 77].

На следующий день, 25 ноября (6 декабря), Григорий Евсеевич принял участие в заседании Елисаветградского совета рабочих и солдатских депутатов. Собрание выдалось весьма продолжительным: открывшееся в 7 часов вечера, оно завершилось только к 7 часам утра следующего дня. Делегаты совета начали заседать без большевистской фракции, которая на момент открытия собрания еще совещалась, что вызвало энергичный протест присутствующего в зале С. Закса. И, если призывы последнего признать елисаветградскими депутатами Советскую власть оказались напрасными, то прибытие большевистской фракции, в числе которой, кроме упомянутого Зиновьева, также оказались представители Петроградского и Минского Военно-революционных комитетов, вызвало к жизни самую оживленную дискуссию. Тем не менее, очевидно, противники признания власти Совнаркома не хотели сдавать свои позиции, и тот факт, что председательствующий на собрании большевик Скульский собирался отказаться от председательствования, а фракция РСДРП(б) всерьез вознамерилась покинуть Исполком ярко свидетельствует о том, что дебаты по данному вопросу были жаркими [5, с. 9].

Царивший на собрании шум долго не давал Зиновьеву начать свою речь. Когда же, наконец, делегаты немного утихли, Григорий Евсеевич поставил пред ними вопрос ребром: либо совет обсуждает вопрос о передачи власти советам рабочих и солдатских депутатов, либо большевики оставляют за собой право обратиться непосредственно к гарнизону. Оппоненты не растерялись: в ответ на это

заявление они провели на председательское место представителя гарнизона, начальника Кавалерийской школы, эсера Акацатова, продемонстрировав тем самым большевистской фракции свое влияние на гарнизон [5, с. 9–10].

Немаловажным моментом для собравшихся был также вопрос об участии Елисаветграда в планируемом в Херсоне I Всеукраинском съезде советов. Согласно установленному порядку, от каждой фракции выдвигался оратор, который должен был изложить воззрения своей партии по трем главным вопросам: об отношении к текущему моменту, к Центральной Раде и к Совету Народных Комиссаров.

Докладчиком от большевистской фракции был представитель ЦК РСДРП(б) Г.Е. Зиновьев. Хотя его доклад касался, главным образом, официальной позиции Совнаркома по отношению к Центральной Раде, стоит отметить определенную особенность, которая прозвучала в выступлении Зиновьева и которая, пожалуй, была скорее выражением его личной позиции. Говоря о предстоящем в Петрограде созыве Учредительного собрания, Зиновьев заявил: «Вы полагаете, что Учредительным собранием должны упраздниться Советы, а мы говорим, что от постановлений, которые вынесет Учредительное собрание, до проведения их в жизнь далеко, затем и нужны Советы, чтобы быть на страже» [5, с. 10].

Как можно заметить, в конце ноября Григорий Евсеевич в вопросе о перспективах Учредительного собрания все еще придерживался своей «теории власти комбинированного типа», впервые изложенной в написанном совместно с Л.Б. Каменевым знаменитом письме «К текущему моменту», в котором подвергалась сомнению необходимость немедленного вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 г. [8, с. 298].

Впрочем, это заседание Елисаветградского совета окончилось для большевиков неудачно: угрозы Зиновьева апеллировать непосредственно к гарнизону так и остались пустым звуком. Хотя, по свидетельству современников, это была «последняя призрачная победа меньшевистско-эсеровских лидеров в Совете», так как заседание, все же, способствовало принятию многими депутатами Елисаветградского совета позиции, отстаиваемой большевиками [5, с. 10].

Как бы то ни было, Зиновьев покинул Елисаветград, так и не сыскав триумфа среди руководителей тамошнего Совета. Выехав из родного города, он совершил поездку в расположенную неподалеку Знаменку, где вовсе едва избежал ареста [13, л. 77]. Причиной тому, скорее всего, стало содержание лекций Зиновьева, который призы-

вал рабочих к политической забастовке против Центральной Рады [2, с. 120].

Тем временем Центральная Рада на одном из своих заседаний приняла по предложению Бунда резолюцию, осуждавшую большевистский переворот в Петрограде [15, с. 55]. Зиновьев, таким образом, отправился в Киев еще до того, как противостояние между правительствами России и Украины вступило в активную фазу. Последняя началась 30 ноября (13 декабря), когда Центральная Рада задержала и разоружила советские части, шедшие на борьбу с Калединым.

Зиновьев, Лилина и Рошаль прибыли в Киев 1 (14) декабря [1, с. 426], и Григорий Евсеевич смог явиться в Раду только на следующий день после разоружения ей советских военных частей. В своей заметке в «Известиях Петроградского Совета» он отмечал, что не смог прибыть в Раду раньше «по причине болезни» [10]. Некоторые газеты выступили с «опровержением» якобы имевшего место быть заявления, что Зиновьев предложил Раде вступить в переговоры, но предложение его не встретило сочувствия. Сам Григорий Евсеевич живо опроверг это сообщение, заметив, что ни о каком соглашении в свете событий 30 ноября не могло быть и речи [10].

Тем не менее, киевские большевики приняли решение собрать пролетариев на митинг против состоявшегося разоружения. Зиновьев принял посильное участие в организации вместе с украинскими товарищами протеста, и даже призвал украинских рабочих к политической забастовке против Рады, стремясь, в соответствии с партийной установкой, показать украинским трудящимся массам «противоречие социалистической политики Советской власти и буржуазной политики Центральной Рады» [15, с. 53]. Кроме того, Григорий Евсеевич посетил также съезд железнодорожных войск всех фронтов, где видел генеральных секретарей Центральной Рады, но на контакт с ними он не пошел и даже выразил свой протест на съезде [10] (впоследствии в своей автобиографической анкете-хронике событий 1917 г. он указывал, что выступал «в присутствии всех членов Рады» [13, л. 77]). В условиях эскалации конфликта по городу поползли слухи, что большевики намерены двинуть отряды красногвардейцев в Киев.

Стремясь прояснить позицию советского руководства, Зиновьев сделал в Городском театре Киева доклад на тему о текущем моменте, в котором подверг резкой критике действия Центральной Рады, а также опроверг слухи о намерении большевиков двинуть на Киев войска как провокационные. В целом, за время своего визита в Киев, Зиновьев

вьев посетил ряд партийных совещаний [1, с. 426]. Во время одного из таких собраний, на котором местными большевиками обсуждался вопрос о готовящемся восстании против Центральной Рады, Григорий Евсеевич едва не избежал ареста [13, л. 77]. На наш взгляд, Ю.В. Аксютин, отмечая, что Зиновьев, посетив столицу и ряд промышленных центров Украины, готовил созыв Первого Всеукраинского съезда Советов, состоявшегося в Харькове [2, с. 120], вполне прав. По крайней мере, такая версия вполне объясняет, почему его поездка носила полуофициальный характер. Но, надо отметить, что готовил он его, скорее всего, агитацией, а вот организационную сторону подготовки съезда взял на себя Рошаль.

После этих событий Зиновьев и Лилина покинули Киев, а Рошаль по поручению Ленина отправился на Румынский фронт, где, попав в руки белогвардейцев, был убит 8 (21) декабря при невыясненных обстоятельствах.

Совнарком на заседании от 3 (16) декабря принял решение выпустить особый меморандум украинскому народу и послать Раде ультиматум, проект которого надлежало составить комиссии Ленина, Троцкого и Сталина [12, с. 76]. Ответ Рады на предъявленный ультиматум, касающийся пропуска советских войск для борьбы с каледи́нцами, Совнарком не устроил, и 5 (18) декабря он объявил Раде войну [12, с. 443]. К этому моменту чета Зиновьевых, очевидно, уже покинула столицу Украины. Напряжение несколько спало к 6 (19) декабря, когда Совнарком получил встречное предложение Рады об условиях улаживания конфликта [12, с. 443], и переговоры с Радой велись уже Л.Д. Троцким как главой НКИДа [12, с. 57].

Вернувшись в Петроград, 11 (24) декабря Григорий Евсеевич выступил на совместном заседании СНК, ЦИК С. Р. и К. Д., 2-го Всероссийского съезда крестьянских депутатов в Александринском театре с осуждением контрреволюционно настроенной украинской Центральной Рады и огласил пространное воззвание к украинскому народу [9].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что Зиновьев, отправляясь в Украину, вероятнее всего, преследовал скорее партийные, нежели личные цели. Не будучи официальным представителем Совнаркома, он, похоже, представлял ЦК РСДРП(б) как партии, захватившей власть в Петрограде. Об этом свидетельствует и работа Григория Евсеевича, проводимая, прежде всего, по партийной линии. Стремительно меняющаяся политическая обстановка сделала результат этой командировки весьма скромным.

Список источников и литературы

1. 1917 год на Киевщине: хроника событий. Киев: Государственное Издательство Украины, 1928. 583 с.
2. *Аксютин Ю. В.* Зиновьев Григорий Евсеевич // Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1997. С. 117–121.
3. *Богдан Б.* Зиновьев Григорий Евсеевич // Энциклопедический Словарь Русского Библиографического Института Гранат. 7-е изд. Т. 41. Ч. 1. Стб. 143–149.
4. *Волин Б.* Зиновьев Григорий Евсеевич // Большая Советская Энциклопедия. Т. 27. М., 1933. Стб. 48–51.
5. Год борьбы: сборник материалов по истории революционного движения на Зиновьевщине. Зиновьевск: [Б.и.], 1927. 194 с.
6. *Жуков Ю. Н.* Григорий Зиновьев: отвергнутый вождь мировой революции. М.: Концептуал, 2021. 559 с.
7. *Залесский К. А.* Кто есть кто в Истории СССР. М., 2009. Т. 1. С. 229–231.
8. *Зиновьев Г.* Сочинения. Т. 7. Ч. 2. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. 359 с.
9. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов и Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. 12 дек. 1917. № 249.
10. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов и Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. 13 дек. 1917. № 250.
11. *Мельситов В. В.* «Политические близнецы» (Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев) // История России в портретах. Т. 2. Смоленск, 1996. С. 220–247.
12. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 г. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 520 с.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 324. Оп. 1. Д. 5.
14. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 8.
15. *Рубач М.* К истории конфликта между Совнаркомом и Центральной Радой (Декабрь 1917 г.) // Летопись революции. 1925. № 2 (11). С. 54–67.
16. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1728. Оп. 1–25. Д. 196213.
17. *Шрейбер С. К.* К протоколам первого всеукраинского совещания большевиков // Летопись революции. 1926. № 5 (20). С. 55–63.

Реконструкция партийного состава органов власти в областных объединениях советов в 1917–1918 гг.

Аннотация. Статья посвящена изучению состава органов власти областных объединений советов в 1917–1918 гг. На основе данных, представленных в научной литературе, автор реконструирует партийный состав областных съездов советов и исполкомов. Автор производит количественные подсчеты делегатов областных съездов советов и членов областных исполкомов. В статье показывается динамика партийного представительства на областных съездах советов на протяжении 1917–1918 гг. Делается вывод о том, что в первой половине 1918 г. в областных органах власти наблюдалась тенденция к оформлению двухпартийности, в условиях которой большинство ключевых государственных постов заняли большевики и левые эсеры. На территории Сибири политический ландшафт несколько отличался от Европейской России, что характеризовалось более широким политическим представительством различных левых партий в областных властных институтах. Однако после событий 6–7 июля 1918 г. усиливаются тенденции к созданию в областных органах власти однопартийной системы.

Ключевые слова: большевики; левые эсеры; областные объединения советов; революция.

The dynamics of the representation of the Bolsheviks and the Left Social Revolutionaries in the provincial authorities (March – July 1918)

Abstract. The article examines the composition of the authorities in regional Soviet associations in 1917–1918. Based on the data presented in scientific literature, the author reconstructs the party composition of regional congresses of Soviets and executive committees. The author makes quantitative calculations of delegates at regional congresses of Soviets and members of regional executive committees. He concludes that in the first half of 1918 there was a tendency in the regional authorities to formalize the dual party system, in which most of the key governmental posts were occupied by the Bolsheviks and the left SRs. In Siberia, the political landscape was somewhat different from European Russia, where it had a wider political representation of various left-wing parties in regional government institutions. However, after the events

¹ **Илья Анатольевич Концевой** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института региональных исторических исследований НИУ ВШЭ (Москва, Россия), e-mail: ikontsevov@hse.ru

Илья А. Kontsevov – Candidate of Historical Sciences, research fellow at the Institute for Regional Historical Research, Higher School of Economics (Moscow, Russia).

of July 6–7, 1918, the tendencies towards the creation of a one-party system in the regional authorities intensified.

Keywords: bolsheviks; left SRs; regional Soviet associations; revolution.

Исследованию вопросов партийного представительства большевиков и левых социалистов-революционеров в региональных органах власти посвящено множество статей и монографий. Однако, несмотря активное изучение данной проблематики, остаются ее малоисследованные аспекты. Один из них – формирование и функционирование областных объединений советов в процессе «долгой» революции 1917 г. Данный вопрос является актуальным, поскольку на настоящий момент практически отсутствуют современные исследования, посвященные феномену возникновения областных объединений советов и изучению их роли в управлении территориями Советской России.

В советской историографии рассматриваемой проблеме посвящены исследования З.Л. Серебряковой [10], Н.П. Марченковой [5], В.Т. Агалакова [1], Е.И. Нестеренко и В.П. Осмоловского [6]. Авторы рассмотрели вопросы, связанные с возникновением областных объединений, и ввели в научный оборот архивные документы по данному вопросу. Тем не менее, им не удалось комплексно изучить взаимоотношения большевиков с другими социалистическими партиями в рамках создававшихся областей.

В постсоветский период в связи с «архивной революцией» 1990-х гг. источниковая база исследований существенно расширилась. Однако это не привело к увеличению интереса авторов к изучению областных объединений советов. Из множества работ, посвященных революционным событиям 1917–1918 гг., лишь в некоторых из них был затронут этот вопрос. Так, А.А. Смирнова рассмотрела деятельность партии левых эсеров в Северной области [11]. М.И. Люхундзаев изучил события, связанные с историей левозэсеровской партии на Урале [4]. Е.Г. Карелин затронул процесс образования Западной области РСФСР [3]. А. Рабинович создал важный труд, в котором детально исследовал деятельность Союза коммун Северной области и его институций в контексте взаимодействия большевиков с левыми эсерами [9]. Тем не менее проблематика функционирования областных объединений советов еще нуждается в комплексном изучении.

Необходимо отметить, что к моменту свержения Временного правительства в октябре 1917 г. система советов в России не была единым целым. Отдельно существовали советы рабочих и солдатских депутатов и советы крестьянских депутатов. Революционный 1917-й год ознаме-

новался ростом тенденций к регионализации на территории бывшей Российской империи, что выразилось в формировании областных объединений советов в определенных географических районах. 25 марта 1917 г. в Москве состоялась областная конференция советов, на которой было принято решение о создании Московского областного бюро советов рабочих и солдатских депутатов [10, с. 22]. Организационное начало для институционального оформления Московской области было положено. 29 марта в Петрограде прошло Всероссийское совещание советов, на котором было решено образовать в России 13 областей по территориальному принципу [10, с. 26].

В апреле 1917 г. состоялся областной съезд советов Урала, который выработал «Устав Советов рабочих и солдатских депутатов на Урале». По этому документу Уральский областной совет объявлялся центром политической власти в регионе и должен был связывать местные советы Урала с Центром [10, с. 37]. На областном съезде советов в Минске, проходившем в мае 1917 г., были заложены основы создания Западной области, в которую включались западные губернии России [10, с. 39]. На территории Сибири также наблюдалось оформление региональных объединений. Там были созваны отдельные съезды советов Восточной и Западной Сибири [1, с. 13; 10, с. 43].

В связи с тем, что советы рабочих и солдатских депутатов не были объединены с советами крестьянских депутатов, в некоторых областях проводились самостоятельные съезды советов: отдельно для представителей от рабочих и солдат и для крестьянских делегатов. Так, 30 сентября 1917 г. одновременно открылись 2-й Московский областной съезд советов рабочих и солдатских депутатов и 1-й областной съезд крестьянских депутатов. Из 192 делегатов 2-го Московского областного съезда, указавших свою партийную принадлежность, к большевикам принадлежали 122 человека, к эсерам — 49, к меньшевикам — 21 и остальные — к другим социалистическим партиям. На съезде крестьянских депутатов из 150 человек большевиками были лишь 9, тогда как абсолютное большинство составляли эсеры [10, с. 67, 68]. Важным решением съездов, проходивших совместно, было создание объединенного Московского областного исполкома, в который включались представители от рабочих, солдатских и крестьянских советов. В состав Мособлисполкома избраны 18 большевиков, 22 эсера и 5 меньшевиков [10, с. 71]. В новом органе власти члены РСДРП (б) имели значительный вес, хотя пока и не находились у его руководства.

К октябрю 1917 г. партийный состав областных объединений советов стал изменяться в пользу большевиков и представителей выде-

лившегося из партии эсеров левого крыла. Этот факт проиллюстрировали выборы на съезд советов Северной области, который открылся 11 октября 1917 г. Из 90 делегатов большевиками были 51 человек, левыми эсерами – 24, правых эсеров представляли 10 делегатов, а остальные принадлежали к различным группам меньшевиков. Изменения в партийном составе в пользу леворадикальных партий показал и 1-й съезд советов Сибири (16–24 октября 1917 г.). На съезд собрались 184 делегата, среди которых было 64 большевика, 35 левых эсеров, 50 правых эсеров, 10 меньшевиков-интернационалистов и 11 меньшевиков-оборонцев [10, с. 74, 80]. Леоэсеровская фракция съезда занимала третье место по численности делегатов, и вместе с большевиками левые эсеры составляли абсолютное большинство. Изменения в политических настроениях масс показывают рост поддержки большевиков и левых эсеров к моменту свержения Временного правительства.

Установление советской власти подтолкнуло процесс слияния советов и образования единых областных органов власти. 10 декабря 1917 г. состоялся Московский областной съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Из 300 участников съезда партию большевиков представляли 210 делегатов, левых эсеров – 43, беспартийными были 6 человек и еще 41 делегат относились к фракциям правых эсеров и меньшевиков [10, с. 88]. В ходе съезда РСДРП (б) и левые эсеры действовали совместно. Их представители вошли в состав нового Мособлисполкома, в котором из 45 членов лишь 2 принадлежали к умеренным социалистам [10, с. 89].

В Северной и Западной областях процесс слияния советов проходил медленнее. Так, в ноябре 1917 г. в Минске состоялся отдельный областной съезд советов рабочих и солдатских депутатов Западной области, на котором не были представлены крестьянские советы [10, с. 102]. Съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Северной области состоялся лишь в апреле 1918 г., примерно в те же сроки, что и объединенный съезд советов Западной области.

К началу 1918 г. в Европейской России были организованы Московская, Западная, Северная и Уральская области. В сибирском регионе власть находилась в руках ЦИК Советов Сибири (Центросибирь). Образованная в центре Европейской России Московская область включала в себя губернии Центрального промышленного района (ЦПР) и преимущественно сельскохозяйственные территории Центрально-Черноземного района (ЦЧР). Областные органы власти были сконструированы по итогам работы 4-го съезда советов Москов-

ской области, который состоялся в марте 1918 г. Партийный состав этого съезда отражал главенствующее положение большевиков и левых эсеров в советах. На съезде были представлены 77 большевиков, 29 левых эсеров, 11 членов других социалистических партий и 1 беспартийный [10, с. 92].

Первый съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Северной области, в состав которой входили губернии Севера и Северо-Запада России, открылся 26 апреля 1918 г. На него съехались 209 делегатов с решающим голосом, из которых 122 были большевиками (включая сочувствующих), 62 – левыми эсерами, другие партии представляли 8 человек и 17 были беспартийными [10, с. 118]. Съезд сыграл важную роль в оформлении двухпартийной коалиции на севере России, поддержав образование совета комиссаров Северной области, в который вошли только большевики и левые эсеры [8, с. 159].

Западная область являлась самым малым по размерам территории областным образованием. В ее состав были включены губернии запада России, которые не были оккупированы немецкими войсками по состоянию на конец 1917 г. Первоначально в состав Западной области входили Витебская и Могилевская губернии, неоккупированные части Минской и Виленской губерний, а с апреля 1918 г. – Смоленская губерния [10, с. 111]. В апреле 1918 г. состоялся 2-й съезд советов Западной области, на который прибыло 429 человек. По подсчетам исследователей, на 2-м съезде советов Западной области присутствовали 277 большевиков, 69 эсеров (всех течений), 9 меньшевиков, 8 членов других партий и 66 беспартийных [6, с. 144].

На Урале 1-й областной съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов состоялся в январе 1918 г. Из 148 делегатов с правом решающего голоса на съезде было 119 большевиков, 22 левых эсера, 6 членов других партий и 1 беспартийный [10, с. 131].

Крайне любопытной для изучения партийного состава областных органов власти является территория Сибири. С 16 по 26 февраля 1918 г. в Иркутске работал 2-й Всесибирский съезд советов, на котором присутствовали 202 делегата с решающим голосом. Из них большевиками являлись 123 человека, левыми эсерами – 53, а еще 26 представляли другие партии. Среди членов других социалистических партий наибольшее представительство имели анархисты (8 делегатов) и правые эсеры (7 делегатов) [1, с. 115]. Присутствие на съезде большого числа представителей различных партий свидетельствует о его преимущественно многопартийном составе.

В Московской области в июне 1918 г. состоялся 5-й областной съезд советов, который отразил произошедшие изменения в партийном составе советов. Состав съезда показал абсолютное преобладание большевиков среди его делегатов. Из 253 участников съезда РКП(б) представляли 185 человек, левых эсеров – 43, другие партии – 24 и еще один делегат был беспартийным [10, с. 99]. Несмотря на активную борьбу большевиков с меньшевиками и эсерами, в органах власти Московской области члены этих партий имели довольно крупные фракции.

Таблица 1

**Партийный состав областных съездов Советов
в 1-й половине 1918 г.**

Наименование съезда советов	Всего делегатов	РКП(б)	Левые эсеры	Прочие	Беспартийные
4-й съезд Московской области	118	77	29	11	1
5-й съезд Московской области	253	185	43	24	1
1-й съезд Северной области	209	122	62	8	17
2-й съезд Западной области	429	277	69	17	66
1-й съезд Урала	148	119	22	6	1
2-й Всесибирский съезд	202	123	53	26	—
Общее число делегатов	1 359	903	278	92	86
В %		66,4	20,5	6,8	6,3

Составлено по: [6, с. 144; 10, с. 220]

В целом на областных съездах РСФСР, состоявшихся в первой половине 1918 г., партию большевиков представляли 66,4% делегатов, левых эсеров – 20,5%, другие партии – 6,8%, а беспартийными были 6,3%. На территории Европейской России состав областных съездов был преимущественно двухпартийным, тогда как в Сибири наблюдалась многопартийность – на областном съезде присутствовали значительные фракции анархистов и правых эсеров. Из областных съездов Европейской России некоалиционные партии были представлены на 5-м Московском областном съезде, где существенную долю делегатов от других партий составляли меньшевики.

Данные о партийном составе областных исполкомов также представляют большой интерес. В марте 1918 г. на 4-м Московском областном съезде советов был образован областной исполком из 27 человек, в который вошли 19 большевиков и 8 левых эсеров. Таким образом, большевики заняли 70% мест в облисполкоме, оставив левым эсерам 30% [5, с. 240]. В июне 1918 г. на 5-м Московском областном съезде облисполком был переизбран. В новый исполком были избраны 26 членов РКП (б) и 10 левых эсеров, следовательно, большевики упрочили свои позиции. Теперь им принадлежало более 70% мест в этом органе власти [10, с. 101].

Уральский областной исполком также не отличался политическим многообразием. Сформированный в январе 1918 г. он состоял только из членов двух коалиционных советских партий. В состав этого органа власти были включены 36 большевиков и 18 левых эсеров [4, с. 215].

На 2-м съезде советов Западной области в апреле 1918 г. был образован исполком Западной области — Облискомзап. Партийный состав этого органа был более широким, чем у Московского и Северного областных исполкомов. Облискомзап состоял из 57 большевиков, 12 левых эсеров, 5 меньшевиков и одного беспартийного [6, с. 147]. В данном случае большевики предоставили места в областном органе власти членам умеренной социалистической партии.

На состоявшемся в апреле 1918 г. 1-м съезде советов Северной области также был сформирован областной орган власти — Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Северной области. Из 42 мест в областном исполкоме большевики получили 28, а левые эсеры — 14 [2, с. 58].

Наиболее «пестрым» был партийный состав Центросибири. Этот орган был сформирован в феврале 1918 г. на 2-м Всесибирском съезде советов. Полноправными членами данного органа стали 20 большевиков, 8 левых эсеров и 5 представителей других партий (максималистов, анархистов и социал-демократов интернационалистов). От каждой партии также были выбраны несколько кандидатов в члены Центросибири [7, с. 108]. Сведения о составе Центросибири показывают многопартийный характер этого органа власти. В нем были представлены разнообразные социалистические партии, однако все они относились к движениям, которые так или иначе одобряли установление советской власти. На наш взгляд, именно данный факт являлся определяющим при предоставлении данным партиям мест в составе Центросибири.

Таблица 2

Партийность областных исполкомов к началу июля 1918 г.

Наименование органа власти	Всего	РКП(б)	Левые эсеры	Прочие	Беспартийные
Московский облизполком	36	26	10	—	—
ЦИК советов Северной области	42	28	14	—	—
Облизкомзап	75	57	12	5	1
Уральский облизполком	54	36	18	—	—
Центросибирь	33	20	8	5	—
Всего	240	167	62	10	1
В%		69,6	25,9	4,2	0,4

Составлено по: [2, с. 58; 4, с. 215; 6, с. 147; 7, с. 108; 10, с. 101].

Данные о партийном составе областных исполнительных органов власти показывают, что большевики в них значительно преобладали. К этой партии принадлежали 69,9% членов областных исполкомов, к левым эсерам — 25,9%, к другим партиям — 4,2%. На уровне облизполкомов большевики и левые эсеры являлись двумя доминирующими партиями, что говорит о двухпартийном составе данных органов власти. Представители иных политических сил практически не допускались до управления областными объединениями (за исключением Сибири). Таким образом, политический состав областных учреждений советов в первой половине 1918 г. был преимущественно двухпартийным. Фракции большевиков и левых эсеров на съездах и в исполкомах составляли от 70 до 66% и от 20,5 до 26% соответственно, тогда как доля других партий не достигала и 10%, составляя от 4,2 до 6,8%.

События 6–7 июля 1918 г. резко изменили партийный состав областных объединений советов, сделав их фактически однопартийными органами власти. На состоявшихся в августе – сентябре съездах в Северной и Западной областях РКП (б) располагала подавляющим большинством делегатов. Так, на 2-м съезде советов Северной области к этой фракции принадлежали 76% делегатов, к левым эсерам — 8,5% и еще 15% были беспартийными. На 2-м съезде советов Западной области РКП (б) имела и вовсе 93% от общего состава съезда, тогда как левые эсеры — только 5% [10, с. 220]. В сумме на двух областных съез-

дах, прошедших во 2-й половине 1918 г., большевиками были 80,8% делегатов, левыми эсерами – 7,7%, а беспартийными – 11,3%.

Распад партии левых эсеров и ее уход с политической арены сделал неизбежным оформление в России однопартийной системы в виде диктатуры РКП (б). Однако раннесоветский период заключал в себе альтернативу этой политической модели, в которой присутствовали иные социалистические партии, которые, как и большевики, внесли существенный вклад в формирование советской государственности.

Список источников и литературы

1. *Агалаков В.Т.* Советы Сибири. Новосибирск: Наука, 1976. 256 с.
2. *Егорова Л.И.* V Всероссийский съезд Советов и местные органы советской власти (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 1967. 294 с.
3. *Карелин Е.Г.* Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 422 с.
4. *Ляхудзаев М.И.* Левые эсеры в политической жизни Урала в 1917–1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. 263 с.
5. *Марченкова Н.П.* Тактика блока большевиков с левыми эсерами в период подготовки, победы и развития Октябрьской социалистической революции (на опыте Московской областной партийной организации): дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977. 252 с.
6. *Нестеренко Е.И., Осмоловский В.П.* Советы Белоруссии, октябрь 1917 – январь 1919 г. Минск: Наука и техника, 1989. 230 с.
7. Подвиг Центросибири 1917–1918: сб. док. / сост. В.Т. Агалаков и др. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. 479 с.
8. *Потехин М.Н.* Первый Совет пролетарской диктатуры. Очерки по истории Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917–1918 гг. Л.: Лениздат, 1966. 339 с.
9. *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М.: АИРО-XXI, Новый хронограф, 2007. 624 с.
10. *Серебрякова З.Л.* Областные объединения Советов России: март 1917 – декабрь 1918. М.: Наука, 1977. 231 с.
11. *Смирнова А.А.* Партия левых социалистов-революционеров (эсеров) в октябре 1917–1918 гг. (на материалах Северной области): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 284 с.

**Неформальное покровительство
в сталинскую эпоху 1920–1930-х годов
(по материалам фонда С.М. Кирова ГМИ СПб)**

Аннотация. В статье рассмотрены материалы воспоминаний, оставленных близким окружением С.М. Кирова в конце 1930-х годов. Воспоминания содержат сведения о неформальном покровительстве, которое широкому кругу лиц оказывал руководитель региональной партийной организации и член Политбюро ЦК. В статье показано, как в ситуации громоздкой партийно-советской бюрократии 1920–1930-х годов неформальное покровительство над специалистами и отдельными гражданами позволяло государству более эффективно функционировать в условиях ограниченных ресурсов и плановой экономики.

Ключевые слова: С. М. Киров; помощь; неформальное покровительство; партийная номенклатура; привилегии.

**Informal patronage in the Stalin era of the 1920–1930s
(based on materials of the S. M. Kirov archival fund
of the State Museum of History of St. Petersburg)**

Abstract. The article considers the materials of memories left by close people of S.M. Kirov in the late 1930s. The memoirs contain information about the informal patronage that the head of the regional party organization and a member of the Politburo of the Party Central Committee provided to a wide range of people. The article shows how, in the situation of the cumbersome party-Soviet bureaucracy of the 1920s-1930s, informal patronage over specialists and individual citizens allowed the state to function more efficiently in conditions of limited resources and a planned economy.

Keywords: S.M. Kirov; support; informal patronage; party nomenclature; privileges.

Материалы личных фондов руководителей сталинской эпохи, в том числе их рабочая и частная переписка отражают круг обязанностей и персональных интересов представителей власти. Не исключением являются письма и телеграммы члена Политбюро ЦК, секретаря Ле-

¹ **Юрий Алексеевич Соколов** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник филиала СПб ГБУК «Государственный музей истории Санкт-Петербурга» «Музей С.М. Кирова» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: y.a.sokolov@yandex.ru
Yuri A. Sokolov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher in the branch of the State Museum of the History of St. Petersburg “The Museum of S.M. Kirov” (St. Petersburg, Russia).

нинградского обкома и горкома ВКП(б) Сергея Мироновича Кирова. Эти документы отразили типичный круг забот руководителя сталинского времени, как патрона и покровителя. Например, Киров оказывал помощь (под «помощью» следует понимать неформальное содействие и покровительство в терминологии 1930-х гг.) С.Я. и Н.С. Аллилуевым с поиском квартиры в Ленинграде [20, л. 266]; писателю Б.А. Лавреневу, пытавшемуся избежать вербовки органами ОГПУ [21, л. 1]; писателю Л. Пантелееву, оказавшемуся под арестом [22, л. 1]. Другие знакомые и неизвестные Кирову люди обращались к вождю ленинградских коммунистов за помощью по восстановлению в правах, освобождению из-под ареста, предоставлению жилья, персональной пенсии, материальной помощи, лечения, устройству на учебу и даже приобретению охотничьего ружья [23, л. 9].

Историками описаны многочисленные факты, как представители власти 1920–1930-х гг. оказывали неформальную помощь своим коллегам и подчиненным, отдельным лицам и организациям [18]. Также в литературе выделены некоторые элементы специализации в деле подобного покровительства [26]. Механизмы этих практик подробно раскрывают источники личного происхождения, в том числе воспоминания и интервью современников.

В своей работе автор опирался на материалы фонда С.М. Кирова Государственного музея истории Санкт-Петербурга, который содержит богатую коллекцию ранее неопубликованных источников, посвященных биографии С.М. Кирова. На данный момент в фонде хранится 1284 дела, представляющие собой рукописные и машинописные тексты воспоминаний и интервью, содержащие сведения о разных этапах биографии С.М. Кирова. Основной массив этих документов был собран в период с 1934 по 1941 гг. Кировской комиссией, созданной после гибели С.М. Кирова в декабре 1934 г., и Музеем С.М. Кирова (учрежден в 1937 г. и открыт в 1938 г. в Ленинграде).

Помощь, которую С.М. Киров оказывал по поручению руководства партии

Коллекция воспоминаний и интервью современников из фонда С.М. Кирова позволяет классифицировать формы неофициального покровительства и выделить постоянную и разовую помощь, проведенную через аппарат обкома и советские органы. Круг лиц, опекаемых Ленинградским обкомом, включал ряд видных деятелей науки (академики и профессора В.И. Вернадский, Г.О. Графтио, И.И. Греков, А.П. Карпинский, С.В. Лебедев, Н.Я. Марр, И.П. Павлов, А.Д. Спе-

ранский, А.Е. Ферсман и др.) и менее известных специалистов, чьи компетенции были востребованы в то время. Поддержка власти деятелями науки и культуры из числа «бывших» имела символическое значение для легитимации советского строя в 1920–1930-е гг. Поэтому выстраивание сети неформальных патрон-клиентских отношений с рядом ученых обеспечивало решение не только организационных и практических, но и репутационных задач власти.

Например, покровительство семье академика И.П. Павлова и помощь в обеспечении работы его лаборатории определялись решениями Политбюро и СНК [1, с. 67]. Начальник особого сектора Ленинградского обкома ВКП(б) Н.Ф. Свешников вспоминал, что Киров старался решить любую проблему И.П. Павлова. Например, узнав о затруднениях академика с машиной, Сергей Миронович «добился» решения президиума Ленсовета о предоставлении Ивану Петровичу нового автомобиля. Также он всегда «интересовался, как обстоит дело с питанием у того же Павлова и у других ученых» [16, л. 79]. Кроме беспрецедентного снабжения семьи академика (Павлову даже поставляли иностранное шампанское, прописанное ему врачом), по требованиям Ивана Петровича, например, было перепланировано дорожное движение возле его лаборатории, для расширения которой президент академии наук выехал из своего здания [25, с. 713].

При этом проработав почти девять лет в Ленинграде, С.М. Киров, курировавший этот регион, ни разу лично не встретился с академиком и не совершил ему ни одного звонка [16, л. 79]. Всемирно признанного ученого, известного своими резкими суждениями в отношении большевиков, власть явно избегала. Поэтому для коммуникации с ним использовались посредники – руководители научной сферы, которым И.П. Павлов доверял лично. Через систему Академии наук одним из посредников для Павлова выступал Н.И. Бухарин, отмечавший в письмах Кирову «настырность» Сергея Мироновича в попытках «уломать» Павлова, например, написать статью [19, с. 162].

Другим посредником в этих отношениях выступал директор Всесоюзного института экспериментальной медицины, профессор Л.Н. Федоров, оставивший обширные воспоминания о неформальном покровительстве Кирова над ленинградскими профессорами и академиками. Как пишет историк Д. Тодес, взаимоотношения Павлова с членом партии Федоровым являли собой пример явного практического сотрудничества [25, с. 711].

Федоров указывал, что с его помощью Киров курировал сферу поддержки ученых: «[Сергей Миронович] знал почти всех крупных ра-

ботников по имени и отчеству. Он спрашивает, как работает, в чем нуждается Александр Гаврилович, Николай Николаевич» [14, л. 1]. Через Федорова Киров собирал информацию и вызывал отдельных специалистов. На одной из таких встреч секретарь обкома узнал о проблемах с квартирой академика А.Д. Сперанского: «...кончилось тем, что через три дня Сперанский переезжал в новую квартиру в особнячок на берегу Невы с полной обстановкой и даже, когда Сперанский пришел туда, то самовар стоял на столе. Очевидно, Сергей Миронович сказал, чтобы не просто сделали квартиру, а внимательно сделали» [14, л. 3].

Однако особые условия создавали именно для академика И.П. Павлова: «...стоило только заикнуться, что Иван Петрович нуждается в чем-то, и сразу же Сергей Миронович докладывал товарищу Сталину и товарищу Молотову, и Иван Петрович сразу же все получал для науки» [14, л. 4]. В это время для Павлова были построены лаборатории в Колтушах, создан Всесоюзный институт экспериментальной медицины, проводилась работа по организации в Москве и Ленинграде XV Международного конгресса физиологов.

Тогда же благодаря покровительству Кирова Павлову удалось работать вне плана, избегать проверок, партийных чисток в лаборатории и вызволять своих сотрудников из-под ареста [25, с. 714]. В контексте рубежа 1920–1930-х гг., отмеченных репрессиями членов Академии наук, такое положение было беспрецедентным. При этом сам И.П. Павлов, его семья, а также его переписка и работа находились под пристальным надзором ОГПУ–НКВД, о чем регулярно составлялись сводки на имя секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) [27, л. 12].

Поэтому, как вспоминал Л.Н. Федоров, С.М. Киров часто его вызывал для продолжительных бесед. Он уточнял, что Сергей Миронович внимательно следил за настроениями Ивана Петровича, «чтобы вовремя помочь старику выйти из трудностей» [14, л. 3]. В терминологии Федорова, Киров искал правильные «приемы», чтобы помочь академику «найти правильный путь». Он хотел переубедить этого ученого – открытого оппонента советской власти. Поэтому многолетняя поддержка работы И.П. Павлова и «самая чуткая, деликатная забота <...>, которую Сергей Миронович так изумительно проводил», по мнению Федорова, дали результат, и к середине 1930-х гг. Павлов несколько пересмотрел свои взгляды на «правительство, не жалевшее никаких средств для развития науки» [14, л. 4].

Стремление Кирова переубедить академика Павлова отмечал и Н.Ф. Свешников. Сергей Миронович винил руководителей научной

отрасли, в частности, упрекал Л.Н. Федорова за то, что Павлов «не повернулся в нашу сторону», потому что «к этому большому человеку» не был найден верный подход [16, л. 78]. Сам Киров публично говорил о Павлове, как о «будто бы передовом» человеке науки, тем не менее продолжавшем ходить в церковь и отрицавшем непрерывную рабочую неделю [16, л. 79]. Таким образом, неофициальное покровительство, выраженное в создании лучших условий для работы и жизни академика, демонстрировало желание власти не только достичь практических научных результатов, но и убедить всемирно известного ученого в прогрессивности идеологии и политики СССР.

Курирование других значимых фигур в сфере науки и культуры Ленинграда также определялось верховной властью. Например, постановление о разрешении И.Е. Репину вернуться в СССР из Финляндии было принято Политбюро ЦК в мае 1924 г. по инициативе Г.Е. Зиновьева [2, с. 46]. Затем, уже в 1926 г., эти вопросы решались Кировым, в том числе через аппарат Ленинградского губкома партии [16, л. 77–78]. Одним из посредников в переговорах с Репиным выступил художник И.И. Бродский, с которым у Кирова сложились личные контакты. Однако для переговоров с Репиным в Куоккалу выехал ректор 2-го МГУ А.П. Пинкевич. В итоге художник так и не вернулся в Россию [2, с. 739]. Тем не менее, попытка С.М. Кирова вернуть на родину И.Е. Репина была акцией, направленной на улучшение репутации власти в стране и в мире.

Каждый шаг в деле поддержки известных деятелей, особенно на рубеже 1920–1930-х гг., вызывал общественный резонанс. Например, в 1932 г. оказание материальной помощи со стороны Политбюро ВКП(б) сыну М.Е. Салтыкова-Щедрина Константину Михайловичу было воспринято как сигнал изменения политики в отношении старой интеллигенции и окончания репрессий, выразившихся в «Академическом деле» [2, л. 170–171]. При этом другие шаги власти также вызывали резонанс в обществе: известно, что С.М. Киров был информирован об операции по задержанию в СССР академика П.Л. Капицы осенью 1934 г. Если бы не гибель Кирова, очевидно, что он стал бы одним из кураторов ученого, пока тот оставался в Ленинграде [29, л. 1–6].

Неформальное покровительство по личной инициативе С.М. Кирова

Как справедливо отмечает Ш. Фицпатрик, все мемуаристы, получавшие поддержку власти, изображали своего патрона человеком, находящим личное счастье в помощи другим. В период жесткой эпохи

1930-х гг. благодарность, преданность и любовь клиентов помогала руководителю чувствовать себя человеком, служащим интересам народа [26, с. 225–226]. Не был исключением и Сергей Миронович Киров.

В руках региональных руководителей 1930-х гг. была относительная самостоятельность, и местный «вождь» мог решать кадровые, организационные, бытовые вопросы по своему усмотрению, если ранее ему не поступило четких поручений от партии и правительства. Например, известно, что Киров опекал начальника строительства электростанций на Свири и Волхове академика Г.О. Графтио, считавшегося «буржуазным специалистом». Лично и через своих посредников (например, в случае с Графтио – начальника Главного электротехнического управления ВСНХ РСФСР С.С. Лобова) Кирову приходилось «доказывать Хозяину» (т.е. И.В. Сталину) необходимость привлечения к работе именно Г.О. Графтио [19, л. 158–159]. В то время страна боролась с т.н. «старыми специалистами» и обсуждала судебные процессы «Промпартии» и Шахтинского дела. В 1935 г., после гибели Кирова, академик Графтио обращался за помощью уже ко второму секретарю Ленинградского обкома М.С. Чудову. Он просил приостановить высылку из Ленинграда своих сотрудников [26, с. 221–222].

Источники свидетельствуют, что несколько иное, настроенное отношение было у Кирова к академику А.Е. Ферсману. По воспоминаниям Н.Ф. Свешникова, Сергей Миронович ценил Ферсмана «как знатока», однако в кулуарах критиковал академика за то, что тот «не все высказывает» и скрывает свои знания о перспективе добычи апатитов на Кольском полуострове. При этом секретарь Ленинградского обкома был медиатором в своем регионе и сдерживал более ретивых партработников на местах, считавших, что Ферсман являлся «врагом» и «работал не совсем на нас». Свешников предполагал, что, несмотря на сложные отношения и разногласия, по поручению ЦК Киров «часто беседовал с ним, чтобы вытянуть из него все, что можно, а Ферсман все свои сведения не сразу выкладывал» [16, л. 67].

Покровительство С.М. Кирова над ленинградскими предприятиями, выраженное в обеспечении их кадрами, сырьем, топливом и довольствием, Н.Ф. Свешников характеризовал личной инициативой Сергея Мироновича. В воспоминаниях указано, что С.М. Киров и нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе постоянно были на связи, обсуждали лично и по телефону развитие предприятий, судьбы конкретных инженеров и даже объем их пайков: «Бывали случаи, что Серго звонил в такие часы, когда Сергея Мироновича еще не было в Смольном. Я подхожу к телефону и слышу от Серго: «Что

же ты, Свешников, выдаешь семье инженера паяк или нет? <...> Если Серго интересовался семьями своих работников, когда их семьи жили в Ленинграде, точно такое же отношение было и у Сергея Мироновича» [16, л. 37, 81]. На личном контроле руководителя были пайки отдельных специалистов, в том числе командированных из Ленинграда, семьи которых остались в городе и поэтому перестали получать довольствие. Тотальный дефицит, лимиты и квоты ресурсов рубежа 1920–1930-х гг. вынуждали «вождей» союзного значения решать проблемы низового уровня в ручном режиме.

Из воспоминаний известно, что Киров лично занимался вопросами организации лечения, предоставления довольствия и выплат для своего ближнего круга и знакомых ему членов партии. Одну из сцен спонтанного предложения о помощи передал писатель М.Ф. Чумандин: «Прощаясь со мной около завода Электросила, Сергей Миронович спросил: “Может, тебе с деньгами тяжело? Можно будет устроить”. Но с деньгами у меня было благополучно и к помощи Кирова прибегать не пришлось. Но слова его меня растрогали» [7, л. 4].

Неформальную помощь Киров мог оказать как через аппарат Ленинградского обкома партии, так и «в обход» этого аппарата: Сергей Миронович давал устные поручения руководителям советских учреждений и профсоюзов, для решения вопроса за счет фондов этих организаций. Формально они не были подчинены обкому ВКП(б). Н.Ф. Свешников рассказывал об этом: «Сергей Миронович многие вопросы в отношении помощи людям решал сам. Например, когда кто-либо из работников аппарата уезжал, то Сергей Миронович всегда спрашивал: “А ему путевку дали? Денег подбросили?”. Это он часто спрашивал, а поэтому приходилось выяснять и сообщать, в чем выразилась помощь. Если ему это казалось недостаточным, то он звонил соответствующим работникам и давал конкретные указания, но это уже шло часто мимо аппарата. Также Сергей Миронович интересовался лечением и некоторых товарищей, вызывал представителей лечебной комиссии и спрашивал их, как здоровье того или иного товарища» [16, л. 80]. Действительно, по сложившейся практике на стол секретаря обкома как куратора региона ложились материалы, содержащие выписки и бюллетени лечебных комиссий о здоровье региональной партийной номенклатуры, советских руководителей, известных деятелей и лиц, по которым обком направлял запросы [28].

Многие мемуаристы отмечали стиль работы Кирова: он активно использовал блокноты для записи и проверки отданных ранее поручений (в том числе о помощи отдельным лицам). Благодаря подобным

записям некоторые заключенные «передовики-каналоармейцы» были освобождены досрочно: Киров побывал на строительстве Беломорско-Балтийского канала, в том числе на озере Выга. О той поездке были оставлены такие воспоминания: «Отдельных ударников [он] записывал в книжечку. А в скором времени мы всех их освободили <...>. И вот благодаря Сергею Мироновичу многие были освобождены не только раньше срока, но и раньше срока окончания строительства <...>. Первые лица, которые были освобождены, — это лица, записанные Сергеем Мироновичем» [9, л. 65].

Практика личной проверки и перепроверки заданий, выраженная в инспекциях производств, строек, рынков, магазинов, квартир горожан, являла стиль управления руководителя. Посещая заводы Киров общался с рабочими в цехах, угощал их папиросами, спрашивал о жизни, о том, как учатся их дети. Их имена и данные он записывал, впоследствии вновь обращался к ним с вопросами [16, л. 32]. Из таких источников Киров складывал собственное представление о ситуации в городе и приоритетах развития региона. Н.Ф. Свешников описывал ряд случаев, когда Киров проверял исполнение отданных им ранее поручений, в том числе факты оказания помощи отдельным лицам [16, л. 23–24]. Однажды он даже проверил, как премировали самого Свешникова и для этого позвонил его жене [16, л. 80].

Как же интерпретировали подобные факты покровительства межуаристы? Они указывали, что С.М. Киров по собственной инициативе спешил поддержать активность тех рабочих и специалистов, которые помогали государству в деле индустриализации страны. Приведем выдержку из воспоминаний: «Если рабочий вносил рациональное предложение, заботился об интересах государства, то Сергей Миронович старался материальную сторону жизни этого человека улучшить. Говорил снабженцам, чтобы они ему подбросили что-нибудь к майским праздникам, к октябрьским, но это часто делалось помимо аппарата. Например, приходит снабженец и Сергей Миронович говорит, что вот есть на заводе Сталина или на Путиловском заводе такой-то рабочий, нужно ему что-нибудь подбросить. Некоторые из них [т.е. рабочих. — Ю.С.], правда, начинали иногда выяснять, когда при получении свертков звонили в Смольный и спрашивали, кто это послал. Но выяснить им ничего не удавалось, ибо многое делалось помимо аппарата» [16, л. 81]. Считалось, что подобные шаги навстречу трудовым вызовам способствовал энтузиазму рабочих и приближали построение социализма. Партийный вождь, желавший тайно помочь обычному гражданину, и рабочий, стоявший у станка, были солидарны в стрем-

лении ускорить индустриализацию. Поэтому, в понимании современников, паек, путевка на отдых или конверт с деньгами были заслуженной благодарностью от государства за честный труд.

Помощь, оказанная С.М. Кировым по обращениям граждан

Чтобы лично познакомиться с «вождем» и обзавестись высоким покровителем, в 1930-е гг. художник мог обратиться к представителю власти с просьбой написать его портрет [26, с. 220]. Например, в 1934 г. карикатурист В.Н. Дени (Денисов) подобным образом пытался лично познакомиться с Кировым, для чего направил ему свой альбом с дарственной надписью. Получив письменный ответ о невозможности встречи, он не прекратил попыток найти аудиенцию Сергея Мироновича [24, л. 61]. Другие же обращения Киров не игнорировал: получив письмо от художницы А.П. Остроумовой-Лебедевой [24, л. 34], вдовы академика С.В. Лебедева, разработавшего метод создания синтетического каучука, Киров пригласил ее в Смольный и распорядился материально поддержать просительницу [16, л. 93].

Тем не менее, в воспоминаниях и интервью 1930-х гг. сохранилась масса сведений о помощи, оказанной Кировым по обращениям известных деятелей, собственных сотрудников, а также случайных лиц, с которым партийный руководитель встречался во время рабочих поездок или столкнулся на улицах города. В мемуарных документах приведены примеры разовой материальной и административной помощи, оказанной по неформальным каналам. Обилие упоминаний подобных фактов объясняется оценкой их мемуаристами, как об особенных и знаковых. Например, сохранились воспоминания кондуктора Е.М. Сергеевой, столкнувшейся с Кировым в трамвае и не узнавшей его лично. Выслушав рассказ женщины о ее бедах (вдова с детьми), Сергей Миронович проконсультировал ее: рассказал, как «нужно похлопотать <...> и какие нужно принять меры». Благодаря советам Кирова Сергеева решила свои бытовые проблемы [17, л. 1].

Разовые акции, будь то помощь с получением жилья, лекарств и дополнительных пайков, распространялась на лиц, выполнявших краткосрочные задачи, важные для власти. Например, режиссер Ф.М. Эрмлер и его съемочная группа после обращения к Кирову дополнительно снабжались продуктами и материалами для скорого завершения художественного фильма «Встречный», который необходимо было выпустить к пятнадцатой годовщине революции: «Сергей Миронович понимал, что это дело трудное и считал, что надо по-

могать <...>. Причем мы настолько обнаглели, что, если не хватало какого-либо материала, мы звонили в Смольный <...>. Все знали, раз Сергей Миронович интересуется, все будут помогать <...>. Каждый день из НКВД присылали паек, причем там были изысканные вещи, а не только, чтобы быть сытым. Там был шоколад, и черный кофе, и леденцы» [8, л. 2]. Как видим, помощь, оказанная съемочной группе, была представлена из фондов органов государственной безопасности, а не Ленинградского обкома ВКП(б).

В воспоминаниях сохранилась масса свидетельств о решении мелких бытовых вопросов по личным запросам специалистов и обычных граждан. Например, получив письмо хирурга профессора И.И. Грекова о предоставлении коньяка, Сергей Миронович не без иронии «говорил, что у людей науки вырабатывается быт, без которого они не могут работать» [12, л. 14]. Однако такая просьба профессора была удовлетворена.

Директор Ленинградского электрофизического института академик А.А. Чернышев подробно описал другой факт: во время карточной системы девять научных сотрудников, работавших в Тайцах, были лишены снабжения и не получали пайков, так как работали за чертой города. Предпринятые им попытки решить проблему не увенчались успехом. Чернышев писал: «Оставалось одно – обратиться к Сергею Мироновичу. Как ни стыдно было тревожить Сергея Мироновича <...>, я все-таки решился на этот крайний шаг и написал ему по этому поводу личное письмо. Эффект был поразительный. Того, что не удавалось преодолеть, несмотря на поддержку со стороны ведомств, почти в течение года, удалось преодолеть личным вмешательством Сергея Мироновича. Через день вопрос был ликвидирован. Когда я при личной встрече с Сергеем Мироновичем благодарил его за помощь, товарищ Киров просил во всех аналогичных случаях обращаться к нему, обещая свое содействие» [6, л. 3].

Сотрудники Ленинградского обкома также вспоминали об активном участии Кирова в решении проблем обычных граждан, с которыми Сергей Миронович встретился в Смольном. Секретарь обкома давал поручения и лично справлялся о судьбах просителей, прибывших из районов Ленинградской области. Н. Федотов, бывший референтом обкома по рабочему снабжению, называл неформальную помощь со стороны Кирова всем просителям «примером большевистской бдительности и человеческого отношения к людям» [5, л. 5].

Курьер Смольного М.Ф. Федорова вспоминала визит просительницы, преодолевшей более 220 км, пришедшей пешком из Старой

Русы. Женщина привлекла внимание «вождя» своим внешним видом (просительница была в слезах, рваной шубе и с тремя детьми на руках): «Когда она вышла от Сергея Мироновича, то буквально молилась Богу, крестилась и говорила, что хоть один человек нашелся и удовлетворил ее просьбу. Тов. Киров распорядился, чтобы ей дали поесть в столовой. Все, кто приходил к Сергею Мироновичу, уходили удовлетворенными» [13, л. 7].

Как к куратору региона, к Кирову обращались люди, пытавшиеся устроиться на учебу, поправить свое здоровье или получить квартиру. Многие, судя по воспоминаниям, случайно столкнулись с Сергеем Мироновичем в Смольном и смогли к нему лично обратиться [4, л. 3–4; 7, л. 6; 9, л. 62–63]. Некоторых лиц Киров сам приглашал для аудиенции. Так, восьмилетний мальчик Вова Матусов (в будущем известный вокалист), стал победителем Конкурса юных дарований и был приглашен на встречу в Смольный. Об этом он сообщал в декабре 1934 г.: «Дядя Киров сказал, что он нам поможет найти лучшую квартиру, чтобы нам не было тесно. Сейчас уже готовы 2 большие комнаты, и мы туда скоро переедем» [10, л. 17].

Кроме личной встречи просители старались передать Кирову свои записки, что также находило отклик у «вождя». Например, письмо с просьбой о врачебной помощи С.М. Кирову написал А.М. Чухнин, капитан судна «Буревестник», в 1933 г. обслуживавший рабочую поездку правительственной комиссии в составе И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, Г.Г. Ягоды и С.М. Кирова на Кольский залив. К письму он приложил фотографию, чтобы Сергей Миронович его узнал. Благодаря вмешательству Кирова для лечения Чухнина был собран консилиум врачей. Из контекста его воспоминаний ясно, что доктора были встревожены этим случаем, ведь о результатах лечения им нужно было доложить лично С.М. Кирову [11, л. 10].

Благодаря сохранившимся воспоминаниям до нас дошла информация о фактах административного вмешательства Кирова в дела партийных, советских и судебных органов. Например, благодаря его решениям могли быть пересмотрены ранее принятые решения. Так, работницу Шинного завода М. Принцеву в 1930 г. по партийной линии мобилизовали на работу в Бурят-Монгольскую республику, несмотря на наличие у нее пятимесячного ребенка [3, л. 1]. Она вспоминала: «Я тогда решила ехать в районный комитет, но, к сожалению, там никого не застала и тогда решила поехать к С.М. Кирову [в Смольный. — Ю.С.] <...>. Он добродушно улыбнулся и сказал мне: — Мы что-нибудь сделаем, чтобы ты сейчас не ехала. А подрастишь ребенка, поработа-

ешь на партработе, и, когда нужно будет, мы тебя пошлем» [3, л. 1]. С.М. Киров не только участвовал в пересмотре решений о трудовой и партийной мобилизации низовых членов. По личным обращениям секретарь обкома также решал вопросы о снятии задолженности по квартире с малоимущих жильцов и даже о закрытии судебного дела о ненадлежащем исполнении своих обязанностей управляющим дома, в котором жил С.М. Киров [9, л. 57].

Мемуаристы из числа ближнего окружения партийного вождя отмечали обилие желающих получить блага по неформальным каналам. В воспоминаниях неоднократно подчеркивалось, что Киров иногда избегал посещения театров и других публичных мероприятий, где к нему могла выстроиться очередь просителей. Егерь И.П. Рется, с которым Киров неоднократно ездил на охоту, передавал слова Сергея Мироновича: «Зайдешь в театр, там подберет момент зайти зав. театром, с просьбой помочь, зайдешь куда-либо — все те же просьбы и вопросы <...>. Во время перерыва выйдешь покурить, опять те же заботы окружают» [15, л. 1, 10].

Другой стороной практики неформального покровительства были аферисты, представлявшие родственниками известных революционеров, которые, судя по воспоминаниям руководителя особого сектора обкома Н.Ф. Свешникова, не раз проникали на прием к С.М. Кирову и просили о материальной поддержке: «Бывало [корыстные люди] попадали к Сергею Мироновичу очень просто <...>. Когда начинаешь выяснять, то оказывается, что этот человек — авантюрист. Например, приехал с Кавказа один человек, а затем оказалось, что он является сомнительной личностью, однофамилец какого-нибудь известного революционера» [16, л. 85–86]. Очевидно, что протокол охраны первых лиц был серьезно пересмотрен после убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. и подобные факты (доступ мошенников в кабинет секретаря обкома и члена Политбюро) просто не могли произойти во второй половине 1930-х гг.

Заключение

Работа с мемуарными документами сталинской эпохи показывает, что изучение воспоминаний способно приблизить нас к историческому контексту, в котором жили современники. Дело в том, что люди 1930-х гг., рассуждавшие о совсем недавнем прошлом через краткий промежуток времени, отделявший их от вспоминаемых событий, сообщали не только массу деталей, но и передавали суть своих публичных оценок в отношении отдельных вопросов.

Воспоминания о С.М. Кирове 1930-х гг. говорят о распространности неформальных практик покровительства, их типичности. Документы показывают, что личное вмешательство «вождя» в разные сферы – партийную, советскую, производственную, бытовую – отразили стратегию деятельности руководителя того времени. С помощью личной проверки и перепроверки поручений, руководителю удавалось организовать работу в обход бюрократических процедур.

Для мемуаристов покровительство Кирова был символом восстановления справедливости: человека могли восстановить в правах, устроить на учебу, отдых или лечение, предоставить ему паек, квартиру, деньги. Можно согласиться с суждением Ш. Фицпатрик, что практика патронажа была интуитивным доказательством идеологического постулата, что советский режим – благодетель народа [26, с. 232–233].

В ситуации громоздкой партийно-советской бюрократии 1920–1930-х гг. неформальные отношения позволяли государству более эффективно функционировать в условиях ограниченных ресурсов и плановой экономики, решая как репутационные, так и в большей степени прикладные задачи снабжения и поддержки круга специалистов и талантов, на которых опиралась власть в своих начинаниях первых пятилеток. При этом происходили и отдельные факты помощи конкретным рядовым гражданам, сумевшим лично обратиться к первому лицу.

Список источников и литературы

1. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991. Т. 1. 1922–1952. М.: РОССПЭН, 2000. 591 с.
2. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. 872 с.
3. Государственный музей истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб). ФК. Инв. № V-0265.
4. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-0310.
5. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-0343.
6. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-0354.
7. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-0357.
8. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-0373.
9. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-0404.
10. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-0406.
11. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-0409.
12. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-0478.
13. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-209.
14. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-302.

15. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-543.
16. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-551.
17. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-553.
18. *Истер Дж.М.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России / пер. с англ. Т.Н. Саранцевой. М.: РОССПЭН, 2010. 255 с.
19. *Кирилина А.А.* Неизвестный Киров: Мифы и реальность. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2001. 542 с.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 80. Оп. 10. Д. 34.
21. РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 11. Д. 22.
22. РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 13. Д. 12.
23. РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 14. Д. 59.
24. РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 18. Д. 121.
25. *Тодес Д.* Павлов и большевики // И.П. Павлов: PRO ET CONTRA. Личность и творчество И.П. Павлова в оценке современников и историков науки (к 150-летию со дня рождения). Антология. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. С. 686–737.
26. *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2011. 375 с.
27. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 757.
28. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 842.
29. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 850.

Политическое развитие Чеченской автономной области. 1923–1929 гг.

Аннотация. В статье анализируется политическое развитие Чеченской автономной области в 1920-е гг. Особенность этого региона заключалась в слабости влияния коммунистов на народные массы, широкий размах имело антисоветское повстанческое движение под лозунгами шариатской монархии. Вплоть до 1924 г. в Чечне действовали ревкомы. В то же время в 1923–1925 гг. чеченские власти проводили политику, направленную на сотрудничество с мусульманским духовенством и зажиточными крестьянами. Однако в Москве этот курс был признан ошибочным. В 1925 г. была проведена масштабная войсковая операция по разоружению Чечни, а председатель областного исполкома Т. Эльдарханов отстранен от должности. Во второй половине 1925 г. был взят курс на вытеснение «кулацко-мулльских элементов» из Советов. Однако к концу 1920-х гг. традиционные властные институты сохраняли свою устойчивость в аулах, влияние официальных советских и партийных органов было ограниченным.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Чеченская автономная область; государственное строительство; политическая борьба; Т.Э. Эльдарханов.

Political development of the Chechen Autonomous Region. 1923–1929

Abstract. The article analyzes the political development of the Chechen Autonomous Region in the 1920s. The peculiarity of this region was the weakness of the Communists' influence on the masses, the anti-Soviet insurgency under the slogans of the Sharia monarchy had a wide scope. Up to 1924, revolutionary committees operated in Chechnya. At the same time, in 1923–1925, the Chechen authorities pursued a policy aimed at cooperation with the Muslim clergy and wealthy peasants. However, in Moscow, this course was found to be erroneous. In 1925, a large-scale military operation was carried out to disarm Chechnya, and the chairman of the regional executive committee, T. Eldarkhanov, was removed from office. In the second half of 1925, a course was taken to oust the "Kulak-Mull elements" from the Soviets.

¹ **Сергей Александрович Орешин** – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: Oreshin12345@yandex.ru
Sergey A. Oreshin – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Department of the Caucasus, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho–Maklay of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

However, by the end of the 1920s, traditional power institutions remained stable in the villages, and the influence of official Soviet and party bodies was limited.

Keywords: North Caucasus; Chechen Autonomous Region; state construction; political struggles; T.E. Eldarkhanov.

Политическое развитие Советского Союза в 1920-е гг., развивавшееся в общем русле упрочения однопартийного коммунистического режима и постепенного усиления роли И.В. Сталина, имело свои особенности на национальных окраинах государства, одной из которых являлся Северный Кавказ. Наибольшей спецификой отличалась Чеченская автономная область, выделенная в конце 1922 г. по решению центральных властей из состава Горской АССР. Целью исследования является анализ политической жизни Чечни в 1920-е гг. Для этого необходимо решить следующие задачи: проследить процесс формирования органов власти новой автономии; ход и особенности выборных кампаний в Советы, социальный состав их депутатов; проанализировать роль партийных организаций и их место в управлении регионом; изучить особенности политической борьбы в Чечне, которая часто принимала форму вооруженных столкновений; отметить роль и влияние центральных властей на ход политических процессов в этой области; понять, почему советское строительство сталкивалось со значительными трудностями, а повстанческое движение являлось неотъемлемым атрибутом политической жизни автономии. Научная новизна состоит в том, что политическое развитие Чечни изучается как комплексный процесс становления органов советской и партийной власти, их взаимодействия с традиционными институтами управления чеченцев, вооруженного противоборства, существовавшего в регионе на протяжении всего описываемого периода.

Актуальность исследования заключается в том, что «чеченский вопрос» всегда оставался одной из наиболее острых внутривнутриполитических тем для советских и российских властей, периодически прорываясь вспышками вооруженного конфликта. В этой ситуации представляется важным обращение к опыту развития чеченской государственности после окончания Гражданской войны, выявлению специфики национально-государственного строительства в Чечне и тех трудностей, с которыми сталкивались региональные и российские власти в 1920-х гг.

В качестве источниковой базы исследования использовались законодательные акты центральных и местных властей, декреты, распоряжения и указы областного ревкома и исполкома Советов; резолю-

ции Оргбюро РКП(б)/ВКП(б); делопроизводственная документация органов государственной и партийной власти и местного самоуправления; материалы съездов Советов и выборных кампаний; донесения и отчеты областного ГПУ о внутривластном состоянии в Чечне; материалы периодических ревизий состояния дела в автономной области, проводившихся вышестоящими органами власти.

Чеченская автономная область была провозглашена 16 января 1923 г. на съезде трудящихся Чечни в Урус-Мартане [14, с. 92], однако до проведения съезда Советов вся власть была передана Чеченскому революционному комитету под председательством Т.Э. Эльдарханова [3, л. 430]. Из 12 членов ревкома только 6 человек (включая председателя) были коммунистами [7, с. 14]. Часть ревкомовцев стояла на левых, интернационалистских позициях и выступала за скорейшую советизацию Чечни при опоре на крестьянскую бедноту. Другие, напротив, не признавали социального расслоения чеченского общества и классовой борьбы в нем, выступали за налаживание тесных взаимоотношений с мусульманскими духовными деятелями, торговцами, зажиточными крестьянами. Однако учитывая их влияние и определенный авторитет в Чечне, ЦК РКП(б) и СНК СССР сочли возможным временно включить их в состав областного ревкома [15, с. 11].

Одновременно было создано Чеченское областное бюро РКП(б) во главе с Т. Эльдархановым, однако оно было очень малочисленным и не пользовалось влиянием. Чеченское общество было слабо дифференцированным в классовом отношении, в деревне сохранялись тайповые связи, прочными были позиции мусульманского духовенства. Ревкомы и Советы были созданы только в плоскостных районах. В горах органы советской власти фактически отсутствовали, а территория контролировалась местными сельскими авторитетами и командирами антибольшевистских повстанческих отрядов, среди которых наибольшим влиянием пользовался Н.М.-Д. Гоцинский, носивший титул имама. Грозненское Главное политическое управление докладывало, что в чеченских аулах «власть меняется по произволу более сильного и богатого рода-фамилии, царит полная анархия и безвластие. Само же население, не видя твердости и определенности власти на местах, совершенно не считается с таковой» [4, л. 40].

Обследовавшая Чечню комиссия во главе с К.Е. Ворошиловым и А.И. Микояном пришла к выводу о необходимости привлечения на сторону советской власти влиятельных духовных деятелей, особенно шейхов, с целью изоляции непримиримых исламистов, возглавляемых Гоцинским. В результате некоторые шейхи согласились сотрудничать

с большевиками и даже призвали своих мюридов оказать вооруженное сопротивление имаму [2, с. 697]. По распоряжению Т. Эльдарханова к работе в окружных ревкомах привлекались бывшие царские офицеры, представители духовенства, либерально настроенной интеллигенции и нэпманы. В состав областного ревкома в апреле 1923 г. был включен шейх А.Б.-Г. Митаев, в распоряжении которого находилось 6000 вооруженных мюридов.

Однако внутривластное положение Чечни оставалось по-прежнему сложным. В донесении командования Северо-Кавказского военного округа говорилось о том, что, получив автономию, Чечня «продолжает сохранять традиции горцев, среди которых широко развито абречество и кровничество, что благоприятствует упорству и росту бандитизма. В Чеченской автономной области в настоящее время насчитывается наибольшее количество организованных банд, наличие же мелких банд трудно учесть» [11, с. 32]. В области были представлены три основные политические силы. Умеренные националисты были готовы пойти на соглашение с большевиками при условии предоставления им мест в новых органах власти. Радикально настроенные националисты, доминировавшие в горных районах, были настроены антисоветски, но воздерживались от открытого выступления. Шариатисты были намерены продолжать вооруженную борьбу с целью свержения советской власти не только в Чечне, но и на территории всего Северного Кавказа [20, с. 159].

В результате вплоть до середины 1924 г. в Чечне действовали чрезвычайные органы управления — революционные комитеты, назначавшиеся сверху и неподконтрольные местным жителям. В то же время Эльдарханов отстаивал (в том числе на самом высоком уровне в Москве) необходимость привлечения к сотрудничеству демократически настроенной части интеллигенции и духовных деятелей, включая предоставление им высоких постов в органах управления [18, с. 197—199]. Ультралевые, выступавшие против «засилья кулацко-мульского элемента» во властных органах, подвергались критике и исключались из ревкомов. Во многих аулах были распущены ячейки РКСМ, во главе которых стояла радикально настроенная молодежь. Председатель Шатоевского исполкома, «самый революционный из всех туземных работников» Д. Акаев, упрекавший Эльдарханова в том, что он саботирует советское строительство и потворствует духовенству, был отстранен от должности [21, с. 27]. Эльдарханов также легализовал существовавшие в Чечне шариатские суды. Всего на территории автономной области было создано 10 шариатских судов, а в Грозном работала Шариатская

областная коллегия, которая не была подотчетна областному народному суду и прокуратуре [20, с. 198].

Однако политическая линия Эльдарханова не нашла понимания у союзных властей. В декабре 1923 г. секретарем Чеченского Организационного бюро РКП(б) был назначен балкарец М.А. Энеев, который начал постепенно оттеснять Эльдарханова и его сторонников от рычагов управления. Энеев опирался при этом на молодые кадры партийных, советских и особенно комсомольских работников, получивших образование за пределами Чечни и воспринявших марксистское мировоззрение [5, л. 26–26 об.]. В апреле 1924 г. был арестован и позднее расстрелян А. Митаев, представители духовенства были выведены из состава ревкомов. Одновременно усилилась борьба против повстанческих отрядов в Горной Чечне, при этом к боевым операциям Энеев начал активно привлекать чеченских коммунистов и комсомольцев [14, с. 115].

В середине июня 1924 г. Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) пришло к выводу о том, что ситуация в Чечне стабилизировалась настолько, что можно начать переход от ревкомов к Советам. 29 июля – 2 августа 1924 г. состоялся I областной съезд Советов Чечни. Как следовало из отчетных докладов, съезд почти наполовину состоял из кулацко-мульских элементов. Из 373 делегатов было всего 35 коммунистов и 20 комсомольцев. На съезде проявились острые разногласия между умеренным большинством, выступавшим за дальнейшее развитие НЭПа и активное сотрудничество с мусульманскими духовными деятелями, торговцами и зажиточными крестьянами, согласившимися признать советскую власть, и ультралевым меньшинством, требовавшим активизации социальных преобразований и настаивавшим на углублении революции и изоляции «классово чуждых» элементов. Умеренные одержали победу, председателем областного Исполнительного комитета Советов был избран Эльдарханов [14, с. 115]. Было также принято решение о переходе к системе Советов, которая включала 11 окружных и районных исполкомов, 42 сельских исполкома и 141 сельский Совет [9, с. 16].

После съезда наметились разногласия между советскими и партийными органами. 1 сентября 1924 г. коммунистическо-комсомольская фракция съезда устроила собрание, на котором фактически обвинила Т. Эльдарханова и его сторонников в подтасовках при выборах делегатов областного съезда Советов и обратилась к Юго-Восточному бюро ЦК РКП(б) с требованием сменить действующий состав областных органов власти и снять Эльдарханова с должности [17, л. 12].

В свою очередь, руководство областного Исполкома требовало «осуществить невмешательство партии в советскую работу», предоставить чеченскому народу возможность самому вершить свою судьбу [16, л. 41] и обвиняло Энеева в попытках присвоить себе всю полноту власти в обход облисполкома. Однако в январе 1925 г. Национальная комиссия Северокавказского края и бюро Северокавказского крайкома РКП(б) признали деятельность Организационного бюро РКП(б) Чечни правильной и поручили областному Исполкому провести частичные перевыборы окружных и сельских Советов, засоренных «кулацко-мулльским элементом» [21, с. 33].

Позиции Эльдарханова неуклонно слабели, т.к. в Москве считали его неспособным нанести поражение шариатистам и взять ситуацию в Горной Чечне под контроль. Гоцинский и его сторонники по-прежнему имели там прочные позиции и выступали в качестве «теневой власти». Имам занимался подготовкой нового масштабного восстания, которое, по его замыслу, должно было смести коммунистов. В апреле 1925 г. в горном ауле Нижалой состоялось совещание руководителей повстанческих отрядов Чечни и Дагестана, в ходе которого обсуждался план организации этого восстания. Гоцинский заявил о том, что «Советы должны уйти за Дон» [2, с. 703], а на Кавказе должно быть создано мусульманское теократическое государство.

В результате в Москве приняли решение провести военную операцию по разоружению Чеченской автономной области и изъятию главарей контрреволюции, направленную на окончательное уничтожение всех повстанческих отрядов. Операция готовилась в строгой секретности от руководства автономии. Даже Т. Эльдарханов не был проинформирован о ее начале. Единственным человеком, знавшим о готовящейся акции, был М. Энеев. Командование Красной Армии во главе с И.П. Уборевичем упрекало чеченских руководителей в мягкотелости и нерешительности в борьбе с шариатистами. На это те заявляли, что советские войска придут и уйдут из Чечни, а им тут придется оставаться и работать. Примечательно, что само командование советских войск объясняло такое поведение чеченского руководства наличием «родовых связей, которые еще чрезвычайно сильны среди местной организации». Например, один из членов областного исполнительного комитета прямо заявил, что он, во-первых, харачовец (выходец из аула Харачой. — С.О.), во-вторых, чеченец и лишь, в-третьих, коммунист [11, с. 242].

Операция началась 23 августа 1925 г. К ней было решено привлечь и чеченские отряды, сформированные из коммунистов, комсомольцев и бывших красных партизан. 101 аул отказался добровольно

сдать оружие, 16 аулов оказали ожесточенное вооруженное сопротивление, так что их при захвате пришлось подвергнуть авиационной бомбежке [8, с. 98]. В результате военной операции, продолжавшейся до 11 сентября, все крупные повстанческие отряды были разгромлены, а их базы уничтожены. Большая часть командиров повстанцев попала в плен или бежала. Имам Гоцинский также сдался в плен, был вывезен в Ростов-на-Дону, осужден и расстрелян. Это была крупная победа властей СССР, положившая конец параллельному существованию двух центров власти на территории Чечни.

В то же время в Москве окончательно пришли к выводу, что Т. Эльдарханов проявил себя руководителем, неспособным обеспечить на территории своего региона прочный и стабильный порядок без привлечения крупных войсковых соединений извне. Чеченское Оргбюро РКП(б) рекомендовало снять его с занимаемой должности. VII пленум Чеченского областного исполкома во второй половине сентября 1925 г. отметил, что войсковая операция вывила «отсутствие твердого и умелого руководства Соваппаратом в центре и на местах, а потому считать основной задачей <...> принятие срочных мер по укреплению и оздоровлению Советского аппарата по области, поднятие авторитета сельской и окружной власти» [5, л. 27 об.]. М. Энеев подверг жесткой критике руководство Чеченской автономной области во главе с Эльдархановым и его сторонниками [1, с. 78]. Т. Эльдарханов был отправлен в отставку с формулировкой «за капитуляцию перед кулацко-мульскими элементами, за сопротивление росту и выдвижению молодых национальных кадров» [10, с. 82]. Новым председателем Облисполкома стал коммунист Д.Г. Арсанукаев. В Исполнительном комитете, а затем и в исполкомах Советов на местах была проведена чистка, своих постов лишились сторонники Эльдарханова, признанные носителями буржуазно-националистической идеологии. Их заменили молодыми коммунистами и комсомольцами.

Итоги выборов в Советы Чеченской автономной области в 1925–1926 гг. впервые были сочтены в Москве более-менее удовлетворительными. Хотя коммунисты и комсомольцы составляли 13% депутатов, они закрепили за собой 14% должностей председателей сельских Советов и 72% должностей председателей окружных Советов. Среди делегатов, выбранных в Советы, теперь преобладали середняки и бедняки, а позиции «кулацко-мульских элементов» оказались подорванными [12, с. 83].

В 1927 г. в Чечне по требованию прокурора Верховного Суда СССР были окончательно упразднены шариатские суды, которые до

этого терпелись как вынужденная уступка «мульским элементам». Теперь, после расстрела Гоцинского и Митаева и разгрома организованного антикоммунистического повстанчества, надобность в них отпала [14, с. 116–117]. В том же году в Чечне вновь состоялись перевыборы Советов, которые показали возрастание доли коммунистов и комсомольцев среди депутатов до 15,1% [7, с. 21].

В 1920-х гг. началась так называемая политика коренизации кадров с целью сглаживания противоречий между центральной властью и коренным населением национальных автономий. Для этого осуществлялась подготовка национальных кадров и их продвижение на руководящие позиции в национальных образованиях. Местным руководством было запланировано довести долю национальных кадров в государственном аппарате до 60%. Кроме того, предполагалось ликвидировать безграмотность, ввести преподавание в национальных школах на родном языке, ввести национальные языки в программу на всех уровнях образования от начального до высшего и т.д. [19]. В то же время, среди партийно-советской верхушки Чечни, включая ее низовой аппарат, по-прежнему сильными были тайповые и родственные связи, что выливалось в nepотизм и коррупцию. Влиятельные семьи продолжали соперничать друг с другом, только теперь борьба велась за посты председателей Советов и секретарей партийных организаций. Например, обследуя положение в партийной организации Веденского округа, Чеченский обком обнаружил здесь наличие двух родственных группировок, представители которых занимали все властные должности. Даже прием в ВКП(б) шел только по родственному признаку [13, с. 48].

В 1928 г. состоялись новые выборы в Советы Чеченской автономной области. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) поставил перед партийной организацией Чечни задачу использовать выборную кампанию для «решительного очищения советского аппарата от чуждых элементов, укрепления его за счет выдвижения во все звенья аппарата активных батраков и бедняков». Избирательная кампания сопровождалась весьма острой внутривластной борьбой между умеренными силами, опиравшимися на зажиточных крестьян и нэпманов, и ультралевыми коммунистами [7, с. 40]. В результате выборов увеличился процент батраков и бедняков, которые в совокупности теперь составляли 71,8% всех депутатов. Представительство середняков сократилось до 27%, а зажиточные крестьяне получили всего 1,2% мест [1, с. 79]. Областные власти пытались активизировать участие женщин в политической жизни Чечни. Для этого создавались женские избирательные

участки, проводились женские делегатские собрания, на которых горянки знакомились с работой государственных органов и общественных организаций. Если в 1925 г. в Советы всех уровней Чеченской автономной области было избрано всего 20 женщин, то в 1926 г. их было уже 500, а в 1928 г. женщины составляли 21% депутатского корпуса [12, с. 92–93].

Однако вышестоящее начальство все равно не было довольно положением дел в Чечне. Обследовавший в конце 1928 г. Чечню представитель Северо-Кавказского краевого исполкома Советов Д. Нагиев в своей докладной записке отмечал, что Чеченская автономная область является наиболее отсталой из всех национальных областей края, где «все еще сохранившиеся национально-бытовые особенности значительно затрудняют успешность советского строительства, отрицательно влияя на экономику и формы ведения сельского хозяйства области». Он констатировал прочность родовых и религиозных структур среди чеченского народа, неизменность средневековых земельных и вытекавших из них социальных отношений, широко практиковавшиеся перевыборы Советов по принципу тайпового представительства. Большим влиянием пользовались муллы и шейхи, а сельские сходы полностью преобладали над аульными и районными Советами. Аульные Советы фактически играли роль технического исполнительного аппарата сходов. Представительство богатых крестьян и нэпманов в сельских и окружных исполкомах и их президиумах в Чечне было выше, чем в других советских автономиях на Северном Кавказе. Вообще окружные исполкомы представляли собой «замкнутую административно-аппаратную организацию, оторванную от широких масс аулов и самих аульских советов». Во многих из них замещение должностей проходило по родственному принципу, процветали взяточничество и различные должностные преступления. Партийные и комсомольские организации по причине своей слабости и малочисленности практически не оказывали никакого влияния на ход организационно-массовой работы Советов и исполкомов, а руководители советских органов не считали необходимым отчитываться перед партийными инстанциями [6, л. 32–56].

Подводя итог, следует отметить, что государственное строительство в Чеченской автономной области сталкивалось со значительными трудностями. Чеченское традиционное общество оказалось не готово к радикальным социальным преобразованиям, которые начали проводить большевики, и оказывало им как пассивное, так и активное сопротивление. В горах шла затяжная партизанская война, действовали

многочисленные повстанческие отряды, пользовавшиеся поддержкой значительной части населения. В результате вплоть до второй половины 1924 г. в Чечне действовали чрезвычайные органы управления — ревкомы. После перехода к Советам каждая выборная кампания, в отличие от регионов Центральной России, сопровождалась активной политической борьбой. Попытки Коммунистической партии утвердить свое влияние в Советах долгое время были тщетными. В свою очередь, областные власти оказывали противодействие попыткам партийных инстанций диктовать им свою волю.

В политике местных властей можно выделить два этапа. На первом (1923—1925 гг.), когда во главе автономной области стоял Т. Эльдарханов, чеченские власти проводили политику, направленную на сотрудничество с мусульманским духовенством и зажиточными крестьянами, привлекали их к сотрудничеству в органах управления, пытались склонить на свою сторону лидеров националистов и командиров крупных вооруженных отрядов с целью изоляции радикальных исламистов. Однако влияние Чеченского ревкома и облисполкома на местах было очень слабым, а имам Н. Гоцинский фактически представлял собой «параллельную власть» в Горной Чечне. В Москве сочли эту политику ошибочной.

После проведения полномасштабной военной операции по разоружению Чечни в августе—сентябре 1925 г. и последовавшего отстранения от власти Эльдарханова и его сторонников, был взят курс на укрепление влияния ВКП(б) и подавление антикоммунистической оппозиции, вытеснение «кулацко-мульских элементов» из всех сфер управления. В результате в центре реальная власть постепенно сосредоточилась в руках Областного комитета ВКП(б) Чеченской автономной области, во главе которого стояли не чеченцы (в 1923—1925 гг. балкарец М.А. Энеев, в 1926—1927 гг. — абхаз Е.А. Эшба, в 1927—1929 гг. — армянин Г.О. Булат). Областной исполнительный комитет был оттеснен на вторые роли. При этом партийные власти пристально следили за работой Советов. В 1928—1929 гг. в Чечне периодически осуществлялись т.н. «мероприятия по укреплению Советов», в ходе которых нелояльные Советы распускались и переизбирались.

Однако на местах, особенно в горных районах, ситуация даже к концу 1920-х гг. оставалась иной. Как и до революции, в общественной жизни чеченского крестьянства важную роль играли тайпы (между которыми существовала иерархия, и сильные тайпы пытались заставить более слабые считаться со своей волей), адатские суды, сельские сходы и избиравшиеся на них старшины, которые фактически

являлись параллельными центрами принятия решений по актуальным вопросам повседневной жизни, в обход советских законов и государственных органов. Большим влиянием пользовались мусульманские духовные деятели. Сельские Советы находились в зависимости от сельских сходов, влияние коммунистических ячеек было мизерным, а комсомольские ячейки, объединявшие немногочисленную леворадикальную молодежь, вынуждены были действовать полуподпольно, подвергаясь давлению со стороны традиционных институтов самоуправления.

Список источников и литературы

1. *Алхастова З.М.* Развитие советской политической системы Чечни во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 7. С. 77–80.

2. *Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х.* История Чечни в XIX–XX веках. М.: Пульс, 2005. 995 с.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1235. Оп. 39. Д. 85.

4. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 99. Д. 40.

5. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 116.

6. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 1149.

7. *Ефанов К.И.* Классовая борьба в чечено-ингушском ауле в период социалистического строительства. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1979. 118 с.

8. *Жуникова Е.Ф.* К вопросу о разоружении Чечни в 1920–1925 годах // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия Социально-исторические науки. М.: Прометей, 1998. С. 93–99.

9. *Кармов А.Х.* Выделение из ГАССР и создание Чеченской автономной области // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Выпуск 16. Нальчик, 2009. С. 3–19.

10. *Кульчицкий П.В.* Проявление элементов сепаратизма в Чечне в 1920-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. 2017. № 2. С. 78–85.

11. *Мурдалов М.М., Алаудинов А.А.* Чечня. Политическая и общественная обстановка: 1920–30 гг. [Б.м.]: Издательские решения, 2021. 748 с.

12. *Нанаева Б.Б.* Некоторые вопросы развития и укрепления местных Советов Чечено-Ингушетии в период строительства социализма (1925–1936 гг.) // Из истории борьбы за власть Советов и социалистических преобразований в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 80–85.

13. *Овчаров Г.М.* Борьба Чечено-Ингушской партийной организации за победу ленинских идей (1926–1929 годы). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1975. 79 с.

14. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2: 1917–1970. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1972. 359 с.
15. *Пархоменко М.М.* Из истории классовой борьбы в Чечне (1921–1925 годы) // Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. С. 1–25.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 216. Д. 282.
17. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 213.
18. Тайны национальной политики ЦК РКП: четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г.: стенографический отчет. М.: НПО «ИНСАН», 1992. 293 с.
19. *Тишков В.А.* Политика коренизации в Чечне и Ингушетии в советский период // Чеченинфо. Мультипортал о Чеченской Республике. [Электронный ресурс] URL: <http://www.checheninfo.ru/19361-politika-korenizacii-v-chechne-i-ingushetii-v-sovetskiy-period.html> (дата обращения: 08.06.2023).
20. Чечня и власть Советов: 1917–1930. [Б.м.]: Издательские решения, 2020. 672 с.
21. *Юсуфов П.И.* Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии (1920–1925 годы). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1968. 64 с.

Концептуальные изменения в исследовании проблемы централизации русского государства в 1930-е гг.

Аннотация. Автор рассматривает историографию проблемы централизации русского государства в XV в. в трудах советских историков в 1930-е гг. Проблема централизации в анализе развития русской государственности является одной из краеугольных, поэтому она обсуждается в отечественной исторической науке не первое столетие. Советская историческая наука 1930-х гг. довольно противоречива. С одной стороны, это время наиболее плотного контроля за исторической наукой. С другой стороны, навязанные концепции при их формальном принятии могут поворачиваться под неожиданным углом и заставлять взглянуть по-новому на изучаемую проблему. На смену концепции М.Н. Покровского пришли концепции «национального государства» и феодальной концентрации. Концепция А.В. Шестакова предполагала, что по мере подчинения окрестных народов автоматически возрастала и степень централизации управления. Концепция С.В. Бахрушина и К.В. Базилевича предполагала, что централизация протекала одновременно в нескольких княжествах, а не только в Москве.

Ключевые слова: историография; критика школы Покровского; И.В. Сталин; История науки в СССР; понятие «централизация»; С.В. Башрушин; Институт истории АН СССР.

Conceptual changes in studies of centralization of the Russian state in the 1930s

Abstract. The author examines the historiography of the problem of centralization of the Russian state in the 15th century in the writings of Soviet historians in the 1930s. The problem of centralization in the analysis of the development of Russian statehood is one of the cornerstones, so it has been discussed in Russian historical science for more than a century. Soviet historical science in the 1930s was pretty controversial. On the one hand, it was the time of the closest control over historical science. On the other hand, the imposed concepts, when they are formally adopted, can turn at an

¹ **Никита Дмитриевич Гилевич** – инженер-исследователь лаборатории Цифровых технологий в историко-культурных исследованиях, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), e-mail: gilevich.nikita@yandex.ru

Nikita D. Gilevich – Research Engineer, Laboratory of Digital Technologies in Historical and Cultural Research, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia).

unexpected angle and force one to take a fresh look at the problem under study. Instead of the concept of M.N. Pokrovsky came the concept of a "national state" and feudal concentration. The concept of A.V. Shestakov assumed that as the neighboring peoples were subjugated, the degree of centralization automatically increased. The concept of S.V. Bakhrushin and K.V. Bazilevich assumed that centralization proceeded simultaneously in several principalities, and not only in Moscow.

Keywords: historiography; criticism of the M.N. Pokrovsky's school; I.V. Stalin; History of science in the USSR; the concept of "centralization"; S.V. Bashrushin; Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR.

В середине 1930-х гг. советская историческая наука вступает на очередной этап своего существования, отбрасываются старые и формируются новые концепции по основным вопросам русской истории. Одной из ключевых становится проблема образования русского централизованного государства. Интерпретация процесса централизации рассматривалась советскими историками в рамках дискуссий, теоретических построений и словарей, даже планировали сделать кинопостановку «Образование централизованного Русского государства» [10, с. 13], но вмешалась война. Данная работа должна помочь реконструировать научную лабораторию советского историка, что позволит лучше понять общественные отношения того периода.

Можно четко разделить историографию вопроса на 2 части: советскую и современную. Советская историография при обращении к данному периоду, как правило, использовала проблемный подход, то есть давала оценку вкладу историка в рассмотрение той или иной проблемы [13]. Исследователи сравнительно мало останавливались на вопросах влияния сложившейся политической системы на историческую науку, а также отрицали преемственность и влияние концепций дореволюционных буржуазных историков. Современная историография в большей мере обращает внимание именно на влияние среды на историю как на науку [7; 14]. По вопросу преследования «школы Покровского» большой вклад внесли статьи и монографии А.Н. Артизова, А.М. Дубровского, М.В. Нечкиной, А.Л. Юрганов [1; 2; 12; 18; 28; 29].

«Мы знаем только одну единственную науку, науку историю» [15], – писали основоположники марксизма. Что же изменилось в исторической науке по сравнению с предшествующим периодом? В сфере культуры произошел переход к более жесткому контролю над соблюдением единой идеологической линии. Перед партийными структурами встала задача полного «идеологического подчинения» исторической науки. Нельзя было допустить публичного сомнения

в избранном курсе. Вероятно, было решено изначально усилить раскол исторического сообщества и ударить, в первую очередь, по старым специалистам, при этом успокоить историков-марксистов школы М.Н. Покровского через уменьшение критики их концепций и признание их авторитета.

К 1931–1932 гг. заканчивается первая волна чисток в исторической науке, историков старой школы начали возвращать из ссылки. Началась подготовка второй волны, направленной на недавних бенефициаров: глав институтов, деканов, академиков – тех, кого заклеямили как членов «антиленинской школы Покровского». Поводом для данной чистки послужила сложившаяся ситуация со школьными учебниками по истории.

Проблема с учебниками по истории для школ и ВУЗов назрела давно. Официально, с 1930 г. вводились учебники с вкладышами, которые могли в любой момент изменить свое содержание. Поэтому никого не удивило и не насторожило, что в 1933 г. ЦК ВКП(б) эту практику осудил [17]. От государства поступил заказ на написание новых учебников, лишенных прежних недостатков.

История создания новых школьных учебников в середине 1930-х гг. и роль Сталина в этом довольно широко описаны в историографии [8; 20]. Но мы остановимся здесь лишь на двух вопросах:

- как проблему централизации понимали авторы рассматриваемых учебников?
- каким образом формировались и как учитывались новые идеологические установки?

29 марта 1934 г. на заседании политбюро ЦК ВКП(б) были утверждены списки членов групп по составлению учебников: «История СССР – проф. Ваняг Н.Н. (руководитель), проф. Греков Б.Д., проф. Панкратова А.М., проф. Пионтковский С.А.» [22, л. 60]. 15 мая 1934 г. постановлением СНК были указаны принципы и сроки написания новых учебников (июнь 1935 г.): «Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся исторических важных фактов, явлений, исторических деятелей, хронологических дат и фактов» [19, с. 1–2].

Что же мы видим в подготовленном к 15 июня 1934 г. конспекте по истории СССР? Интересующая нас проблема централизации была разделена на 2 вопроса: о «возвышении Москвы» и об «образовании Московского государства» [23, л. 11]. Авторы конспекта избегают да-

вать какую-либо качественную характеристику происходящему историческому процессу и актуализируют внимание на истории Москвы.

Данный конспект вызвал негативную реакцию в хорошо известных замечаниях со стороны гг. Сталина, Кирова, Жданова (опубликованы в «Правде» только 27 января 1936 г.). В них были сформулированы положения, оказавшие большое влияние на рассмотрение проблемы централизации в исторической науке в 1930–1940-х гг. Было заявлено, что «В конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены; самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств» [27, с. 2].

Параллельно в 1934 г. в БСЭ за авторством А.И. Дробинского выходит статья «Централизация», в которой та характеризуется как «сосредоточение управления страной и ее отдельными территориальными единицами в руках центральной государственной власти <...>; соответствующая структура государственной власти, ее сосредоточенность» [11, стб. 478]. Одним из принципиальных отличий является то, что централизация — это не только уже сложившаяся система государственной власти, что превалировало в предшествующих определениях, но и процесс ее складывания. Кроме того, ранее проводилась четкая черта между централизацией в буржуазных государствах и централизмом в СССР, теперь же говорится о том, что это фактически одно и то же и в историческом плане это было прогрессивное явление, способствующее переходу от феодализма к капитализму [11, стб. 479].

Первым, кто смог воплотить в историческом сочинении новые концепции, стал А.В. Шестаков. В 1937 г. его школьный учебник побеждает на конкурсе. По вопросу централизации Шестаковым была выдвинута концепция «русского национального государства», согласно которой, во-первых, в России вследствие внешней угрозы русское национальное централизованное государство формируется еще до разложения феодализма; во-вторых, русское государство в процессе формирования становится многонациональным.

Эти два положения во многом определили развитие исторической науки по проблеме централизации. Но историки, оставаясь в этих заданных рамках, могли по-разному решать довольно многие вопросы. Например, в учебнике Шестакова процесс формирования многонационального государства соотнесен с правлением Ивана Грозного и проходит как второй этап централизации. Первый же этап — это «единое крепкое русское национальное государство» в правление Ивана III и Василия III.

В 1938 г. выходит сборник «Против исторической концепции М. Н. Покровского», в котором выступили с рядом статей бывшие ученики и коллеги М. Н. Покровского.

С. В. Бахрушин в статье «Феодальный порядок» в понимании М. Н. Покровского» критикует историка за то, что он отождествляет феодализм только с периодом феодальной раздробленности. Бахрушин выступает против концепции «торгового капитализма» Покровского, согласно которой на смену феодальной раздробленности на рубеже XVI–XVII вв. приходит «торговый капитализм» – переходная стадия между феодальной и капиталистической формациями. Бахрушин утверждает, что факт преодоления феодальной раздробленности (централизация) не является основанием для формационного перехода. Это был по-прежнему феодализм, а не торговый капитализм. В отдельных случаях Бахрушин поддерживает Покровского, хотя и критикуя его в том, что идея «феодальной концентрации» была заслонена иными построениями. «Здоровая мысль, видевшая в образовании «феодальной монархии» результат естественной концентрации феодальных сил вокруг наиболее благоприятно расположенного в политическом и экономическом отношении княжества, однако, была совершенно заслонена у Покровского его двумя основными идеями о торговых путях и о татарах» [6]. Бахрушин выступает против построения Покровского о том, что татары сыграли положительную роль в формировании централизованного государства, а также против большой роли торговых путей. Главными факторами было то, что преодоление раздробленности отвечало интересам светских и церковных феодалов, а также широких народных масс. Борьба с татарами способствовала национальному объединению великороссов. Бахрушин признает, что одним из важнейших факторов централизации является преодоление «экономической раздробленности».

В августе 1938 г. в журнале «Пропагандист» Бахрушин высказывает ту же концепцию, что и описана выше, лишь с небольшими изменениями. Бахрушин видит причины возвышения Москвы, прежде всего, в ее географическом положении, которое обеспечивало относительную безопасность, а, следовательно, – быстрый прирост населения [4, с. 14]. Торговля, конечно, имела значение, но гораздо важнее был миграционный приток подданных. В интересах церкви было скорейшее преодоление феодальной раздробленности, так как сильное государство должно было защитить их земельные владения [4, с. 15]. Поэтому митрополит постоянно вмешивался в политическую борьбу на стороне московских князей. Иван Калита смог за-

ложить основу будущего русского государства через присоединение земель.

Сходную с Бахрушиным идею о национальном единении великорусского народа высказывал С.В. Плязер. Он связал историческое значение Куликовской битвы с тем, что она усилила стремление русского народа к объединению, к централизации. Это стремление вылилось впоследствии в образование Московского государства [9, с. 21].

В том же 1938 г. выходит статья Бахрушина в БСЭ «Московское государство». Бахрушин относит формирование русского национального или феодального централизованного государства (употребляются историком как синонимы) ко второй половине XV в. Централизованное феодальное государство сложилось в с.-в. Руси в условиях борьбы с татарским игом, потребовавшей концентрации всех феодальных сил, но эта концентрация оказалась возможной лишь тогда, когда «экономическая раздробленность» страны до известной степени была ликвидирована. Завершается процесс объединения «феодальных полугосударств» при Иване III и Василии III. В начале XVI в. складывается русское национальное государство, но еще в XV в. начинаются территориальные захваты, способствующие превращению в многонациональное государство [5, стб. 451–456].

Учебник для вузов 1939 г., как известно, готовился в рекордные сроки (текст был подготовлен и передан в издательство в течение всего лишь 3 месяцев). Причиной подобной спешки стало спущенное по партийной линии распоряжение об ускорении работ по написанию учебника по истории для высшей школы. В результате были использованы материалы, собираемые для многотомного издания «История СССР», а также всевозможные прежние авторские наработки. По проблеме централизации была предложена следующая схема:

1. образование русского национального государства при Иване III;
2. укрепление русского национального государства при Василии III;
3. превращение русского государства в многонациональное при Иване IV.

Авторами соответствующих глав стали Бахрушин и Базилевич, которые включили в схему как предварительный этап «феодальную концентрацию».

В 1940 г. Базилевичем был прочитан ряд лекций при Высшей партийной школе. В лекции «Образование русского национального госу-

дарства» историк выделяет ряд признаков, определяющих формируемое централизованное государство:

- присоединение новых земель,
- единое централизованное законодательство,
- формирование служивого дворянства, как нового слоя феодалов,
- изменение характера подчинения бояр с вассалитета в подданство,
- развитие торговых отношений,
- централизованная система управления.

Мало нового к этой схеме добавляет описание правление Василия III, но в заключение по разделу было сделано важное методологическое замечание: «Мы называем Русское государство этого времени «национальным» потому, что оно объединяло в своих границах все русское (великорусское) население. При этом стоит помнить, что русская народность не успела сложиться в нацию. Русские говорили на одном языке, хотя были и диалекты. Не было также еще и полной общности экономической жизни» [3, с. 35].

В 1930-е гг. на смену концепции М.Н. Покровского пришли концепции «национального государства» и феодальной концентрации. Концепция А.В. Шестакова предполагала, что по мере подчинения окрестных народов автоматически возрастала и степень централизации управления. То есть образование многонационального государства это, прежде всего процесс колонизации окрестных этнических образований. Концепция С.В. Бахрушина, К.В. Базилевича предполагала прежде всего то, что первоначальный этап централизации протекал одновременно в нескольких княжествах, а не только в Москве. Но независимо от места своего проведения этот процесс представлял собой преодоление феодальной раздробленности как в виде политического объединения, так и в развитии экономических связей.

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что советская историческая наука 1930-х гг. довольно противоречива. С одной стороны, это время наиболее плотного контроля за исторической наукой. С другой стороны, навязанные концепции при полном их формальном принятии могут поворачиваться под совершенно неожиданным углом и заставлять взглянуть по-новому на изучаемую проблему. Критика школы Покровского способствовала выработке концепции феодальной концентрации. А русское национальное государство, оставаясь мейнстримом, сменялось на деле централизованным. Историки 1930-х яростно порвали с Покровским, но сохранили связь с другими мэтрами 1920-х гг., а тем самым и связь с дореволюционной историографией.

Список источников и литературы

1. *Артизов А.Н.* В угоду взглядам вождя. Кентавр. 1991. № 10–12. С. 125–135.
2. *Артизов А.Н.* Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48.
3. *Базилевич К.В.* Лекция 13–23: стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б) в 1940–1941 учебном году. 1940. 253 с.
4. *Бахрушин С.В.* Возвышение Москвы // Пропагандист. 1938. № 16. С. 13–16.
5. *Бахрушин С.В.* Московское государство // БСЭ. Т. 40: Монада–Нага. М., 1938. Стб. 451–474.
6. *Бахрушин С.В.* «Феодалный порядок» в понимании М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: Сб. ст. Акад. наук СССР, Ин-т истории / ред.: Б. Греков, Ем. Ярославский, С. Бушуев. М.; Л., 1939. URL: <http://pokrovsky.newgod.su/research/protiv-istoricheskoy-konceptcii-pokrovskogo-1/feodalnyj-poryadok-v-ponimanii-m-n-pokrovskogo/> (дата обращения 11.06.2023).
7. *Бычков С.П., Корзун В.П.* Введение в историографию отечественной истории XX в. Учебное пособие. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2001. 358 с.
8. *Галкин И.С.* Важная веха в развитии исторической науки и исторического образования в СССР // Новая и новейшая история. № 2. 1984. С. 20–31.
9. *Глязер С.В.* Куликовская битва // Пропагандист. 1938. № 16. С. 16–21.
10. *Греков Б.Д.* История и кино // Советский исторический фильм. М.: Госкиноиздат, 1939. С. 9–13.
11. *Дробинский А.И.* Централизация // БСЭ. Т. 60: Холангит–Цянь. М., 1934. Стб. 478–479.
12. *Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.
13. Историография истории СССР (эпоха социализма). Учебник / под ред. И.И. Минца. М.: Высшая школа, 1982. 336 с.
14. Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. 568 с.
15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. IV. М.: Партиздат, 1933. 626 с.
16. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 52. М.: Госполитиздат, 1965. С. 41.
17. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. док. 1917–1973 гг. М., 1974. 560 с.
18. *Нечкина М.В.* Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934–1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (к источниковедческой стороне темы) // Исторические записки: [сб. статей]. 1990. Т. 118. С. 232–246.
19. Правда. 1934. № 133. 16 мая.

20. Развитие исторического образования в СССР: Межвуз. сборник науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. 140 с.

21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 937.

22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1017.

23. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1076.

24. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 842.

25. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1003.

26. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 727.

27. *Сталин И.В., Жданов А.А., Киров С.М.* Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» // Правда. 1936. № 26. 27 янв.

28. *Тихонов В.В.* Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 320 с.

29. *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.

В.И. Ленин в советской живописи: особенности репрезентации образа²

Аннотация. В статье анализируются особенности репрезентации образа В.И. Ленина в советской исторической живописи. На основании анализа материалов четырех каталогов, объединяющих в себе картины о В.И. Ленине (выпущены в 1939, 1945, 1970 и 1977 гг.), выявлен комплекс востребованных в советские годы картин о первом руководителе советского государства. Среди них полотна таких художников, как И.И. Бродский, П.В. Васильев, С.В. Герасимов, А.В. Моравов, В.К. Нечитайло, В.М. Орешников, Н.К. Угрюмов, В.Г. Цыплаков и др. Определены чаще всего изображавшиеся на картинах периоды в жизни В.И. Ленина и страны, а также наиболее часто упоминающиеся на картинах герои отечественной истории. Сделаны выводы о том, какие сюжеты, связанные с личностью В.И. Ленина, появлялись на картинах чаще всего и с каким обстоятельством это связано. Проанализированы особенности созданного в советской исторической живописи образа В.И. Ленина, его характерные черты, оказывавшие непосредственное влияние на массовое историческое сознание.

Ключевые слова: историческая память; В.И. Ленин; И.В. Сталин; Н.К. Крупская; художники; историческая живопись.

V.I. Lenin in Soviet painting: features of image representation

Abstract. The article analyzes the peculiarities of the representation of the image of V.I. Lenin in Soviet historical painting. Based on the analysis of materials from four catalogues with paintings of V.I. Lenin (released in 1939, 1945, 1970 and 1977), the author identifies the most in-demand paintings of the first leader of the Soviet state. Among them are paintings by such artists as I.I. Brodsky, P.V. Vasiliev, S.V. Gerasimov, A.V. Moravov, V.K. Nechitailo, V.M. Oreshnikov, N.K. Ugryumov, V.G. Tsyplakov, etc. The most frequently depicted periods of life of V.I. Lenin and the country, as well as the heroes of national history, are defined. Conclusions are drawn about which subjects related to the personality of V.I. Lenin appeared in the paintings most often and why. The features of the

¹ **Дмитрий Александрович Сосницкий** – кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: st003114@spbu.ru

Dmitry A. Sosnitsky – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

² Публикация подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект № МК-3760.2022.2 «Репрезентация образов государственных деятелей в массовом историческом сознании: на примере В.И. Ленина и И.В. Сталина».

image of V.I. Lenin created in Soviet historical painting, its features which had a direct impact on the mass historical consciousness are analyzed.

Keywords: historical memory; V.I. Lenin; I.V. Stalin; N.K. Krupskaya; artists; historical painting.

Образ В.И. Ленина был крайне востребован в советском искусстве. Личность создателя советского государства вдохновляла скульпторов, композиторов, кинорежиссеров. Не осталась в стороне и живопись. Масштабность Ленинианы всегда привлекала внимание исследователей. Так, в советские годы было выпущено несколько работ, в которых анализировалась совокупность произведений советских художников, посвященных Ильичу. Есть такие работы об образе В.И. Ленина в художественной литературе [см., напр.: 11], театральном искусстве [см., напр.: 4], кино [см., напр.: 5]. Не осталась неохваченной подобными аналитическими обзорами и живопись. Среди крупных работ, в которых рассматривался образ Ильича в живописи назовем работы А.Н. Шефова [12] и Э.В. Кузнецовой [6]. Отличительной чертой практически всех подобных работ является то, что они написаны с искусствоведческих позиций. Нельзя не учитывать также и время их написания, что накладывает определенный идеологический отпечаток на содержание этих работ.

Несмотря на падение интереса к изучению жизни и деятельности В.И. Ленина в постсоветской России, исследования его образа в живописи не были прекращены. Так, в статье А.А. Бобрикова «Маленький смешной помощник: образ Ленина в советской живописи» представлена интересная трактовка образа В.И. Ленина в советском искусстве сталинского периода. Автор, анализируя ряд полотен, написанных в эти годы, приходит к выводу, что Ленин на них изображался «комическим двойником Сталина», его «секретарем» [2, с. 3–4]. Нам такая трактовка представляется слишком категоричной и далее мы приведем примеры несколько иной интерпретации образа В.И. Ленина в советской живописи сталинского периода. Также выделим работу Л.В. Алиевой «Тема “Ленин и дети” в советской живописи: к истории формирования образа Ленина в советском массовом сознании», в которой автор приходит к выводу, что советскими художниками лидер революции был представлен в нескольких амплуа: «он являлся и создателем самого лучшего в мире государства рабочих и крестьян, и трудился на благо родины и народа, и умер за нее как святой; он был Дедом Морозом и всеми любимым “общим” дедушкой» [1, с. 12]. Тем не менее, несмотря на разработку отдельных сюжетов, исследований посвящен-

ных анализу особенностей конструирования образа В.И. Ленина в живописи советского периода на настоящий момент не создано. Задача нашего исследования – восполнить этот пробел.

Прежде чем приступить к анализу содержания картин, посвященных первому руководителю советского государства, необходимо очертить круг анализируемых произведений. Это и является основной проблемой для такого рода исследований, т.к. Ленину – центральной фигуре в массовом историческом сознании советского общества, было посвящено огромное количество произведений. Не имея возможности выявить все подобные картины, было принято решение проанализировать содержание 4 каталогов, объединяющих в себе картины советских художников, центральной фигурой в которых является В.И. Ленин. Для полноты картины были выбраны каталоги, издававшиеся в разные периоды, а именно в 1939, 1945, 1970 и 1977 гг. [3; 7; 8; 9]. Все проанализированные каталоги издавались в Москве. Было принято решение не анализировать содержание каталогов, выпущенных в союзных республиках, так как зачастую акцент в картинах местных художников мог сдвигаться в сторону региональных сюжетов, а нашей задачей было выявление именно ключевых повторяющихся сюжетов.

Всего было выявлено 75 картин, только 2 из которых были помещены сразу в двух каталогах. Это картины «В.И. Ленин в вагоне поезда по дороге в Петроград» и «В.И. Ленин беседует с красногвардейцами в дни Октября». Автор этих двух работ П.В. Васильев. Все остальные произведения упоминались по одному разу. Это обстоятельство связано, вероятно, с обилием работ на ленинскую тему, которое позволяло составителям каталогов включать полотна разных художников в состав изданий. Однако, для изучения особенностей репрезентации образа В.И. Ленина в массовом историческом сознании важно не столько выявление конкретных картин, как определение наиболее популярных в живописи сюжетов. В этой связи рассмотрим наиболее востребованные основные (периоды отечественной истории) и локальные (герои, события, явления) объекты исторической памяти, изображенные на упомянутых 75 картинах.

Если говорить об основных объектах исторической памяти (за которые взяты периоды времени), то наиболее востребованными, в анализируемом комплексе картин оказались следующие: РСФСР в 1910-е гг. – 43 упоминания; РСФСР в 1920-е гг. – 19 упоминаний. Значительно менее востребованы сюжеты, связанные с В.И. Лениным в детстве и молодости. Так, события только 3 полотен разворачиваются в России 1880-х гг. При этом, необходимо понимать, что это деление

сюжетов картин на основные объекты имеет несколько условный характер, т.к. в ряде случаев определить, какой именно период изображен на полотне, довольно затруднительно. В особенности это касается некоторых портретов.

Рассмотрим рейтинг локальных объектов исторической памяти, изображенных на картинах (Таблица 1).

Таблица 1

Рейтинг локальных объектов исторической памяти

№	Сюжеты/Герои, изображенные на картинах	Количество картин
	И.В. Сталин	20
	Солдаты	15
	Демонстрация, выступление, митинг	14
	Рабочие	11
	Матросы	10
	Красная площадь	5
7–12	Подполье	3
	Смольный	
	Петроград	
	Крестьяне	
	Поезд	
	Гражданская война	
13–15	Н.К. Крупская	2
	Я.М. Свердлов	
	Кремль	

Данные, представленные в Таблице 1, наглядно демонстрируют, что на проанализированных картинах чаще всего, помимо самого Ильича, были изображены такие исторические личности как Н.К. Крупская, И.В. Сталин, Я.М. Свердлов. Безусловным лидером по количеству упоминаний на картинках является И.В. Сталин, и практически все такие произведения были созданы в период его нахождения во главе государства. Давайте рассмотрим основные особенности

картин на которых были вместе изображены советские вожди. Нужно заметить, что советские художники с очевидной осторожностью подходили к изображению такого важного и отчасти даже «опасного» сюжета. Пен Варлен, автор картины «В.И. Ленин и И.В. Сталин в Горках (Великое содружество)», представленной им на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, пишет в автореферате: «Образы Ленина и Сталина я старался передать такими, какими они живут в сознании Советского народа. Эта картина потребовала всех моих сил и способностей. Нет, пожалуй, труднее задачи, чем задача изобразить уже сложившиеся в народе образы — образы Ленина и Сталина. Ведь в сердцах советских людей навсегда слились воедино два самых дорогих образа Ленина и Сталина и самые яркие и сильные народные образы и самые лучшие проникновенные песни складываются народом о Ленине и Сталине. Быть такими как Ленин и как Сталин, быть политическими деятелями Ленинско-Сталинского типа, беззаветно служить своему народу, — такова мечта Советского человека» [10, с. 7]. Именно такая задача, показать «два самых дорогих образа», не делая акцента ни на одном из них, очевидно, и стояла перед художниками в сталинскую эпоху. Поэтому композиция таких картин часто схожа — В.И. Ленин и И.В. Сталин сидят за столом и обсуждают какой-то вопрос. При этом зачастую по тому как изображены герои не ясно, кто из них говорит, а кто слушает. В качестве примера таких полотен можно назвать работы «В.И. Ленин и И.В. Сталин» П.В. Васильева и «В.И. Ленин и И.В. Сталин в Горках. 1922» Н.К. Угрюмова. И если предположить, что говорит на изображенных на картинах сценах И.В. Сталин, то это все же не превращает В.И. Ленина в «маленького смешного помощника» или слушателя, внимающего великому Сталину. Напротив, сюжет подобных картин может быть истолкован иным образом: Иосиф Виссарионович советуется со своим великим учителем и соратником по какому-то чрезвычайно важному вопросу и хочет услышать его мнение. Стремлением не выделять ни одного из двух вождей наглядно прослеживается в картине уже упоминавшегося П.В. Васильева (впоследствии народного художника СССР) «В.И. Ленин, И.В. Сталин и Я.М. Свердлов». На этом полотне особая роль у Я.М. Свердлова — он стоя с горячностью о чем-то рассказывает, а В.И. Ленин и И.В. Сталин, с присущим им спокойствием и внимательностью, сидя слушают. Я.М. Свердлов изображается одним из главных советских политических и государственных деятелей. В отличие от того же Л.Д. Троцкого, по понятным причинам не изображавшегося художниками, Я.М. Свердлов даже в рамках выявленного нами комплекса кар-

тин изображен дважды. Он в числе героев революции представлен на полотне Г.П. Татарникова «В.И. Ленин, И.В. Сталин, Я.М. Свердлов, Ф.Э. Дзержинский в октябрьские дни». На нескольких картинах представлена супруга и верный соратник В.И. Ленина Н.К. Крупская. При этом существуют некоторые сложности с идентификацией. Так, на картине А.В. Моравова «В.И. Ленин выступает в марксистском кружке в Петербурге» показана встреча молодого Ленина с рабочими, сидящими за столом в тесной комнате. В углу, у комода, на котором поставлен самовар, сидит молодая женщина. Несмотря на то, что очевидного портретного сходства с супругой Ильича не прослеживается, можно предположить, что это Н.К. Крупская. Вообще жена вождя везде предстает соратницей лидера революции, его молчаливым спутником. На картине «В.И. Ленин, А.М. Горький и Н.К. Крупская» (худ. П.В. Васильев) политик и писатель представлены сосредоточенно играющими в шахматы. Надежда Константиновна стоя с одобрением смотрит за игрой. Интересно, что существует две версии картины – на одной Крупская улыбается, на другой смотрит за игрой с серьезным выражением лица.

Большое количество картин, посвященных В.И. Ленину, показывает его на демонстрациях, митингах и забастовках. Хронологически эти полотна освещают события после Февральской революции. Одно из известных произведений исторической живописи на эту тему – картина И.И. Бродского «Выступление В.И. Ленина на митинге рабочих Путиловского завода 12 (25) мая 1917 года». Эта картина изображает Владимира Ильича, стоящего на невысоком постаменте с вытянутой в экспрессивном жесте вперед и вверх рукой. Толпа рабочих однородна; все они сосредоточенно слушают В.И. Ленина. Такой образ оратора, с типичным жестом, доносящим свои слова до слушателей, характерен для огромного количества картин. Из числа проанализированных, В.И. Ленин застыл в такой же позе на картинах В.Г. Цыплакова «В.И. Ленин» и П.В. Васильева «Выступление В.И. Ленина на Дворцовой площади в Петрограде». Интересной особенностью этих работ является то, что практически всегда во время выступлений все окружающее вождя на митинге – люди, здания, небо – выполнено в темных тонах. Таким образом подчеркивается сложность и напряжение революционной ситуации, а внимание зрителя лучше акцентируется на фигуре Ильича. Интересно выделить также ряд работ, на которых В.И. Ленин участвует в митингах, парадах и шествиях, но не выступает, а общается с простыми людьми. К числу подобных работ можно отнести картину В.К. Нечитайло «На Красной площади». На ней В.И. Ле-

нин изображен в ходе парада или манифестации на Красной площади, но не во время публичного выступления, а слушающим молодых рабочих и крестьян. Весь его вид — улыбка, довольное выражение лица, демонстрируют удовольствие от общения с простым народом.

Очевидно, что именно такую задачу и ставили собой художники при изображении Ильича в окружении солдат, матросов, рабочих и крестьян. У них была цель продемонстрировать близость вождя к народу, его открытость для общения. Самый распространенный сюжет — В.И. Ленин, часто с улыбкой на лице, рассказывает о чем-то плотно обступившей его толпе. Среди примеров подобных полотен можно назвать работу С.В. Герасимова «В.И. Ленин среди делегатов II Съезда советов». Примечательно, что по какой-то причине публика, окружающая Владимира Ильича, практически всегда почти сплошь состоит из мужчин. Лишь на редких полотнах появляются девушки и женщины и, как правило, это картины демонстрирующие встречи Ленина с комсомольцами. Художники явно стремились показать внимательное, практически отеческое отношение советского лидера к матросам и солдатам. Ярко демонстрирует это картина С.Н. Гущего «В.И. Ленин в Смольном», на которой Ленин изображен смотрящим на спящих на полу, прислонившись к колонне, солдата и матроса. Сам же вождь держит в руках какой-то документ. Автор явно хотел продемонстрировать, что даже когда отважные борцы революции падают с ног без сил, В.И. Ленин не только продолжает работать, но и находит время чтобы проявить свое участие и заботу о красноармейцах.

Нельзя не упомянуть и о важных для советских живописцев локациях, на которых изображался В.И. Ленин. Чаще всего на картинах запечатлен революционный Петроград, а если говорить о конкретных местах, то Смольный. Несмотря на то, что в ряде случаев нельзя с полной уверенностью сказать, что на картине изображены именно интерьеры Смольного, по меньшей мере на 3 картинах, В.И. Ленин представлен именно в его стенах. Зачастую об этом свидетельствует даже само название картины. Например, знаменитое полотно И.И. Бродского «В.И. Ленин в Смольном». На Красной площади вождь мирового пролетариата изображается как правило во время различных парадов. Яркий пример — картина Д.А. Шмаринова «В.И. Ленин на параде ВСЕОБУЧА». Еще одна довольная неожиданная локация — Ленин в поезде. Этому сюжету только в рамках проанализированного комплекса источников, посвящено несколько полотен. Особенно интересна и атмосферна картина А.М. Лопухова «В Петроград», на которой Ленин стоит у окна поезда, направляющегося сквозь темноту из

Финляндии в Петроград. Рядом с вождем охраняющий его коммунист Эйно Рахиа и машинист паровоза Гугго Ялава.

Наконец, дадим краткую характеристику картинам, на которых В.И. Ленин изображен в молодости. Это достаточно популярный в советской живописи сюжет. Главная задача подобных работ – показать, что судьба В.И. Ленина была predetermined с детства и юности, что с молодых лет он был примером умного, мыслящего человека. Зримое воплощение интереса молодого человека к знаниям – зажатая в руках книга или лист бумаги/рукопись. В таком положении юный Ленин предстает на 3 отобранных нами для анализа картинах – «В.И. Ленин в юности» (худ. В.И. Прагер), «В.И. Ленин в гимназические годы» (худ. М.П. Арцыбашева), «В.И. Ленин на экзамене в университете» (худ. В.М. Орешников).

Подводя итог нашему краткому обзору, отметим, что обращение художников к ленинской теме в советский период определялось не только государственным заказом. Каталоги, объединяющие в себе посвященные В.И. Ленину работы непрофессиональных художников, наглядно это доказывают. Кроме того, нельзя не констатировать тот факт, что существовал канон тем, к которым художники обращались при изображении ключевых событий из жизни Ленина. На первый план были выдвинуты сюжеты, демонстрирующие близость вождя к простому народу – солдатам, матросам, рабочим и крестьянам, в то время как известные партийные и политические деятели становились редкими гостями на «ленинских» картинах.

Список источников и литературы

1. Алиева Л.В. Тема «Ленин и дети» в советской живописи: к истории формирования образа Ленина в советском массовом сознании // Музей и дети. Псков: Псковский государственный университет, 2015. С. 5–15.
2. Бобриков А.А. Маленький смешной помощник: образ Ленина в советской живописи // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2010. № 4. С. 3–4.
3. Владимир Ильич Ленин в произведениях советских художников. М.: Советский художник, 1967. 159 с.
4. Ивашиев В.И. Театральная Лениниана: книга для учителя. М.: Просвещение, 1990. 143 с.
5. Кривенко Б.В. Образ В.И. Ленина в советском искусстве кино. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1969. 42 с.
6. Кузнецова Э.В. Лениниана в советском изобразительном искусстве. М.: Просвещение, 1990. 173 с.

7. Ленин. Альбом-выставка. Рисунки П. Васильева. М.: Комитет по делам искусств при СНК СССР, 1945. 20 л.
8. Ленин. Революция. Искусство / авт.-сост. Н.В. Гамалий. Л.: Художник РСФСР, 1977. 118 с.
9. Ленин и Сталин в народном изобразительном искусстве. М.: Всесоюзный дом народного творчества им. Н.К. Крупской, 1939. 21 л.
10. *Пен В. В.И.* Ленин и И.В. Сталин в Горках (Великое содружество) (живопись): автореф. дис. ... канд. искусствовед. Л., 1951. 8 с.
11. *Пискунов В.М.* Советская Лениниана: образ В.И. Ленина в советской литературе. М.: Художественная литература, 1970. 90 с.
12. *Шефов А.Н.* Лениниана в советском изобразительном искусстве. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1986. 229 с.

Стратегия И.В. Сталина и провал заговора Великобритании в целях развязывания «косвенной антисоветской войны» через «прибалтийский коридор» накануне германо-польского конфликта

Аннотация. В статье рассматривается дипломатическая борьба между СССР и Англией вокруг «прибалтийского вопроса». Работа посвящена памяти выдающегося советского и российского историка Ю.Н. Жукова, который касался сталинской стратегии накануне германо-польского конфликта. В 1939 г. «прибалтийский вопрос» не только осложнял геополитическое и военное положение в Восточной Европе, но и оказался одним из основных конфликтов в англо-советской дипломатической борьбе накануне большой войны. Благодаря стратегии И.В. Сталина СССР сорвал попытки разжигания новой антисоветской войны западными державами.

Ключевые слова: И.В. Сталин; Ю.Н. Жуков; косвенная агрессия; «прибалтийский коридор»; антисоветская война.

Joseph Stalin's strategy and disclosing an attempt of Great Britain to start an "indirect anti-Soviet war" using the "Baltic corridor" on the eve of the German-Polish conflict

Abstract. This article is mainly about the strategy of Joseph Stalin and its role in the diplomatic and military struggle between the USSR and England. The research is dedicated to Dr. Yuri N. Zhukov, and the major viewpoints in his works are discussed. The Baltic crisis and Anti-Soviet ideology of the Western powers on the eve of the German-Polish war were fatal factors for the national safety of the USSR. The matter of dispute between USSR and England were the guarantees of neutrality of the Baltic states as well as the permission of transit of Soviet troops through their territory while fighting the Third Reich. The Baltic question was not only complicating the geopolitical and military situation in Eastern Europe, but also was one of the main conflicts during the Anglo-Soviet diplomatic struggle on the eve of the World War II. Due to the successes of the Stalin's strategy, the Soviet Union avoided being the victim of a new anti-Soviet war.

¹ Там Хок Чу — преподаватель школы истории и культуры Шаньдунского Университета (Цзинань, Китай); исследователь-стажер Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), email: tamvovka2016171819@163.com
Там Хок Чу — lecturer, School of History and Culture at Shandong University (Jinan, China); researcher—trainee, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Keywords: Joseph V. Stalin; Yuri N. Zhukov; indirect aggression; Baltic corridor; Anti-Soviet War.

Выдающийся советский и российский историк и архивист Юрий Николаевич Жуков, недавно ушедший из жизни, на протяжении своего творчества создал ряд влиятельных работ и активно давал интервью, посвященные дипломатии советского вождя И.В. Сталина и эпохе социалистического строя под его руководством [15; 16; 17; 18]. Одной из важнейших тем, изученных им в книге «Сталин: Тайны власти» [18, с. 14–53] и раскрытой в интервью и выступлениях по радио и телевидению, является сталинская межвоенная внешняя политика.

В отличие от традиционных советских версий [4; 5; 19; 20; 28; 40; 41; 42; 43] и современных российских «новых» взглядов [24], в принципе Ю.Н. Жуков не только признал заговоры между Великобританией, Францией, и Германией, Италией, Японией с потенциальным намерением перенаправить гитлеровскую экспансию на восток, но и подчеркнул, что настоящей угрозой для СССР была «генеральная война на двух фронтах» с Японией и Германией.

Об этом Ю.Н. Жуков писал: «В конце ноября 1937 г. <...> лорд Галифакс по личному поручению нового британского премьера Невилла Чемберлена встретился с Гитлером и изложил тому идею своеобразного альянса: в обмен на согласие в скором времени заключить с Лондоном договор по широкому кругу вопросов предложил Германии свободу действий <...>. Еще одно немаловажное событие, происшедшее уже в конце лета 1938 г., только на этот раз на противоположенной стороне земного шара, в 130 км к юго-западу от Владивостока, должно было усилить вполне оправданные опасения советского руководства в том, что СССР в условиях международной изоляции может подвергнуться агрессии одновременно и с запада, и с востока. Напряженные отношения с Японией, возникшие еще в начале века и обострившиеся после японо-китайской войны, внезапно вылились в вооруженный конфликт <...>. Советское руководство обязано было предполагать самое худшее – войну одновременно в Европе и на Дальнем Востоке» [18, с. 14, 19–20, 45].

Учитывая изложенные факты и аргументы в книге «Сталин: Тайны власти», можно сказать, что Ю.Н. Жуков доказал ряд фактов советской внешнеполитической истории того времени, малоизученных в рамках сравнения и параллельного нарратива. Однако, за исключением попытки И.В. Сталина снять опасения о «войне на два фронта», Ю.Н. Жуков не раскрывает его позиции по отношению к Великобри-

тании и Франции в ходе переговоров в апреле – августе 1939 г. Достаточно мало внимания также уделялось и вопросу о «косвенной агрессии» этих держав [19, с. 676–680].

По мнению автора, политика «попустительства» западных держав давала и «законные права», и «свободность маневренности» гитлеровской Германии, а также, возможно, Польше, развязать войну против Советской России через капитулировавший немцам или полякам «прибалтийский коридор» [38, с. 122–205]. Согласно военной аксиоме и историческому опыту кризисов 1936–1939 гг. и их истоков, прибалтийская угроза, как и чехословацкий и закарпатско-украинский кризисы, была частью политики «подстрекательства» Великобритании за счет свободных рук гитлеровской Германии для реализации планов «Дранг нах остен» (нем. „Drang nach Osten“, «поход на восток») [51, р. 385, 447–448, 476–481, 492–589]. И самому Н. Чемберлену было совершенно ясно [55, f. 270–285; 56, f. 12–17; 57], что если СССР будет в продолжительной изоляции, он не сможет принимать «законного» и непосредственного военно-политического участия в отражении германской агрессии или провокации от антисоветской Польши в соответствии с теорией «прометеизма» Ю. Пилсудского о полном расчленении СССР и России [22, с. 436–512] [26, с. 202–206] [39, с. 42–48] [44, с. 269–291].

В контексте 1938–1939 гг. прибалтийский кризис не только сильно зависел от Данцига, Польши и агрессивных планов Германии против Польши, но и был косвенно связан с судьбой антисоветской войны, как это было с оккупацией Судетской области и далее расчленением всей Чехословакии. Об этом еще до прихода А. Гитлера к власти в книге «Подготовка войны против СССР» (1929 г.) предупреждали авторы А.М. Никонов и Я.М. Жигур: «Если мы попытаемся конкретно определить группировки капиталистических государств по признакам их настоящей политики по отношению к СССР, то можем разделить <...> на 4 группы государств: 1. Первая группа – государства, явно враждебные по отношению к СССР. К ним принадлежат: Англия, Франция и западные соседи СССР – Польша, Румыния, Финляндия, Эстония и Латвия; сюда же можно включить Японию и Италию, которые из соображений своей общей политики готовы поддержать антисоветские планы Англии. Эта группа государств возглавляется Англией, выступающей в качестве застрельщика и организатора нового военного выступления против СССР, а в качестве военного руководителя имеет Францию» [25, с. 48]. Кроме того, советские архивные материалы также показывают, что накануне новой империалистической и антисовет-

ской войны (в 1937–1938 гг.), исторический отдел Генштаба СССР уделял особое внимание не только урокам прошлой империалистической войны 1914–1919 гг. (Первой мировой) и войны против империалистического вторжения-интервенции 1918–1920 гг., но и современному опыту Испанской войны и Японо-китайской войны для разработки занятий и учебных пособий для офицеров и курсантов РККА, чтобы военные были готовы к отражению «новой интервенции» (новой анти-советской войны) в капиталистическом окружении [32, л. 30, 91, 108; 33, л. 25 (а, б), 31–32; 34, л. 12].

По этому поводу Ю. Н. Жуков отмечал, что «столь же агрессивные намерения в те дни продемонстрировала и Польша. Официальным ультиматумом она потребовала от Литвы признания законности оккупации ею Виленской области. А еще раньше мировая печать вдруг стала муссировать слухи об имевшемся якобы тайном сговоре Берлина и Варшавы и их намерениях разделить между собою территорию независимой Литвы. Германия должна была вернуть себе Мемельскую (Клайпедскую) область, а Польша – все остальные земли. 19 марта президент Литвы Антанас Сметона безоговорочно принял ультиматум и отказался от прав Литвы на Виленскую область в пользу Польши <...> 2 ноября 1938 г. в пока еще существующей, но уже весьма призрачно независимой Чехословакии странную автономию получила Подкарпатская Украина. Явно провокационная акция дала возможность Чемберлену и Даладье надеяться, что дальнейшие агрессивные устремления Германии окажутся направленными на СССР. Уже 24 ноября британский премьер с нескрываемой заинтересованностью заявил французскому коллеге: “У германского правительства может иметься мысль о том, чтобы начать расчленение России путем поддержки агитации за независимость Украины”» [18, с. 16].

Правда, после захвата Богемии и Моравии вермахтом и оккупации Подкарпатской Руси Венгрией 15 марта 1939 г. слухи о «гитлеровской войне против Советской Украины» временно прекратились, однако угроза войны против СССР в Прибалтике усилилась после вступления немецких войск в Мемель (Клайпеду) 23 марта 1939 г. [47, с. 230–241]. Таким образом, наиболее возможным очагом разжигания германо-советской войны без двустороннего конфликта между Польшей и Германией тогда стала Прибалтика [52, р. 483–487]. Суть стратегии И.В. Сталина против заговоров западных стран и Оси заключалась в предотвращении «косвенной агрессии» к изолированному СССР от Германии или Польши через территорию капитулировавших прибалтийских стран в направлении Литвы – Латвии – Эстонии –

Финляндии (т.е. «прибалтийский коридор»), а также в борьбе за свободную военную маневренность в ходе Второй мировой войны без изолированного оборонительного положения [29; 30, с. 101–106, 578–695; 31, с. 39–40, 225–226, 405–406, 563–615].

Хотя Ю.Н. Жуков в целом положительно оценивал стратегию И.В. Сталина в 1938–1939 г., он писал: «На XVIII съезде открыто, во всеуслышание о реальной боеготовности СССР не говорили, хотя по утверждению Сталина война уже началась, лишь пока не приобрела всеобщего, мирового характера» [18, с. 36]. С нашей точки зрения, И.В. Сталин был давно знаком с конспиративными попытками Великобритании, Франции и США использовать политику «попустительства» и «косвенной агрессии» против СССР. В докладе Председателя Совета народных комиссаров СССР на торжественном заседании Моссовета от 6 ноября 1938 г. (накануне 21-летней годовщины Октябрьской революции) И.В. Сталин открыто говорил: «Советский Союз не участвовал и не мог участвовать в сговоре империалистов фашистских и так называемых демократических правительств за счет Чехословакии <...>. Французское же и английское правительства пожертвовали не только Чехословакией, но и своими интересами ради сговора с агрессором <...>. Советский Союз не дал себя запугать угрозами со стороны фашистских стран. <...> Как события у Хасана, так и события вокруг судеб Чехословакии имеют прямое отношение к вопросу о второй мировой войне, над раздуванием которой “работают” поджигатели войны – фашисты Германии, Японии, Италии <...>. События, связанные с Чехословакией, создали обстановку военной лихорадки во всей Европе <...>. Сговор фашистских правительств с правительствами “демократических” стран отнюдь не ослабил опасности разжигания второй империалистической войны, а напротив, подлил масла в огонь» [10, с. 695–697; 12, с. 253–256].

10 марта 1939 г. на XVIII съезде партии в отчетном докладе о работе ЦК ВКП (б) (перед вторжением гитлеровской Германии в Чехословакию) И.В. Сталин повторно подчеркивал: «Чем же объяснить в таком случае систематические уступки этих государств агрессорам? <...> Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде всего, Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию “нейтралитета” <...>. Политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны – следовательно, превращение ее в мировую войну <...>. СССР не мог пройти мимо этих грозных событий. Несомнен-

но, что всякая, даже небольшая война, начатая агрессорами где-либо в отдаленном уголке мира, представляет опасность для миролюбивых стран. Тем более серьезную опасность представляет новая империалистическая война <...>. Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, <...> мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами <...>. Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность советских границ» [46, с. 609–613].

Итак, после того, как переговоры и дипломатические игры с Англией и Францией в апреле 1939 г. закончились неудачей для СССР и заменой наркома НКВД СССР М.М. Литвинова В.М. Молотовым [20, с. 752–774], в начале мая 1939 г. В.М. Молотов занял активную позицию в продолжительной борьбе с британскими, французскими и даже немецкими дипломатами полностью в рамках стратегии И.В. Сталина [19, с. 676–680]. Об этом Ю.Н. Жуков упоминает в своей книге: «Такой поворот в заочных, пока еще только в виде обмена посланиями “переговорах”, точнее – отсутствие новизны в позиции западных демократий, вынудил Молотова предпринять более решительные действия» [18, с. 41–42]. Таким образом, именно в переговорах с англичанами и французами В.М. Молотов неоднократно давал контрпредложения для предотвращения «косвенной агрессии» и получения необходимой гарантии прибалтийских стран [19, с. 681–684; 20, с. 775–784; 53, р. 230, 232–233, 375–378, 422–426, 456–460].

К середине июля англо-франко-советские переговоры зашли в тупик из-за отказа Великобритании признать агрессию гитлеровской Германии в Чехословакии с опорой на политику «подстрекательства» Великобритании, что привело к разрушению базовой коллективной безопасности по пактам о взаимопомощи между Францией, СССР и Чехословакией. В ходе московской военной конференции в августе 1939 г. вопросы о проходе советских войск через территорию Польши и Румынии в войне с Германией, поднимаемые главой советской военной миссии маршалом Советского Союза К.Е. Ворошиловым перед главами англо-французских миссий адмиралом Р. Драксом и генералом Ж. Думенком, были тесно связаны с «законностью» и «справедливостью» в подавлении «косвенной агрессии» путем военной операции за границей [6, с. 73–76, 79–80; 13, с. 230–239; 14, с. 127–136; 35, л. 49–65], особенно при продолжительном «невмешательстве» Великобритании и Франции и их отказе от участия в войне против Германии [35, л. 31–50], как было при Мюнхенском сговоре. Еще до

разжигания чехословацких кризисов, в апреле 1938 г. Н. Чемберлен и Э. Галифакс уже прекрасно знали, что РККА не могла оказать Чехословакии военной поддержки, так как политика антисоветских режимов Польши и Румынии была направлена на предотвращение военно-политического вмешательства СССР в Центральной и Восточной Европе. Если бы Советский Союз все же решил послать войска через территорию Польши и Румынии хотя бы с целью отражения немецкого вторжения, Советский Союз сам стал бы «агрессором» [36, с. 22–23; 37, с. 68–69]. Поэтому в разработке советского военно-стратегического проекта для переговоров с англо-французской делегацией И.В. Сталин лично сделал отметки на черновиках, чтобы в военный период СССР не только имел свободную и законную маневренность в боях с вермахтом на территориях Польши, Румынии, в Прибалтике и на базах прибалтийских островов, но и получал поддержку от Англии и Франции в совместных операциях морского флота [11, с. 573–578, 582; 35, л. 3–20].

Из-за антисоветской позиции Великобритании и ее заговора с целью разжигания общей антисоветской войны московская военная конференция, а также англо-франко-советские переговоры в целом к концу августа стали бесплодными, особенно для англичан и французов [54, р. 558–560, 590–591]. Параллельно был заключен германо-советский пакт о ненападении от 23 августа И. фон Риббентропом и В.М. Молотовым в Москве [21, с. 3–7] и ратифицирован 31 августа В.М. Молотовым [21, с. 7–18; 23, с. 5–11]. Являясь предметом серьезных споров в советской, российской и зарубежной историографии, германо-советский пакт часто считается триумфом внешней политики СССР в прорыве дипломатической изоляции [4; 5], либо в западноевропейской литературе – «позором сообщника» гитлеровской Германии и толчком к разжиганию Второй мировой войны [50, р. 203–302; 58, р. 1–62; 59, р. 22–142; 60, р. 1–63]. О значении германо-советского пакта Ю.Н. Жуков писал, что тогда СССР имел различные альтернативы в выборе сторон для подписания договора [18, с. 47–50]. Однако данная точка зрения не вполне соотносится с реальной историей и стратегией И.В. Сталина, а тем более, договор с Великобританией и Францией. Кроме того, Ю.Н. Жуков уделял сравнительно мало внимания отказу СССР от попытки гитлеровской Германии возобновить экономические переговоры с какой-либо целью «нейтрализации» СССР еще в конце 1938 – начале 1939 гг. (пока Германия еще не оккупировала Богемию и Моравию), а также истиной антигитлеровской тактике этого пакта для ликвидации всех возможностей объеди-

нения коалиций западных империалистических держав и фашистских стран Оси под общим флагом «антисоветского крестового похода». [7, с. 184–185, 191–192, 199–201; 10, 668–673, 679–680, 688–689, 746].

Вышеупомянутые факторы четко показывают, что в стратегии И.В. Сталина заключение какого-либо договора с гитлеровской Германией оказывалось разумным и справедливым лишь тогда, когда Великобритания, Франция и США отклонили все предложения СССР о создании военно-политического фронта против фашистско-германской агрессии. Более того, ни дипломатические контакты, ни «сближение» Германии и СССР не были секретом для Великобритании, а наоборот, они давно использовались ею для обвинения СССР вместе с Третьим Рейхом в «разжигании мировой войны против Запада». Согласно британским архивным документам и материалам, в записях заседаний Кабинета и дипломатической переписке Форин-Офиса достаточно много обсуждались возможности германо-советского сближения. Н. Чемберлен, Э. Галифакс считали, что ложные и мошеннические переговоры с СССР вполне могли задушить эту тенденцию до начала новой экспансии Германии и масштабной войны между Японией и СССР. По протоколу секретного заседания 1939 г. Военного Офиса Великобритании, английские высшие военачальники поняли необходимость во что бы то ни стало заключить военно-политический пакт с Советской Россией до начала вторжения Японии на Советскую Россию и вступления Германии в войну против СССР [9, с. 95–100; 55, с. 12–17]. Нам представляется, что неудивительно, что чемберленовские политические элиты не вручили Р. Драксу документа о праве ведения переговоров и подписания военной конвенции, и даже в инструкции для англо-французской военной миссии четко приказали, чтобы Р. Дракс и Ж. Думенк как можно дольше затягивали переговоры неважными деталями и ни в коем случае не обсуждали конкретных военных вопросов по поводу Польши, Румынии и Прибалтики [56, с. 16–17].

Стоит отметить, что после начала Великой Отечественной войны И.В. Сталин в радиовыступлении от 3 июля 1941 г. открыто, но намеком говорил: «Что выиграла мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии. Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока,

но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора» [45, с. 9–10].

Как упоминалось в книге «Фальсификаторы истории (историческая справка)»: «Было бы грубой клеветой утверждать, что заключение пакта с гитлеровцами входило в план внешней политики СССР. Наоборот, СССР все время стремился к тому, чтобы иметь соглашение с западными неагрессивными государствами против немецко-итальянских агрессоров в целях осуществления коллективной безопасности на началах равенства. Но соглашение есть обоюдный акт. Если СССР добивался соглашения о борьбе с агрессией, то Англия и Франция систематически отвергали его, предпочитая вести политику изоляции СССР, политику уступок агрессорам, политику направления агрессии на Восток, против СССР. Соединенные Штаты Америки не только не противодействовали такой пагубной политике, а, наоборот, всячески поддерживали ее <...>. Конечно, фальсификаторы истории и прочие реакционеры недовольны тем, что Советскому Союзу удалось умело использовать советско-немецкий пакт в целях укрепления своей обороны, что ему удалось раздвинуть свои границы далеко на запад и преградить путь беспрепятственному продвижению немецкой агрессии на Восток, что гитлеровским войскам пришлось начать свое наступление на Восток не с линии Нарва – Минск – Киев, а с линии, проходившей на сотни километров западнее, что СССР не истек кровью в Отечественной войне, а вышел из войны победителем» [48, с. 53–55].

Ю.Н. Жуков замечал один чрезвычайно важный нюанс, часто игнорировавшийся историками, что «Советскому руководству удалось разрешить сразу две самые острые для тех дней проблемы – обезопасить страну не только на западе, но и на востоке. 30 августа японские войска прекратили боевые действия, а 15 сентября примирение на Халхин-Голе было зафиксировано подписанием соответствующего соглашения. Однако трагическое развитие событий в Европе продолжало делать вопросы внешней политики первоочередными, вытесняющими все остальные» [18, с. 50].

Рассекреченные трофейные документы показывают, что 22 августа гитлеровская Германия уже была полностью готова напасть на Польшу молниеносной операцией [49, л. 69–76, 78–79, 84–85]. Важнейшее военно-политическое значение германо-советского пакта как успеха стратегии И.В. Сталина не просто заключалось в выигрыше стратегического времени и защите советского государства от новой империалистической агрессии при международной изоляции, но

и в тактическом урегулировании более-менее «законных» отношений с агрессором в рамках пакта после полного распада версальского империалистического международного порядка, во временном лишении повода Германии к вторжению в СССР под антикоминтерновским флагом. Такой исторический опыт оказывается актуальным для России в сегодняшней ожесточенной военно-политической и дипломатической борьбе против агрессии стран НАТО.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 18. Д. 27.
2. АВП РФ. Ф. 69 (Референтура по Англии). Оп. 26. Д. 17.
3. АВП РФ. Ф. 69. Оп. 29. Д. 14.
4. *Волков Ф.Д.* СССР – Англия (1929–1945 гг.): англо-советские отношения накануне и в период Второй Мировой войны. М.: Международные отношения, 1964. 559 с.
5. *Волков Ф.Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980. 462 с.
6. *Ворошилов К.Е.* Красная Армия на защите Социалистической Родины. М.: Воениздат, 1939. 86 с.
7. Год кризиса 1938–1939 гг. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1: 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. М.: Политиздат, 1990. 554 с.
8. Год кризиса 1938–1939 гг. Документы и материалы: в 2 т. Т. 2: 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. М.: Политиздат, 1990. 430 с.
9. Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы / публ., вступ. ст. и коммент. А.Г. Фесюна. СПб.; М.: Летний сад, 2000. 192 с.
10. Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 21: 1 января – 31 декабря 1938 г. / под ред. А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1977. 791 с.
11. Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 22, кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г. / под ред. А.А. Громыко. М.: Международные отношения, 1992. 708 с.
12. Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг.: в 2 т. Т. 1: ноябрь 1937 г. – декабрь 1938 г. М.: Политиздат, 1981. 302 с.
13. Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг.: в 2 т. Т. 2: Январь – август 1939 г. М.: Политиздат, 1981. 415 с.
14. Документы и материалы по истории Советско-польских отношений. Т. 7 (1939–1943 гг.) / под ред. И.А. Хренова, Т. Цесляк, Э. Басиньского и др. М.: Наука, 1973. 510 с.
15. *Жуков Ю.Н.* Гордиться, а не каяться! Правда о Сталинской эпохе. М.: Эксмо-Яуза, 2011. 254.
16. *Жуков Ю.Н.* Иной Сталин. М.: Вагриус, 2005. 512 с.
17. *Жуков Ю.Н.* Сталин: арктический щит. М.: Вагриус, 2008. 545 с.
18. *Жуков Ю.Н.* Сталин: Тайны власти. М.: Вагриус, 2005. 721 с.

19. История дипломатии: в 3 т. Т. 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / под ред. В.П. Потемкина и др. М., Л.: ОГИЗ Госполитиздат, 1945. 865 с.
20. История дипломатии: в 5 т. Т. 3: Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы / под ред. В.А. Зорина. М.: Госполитиздат, 1965. 831 с.
21. Международное положение и внешняя политика СССР. Сборник документов и материалов. М.: Госвоениздат НКО СССР, 1939. 207 с.
22. *Мельтохов М.И.* Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М.: Алгоритм, 2015. 618 с.
23. *Молотов В.М.* О ратификации советско-германского договора о ненападении // Военно-исторический журнал. 1939. № 2 (2). С. 5–11.
24. *Наумов А.О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй Мировой войны. История кризиса Версальской системы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 416 с.
25. *Никонов А.М., Жигур Я.М.* Подготовка войны против СССР. М.; Л.: Госиздат, Отдел военной литературы, 1929. 223 с.
26. *Ольшанский П.Н.* Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 гг.). М.: Наука, 1969. 261 с.
27. *Орлов А.С.* Сталин: в преддверии войны. М.: изд. Эксмо-Алгоритм, 2003. 415 с.
28. *Панкратова М., Сипол В.Я.* Почему не удалось предотвратить войну: Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 г. (Документальный обзор). М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1970. 125 с.
29. Пограничные войска СССР 1918–1928: сборник документов и материалов / сост. Е.Д. Соловьев, А.И. Чугунов, Е.В. Сахарова и др. М.: Наука, 1973. 927 с.
30. Пограничные войска СССР. 1929–1938: сборник документов и материалов / сост. П.А. Иванчишин, А.И. Чугунов. М.: Наука, 1972. 775 с.
31. Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941: сборник документов и материалов / сост. Е.В. Цыбульский, А.И. Чугунов, А.И. Юхт. М.: Наука, 1970. 814 с.
32. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39352. Оп. 1. Д. 19.
33. РГВА. Ф. 39352. Оп. 1, Д. 61.
34. РГВА. Ф. 39352. Оп. 1, Д. 82.
35. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 220.
36. *Рыжиков В.А.* Советско-английские отношения: 1917–1977 гг. М.: Знание, 1977. 64 с.
37. *Рыжиков В.А.* Советско-английские отношения: основные этапы истории. М.: Международные отношения, 1987. 280 с.
38. *Сейерс М., Кан А.* Тайная война против Советской России / пер. с англ. А. Гуровича, Е. Калашниковой и др. М.: Госиздат. иностранной литературы, 1947. 456 с.

39. Симонова Т.М. Стратегические замыслы начальника польского государства Юзефа Пилсудского. Прометеизм во внешней политике Польши в 1919–1923 гг. // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 42–48.

40. Сиполс В.Я. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918–1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1959. 224 с.

41. Сиполс В.Я. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919–1940 гг. Рига: Лиесма, 1968. 348 с.

42. Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. 1933–1935 гг. М.: Наука, 1980. 391 с.

43. Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939 гг. М.: Наука, 1987. 335 с.

44. Секреты польской политики 1935–1945 гг. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации / под ред. Л.Ф. Соцкова. М.: РИПОЛ Классик, 2010. 512 с.

45. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 4-е изд. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1944. 159 с.

46. Сталин И.В. Вопросы Ленинизма. 11-е изд. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1953. 612 с.

47. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 гг.). Документы и материалы. М.: Политиздат, 1971. 736 с.

48. Фальсификаторы истории (историческая справка). М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1948. 79 с.

49. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 500. Оп. 12450. Д. 23.

50. Bell P. M.H. The origins of the Second World war in Europe. L., NY.: Longman, 1986. 336 p.

51. Documents on British foreign policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 4. E.L. Woodward, R. Butler (eds.). L.: Her Majesty's stationery office, 1951. LXXIV, 647 p.

52. Documents on British foreign policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 5. E.L. Woodward, R. Butler (eds.). L.: Her Majesty's stationery office, 1952. LXXXVII, 818 p.

53. Documents on British foreign policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 6. E.L. Woodward, R. Butler (eds.). L.: Her Majesty's stationery office, 1953. XCII, 789 p.

54. Documents on British foreign policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 7. E.L. Woodward, R. Butler (eds.). L.: Her Majesty's stationery office, 1954. CIII, 633 p.

55. National Archives London (NA). CAB 23/99/9. CC 30 (39).

56. NA. War Office 106/5860. MO 1 (a). No. 26. F. 16–17.

57. Parliamentary papers. 1939 // UK Parliament. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1939/> (дата обращения: 20.05.2023).

58. Roberts G. Stalin's Wars: From World war to Cold war, 1939–1953. New Haven & L.: Yale University Press, 2006. 496 p.

59. Topitsch E. Stalin's war. A radical new theory of the origins of the Second World war, translated by A. and B.E. Taylor, NY.: St. Martin's Press, 1987. 152 p.

60. Vizulis I. The Molotov–Ribbentrop pact of 1939: The Baltic case. NY., Westport, Connecticut, L.: Praeger, 1988. 182 p.

Вопросы организации промысловой кооперацией г. Москвы выполнения военных заказов (1941 – начало 1942 гг.)

Аннотация. В отечественной историографии применительно к изучению экономической составляющей Победы в Великой Отечественной войне исключительное место занимало и продолжает занимать государство и его институты. Изучение такого института, как промысловая кооперация, полноценно начавшееся после т.н. архивной революции, позволило расширить представления о составляющих фундамента, обеспечивавшего фронт и тыл всем необходимым для Победы. В данной статье дается обзор основных вопросов функционирования системы промысловой кооперации г. Москвы в деле удовлетворения нужд фронта с начала Великой Отечественной войны до рубежа 1941–1942 гг. Впервые вовлекается в научный оборот документация из фонда Управления промысловой кооперации по г. Москве. Ее привлечение к исследованию позволяет сделать первый шаг к изучению явления промысловых артелей в системе промышленности столицы в военный период, в том числе с применением методов статистического анализа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; промысловая кооперация; промсоюз; артель; тыл; специзделия; спецпродукция.

Issues of organization of the industrial cooperation of Moscow to the fulfilling of military orders (1941 – beginning of 1942)

Abstract. In Russian historiography, in relation to the study of the economic component of the Victory in the Great Patriotic War, the state and its institutions have occupied an exceptional place. The study of such an institution as industrial cooperation, which began fully after the archival revolution, made it possible to expand the understanding of the components of the foundation that provided the front and rear with everything necessary for the Victory. The article provides an overview of the main issues of the functioning of the system of industrial cooperation in Moscow to fulfill the needs of the front from the beginning of the Great Patriotic War to the turn of 1941–1942. For the first time, documentation from the fund of the Department of Trade Cooperation in Moscow is introduced for scientific use. Its involvement in the study makes it possible to take the first step towards studying the phenomenon of industrial

¹ **Артур Равилович Хуснулин** – магистрант 2-го курса исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: komrad.camensky@yandex.ru
Artur R. Khusnulin – Master's student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

artels in the industrial system of the capital during the war period, including using the methods of statistical analysis.

Keywords: Great Patriotic War; industrial cooperation; industrial union; artel; rear; special items; special products.

В 80-ю годовщину коренного перелома в Великой Отечественной войне наша страна вступает с солидным багажом знаний и внушительным количеством исследований, посвященных одной из наиболее трагических, но в то же время и наиболее героических страниц российской истории. Тем не менее, в деле ее изучения остаются неисследованные сюжеты, которые новым поколениям историков предстоит открыть для науки и образования. Среди прочих, к таким относится, на наш взгляд, и деятельность промышленной кооперации в Великую Отечественную войну.

В советский период промкооперация — говорим с определенной долей уверенности — оставалась в тени государственной промышленности, причем данная проблема актуальна как применительно к кооперативной истории в целом, так и к ее военному периоду существования. Самой первой работой, посвященной промкооперации в годы войны, стала монография Т. Селиванова [9], руководившего отделом местной промышленности и промкооперации Мосгорисполкома, однако она не может удовлетворить наш научный интерес, поскольку в большей степени посвящена государственной местной промышленности, а также не дает никаких статистических данных по военным товарам. Схожая ситуация имеет место как в известной работе Института экономики АН СССР, посвященной истории советского экономического развития [5], так и в капитальной работе по истории Москвы в Великую Отечественную войну и послевоенный период [4].

Постсоветская историография промышленной кооперации представлена на сегодняшний день довольно большим количеством работ в виде как монографий, так и статей, посвященных в том числе и истории данного института в военные годы. Из совокупности имеющихся трудов следует, на наш взгляд, особняком отметить монографию А.А. Пасса [7], посвященную промкооперации Урала с 1939 по 1945 г., в которой исследователь подверг анализу как выполнение артелями заданий по выпуску военной продукции, так и структурные особенности ее функционирования на примере Урала; кроме того, уделил внимание общественно-политической составляющей работы промартелей.

Тем не менее, несмотря на обилие работ по промысловой кооперации других регионов, нам не удалось обнаружить специализированных исследований, посвященных промартелям Москвы в годы Великой Отечественной войны. Этот факт и побудил нас взяться за изучение данной темы.

Используемая в исследовании источниковая база сформирована на основании структурно-иерархических особенностей функционирования промкооперации. Ее деятельность после преобразований, проведенных в январе 1941 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) [8, С. 8], руководилась Управлениями промысловой кооперации (далее – УПК) при СНК союзных республик, а также органами исполнительной власти субъектов союзных республик – в случае с Москвой, имевшей с 1934 г. статус субъекта союзного значения, этим органом был отдел местной промышленности и промысловой кооперации Мосгорисполкома, созданный решением Исполкома Мосгорсовета № 6/10 от 10 февраля 1941 г. [10, л. 1]. Что примечательно: несмотря на то, что, согласно упомянутому выше нормативно-правовому акту, отделу местной промышленности и промкооперации вменялось вести деятельность по планированию, руководству и контролю за деятельностью предприятий как собственно местпрома, так и промкооперации, в отчетной документации данного ведомства большая часть бухгалтерских отчетов посвящена деятельности именно местной промышленности – по районным трестам и предприятиям местпрома; отчеты же промысловых артелей представлялись в УПК при СНК РСФСР; некоторая информация о результатах деятельности промкооперации направлялась в Московскую городскую плановую комиссию (далее – Мосгорплан), что позволяет сделать вывод о сохранении централизованных начал в вопросах организации работы кооператоров.

С началом Великой Отечественной войны, когда особняком встал вопрос о привлечении артелей промкооперации к выпуску продукции для нужд фронта, в целях упрощения координирования работы промартелей и органов исполнительной власти в рамках УПК был создан институт уполномоченных УПК при СНК РСФСР по субъектам. Должность уполномоченного по г. Москве занял чиновник промкооперации И.П. Процеров, бывший одновременно председателем Президиума Мосгорпромсовета [11, л. 5] – имеющейся документации, к сожалению, не хватает для восстановления биографии данного человека. Для улучшенной координации в деле выполнения

спецзаказов при уполномоченном УПК также был создан т.н. Военный отдел со своим штатом [11, л. 43].

Вышеизложенное обосновывает необходимость использования в качестве источников информации о промкооперации документов из фондов Государственного архива РФ – в первую очередь, речь идет о фонде А-395, в котором отложились документы УПК при СНК РСФСР, – а также фонда Р-417 – УПК при СНК РСФСР по г. Москве – Центрального архива г. Москвы. Следует, впрочем, отметить, что последний большей частью по сей день находится на секретном хранении; согласно описи данного фонда, в 2019 г. было опубликовано лишь 3 дела из 42. Поэтому настоящая работа ставит своей целью вовлечение в научный оборот имеющейся документации и положение начала изучению столичной промышленной кооперации применительно к Великой Отечественной войне. Временные же рамки исследования, заданные в названии работы, выбраны с учетом полноты сведений, предоставляемых рассекреченными делами – для проведения полноценного статистического анализа сведений, содержащихся в архивных источниках применительно к 1942–1944 гг., на наш взгляд, потребуется выполнение отдельной работы, которую было бы не вполне логично вплетать в повествование, которое мы будем вести далее. Таким образом, мы оставляем себе простор для будущих исследований.

На момент начала Великой Отечественной войны основной задачей промкооперации в СССР являлся выпуск товаров широкого потребления в интересах советского населения, о чем недвусмысленно указывалось в нормативно-правовых актах органов исполнительной и партийной власти довоенного периода. С началом боевых действий промкооперация, как показывает отчетная документация за 1941 г., продолжала заниматься выпуском товаров ширпотреба – она содержала в своем составе 380 промартелей [12, л. 2], сведенных в 15 промысловых союзов, отражавших их специализацию: кожсоюз, кожремсоюз, текстильгалсоюз, белшвейсоюз, химсоюз, трикотажсоюз, швейсоюз, швейремсоюз, бытсоюз, утильсоюз, древосоюз, культигрушсоюз, метпромсоюз, метизсоюз, метремсоюз [11, л. 1]. Интересно, что в отчетах по системе промкооперации, направлявшихся в УПК при СНК РСФСР, можно найти наименования некоторых других промсоюзов, которые не вошли в вышеупомянутый список – например, в отчете за 1942 г. можно найти артели т.н. печатьсоюза, а также транссоюза, т.е. транспортного. Заметим также, что в процессе работы с документами мы столкнулись с тем, что

в отчете за 1941 г., направленном в Управление промысловой кооперации, справки по Москве содержат в себе лишь 150 артелей² – вероятно, в суматохе боевых действий и эвакуационных мероприятий некоторые отчеты были утеряны, в результате чего мы не располагаем полной статистической информацией по артелям промкооперации в первый военный год, а также по некоторым из существовавших в данной системе промсоюзов.

В отчетной документации интересующий нас вид продукции, т.е. военный, чаще всего проходил под названиями «спецпродукция» и «специзделия» [2, л. 9, 64]. Контрольные цифры, являвшиеся плановыми показателями, и на которые артели ориентировались в деле выпуска военной продукции, формировались в недрах планово-экономического отдела УПК. Данные заказы формировались на основании заявок заказчиков, каждый из которых имел непосредственную связь с обеспечением фронта – речь идет о главных управлениях Наркомата обороны (например, Главное управление Военно-воздушных сил, УА ВМФ, ТУ ВМФ, ГАБТУ, Главное военно-санитарное управление, Вещевое управление НКО, Главное управление продснабжения и т.п.), Наркомате внутренних дел, а также различных предприятиях военной промышленности, промкооперации и т.д. Увязка заявок и распределение контрольных цифр по исполнителям в лице промсоюзов лежала на тех же планирующих органах УПК при СНК РСФСР. Интересно отметить, что бланки, предназначенные для написания отчетов, печатавшиеся с 1941 по 1944 гг., не имели графы, посвященной плановым показателям, спускавшимся сверху – однако, как уже было упомянуто ранее и как свидетельствует делопроизводственная документация, эти планы имели место.

Переход промкооперации на выполнение спецзаказов произошёл сразу после начала войны. Как написал об этом процессе в номере газеты «Известия» от 29 октября 1941 г. секретарь МГК ВКП(б) по местной промышленности и промкооперации Сазонов, «На прессах, где 2–3 месяца назад штамповали обыкновенную кухонную посуду, сейчас производят «карманную артиллерию» – гранаты, вместо канцелярских принадлежностей, кроватей, игрушек стали делать корпуса для мин, колючую проволоку, авиабомбы, лопаты, снаряды» [6, с. 242]. Однако данный процесс весьма болезненно отразился на состоянии ее артелей как по всей России, так

² Подсчитано по: [2].

и конкретно в столице. В справке об итогах работы промкооперации г. Москвы за июль-август 1941 г., направленной в Мосгорплан, руководство московской промышленной кооперации дает информацию о сложностях в деле приспособления под условия военного времени. Среди ключевых проблем, с которыми столкнулись артели в начале войны, называются: перевод наиболее квалифицированных рабочих на выполнение спецзаказов в ущерб производству ширпотреба, передача другой части опытных специалистов государственной промышленности, слияние артелей, изъятие помещений артелей под убежища и спецнужды и т.д. [12, л. 1] Перечисленные мероприятия вели к сокращению количества артелей: если в июле 1941 г. их было, как мы упоминали ранее, 380, то к началу августа их стало уже 285 единиц; из 95 сокращенных артелей 13 был ликвидированы, 4 – переданы под крыло государственной промышленности, объединены – 78 [12, л. 2].

Далее в документе приводится характеристика деятельности промсоюзов в новых условиях с точки зрения изменения конъюнктуры выпускаемой продукции. Полагаем полное перечисление их ненужным, поэтому ограничимся констатацией красноречивого факта: если во 2-м квартале 1941 г. удельный вес ширпотреба в общей валовой продукции составлял 67,2%, то к августу того же года он упал до 23% [12, л. 1]. Особенно болезненно структурные изменения отразились на положении дел в системе промартелей металлического профиля [12, л. 7], поскольку именно им поручались наиболее сложные спецзаказы, связанные с выпуском военной продукции.

Любопытно отметить, что в масштабах всей Российской Федерации изменения в конъюнктуре выпускаемых товаров не были столь значительными – статистика УПК при СНК РСФСР, представленная в Госплан РСФСР, свидетельствует, что по России удельный вес продукции ширпотреба от валового продукта в 1941 г. составил 73%, при том что в 1940 г. удельный вес этой же продукции составлял 77%. Таким образом, несмотря на «большое количество в системе специальных заданий во II-ой половине 1941 г., – пишется в отчете, – можно считать, что снижение выпуска товаров ширпотреба в целом за 1941 г. крайне незначительно» [12, л. 3–4]. Из этого можно сделать вывод, что промкооперации Москвы руководством страны и УПК России оказывалось особое доверие как наиболее производительной среди остальных.

Таблица 1

**Соотношение валовой продукции промкооперации к ширпотребу
в динамике за 2-й квартал и первые два месяца 3-го.**

	II кв.	Июль	Август
Выпуск продукции (валовой продукт, в тыс.руб.)	743 137	121 173	128 901
Ширпотреб (тыс.руб.)	499 558	38 483	29 860
Уд.вес ширпотреба (в %)	67,2	31,7	23,2

Составлено по: [12, л. 5].

Тем не менее, следует констатировать, что изменения в специализации промартелей Москвы неизбежно приводили к ломке устоявшегося порядка работы как со структурной, так и с материально-технической точки зрения, что негативным образом влияло на трудовой потенциал кооператоров.

Из почти трехсот артелей, существовавших на 1 января 1942 г., к выполнению спецзаданий привлекались не более нескольких десятков. По своей специализации они принадлежали к металлическим промсоюзам, однако требования, предъявлявшиеся советскому народному хозяйству в условиях военного времени, неизбежно расширяли конъюнктуру выпускаемой продукции, что предполагало привлечение к снабжению «военизированных» артелей представителей других специализаций.

Спецзаказы для нужд фронта, судя по документам, артелям стали поступать уже в первые месяцы войны. К сожалению, в нашем распоряжении нет статистических данных, которые могли бы продемонстрировать процесс выполнения данных заказов за тот период; однако таковые имеются применительно к 4-му кварталу 1941 г. и 1-му кварталу 1942 г. Например, в одном из отчетов за подписью уполномоченного Процорова, посвященных анализу выполнения плана по спецзаказам за 4-й квартал 1941 г. и по месяцам за 1942 г., указано, что уже во второй половине первого года войны промкооперация имела заказ на некоторую военную продукцию – речь шла о снарядах для 45-мм орудий, деталях к М-13³, гранатах РГД-33 и отдельных комплектующих к гранатам РПГ-40. Процент выполнения данных заказов составил 90%, 46,4%, 58,2% и 76,3% соответственно [11, л. 13].

³ Снаряды к реактивному миномету БМ-13, более известному как «Катюша».

Порой промкооперации давали заказы на выпуск довольно экзотических видов оружия — например, во исполнение постановления Секретариата МГК ВКП(б) № 107 от 23 января 1942 г. в рамках артели «Кооплаборхирургия» было налажено производство пистолетов к ранцевым огнеметам РОКС-3; первое же задание подразумевало их выпуск к концу февраля 1942 г. в числе 500 шт. [6, с. 250] В целях ускоренного производства данного снаряжения партийное руководство города обязало руководство ряда государственных и кооперативных предприятий «обеспечить поставку деталей к пистолету артели «Кооплаборхирургия» в количестве и в сроки, предусмотренные в подекадном графике» [6, с. 250]. К слову, эта же артель была основным в системе промкооперации г. Москвы поставщиком медицинского оборудования для нужд Главного военно-санитарного управления Красной армии — среди спецпродукции, что она выпускала, были: иглы Франка, иглы Рекорд, рефлекторы, фонендоскопы, ванны разных объемов, капельницы и др. [11, л. 77].

Промкооперация в это же время осваивала, кроме боеприпасов и частей оружия, выпуск элементов воинского обмундирования и снаряжения: шапок-ушанок, перчаток, телогреек, шаровар, нательного белья, маскировочных костюмов, плащ-палаток, армейской обуви, сумок патронных, ремней брючных и поясных, обмоток и т.п. [11, л. 6]. В документах приведены конкретные статистические данные, дающие представление о выполнении спецзаказов, и они, следует признать, демонстрируют печальную картину: за первый квартал план по производству боеприпасов из 14-ти товаров был выполнен только по 2-м — хотя по некоторым изделиям в деле выполнения спецзаданий имелась определенная положительная динамика: если в 1941 г. ручных гранат РГ-41 было сделано чуть более 21,5 тыс. шт., то в 1-м квартале 1942 г. уже 126,8 тыс. шт., т.е. процент выполнения нового заказа по сравнению с прежним составил целых 584,3%; схожая динамика имела место в деле выпуска лож для ППШ: 7,3 тыс. шт. в 1941 г. против 38,8 тыс. шт. при 467,4% выполнения [11, л. 6].

Своеобразно ситуация обстояла с выпуском обмундирования и снаряжения: из 14 категорий товаров выполнен заказ был лишь по 3. Крайнюю сложность в деле выполнения заданий по выпуску обмундирования и одежды демонстрируют следующие цифры: например, по итогам 4-го квартала 1941 г. обмоток было выпущено 425,3 тыс. пар, а к 1-му кварталу 1942 г. — 139,1 тыс. п. при плане в 450 тыс., что составило 32,7% от результатов 1941 г.; аналогичная ситуация сложилась с выпуском перчаток: 476,4 тыс. п. в 1941 г. против 191,2 тыс. п. — 40,1% [11, л. 6].

Таблица 2

**Некоторые артели, занимавшиеся на рубеже 1941–1942 гг.
выпуском спецпродукции для фронта**

	Наименование артели	Некоторые специзделия, выпускавшиеся предприятием
1.	«Армзавод № 1», «Кооппутиловец»	Снар.корп. 45-мм.
2.	«Машинострой»	Снар.корп.76-мм.
3.	«Металлосито», «Спайка», «Им. Буденного», «Кооппроводник», «Кр. Труженик»	Рукоятка РПГ-40
4.	«Автоштамп», «Металлопром», «Печать-штамп»	Корпус РПГ-40
5.	«Призыв»	Корпус авиабомбы осколочной АО-2,5
6.	«Стандартизатор»	Корпус мины МЗ
7.	«Котлоготпстрой»	Химические авиабомбы ХАБ-200
8.	«Радиофронт»	Ручн.гран. РГД-33
9.	«Весы»	Ручн.гран.РГ-41
10.	«Металлогалантерея»	Деталь № 26 к реактивным снарядам
11.	«Очковая оправа»	Детали к запалу гранат УЗРГ
12.	«Красный мебельщик»	Ложа для стрелк.оружия

Составлено по: [11, л. 94–98].

В целом, ситуация с выполнением спецзаказов выглядела удручающе: из 34 номенклатур производственный план на 1-й квартал 1942 г. был выполнен всего по 9. Согласно чиновникам промкооперации, главными причинами такой диспропорции являлись: плохая материально-техническая оснащенность артелей промкооперации, перебои с электричеством, поставками сырья, чертежей и т.п. Так, в объяснительной записке к сводке по выполнению плана 1-го квартала 1942 г. по спецзаданиям упоминались артели «Кооппутиловец» с простоем в поставках электроэнергии в 540 ч., «Армзавод» в 132 ч., «Призыв» – 497 ч., «8-й механический» – 366 ч., «Котлоготпстрой» – 614 ч.; некоторые же артели в течение продолжительного времени – до месяца – и вовсе пробыли без электричества [11, л. 3]. Красноречивым

является также пример артели «Металлопром», которая, как следует из документа, не выполнила план по производству свертной трубки «по причине неоднократного изменения чертежей». Конечный вариант данного изделия был принят в начале марта — речь, как мы помним, идет о 1-м квартале 1942 г., — но филиал артели, который должен был взять на себя данное производство, не выполнил свою задачу из-за отключения электроэнергии на срок до конца марта [11, л. 4].

Здесь следует отметить, что артели промкооперации, как свидетельствует отчетная документация, которую они предоставляли в УПК при СНК РСФСР, в массе своей были вынуждены приобретать электроэнергию со стороны — в случае с Москвой, а также рядом других регионов Промышленного Центра главным поставщиком ее для промкооперации была организация «Мосэнерго» [3, л. 136 об.], и работали промартели, таким образом, на чужом токе — в отчетах присутствует именно такая формулировка; некоторым из артелей удавалось вырабатывать электричество самостоятельно, однако таковых было абсолютное меньшинство. Объяснить причины перебоев с электричеством можно фактом принятия Исполкомом Моссовета 21 ноября 1941 г. постановления, посвященного вопросу об экономии электроэнергии — согласно ему, для всех учреждений и предприятий устанавливались свои лимиты расхода электроэнергии [4, с. 74]. В первую очередь, данный нормативно-правовой акт преследовал своей целью перераспределение сэкономленного электричества в пользу оборонных предприятий [4, с. 74], имевших куда большие производственные мощности, нежели которые могла себе позволить промкооперация. Таким образом, кооператоры сильно зависели в своей производственной деятельности от своевременных поставок электричества, и приводимые выше сведения подтверждают этот факт. Военное же время вносило свои коррективы и в эту сторону трудовой деятельности артелей.

Подытоживая изложенное выше, мы можем сделать вывод о том, что первый вызов в деле обеспечения фронта продукцией военного назначения, обрушившийся на нее на рубеже 1941—1942 гг., промкооперация выдержала с трудом, по большинству категорий товаров не сумев выполнить поставленные государством задачи.

* * *

Промысловая кооперация, специализация которой до начала Великой Отечественной заключалась в удовлетворении запросов советского населения на товары широкого потребления, фактически с первых дней войны включилась в процесс удовлетворения нужд фронта

и тыла в спецзаказах. Те из них, что касались непосредственно фронта, включали в себя боеприпасы, составные части вооружений, одежду и обмундирование для военнослужащих, элементы вспомогательного снаряжения. Ввиду особенностей материально-технического обеспечения артелей промкооперации, а также их относительно небольших размеров и невысоких производственных мощностей, данные предприятия занимались выпуском именно вспомогательных видов военной продукции.

Изучение статистики из отчетной документации, проходившей по линии промкооперации, позволяет сделать вывод о серьезных трудностях, сопутствовавших артелям в деле выполнения спецзаказов. Эти трудности заключались как в проблемах обеспечения кооперации необходимым сырьем и энергией, так и в отсутствии должной организации в работе государственной промышленности, от поставок сырья и научно-технической документации которой кооперация так зависела в вопросах выпуска некоторых наиболее сложных видов военной продукции.

Отчитываясь в июле 1948 г. об итогах деятельности промкооперации за годы войны, партийный чиновник из отдела местной промышленности и промкооперации МГК ВКП(б) Бруштейн писал о «систематическом перевыполнении» местной и кооперативной промышленностью производственных планов «как по валовой продукции, так и по утвержденной номенклатуре» [6, с. 308]. Как показало исследование, данная фраза, — по крайней мере, применительно к самому началу войны, — была явным преувеличением — выполнение спецзаданий артелями сопровождалось недоделами и срывами планов, вызванных трудностями в материально-техническом обеспечении системы промкооперации.

Впрочем, на основании изложенных ранее фактов многочисленных проблем, имевших место в трудовой деятельности промкооперации, было бы неверно преуменьшать ее вклад в дело решения сложнейших задач обеспечения фронта — кооператоры делали все, что от них зависело, во имя победы своей Родины над врагом.

По итогам проведенной работы приходится констатировать, что для воссоздания целостной картины функционирования столичной промкооперации в военные годы необходимо довести исследование до конца с хронологической точки зрения, т.е. изучить документацию Архива г. Москвы применительно к периоду коренного перелома и окончания Великой Отечественной войны, подвергнуть все имеющиеся статистические данные анализу с применением соответствующего

программного обеспечения, что позволит значительно повысить качество работы со статистическими показателями, а также выявить удельный вес специзделий в валовой продукции каждой артели. Надеемся, что результаты данной работы не заставят себя ждать.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-262. Оп. 1. Д. 2184.
2. ГАРФ. Ф. А-395. Оп. 1. Д. 477.
3. ГАРФ. Ф. А-395. Оп. 1. Д. 930.
4. История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. 1941–1965. М.: Наука, 1967. 566 с.
5. История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. V. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). М.: Наука, 1978. 562 с.
6. Москва – фронту. 1941–1945: Сборник док. и мат. / отв. ред. С.М. Кляцкин. М.: Наука, 1966. 411 с.
7. Пасс А.А. «Другая» экономика: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939–1945 годах. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. 235 с.
8. Промысловая кооперация. Сборник важнейших постановлений о промышленной кооперации / сост.: И.А. Селицкий и В.С. Оголевец. М.: КОИЗ, 1949. 340 с.
9. Селиванов Т. Местная промышленность и промкооперация в условиях Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1943. 64 с.
10. Центральный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 1.
11. ЦГА Москвы. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 8.
12. ЦГА Москвы. Ф. Р-2872. Оп. 1. Д. 62.

Восприятие врага жителями оккупированных деревень Калужской и Смоленской областей (на материале устных нарративов о Великой Отечественной войне)

Аннотация. В статье анализируется образ врага в воспоминаниях жителей оккупированных деревень Калужской и Смоленской областей о военном времени. Речь идет не только о злодеяниях карательных отрядов, наглом и бесцеремонном поведении захватчика, распоряжавшегося имуществом крестьян как своим, но и о редком проявлении врагом человеческого сочувствия по отношению к некоторым людям. Интересны ожидания детей и молодежи, представлявших после рассказов взрослых о зверствах врага настоящее чудовище, а видевших таких же, как они, людей при первой встрече. Кроме того, зачастую жители отличали поведение немцев и их союзников, отмечали жестокость венгров, финнов. Говорили и о жестокости желавших выслужиться и сводивших личные счеты предателей из числа советских граждан. В нарративах показано изменение отношения к врагам в зависимости от этапа войны и поведения оккупантов. Рассказчики сопоставляют действия захватчиков в их деревне и в других населенных пунктах, выделяют «своих» (квартировавшихся у них) немцев.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; устные рассказы; образ врага; оккупация; Смоленская область; Калужская область.

Perception of the enemy by residents of the occupied villages of Kaluga and Smolensk regions (based on oral narratives about the Great Patriotic War)

Abstract. The article analyzes the image of the enemy in the memories of the inhabitants of the occupied villages of the Kaluga and Smolensk regions. We are talking not only about the atrocities of the punitive detachments, the impudent and unceremonious behavior of the invader, who disposed of the property of the peasants as his own, but also about the enemy's rare manifestation of human sympathy towards some people. Interesting are the expectations of children and youth, who, after the stories of adults about the atrocities of the enemy, represented a real monster, and who saw people like them at the first

¹ **Александра Федоровна Лицарева** – соискатель, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, педагог-организатор, ГБПОУ Колледж «Царицыно», заведующий музеем «Имен связующая нить» (Москва, Россия), e-mail: alya-alya@yandex.ru
Alexandra F. Litsareva – external PhD student, Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University, teacher-organizer of the State Budgetary Professional Educational Institution College “Tsaritsyno”, head of the museum “The Connecting Thread of Names” (Moscow, Russia).

meeting with the enemy. In addition, residents often distinguished the behavior of the Germans and their allies, noted the cruelty of the Hungarians and Finns. They also talked about the cruelty of traitors from among Soviet citizens who wanted to curry favor and settle personal scores. The narratives show a change in attitude towards enemies depending on the stage of the war and the behavior of the occupiers. The narrators compare the actions of the invaders in their village and in other settlements, single out “their own” Germans (who lodged with them).

Keywords: Great Patriotic War; oral stories; the image of the enemy; occupation; Smolensk region; Kaluga region.

Важность записи устных рассказов о войне понимали с ее первых дней. Особо следует отметить деятельность в 1941–1946 гг. Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР под руководством академика И.И. Минца. В наши дни устные рассказы интересуют представителей разных областей: от историков и социологов до фольклористов и психологов. Среди наиболее известных сборников устных рассказов, в которых отражен и образ врага, можно назвать книги под редакцией С.И. Минц [5], А.В. Гончаровой [2], В.Н. Бекетовой [10].

Известно, что отношение к врагу у советских граждан менялось на протяжении войны. Изначально враг вызывал, прежде всего, праведный гнев у воинов и страх у мирных жителей. Это настроение отражено, в частности, в стихотворении К.М. Симонова «Убей его (Если дорог тебе твой дом)». В то же время у верящих в скорое окончание войны и еще не столкнувшихся с врагом лично людей сама война и враг порой вызывали «скорее недоумение, нежели страх или ярость» [8].

Записано немало устных рассказов (в частности, хранящихся в архиве кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ) о сочувственном (христианском) отношении к побежденному врагу со стороны тех, у кого он отнял родных и близких. Он словно перестает быть врагом, поскольку уже не опасен.

Материалом данного исследования стала рукопись фольклориста Л.Ф. Мирониной, составителя основной части материалов сборника «Из первых уст: Великая Отечественная война глазами очевидцев» [3], сделавшей в разные годы данные записи и их расшифровки. Речь идет о *войне в памяти русских крестьян* (именно такое первоначальное название рукописи), проживавших в деревнях на оккупированной территории Калужской и Смоленской областей (в их современных границах). Как мы узнаем из вступительной статьи составителя, эти воспоминания записаны от женщин и детей, в годы войны переживших оккупацию, угнанных немцами в Рославльский концлагерь, Бе-

лоруссию или Германию. Составитель отмечает, что «часто между женщинами, детьми – и немцами-оккупантами сами собой складывались не только хозяйственные, бытовые, но и человеческие отношения» [6]. В деревнях Калужской области в рамках фольклорных экспедиций филологического факультета МГУ (в т.ч. под руководством Л.Ф. Миронихиной) записаны воспоминания о том, что немцы не знали, как жить в русской деревне, в частности, не умели топить печь, что нередко становилось причиной пожаров. Не умели они быстро резать кур или крупный рогатый скот, могли гоняться за покалеченной, но не добытой ими жертвой. Интересны рассказы, связанные с первым восприятием врага-оккупанта. Так, есть ряд воспоминаний, согласно которым, врагов до их появления представляли как бесов, с рогами и копытами (в основном – в детской среде), буквально понимая слово «нелюди», очень удивлялись, видя перед собой людей, но с другим поведением и говорящих на другом языке. Поражало очевидцев обилие техники, в т.ч. мотоциклов. Удивляло и наличие человеческих качеств у чужаков:

«Деверь зимой наловил “у пленку” снегирей: на доску с кониного хвоста петельку делали, и насыпают льняное семя. Раньше ребята все так ловили “у пленку”. Три штуки было снегирей. Красивые, распевают там сидят, на жердочке. Он и клетку сделал. Сплел сетку, на колышки натянул, на стол поставил. А девки еще маленькие были. Целыми днями коло этих птиц сидели.

Как-то поздно вечером, я только печку в зале протопила, собираюсь спать. Вдруг машина заурчала, фары по окнам... Немцы! Заскочили в хату, трясутся: холодно, мороз был под тридцать. Сразу печку облепили. Потом на стол в кухне разложили свои бумажки, у них все в бумаге было, даже хлеб. Стали шнапс свой пить, перекусывали.

Девки на печку попрятались. А я с ими разговариваю, а у самой душа не на месте. А двое, как увидели этих снегирей, даже есть не стали. Сели у клетки – смеются, радуются. Один так похож на одного нашего мужика с соседней деревни. Надо ж, думаю, они тоже, пожалуй, что и люди»².

В рукопись Любовью Федоровной Миронихиной отобраны 24 глубинных интервью, многие записи велись на протяжении более десяти лет во время бесед с одним и тем же информантом. 25 информантов, из них 2 мужчин, в годы войны были подростками/молодыми людьми

² Герлок Фекла Ивановна, дев. Купренкова, 1910 г., род. в д. Романовка Жиздринского уезда Калужской обл. Запись летом 1987–1990 гг. в д. Мамоновка Куйбышевского р-на Калужской обл.

примерно одного возраста, в их числе — молодые, рано выданные замуж женщины, бездетные на тот момент.

Безоружные женщины и дети не могли силой противостоять наглому, чувствующему себя хозяином, врагу. Поэтому они верили в победу советского народа, терпели несправедливость, унижения, старались перехитрить, обмануть врага (переодеть девушек старухами, спрятать похожих на евреев детей и рожденных от партизан младенцев с роженицами в подпол, увести в лес корову и проч.). Также жителям оккупированных территорий приходилось взаимодействовать с врагом, отсюда в числе прочего — попытки выучить немецкий язык.

Враг ощущал себя хозяином завоеванной территории и без зазрения совести грабил, убивал, подвергал побоям и насилию местных жителей, оправдывая свое поведение приказами начальства, теорией расового превосходства, личными запросами и наклонностями. Поэтому он требовал беспрекословного подчинения, а посмеявшийся возразить и оказать сопротивление, пусть на словах, платил за это жизнью. *«Так что они ничем не стеснялись. Приехали когда — щас в огород, щас морковки, чуть ее мыли, не мыли, вытирают, жрут. Да-да. Тут картошку копают, картошку копают, куда они, на кухню, кто ее знает? Все разорили в один день, огород. Нет, главное ж — одни стреляют кур, другие собак. Собак всех перестреляли. Ну, они собак не любили, собаки ж их не любили тоже. Свиньи визжат, овец тащут — ну все, погром. Я думаю, будем ли мы живы или нет, такое было ощущение, переставление какое-то!»³.*

Многие жители знали о зверствах врага по событиям из соседних деревень, зачастую становились свидетелям жестокостей оккупантов, в т.ч. вследствие предательства некоторых сельчан. *«Делали они плохо. Жгли людей, ежели как, где партизаны... Не все ж у нас люди одинаковые, доказывали немцам, какая семья партизанская. Не все хорошие люди были, а есть и продажники. Вот тогда забирают этих — и на казнь. Вешали на виселицах, дочь! Как, легко это? Может, он невинный человек, а его вешали! А? Делали они плохо!»⁴.*

Жители различали поведение представителей разных национальностей. *«Ну, отымали одежду и к нам приходили, приезжали. Особенно австрийцы эти. Как, бывало, придут — мы все хоронили что под печку... Они уже знали, что надо под печкой искать. Мы и замазывали, все равно*

³ Савельева Полина Ивановна, род. в 1920 г. в д. Малиновка Рославльского уезда Смоленской губернии.

⁴ Власова Татьяна Максимовна, род. в 1911 г. в с. Бутчино Жиздринского уезда Калужской губернии.

находили. Ну, у нас было нечего хоронить... Валенки они и на улице. По-кажись только на улице, они там тебе снимут сразу, иди босиком. Да, финны. Ой, какие они были вредные! Как поползет... Раньше была не так, как сейчас, стулья, а скамейка коло стене. Вот под эту скамейку полез искать: где что. Вытряхивает чемоданы, все-все вытряхнет на пол, что хорошее – все заберет и пошел»⁵.

Немцы жестоко карали за кражу или детскую шалость. Многие женщины спасали пленных, выдавая их за своих родственников. Женщина, назвавшая пленного своим мужем, за вскрывшийся в результате предательства односельчан обман была убита, несмотря на наличие маленьких детей. Причем немцы заставили ее соседей привести в исполнение их приговор. «И вот наши, как отступали, много ж наших осталось по лесам; и выходили и просились к женщинам: “Скажите, что мы мужья ваши”. Ну, а там же были, знаете, какой народ: все равно ж выдают. И вот одна женщина в Дяглевке была там, в монастыре, ее привели немцы. И там эти липы были, много ж было лип. Привязали к липке, за сук, вниз головой за ноги, и заставили наших ребят бить, скока ей там... За то, что приняла бойца. Она сказала: “Это мой муж”. И так выказали, что это, мол, она пленного взяла. И вот ее ребята боятся ж бить, немец берет плетку и показывает, как надо бить. Не, она быстро померла. Да там и с перепогу померше»⁶.

Нередко речь идет и о различии культурных стереотипов. Иногда немцы, желая понравиться, на начальном этапе войны, когда они представлялись освободителями от советской власти, могли красиво ухаживать. В связи с этим встречались записи, в которых парадно одетые немцы, которые периодически заводили романы с некоторыми местными жительницами, были противопоставлены уставшим русским солдатам. «А когда они уезжали, вот они насколько были чисто-плотные, насколько были культурные, ой, Боже мой! Они на машинах сидят и бреются. Бреются, душутся, у них одеколон, у всех эти пишикалки... Кувшин стоит – это кофе, с ручкой большой. Конфеты эти галеты, кругленькие такие, запакованные»⁷.

В целом местных жителей немцы не стеснялись, воспринимая их как скот: при них могли справлять нужду посреди улицы, рыгать, давить вшей, ходить без одежды и проч. При этом считали себя чисто-плотными и в этом в разговорах себя противопоставляли совет-

⁵ Иванюшкина Александра Михайловна, род. в 1928 г. в д. Крапивна Смоленской губернии.

⁶ Иванюшкина Александра Михайловна.

⁷ Савельева Полина Ивановна.

ским крестьянам. «*Виши заедали! Заедали. Они без зазрения совести раздевались наголо и этих вшей собирали, и в печку кидали. Виши тоже и голодные*»⁸.

Немцы помимо жестоких расправ (свойственных, прежде всего, карательным отрядам, «шутили» над мирными жителями, иногда — жестоко). «*Немцы были и хорошие, были и плохие. Вот был эпизод. Я, значит, рублю дрова во дворе, печку топить надо. А немцы стоят, хохочут: вот они на меня — то палочку кинут, то прутиком ковыряют. Да. А мне это не нравится, а мне это так досадно. Ну вот. И хохочут. Посмотрю на них зло, а их... За животы берутся, хохочут*»⁹.

Иногда немцы «разыгрывали» мирных жителей для своего увеселения. «*Потом, значит, один случай. Повесила в коридоре свои трусы. Не трусы, а трико, панталоны, тогда ж не было трусов. Панталоны черненькие. Ну, чистые. Повесила, и сохнут. Взяли эти трусы, подушки набили свои и поставили. Немцы! И хохочут. Хохочут, умирают. А меня зло берет, такое зло брало на них: гады вы, что вы делаете. Много было эпизодов таких*»¹⁰.

В то же время спустя десятилетия после окончания войны исследователи стали записывать нарративы о так называемых «добрых» немцах, проявлявших человеческое участие к мирным жителям. Но при этом враг продолжал оставаться врагом. Ему нельзя было доверять. «*“Да, вы там нужны, у Германии! Только вас там не хватало, — он говорит, — вы далеко не уедете, у вас отберут все. А где ваши лошади, где ваши коровы?” Мы говорим: “А угнали ваши солдаты”. А на самом деле вся скотина уже давно в лесу была. Уже согнали за хутор, в болота всех гуртами. Там ребята ночевали и глядели скот. Сходят бабы, подуют тайком...»*¹¹. Нередки случаи, когда угощавшие деревенских детишек конфетами солдаты вскоре становились их палачами.

Отношение немцев к мирным жителям зависело преимущественно от рода войск (больше всего жители боялись карательных отрядов), от этапа войны, местности. «*Да, они были в начале завоеватели. Добрай были. А когда отступали, тут уже их зло брало, здесь уже они зверствовали... У нас в деревне немцы все время не находились, потому что мы в лесочку, они боялись очень партизан, а километр от нас деревня*

⁸ Иванюшкина Александра Михайловна.

⁹ Савельева Полина Ивановна. Работа с Савельевой продолжалась с 1999 до 2005 гг. в г. Рославле Смоленской обл.

¹⁰ Савельева Полина Ивановна.

¹¹ Николаенкова Вера Архиповна, род. в 1925 г. в д. Краснополье Шумяческого уезда Смоленской губернии.

Пустыньки, там не выезжая карательный был отряд. Там и от и до был карательный»¹².

Предателей жители также воспринимали как врагов, хотя логичнее рассматривать образ предателя отдельно. *«Свои были хуже, чем немцы. Были-то наглые такие. Господи! Не могу даже. Ну, их же сразу замели, как только война, как только очистили, так их позабрали. И ребят наших на войну забрали. Вот. Что я замуж выходила за какого. Его взяли, и у его брат был с двадцать третьего, а мой муж был с двадцать пятого года. И Щербаковых, так у во всех было по два малых. Их больше двадцати человек сразу только с нашего монастыря позабрали на войну... А эти полицейские, они сами умотали с немцами еще. Они знали, что им будет»¹³.*

Жители отмечали жестокость полицаев, нередко благодаря своему статусу сводящих личные счеты. *«А ребят было человек восемнадцать, на первый фронт они не попали, на войну. Я помню, когда вот в Ямном жгли народ, и наших ребят, приехали полицейские и из-за девок забрали, из-за девок. Не поладили они, и погнали их. Ну, тут бабы как схватились: их детей нету – и туда к этому немцу, мол, угнали ребят у Ямное. А там как раз жечь их собирались. Немец сразу, переводчик, поехал и их освободили. Только ребята пришли, на завтра сожгли там этот сарай. Согнали всех... Там немцы не так-то орудовали, как полицейские. А чего? Где-то там немца убили. А где его убили, я и не знаю? Вот за этого немца и сожгли всю деревню, всех мужиков и баб, чтоб глядели, всех поставили. И один только старик ушел»¹⁴.* Здесь мы видим случай, когда жители обращаются за помощью к «своим» немцам, квартировавшимся в их деревне, чтобы спасти от смерти угнанных в другую деревню подростков.

Порой сказывался и человеческий фактор: записаны рассказы о «чудных»/«добрых» немцах, выделявшихся из основной массы оккупантов, которые запоминали русские слова, фотографировали местных жителей, показывали им снимки своих родственников. Эти немцы, с их слов, не хотели убивать, поэтому объясняли жителям, что выполняют приказы, а порой они же спасали уже знакомых людей от агрессии других немцев. При этом условно добрые (под понятием «доброта» зачастую понимали просто отсутствие жестокости) по отношению к знакомым русским людям, они могли быть беспощадными к незнакомым жителям.

¹² Савельева Полина Ивановна.

¹³ Иванюшкина Александра Михайловна.

¹⁴ Иванюшкина Александра Михайловна.

Как пишет в предисловии к рукописи Л.Ф. Миронихина, устные рассказы жителей оккупированных деревень показывают и трагедию каждого из них, и трагедию народа. *«Угоняли целыми семьями, с маленькими детьми. В Юхнове это великое изгнание пришлось на март 42-го года. Стояли сильные морозы. По шоссе медленно двигалась огромная колонна из тысяч и тысяч людей, женщин, детей, стариков. Маленькие дети часто не выдерживали тяготы такой дороги. Их хоронили прямо в снегу. Умидали и взрослые, старики. В семье А.И. Мельникова в этой страшной эвакуации умерли бабушка, тетя и двое малышей. У его матери осталось четверо своих детей и четверо племянников, младшему было три года.*

По дороге часто наиболее ретивые конвоиры-садисты пристреливали ослабевших. Жители называют их финнами (хотя финны отрицают свое участие в военных действиях).

Те, кому удавалось дойти до Рославля, попадали в церковь, превращенную в лагерь-накопитель. Там как-то ухитрились разместиться тысячи людей.

Здесь разыгрывались новые трагедии. Молодых парней и девушек отбирали для отправки в Германию на работу. И самое страшное — у матерей отбирали детей от восьми до пятнадцати лет и отправляли в особый детский лагерь в Рославле. Никто из опрошенных не помнит, чтобы кто-то из этих детей вернулся...» [6].

В данной работе представлено личностное восприятие врага, основанное на собственном опыте рассказчиков и их впечатлениях. Это особенно ценно в связи с вниманием исследователей (от историков до фольклористов) к устной истории. Основными направлениями дальнейших исследований в данной области могут стать сопоставительный анализ образа врага в воспоминаниях русских и немцев, сравнение бытования конкретных мотивов и сюжетов на разных территориях: в зоне оккупации, в блокадном городе, в эвакуации, в фашистской неволе и т.д. Кроме того, следует привлекать записи нарративов потомков переживших войну людей, что интересно не только в историческом плане, но и в стилистическом аспекте.

Можно отдельно рассмотреть комментарии к событиям, данные участниками Великой Отечественной войны и их потомками, в т.ч. участвовавшими в локальных конфликтах, а также записанные от представителей поисковых отрядов. В наши дни, когда интерес к китайскому языку и культуре Поднебесной империи возрастает, интересно провести параллели между жестокостью гитлеровцев на территории СССР и зверствами японцев по отношению к китайцам во

время II Мировой войны. Подобные тексты встречаются в монографии В.Л. Кляуса «Русский фольклор на сопках Маньчжурии. Исследования, тексты, комментарии» [3].

В целом, приведенные в статье тексты показывают, что фашизму и нацизму нет и не может быть оправдания. Практически не осталось в живых участников войны, помнивших злодеяния фашистов, поэтому прозападные и проамериканские исследователи (в т.ч. не имеющие исторического образования) пытаются переписать историю.

Спустя полвека после окончания войны появились воспоминания о «добрых» немцах, о чем не принято было говорить на фоне творимых фашистами зверств. Были бы своевременными исследования о том, как в военные и послевоенные годы воспринимали врага и как воспринимают в наши дни. Появляются мотивы жалости и милосердия у молодежи и представителей «среднего поколения», родившихся в мирное время спустя десятилетия после окончания Великой Отечественной войны. Такие мотивы встречаются и в рассказах представителей поисковых отрядов, которые не глумятся над останками врага, передают информацию о нахождении немецких захоронений в соответствующие организации, могут даже оставить им на могилах, как и советским солдатам, несколько папирос. Изначально отношение было иным. Например, в г. Юхнове Калужской области местные жители рассказывают, что стадион построен на месте захоронений, старожилы помнят кресты: советских солдат перезахоронили, на немцев не обратили внимания. Таким образом, представители старшего поколения, родившиеся в послевоенные годы, говорят о неправильности того, что подростки *«гоняют мяч по костям»*¹⁵. Также недалеко от Юхнова, где некогда была деревня, стоит камень с надписью «1942» на месте захоронения немецкого генерала. Его родственники приезжали, шли по бурелому, но не получили согласия ни на вывоз останков, ни на постройку часовни: *«ветераны всколыхнулись против»*¹⁶, в то же время бывали случаи, когда потомки воевавших немцев выкапывали и увозили солдат¹⁷. Это новая тема для устных рассказов, которой не могло быть в послевоенные годы.

¹⁵ *Мироныхина Любовь Федоровна*. Фольклорист, писатель. Москва. Запись из личного архива автора статьи.

¹⁶ *Мироныхина Любовь Федоровна*.

¹⁷ *Мироныхина Любовь Федоровна*.

Список источников и литературы

1. Войны кровавые цветы. Устные рассказы о Великой Отечественной войне / сост. А. Гончарова. М., 1979. 286 с.
2. Из первых уст: Великая Отечественная война глазами очевидцев. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. 423 с.
3. *Кляус В.Л.* Русский фольклор на сопках Маньчжурии. Исследования, тексты, комментарии. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 816 с.
4. *Милиц С.И.* Устные рассказы жителей Малоярославца (из записок собирателя) // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л.: Наука, 1964. С. 384–386.
5. *Миронихина Л.Ф.* Рассказы о прошлом, о жизни, о войне жителей оккупированных районов Калужской и Смоленской областей. Рукопись // Из личного архива А.Ф. Лицаревой.
6. *Попова В.В.* Изменение образа врага в сознании жителей Советского Союза в первые месяцы Великой Отечественной войны // *Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн.* 2016. № 11 (29). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/3922> (дата обращения: 10.06.2023).
7. Спустя полвека. Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / сост. В.Н. Бекетова. Курган, Парус-м, 1994. 96 с.

**Возникновение конфликтных ситуаций
при взаимодействии администрации и сотрудников
эвакогоспиталей в период Великой Отечественной войны
(по материалам Вологодской области)**

Аннотация. В период Великой Отечественной войны для эффективно-го лечения военнослужащих Красной Армии была развернута система эвакогоспиталей. В статье, основанной на материалах госпитальной системы Вологодской области, автором выявлены важнейшие причины, по которым возникали конфликтные ситуации между администрацией и сотрудниками госпиталей при работе в экстремальных условиях войны. Под конфликтной ситуацией подразумевается любое индивидуальное или групповое действие, противоречащее общепринятой модели поведения. Часто неверно выбранный стиль и методы управления, ошибки при распределении материальных благ могли спровоцировать недовольство сотрудников администрацией. Некоторые работники нарушали трудовую дисциплину, действуя в личных интересах. Хорошие взаимоотношения между работником и руководством, его личные заслуги могли способствовать лояльности администрации, а «неправильное» социальное происхождение и конфликтность, наоборот, усугубля-ли ситуацию и приводили к серьезным санкциям.

Ключевые слова: эвакогоспиталь; Великая Отечественная война; кон-фликтная ситуация; социальная история; социальное взаимодействие.

**The emergence of conflict situations
in the interaction between the administration
and staff of evacuation hospitals during the Great Patriotic War
(according to sources from the Vologda region)**

Abstract. During the Great Patriotic War, a system of evacuation hospitals was deployed for the effective treatment in the Red Army. In the article, according to sources of the hospital system of the Vologda region, the author identified the most important reasons why conflict situations arose between the administration and hospital staff when working in extreme war conditions. A conflict situation is understood as any individual or group action that is contrary to the generally accepted model of behavior. The often incorrectly chosen style and methods of management, errors in the distribution of material wealth could provoke

¹ **Федор Вячеславович Копылов** – кандидат исторических наук, учитель истории муниципального автономного образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 14» (Череповец, Россия), e-mail: finden.bk@yandex.ru
Fedor V. Kopylov – Candidate of Historical Sciences, teacher of history at the Secondary school № 19 (Cherepovets, Russia).

dissatisfaction of staff with the administration. Some employees violated labor discipline, acting in their personal interests. A good relationship between the employee and management, his personal merits could contribute to the loyalty of the administration, and the “wrong” social background and conflict, on the contrary, aggravated the situation and led to serious sanctions.

Keywords: evacuation hospital; The Great Patriotic War; conflict situation; social history; social interaction.

Страницы истории такого сложного, многогранного события, как Великая Отечественная война, со временем не перестают вызывать живой интерес среди исследователей. На сегодняшний день многие аспекты данной темы по-прежнему остаются неизученными или изученными недостаточно.

Одним из таких аспектов является проблема взаимоотношений в коллективах военных госпиталей в экстремальных условиях войны. С 1941 г. в стране в спешном порядке разворачивается система эвакуационных госпиталей, на территории прифронтовой Вологодской области начинает работу крупная сеть лечебных учреждений под руководством Распределительного эвакуационного пункта № 95 (РЭП-95). Главная цель работы госпитальной системы – быстрое лечение солдат и офицеров с целью их скорейшего выздоровления и возвращения в ряды Красной Армии. Для достижения такой сложной цели коллектив каждого госпиталя должен был стать «солидарной единицей», к основным чертам которой социологи относят согласованность действий, взаимозависимость участников, совокупность усилий, отсутствие самостоятельности, единство участников перед лицом угроз, гармония интересов [24, с. 178]. Каждый член коллектива обязан был забыть о своих интересах и работать только ради общего блага. В реальности не все и не всегда хотели быть солидарными в силу целого ряда факторов и вступали в конфликтное взаимодействие с руководством, поощряющим, как правило, паттерны поведения консолидации.

В данной статье, опираясь на региональные материалы, я постараюсь выявить важнейшие причины, по которым возникали конфликтные ситуации между администрацией и сотрудниками госпиталей в процессе работы. Под термином «конфликтная ситуация» в статье подразумевается любое индивидуальное или групповое действие, противоречащее общепринятой модели поведения, в том числе нарушения дисциплины в собственных интересах без прямой конфронтации с руководством.

Исследование основных форм социального взаимодействия внутри небольшой группы людей, как в экстремальных, так и в рутинных

условиях повседневности не теряют своей актуальности со временем. В современном нестабильном мире опыт наших предков в любой момент может стать полезным. Кроме того, принципы взаимодействия с течением времени изменились незначительно и, следовательно, изучение прошлого поможет нам лучше понять настоящее.

Изучение истории военных госпиталей началось практически сразу после окончания войны. В советской историографии первоначально выходили общие исследования [25], а с 1970-х гг. появляются первые региональные работы [22]. В постсоветский период увидело свет значительное количество исследований по истории госпитальных систем Поволжья, Урала, Сибири [21, 23, 27 и др.]. В большинстве работ фокус был сосредоточен на медицинских аспектах работы, вопросах питания и материального обеспечения, проблеме кадров и научной деятельности госпиталей. В советской исторической науке значительное внимание уделялось изучению вопросов шефской и общественной помощи госпиталям. Проблема взаимоотношений внутри коллектива лечебного учреждения практически не затрагивалась.

Основу источниковой базы составляют 2 группы документов. Важными материалами являются протоколы собраний первичных партийных организаций госпиталей. Участники собраний коллективно разбирали поступки нарушителей дисциплины. По результатам обсуждения партийная организация принимала решение о наказании. В протоколах фиксировались реплики выступающих, ход дискуссии между ними, что «оживляет» этот, казалось бы, сухой документ и дает возможность исследователю анализировать отношения внутри коллектива. Источниками другого рода являются акты обследований госпиталей, которые представляют взгляд на работу учреждения со стороны. Акты составлялись по результатам как плановых, так и внеочередных проверок, инициированных вследствие инцидентов, жалоб и т.п.

Переходя к рассматриваемой проблеме, необходимо отметить, что сразу после начала войны госпитальная система Вологодской области испытала на себе серьезные нагрузки. Во-первых, сама система создавалась фактически «с нуля» — в значительной степени за счет местных ресурсов в очень короткие сроки. Во-вторых, осенью — зимой 1941–1942 гг. ситуация еще более осложнилась — новые пациенты прибывали постоянно, а отправка части военнослужащих в тыл из-за транспортного коллапса на железной дороге производилась медленно [26, л. 97, 204]. В результате госпитали региона оказались серьезно перегружены. Одна из медсестер позднее вспоминала: «Работы в госпитале было очень много. Порой количество раненых во много раз

превышало все наши возможности, не хватало места, не хватало коек, но мы как-то умудрялись всех разместить, всех обслужить <...>. Вспоминаю бессонные ночи, когда мы разгружали прибывающие с фронта эшелоны с ранеными, затем простаивали сутками в перевязочных и операционных. Надо было обработать все раны и для каждого раненого найти доброе, приветливое слово, ободрить, облегчить страдания и боль, поднять дух каждого бойца. О своей усталости, о своих бедах мы забывали» [14]. В непредсказуемых новых условиях, когда требовалось экстренное личное участие, работники забывали о собственных интересах, отдавая все силы для помощи пациентам. Экстремальная ситуация начала войны консолидировала людей. Благодаря грамотным действиям администрации, строгой дисциплине, работе на одном месте ряд коллективов в течение долгого времени сумел избежать серьезных внутренних конфликтов: коллективы госпиталей № 1178 [2, л. 4], № 1538 [1, л. 4–5], № 1361 (в течение 1941–1942 гг.) [4, л. 24].

В то же время во многих лечебных учреждениях периодически возникало непонимание и конфликты между администрацией и работниками. «Авторитарные методы руководства», которые применялись администрацией в ряде госпиталей, часто вызывали сопротивление сотрудников. В госпитале № 1361 пришедший на должность руководителя капитан Рывлин не смог найти общий язык с коллективом – ранее в лечебном учреждении неоднократно менялся руководитель. Ситуация обрела известность за пределами госпиталя после трагического инцидента. Пациенты самовольно ушли в город и устроили драку в столовой. В ходе драки один из пациентов был застрелен находившимся там сотрудником НКВД [16, л. 28]. После инцидента в госпитале началась проверка, по итогам которой были выявлены серьезные проблемы в организации работы. Рывлин фактически принимал решения единолично, не советуясь с заместителями и не стремясь найти общий язык с подчиненными, вступил в конфликтные отношения с заместителем по политической части и некоторыми другими ключевыми сотрудниками. Осознав возможные последствия сложившейся ситуации, начальник спешно стал устранять недостатки в работе госпиталя, подал соответствующий рапорт [16, л. 31–32]. Несмотря на это, по итогам проведенной проверки было решено отстранить капитана от должности с формулировкой «за отсутствие военной дисциплины и развал в административно-хозяйственной деятельности [16, л. 40].

В течение нескольких лет в госпитале № 1489 многие сотрудники отказывались выполнять распоряжения руководства, которое не имело серьезного влияния на коллектив [15, л. 22]. Часто партийная ор-

ганизация госпиталя поддерживала сотрудников, выступая с критикой представителей администрации, имеющих «захватнические настроения» и проявляющих грубость к подчиненным. В госпитале № 1361 руководитель отдела материального снабжения вел себя несдержанно с подчиненными, утверждая, что в признании своего авторитета не нуждается [5, л. 2]. Партийная организация осудила действия руководителя, сделав ему замечание [5, л. 5]. Такая же ситуация с руководителем отдела возникла и в госпитале № 3337 [9, л. 6–10].

Секретарь партийной организации госпиталя № 1539 выступил с критикой работников, обвиняя их в пьянстве и хищениях. Работники, частично признав вину, в свою очередь раскритиковали работу секретаря и выдвинули против него обвинение в «двурушничестве»: «В отношении работы непосредственно секретаря партбюро, то я скажу, что вы работаете замкнуто, молча, оторванно от людей и работать не хотите <...>. В части двурушничества: тов. Федоров на митинге выступал подписаться на 150% личного содержания, а при подписке подписался только при настоянии военкома» [8, л. 26].

Лицо, наделенное властью, всегда должно было служить примером для подражания коллективу. Люди часто сравнивали собственное положение и положение администрации, следили за ее действиями, поведением. Работников раздражало неравенство в коллективе, проявляющееся в лояльном отношении руководства к определенным сотрудникам, несправедливом распределении питания и других материальных благ, так ограниченных в экстремальных условиях войны. Возвращаясь к резонансной ситуации с капитаном Рывлиным, отметим, что наибольшее недовольство у коллектива вызвал не его стиль руководства, а «совмещение в одном госпитале Начальника и его жены в качестве Начальника медотделения, наличие пристрастного к ней отношения по работе» [16, л. 29].

Медсестра госпиталя № 4785 была уволена после того, как прямо сказала руководителю об отсутствии в лечебном учреждении достойного питания [19, л. 24]. После увольнения работница написала заявление с просьбой восстановить ее в должности для помощи Родине, выступив при этом с развернутой критикой в адрес руководителя – взяточничество, распределение дополнительных пайков среди избранных лиц [19, л. 24–26]. На работе ее так и не восстановили, так как госпиталь был официально закрыт [19, л. 165].

Медсестра госпиталя № 2580 написала письмо на фронт к своему сыну с критикой в адрес руководства лечебного учреждения. Главная претензия заключалась в том, что при частых переездах медсестру обя-

зывали носить тяжести, что было ей противопоказано по состоянию здоровья. Однако это было только поводом для написания письма, в котором женщина жалуется сыну на плохое отношение руководства, неравенство в госпитале, выражающееся в распределении льгот и трудовых обязанностей, дистанцирование администрации и «приближенных лиц» от рядовых сотрудников. Медсестру в частности возмущает гедонистический образ жизни администрации: «Я вот удивляюсь, как к нам не заглянут начальство повыше, посмотрели бы кто у нас работает, такие здоровяки и молодые, им надо быть там, где требует наш долг перед родиной, а они притаились и вот проживают да любовными делами занимаются, просто противно смотреть на все эти наши порядки. И первый застрельщик кто же? Сам Начальник. Да что им? Питание им дается казенное, условия самые лучшие, ничего не делают и любушки имеются. Вот тебе и все, а сестры измучились» [19, л. 193]. Письмо вызвало резонанс — в госпиталь была отправлена инспекция, в ходе проверки которой высказанные замечания не подтвердились. Кроме того, сама медсестра в беседе с инспектором отказалась от своих слов, объяснив их усталостью после тяжелой работы по разгрузке госпиталя [19, л. 304].

Отдельные работники часто нарушали установленные правила, отдавая приоритет собственным интересам в ущерб общественным, не вступая при этом в открытый конфликт с руководством. Естественно это противоречило общим идеологическим установкам советского государства, консолидационной модели поведения периода войны и вызывало неприятие со стороны администрации.

В условиях дефицита продуктов известны факты хищений среди работников пищеблока с целью как употребления продуктов, так и их перепродажи [17, л. 13 об.; 18, л. 23]. В перманентной ситуации стресса военного времени и по личным причинам многочисленны случаи распития спиртных напитков в рабочее время и в нерабочее, но при этом публично [7, л. 7; 13, л. 17 и др.].

Некоторые работники не желали работать в госпитале и сознательно совершали нарушения, чтобы добиться увольнения. Так, работница госпиталя № 1178 в Череповце нарушала трудовую дисциплину: опоздания, оставление рабочего места, отказ от выполнения некоторых обязанностей, разговоры с пациентами на военные темы. При этом сотрудница прямо указывала, что желает увольнения, а разговоры на военные темы ведет, чтобы узнать о судьбе мужа. Партийное собрание устроило товарищеский суд над работницей и исключило ее из партии [3, л. 6–7]. Неоднократно встречаются факты самовольных

уходов с работы медсестер – они бросали работу и уезжали в другое место. Таковых, как правило, признавали дезертирами и дела передавали следственным органам [19, л. 99].

В одном из центральных госпиталей региона, расположенном в Череповце, в течение нескольких месяцев решали вопрос, связанный с выполнением трудовых обязанностей ведущим врачом. Случай редкий, ведь чаще всего дисциплинарные нарушения совершал средний и младший медперсонал. Начальник госпиталя № 2748 подала рапорт о поведении ведущего хирурга Барановской, рабочий день которой был сокращен по семейным обстоятельствам. По утверждению начальника госпиталя, даже в течение этого времени врач не выполняла работу в полном объеме, часто находилась на больничном, совершала прогулы. Для совмещения в госпиталь был отправлен другой специалист, однако Барановская вступила с ним в конфликт [20, л. 25]. После разбирательств с участием руководителя Череповецкого узла госпиталей майора Дженчельского было принято решение о переводе врача на работу в Вологду [20, л. 39].

При совершении проступка работником многое зависело от взаимоотношений между нарушителем и руководством госпиталя. Работник, который был в хороших отношениях с администрацией или имел определенные заслуги, мог частично или полностью рассчитывать на лояльность и тем самым избежать наказания за совершенный проступок. Рассмотрим несколько ярких примеров. В одном из госпиталей города Сокол заместитель руководителя по хозяйственной части, ранее воевавший и принимавший участие в битве под Москвой, неоднократно нарушал дисциплину: злоупотреблял алкоголем, грубо общался с персоналом. Первичная партийная организация дважды выносила предупреждения, а в третий раз исключила работника из партии. Однако городской партийный комитет это решение отменил. Наконец, после четвертого случая, когда нарушитель появился в пьяном виде в суде в качестве свидетеля, его исключили из партии окончательно [6, л. 33]. В госпитале № 3337 один из работников мастерской предлагал отремонтировать обувь в обмен на спиртные напитки, а не по ордеру, был застигнут за распитием спиртных напитков вместе с пациентами в нерабочее время. При обсуждении на собрании поведение вызвало единогласное осуждение, а когда один из членов партийной организации начал активно критиковать действия обвиняемого, то он бросил на стол партийный билет кандидата в партию и сказал, что документ ему больше не нужен. В итоге за пьянство, взяточничество и поступок на собрании его исключили из партии [10, л. 28]. Интересно, что

спустя некоторое время случай пьянства повторился, обвиняемый вел себя спокойно, во всем покаялся, и предыдущее решение было отменено — ему только «поставили на вид» за многочисленные нарушения [10, л. 38]. Работник продолжил работать в мастерской и спустя год. Кроме того, он ремонтировал обувь не по ордеру, а за деньги [11, л. 17]. Таким образом, покаяние, признание собственных ошибок серьезно смягчили отношение к нарушителю. Вполне вероятно, что подобная лояльность была обусловлена дефицитом кадров.

С другой стороны, занятие определенной должности предполагало высокую социальную ответственность — работник должен был служить примером для сотрудников и пациентов. В этой ситуации за любое нарушение могли наказать весьма строго. Секретарь партийной организации одного из госпиталей Сокола во время командировки в Вологде встретился с бывшим пациентом — лейтенантом, отобедал и выпил с ним пива, в результате чего опоздал на поезд. После единогласного осуждения на партийном собрании был снят с должности и получил строгий выговор [4, л. 11]. Старшая медсестра госпиталя № 3734, по совместительству являющаяся секретарем комсомольской организации, пригласила для празднования Нового года раненого офицера, который оказался в состоянии сильного алкогольного опьянения и вернулся обратно в госпиталь только на следующее утро. У медсестры ранее не было нарушений и не было личных конфликтов с руководством. Однако на праздновании присутствовали комсомольцы, и поведение секретаря комсомольской организации могло послужить дурным примером. В результате работницу решили отстранить от работы к комсомольской организации, но в то же время по месту основной работы в госпитале было вынесено только предупреждение [12, л. 1].

Отягчающим обстоятельством могло стать и «социальное происхождение» человека. В некоторых случаях все возлагаемые обвинения подкреплялись фактами биографии сотрудника и его близких родственников. В той же ситуации отказа от работы одной из сотрудниц госпиталя № 1178 партийная организация объясняет ее действия тем, что нарушительница из купеческой семьи, хотя муж давал рекомендации для вступления в партию [3, л. 3–5]. Часто только «неблагонадежное» происхождение служило весомым доказательством совершения человеком правонарушения.

Конфликтные ситуации, возникающие в коллективах госпиталей военного периода, были вызваны комплексом групповых противоречий, связанных с ошибками в руководстве и распределении об-

ственных благ, а также индивидуальными действиями работников в собственных интересах, не считаясь с установленными правилами. При этом дальнейшее развитие конфликта зависело от положения человека в коллективе, его личных заслуг и отношений с руководством, а также социального происхождения работника.

Социальное взаимодействие в коллективе – сложный процесс, обусловленный в первую очередь установившимися межличностными отношениями. Еще одной важной линией взаимодействия в госпитале являются отношения между пациентами и персоналом на стадии выздоровления.

Список источников и литературы

1. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 3415. Оп. 1. Д. 4.
2. ВОАНПИ. Ф. 3615. Оп. 1. Д. 1.
3. ВОАНПИ. Ф. 3615. Оп. 1. Д. 2.
4. ВОАНПИ. Ф. 3730. Оп. 1. Д. 2.
5. ВОАНПИ. Ф. 3730. Оп. 1. Д. 10.
6. ВОАНПИ. Ф. 3730. Оп. 1. Д. 16.
7. ВОАНПИ. Ф. 3732. Оп. 1. Д. 2.
8. ВОАНПИ. Ф. 3732. Оп. 1. Д. 8.
9. ВОАНПИ. Ф. 3787. Оп. 1. Д. 2.
10. ВОАНПИ. Ф. 3787. Оп. 1. Д. 3.
11. ВОАНПИ. Ф. 3787. Оп. 1. Д. 4.
12. ВОАНПИ. Ф. 4361. Оп. 1. Д. 5.
13. ВОАНПИ. Ф. 4502. Оп. 1. Д. 3.
14. Воспоминания медсестры госпиталя № 1178 А. Калининой // Солдаты жизни: воспоминания медсестер череповецких госпиталей // Из собраний музея Череповецкого медицинского колледжа имени Н.М. Амосова. [Не изданы и не зафондированы].
15. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1876. Оп. 1. Д. 38.
16. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 1. Д. 74.
17. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 3. Д. 7.
18. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 3. Д. 9.
19. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 3. Д. 12.
20. ГАВО. Ф. 1876. Оп. 3. Д. 16.
21. *Дежарева Н.А.* Госпитали на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007. 23 с.
22. Из прошлого медицины. Советская медицина и здравоохранение в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. тр. / отв. ред. В.И. Покровский. М., 1991. Вып. 3. 133 с.

23. *Кусков С.А.* Эвакогоспитали Челябинской области накануне и в период Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 29 с.

24. *Орлова Э.А., Шапинская Е.Н., Урмина И.А., Каменец А.В.* Социальное взаимодействие как процесс / отв. ред. и ред.-сост. Э.А. Орлова. М.: ГАСК, 2013. 304 с.

25. *Ростоцкий И.Б.* Тыловые эвакогоспитали. М.: Медицина, 1967. 80 с.

26. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 7. Оп. 1. Д. 488.

27. *Шелия Ж.А.* Госпитали в годы Великой Отечественной войны (по материалам Ярославской и Костромской областей): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 308 с.

Сельскохозяйственный кредит в 1941–1945 гг. (на материалах Вологодской области)²

Аннотация. В статье исследуется функционирование системы сельскохозяйственного кредита Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Требования военного времени заметно отразились на функционировании советской экономики, в том числе и на работе кредитной системы. В исторической науке работа специализированных банков в 1941–1945 гг. изучена недостаточно. В статье изучены основные направления деятельности Вологодской областной конторы сельскохозяйственного банка в 1941–1945 гг., определен состав клиентов учреждения, выявлены цели кредитования. Начало Великой Отечественной войны привело к сокращению кредитования мероприятий капитального строительства, падению спроса на заемные средства, появлению новых групп клиентов. Большое внимание сельскохозяйственный банк уделял поддержке животноводства как одной из ключевых отраслей аграрного сектора экономики региона, а также кредитованию подсобных хозяйств предприятий.

Ключевые слова: сельскохозяйственный кредит; Великая Отечественная война; сельскохозяйственный банк; животноводство; кредитование; колхоз; заемщик.

Agricultural credit in 1941–1945 (on the materials of the Vologda region)

Abstract. The article examines the functioning of the system of agricultural credit in the Vologda Oblast during the Great Patriotic War. The requirements of wartime had a noticeable effect on the functioning of the Soviet economy, including the work of the credit system. In historical science, the work of specialized banks in the period 1941–1945 was not studied enough. The article studies the main activities of the Vologda Regional Office of the Agricultural Bank in 1941–1945, determines the composition of the institution's clients,

¹ Сергей Александрович Лебедев — аспирант Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский государственный университет», кафедра отечественной истории (Вологда, Российская Федерация), e-mail: lebedevsa@vogu35.ru

Sergey A. Lebedev — postgraduate student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vologda State University”, Department of National History (Vologda, Russian Federation).

² Исследование проведено в рамках проекта № 23-28-00860, «Автохтонные факторы создания Вологодского молочного бренда в ретроспективе развития животноводства на Европейском Севере России в XX–XXI веках», поддержанного Российским научным фондом.

and identifies the goals of lending. The beginning of the Great Patriotic War led to a reduction in lending for capital construction activities, a drop in demand for borrowed funds, and the emergence of new groups of clients. The Agricultural Bank paid much attention to supporting livestock farming as one of the key sectors of the agricultural sector of the region's economy, as well as lending to subsidiary farms of enterprises.

Keywords: agricultural credit; the Great Patriotic War; agricultural bank; cattle breeding; credit; kolkhoz; borrower.

Начало Великой Отечественной войны поставило перед экономикой СССР сразу ряд тяжелых вызовов, связанных с финансированием военной промышленности, обеспечением функционирования тыла, эвакуационных мероприятий, проведением мобилизации всех сфер хозяйства. Они неизбежно отразились и на работе банковских учреждений.

На территории Вологодской области не велось масштабных боевых действий (за исключением территории современного Вытегорского района), однако регион играл значительную роль как эвакуационный, санитарный центр, а также оставался важным транспортным узлом. В предвоенные годы сельское хозяйство оставалось одной из важнейших частей экономики региона, при этом ключевыми его отраслями были животноводство и полеводство [1, с. 39].

Цель данного исследования – изучить деятельность системы сельскохозяйственного кредита на территории региона в 1941–1945 гг. Основное внимание было уделено деятельности Вологодской областной конторы сельскохозяйственного банка как наиболее «профильного» учреждения, работавшего как через систему собственных отделений, так и через уполномоченных при отделениях Госбанка.

В исторической науке при изучении деятельности банковских учреждений в 1941–1945 гг. наибольшее внимание уделяется роли банковских учреждений в мобилизации экономики, проблемам осуществления кредитования военной экономики, изучению «полевой» работы учреждений. В советской историографии основной задачей финансовой системы военного времени ученые называют обеспечение бесперебойного снабжения фронта и тыла [15, с. 485]. Современные авторы среди основных задач деятельности банков выделяют изыскание ресурсов для расширения кредитования военной промышленности, оказание финансовой поддержки эвакуированным предприятиям [14]. Сравнивая деятельность финансовой системы периода Первой мировой и Великой Отечественной войн, советские авторы приходят к выводу, что если в годы Первой мировой войны финансовая система Российской империи оказалась в глубоком кризисе, то в годы Вели-

кой Отечественной войны «финансовая мощь Советского государства росла» [12, с. 373]. Изучены направления и масштабы кредитования Государственным банком отдельных отраслей промышленности в годы Великой Отечественной войны, а также изменения в политике потребительского кредитования и влияние на кредитную политику банка введенной в военное время карточной системы; изменения в ссудно-сберегательной политике [13, с. 64–71].

Слабо изученной темой остается деятельность банковских систем отдельных регионов в 1941–1945 гг., а также работа специализированных кредитных учреждений. Актуальным представляется исследование функционирования банковских систем на уровне отдельных регионов в условиях мобилизации экономики и вынужденного перераспределения ресурсов, в частности – работы системы сельскохозяйственного кредита.

Источниковой базой исследования служат материалы Государственного архива Вологодской области: фонды Р-2726 «Вологодская областная контора Сельхозбанка», П-6199 «П/о КПСС Вологодского областного отделения Спецбанка г. Вологда», содержащие делопроизводственную и статистическую документацию (планы кредитования, аналитические записки, годовые отчеты банковских учреждений, сводные балансы, переписку с организациями), касающуюся деятельности банков региона в указанный период. Дополнительно были использованы законодательные источники, а также материалы периодической печати. Используемые источники позволяют определить ключевые направления деятельности системы сельскохозяйственного кредита в изучаемый период, выявить отрасли, поддержке которых уделялось наибольшее внимание, а также проследить изменения в направлениях работы сельскохозяйственного банка.

В предвоенный период основными направлениями долгосрочного кредитования колхозов области были ссуды на животноводство (4190 тыс. рублей или 69% общего объема годового плана кредитования Областной конторы Сельскохозяйственного банка на 1940 г.), покупку сельскохозяйственных машин, строительство мельниц, зерносушилок (13% или 800 тыс. руб.) и покупка минеральных удобрений (12% и 730 тыс. руб. соответственно) [5, л. 2]. При этом кредиты на комплектование животноводческих ферм с тратами на механизацию и строительство соотносились в пропорции 1,5:1. Распределение кредитных средств в районном разрезе осуществлялось с учетом их хозяйственной специализации.

Работа Областной конторы сельскохозяйственного банка за период марта 1940 по май 1941 г. характеризовалась следующими пока-

зателями: план аккумуляции собственных средств выполнен на 103%, план мобилизации внутренних средств выполнен на 123%, выполнены показатели возврата долгосрочных ссуд [2, л. 25], некоторые проблемы сохранялись с контролем за выполнением плана капитального строительства на средства банка.

Начало Великой Отечественной войны привело к заметным изменениям в финансировании школьного, ветеринарного, противопожарного строительства (в общей сложности их финансирование было сокращено на 2 385 тыс. рублей) [4, л. 58].

К сентябрю 1941 г. основными заемщиками конторы сельхозбанка оставались колхозы (10760 тыс. руб., 71,5% от общей суммы срочной задолженности) и колхозники (2423 тыс. руб., 16,1% от общего), на долю прочих организаций, индивидуальных заемщиков и затрат на организацию подсобных хозяйств приходилось суммарно 1863 тыс. руб. [7, л. 2]. Подводя итоги работы колхозов в 1941 г., Областной исполком отмечал падение производительности труда, а также довольно тяжелую ситуацию в животноводстве: падение численности стада, сокращение надоев [6, л. 7–8]. На сельхозбанк в этих условиях была возложена задача оказания практической помощи колхозам в организации финансового хозяйства.

Заметной проблемой работы Областной конторы сельскохозяйственного банка в 1941 г. стало недоиспользование колхозами кредитных средств: из отпущенных 5115 тыс. руб. было затребовано 3067 тыс. рублей или примерно 60%. По мероприятиям животноводства (основой отрасли аграрного сектора, кредитуемой сельскохозяйственным банком) ключевым направлением деятельности учреждения было кредитование закупки племенного скота, это направление деятельности характеризуются следующим образом (см. Табл. 1):

Таблица 1

Показатели закупки племенного скота в 1941 г. (в головах) [4, л. 70].

Животные	План	Завезено	% от плана, завезенные	Реализовано	% от завезенных, реализованные
Бычки	935	641	68,5	609	95
Телки	525	1 141	217	1 058	92,7
Хряки	790	784	99,2	764	97,4
Свиньи	930	920	98,9	888	96,5
Бараны	1 060	817	77	595	72,8
Ярки	360	295	81,9	286	97

Приведенные данные показывают, что на отпущенные кредитные средства в основном закупался крупный рогатый скот и свиньи с хряками, их же наиболее активно выкупали. Недовыполнение плана закупа отдельных категорий скота можно объяснить тем, что ни колхозы, ни колхозники не стремились продавать животных по установленным закупочным ценам.

Потребность в кредитных средствах на 1942 г. оценивалась следующим образом (см. Табл. 2):

Таблица 2

**Необходимые кредиты колхозам на капитальные затраты
(на 1942 г.) [7, л. 4]:**

Статья расходов	Сумма (в тыс. руб.)
Общая сумма потребности колхозов в кредите	5 300
А. На капитальные вложения	
На строительство животноводческих построек и механизацию ферм	1 500
На покупку скота для комплектования ферм	1 500
На мелиоративные и ирригационные мероприятия	100
На овцеводство, садоводство	100
На прочие мероприятия (покупка сельскохозяйственных машин, строительство мельниц, подсобных предприятий, зерносушилки, зернохранилища и т.д.)	300
Б. Сумма потребных долгосрочных кредитов на покупку семян трав	500
В. Сумма потребных краткосрочных кредитов колхозам на капвложения	1 000
Г. На покупку минеральных удобрений	300

Обращает на себя внимание существенная доля затрат, связанных с поддержанием и развитием животноводства (более 60% от всех средств), при этом в общем плане капиталовложений на 1942 г. из затрат на закупку племенного скота на крупный рогатый скот пришлось 37% средств, на лошадей – 36%, на свиней и овец – приблизительно по 12% [7, л. 5]. Соответствующее распределение кредитных средств осуществлялось на основании планов Областного земельного отдела и заявок райисполкомов. В источниках содержатся упоминания того, что кредитных средств на развитие животноводства в области отпуска-

лось достаточное количество, однако колхозы не использовали возможности сельскохозяйственного кредита в полном объеме [3, л. 10].

Решением Исполнительного комитета Вологодского облсовета на 1943 г. был установлен годовой план кредитования колхозов, инвалидов войны и семей фронтовиков на приобретение скота и организацию подсобных хозяйств в общем объеме 850 тыс. руб., из которых на мероприятия животноводства было отведено 700 тыс. руб. [8, л. 6]. Материалы районных отделений сельхозбанка показывают, что если кредитные средства, запланированные на закупку скота чаще использовались колхозами и колхозниками, то ссуды на капитальное строительство и ремонт зачастую оказывались невостребованными ввиду отсутствия строительным материалов и нехватки рабочих рук в деревне [8, л. 8].

Информационная справка руководителя Вологодской областной конторы сельскохозяйственного банка Савельева показывает, что к середине 1943 года из отпущенных на кредитование средств колхозами и индивидуальными заемщиками было использовано не более 10% средств (приблизительно 70 тыс. руб.), из средств, запланированных на кредитование предприятий (в основном — на развитие подсобных хозяйств) — не более 3% (39 тыс. руб. из 1 300 тыс. руб.) [9, л. 33–34]. Причинами этого для колхозов было заметно меньшее число выполненных мероприятий, ввиду чего потребности в деньгах закрывались за счет собственных, а не заемных средств, а также использование натуральных расчетов.

Годовой отчет Вологодской областной конторы Сельхозбанка за 1944 г. показывает, что к 1 января 1945 г. задолженность госорганизаций и колхозников выглядела следующим образом (см. Табл. 3):

Таблица 3

Задолженность по ссудам Вологодской областной конторе Сельхозбанка к 01.01.1945 г. [10, л. 14]

Заемщик, назначение ссуды	Сумма, тыс. руб.
Госорганизации	1 348,9
В том числе:	
на устройство подсобных хозяйств	1 010,7
на прочие мероприятия	62,8
на ссуды служащим и специалистам	275,3
Колхозники	808,7
Прочие индивидуальные заемщики	479,9

Обращает на себя внимание большая доля заемных средств, взятых организациями на устройство подсобных хозяйств, с помощью которых пытались решить продовольственный вопрос для рабочих и служащих.

В 1945 г. показатели кредитования Областной конторой сельскохозяйственного банка выглядят следующим образом (см. Табл. 4):

Таблица 4

**Выполнение кредитного плана Областной конторой
сельскохозяйственного банка в 1945 г. [11, л. 39]**

Заемщик	План (в тыс. руб.)	В % от общего (округленно)	Использовано (в тыс. руб.)	% выполнения
Колхозы	973,0	47,3	483	49
Колхозники и индивидуальные заемщики	585,8	28,4	470	80
Инвалиды войны и семьи фронтовиков	350,0	17	350,0	100
Организации	150,0	7,3	112	74
Итого	2 058,8	100	1415	68

«Слабое» использование кредитов колхозами объяснялось тем, что значительная часть затрат на капитальные мероприятия была профинансирована колхозами из собственных источников. Из использованных средств 227 тыс. руб. были направлены на строительство животноводческих построек, 100 тыс. рублей – на строительство мельниц, 50 тыс. руб. на покупку племенного и продуктивного скота; на рабочий скот (лошадей) – 62 тыс. рублей.

Из средств бюджета и собственных отчислений клиенты Областной конторы сельскохозяйственного банка в наибольшей степени использовали деньги на формирование стада (2 659 тыс. руб. или 95% от годового плана) и операционные расходы (91,7% от плана или 7 076 тыс. руб.). Наименьшими размерами трат характеризуются строительство (2 646 тыс. руб. или 56% от плана) и капитальный ремонт (972 тыс. руб. или 54% от плана) [11, л. 30].

Начало Великой Отечественной войны напрямую отразилось на функционировании советской экономики в целом и работе специализированных банков в частности. У Вологодской конторы сельскохозяй-

зяйственного банка появилась новая группа клиентов – семьи фронтовиков и инвалиды Великой Отечественной войны, которые остро нуждались в средствах на поддержание хозяйства. Колхозы и иные организации резко снизили затраты на закупку сельскохозяйственных машин, в отдельные годы на заемные средства их не покупали вовсе.

Мероприятия строительства клиентов банка были в основном направлены на поддержание животноводства, как одной из основных отраслей сельского хозяйства региона. Важными мероприятиями, кредитуемыми и финансируемыми Вологодской областной конторой сельскохозяйственного банка оставались закупки скота разного вида, ввиду хозяйственной специализации области это были в основном коровы и свиньи.

Актуальной проблемой для банковских учреждений стало недоиспользование средств, отпущенных на кредитование, что было связано как с тяжелым финансовым положением предприятий, так и нехваткой рабочих рук и материалов (что было особенно характерно для строительства).

Список источников и литературы

1. Вологодская область. Краткий экономико-статистический справочник // Вологда: Издание Оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР по Вологодской области, 1938. 168 с.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. П-6199. Оп. 1. Д. 8.
3. ГАВО. Ф. П-6199. Оп. 1. Д. 9а.
4. ГАВО. Ф. Р-2726. Оп. 1. Д. 13.
5. ГАВО. Ф. Р-2726. Оп. 1. Д. 105.
6. ГАВО. Ф. Р-2726. Оп. 1. Д. 154.
7. ГАВО. Ф. Р-2726. Оп. 1. Д. 204.
8. ГАВО. Ф. Р-2726. Оп. 2. Д. 2.
9. ГАВО. Ф. Р-2726. Оп. 2 Д. 3.
10. ГАВО. Ф. Р-2726. Оп. 2. Д. 17.
11. ГАВО. Ф. Р-2726. Оп. 2. Д. 23.
12. *Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917–1950 гг.). М.: Наука, 1978. 495 с.
13. *Зверев А.Г.* Сталин и деньги. М.: Алгоритм, 2012. 269 с.
14. *Палевич В.С.* Государственный банк СССР в годы Великой Отечественной войны // История Банка России: 1860–2010: в 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. С. 220–286.
15. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны // История социалистической экономики СССР. Т. 5. М.: Наука, 1978. 565 с.

Опыт изучения фронтовых портретов из собрания Музея-панорамы «Бородинская битва»

Аннотация. В статье представлена работа Музея по установлению личностей участников Великой Отечественной войны, изображенных на портретах фронтовых художников. Определен характер графической и текстовой информации, содержащейся в портретах. Перечислены существующие источники сведений для сопоставления с содержанием портретов и методы их изучения. Разобран ряд сложных случаев установления личностей изображенных. Выявлены особенности создания портретов, усложняющие установление личностей.

Ключевые слова: военный рисунок; установление личности; студия имени Грекова.

Experience of studying front-line portraits from the collection of the Panorama Museum of the Battle of Borodino

Abstract. The article presents the work of the Museum on identification of personalities of the participants of the 2nd World War depicted in portraits of front-line artists. The nature of the graphic and textual information contained in the portraits is determined. The existing sources of information for comparison with the content of portraits and methods of their study are listed. Several complex cases of establishing the identities of the depicted are analyzed. The features of creating portraits that complicate the identification of personalities are revealed.

Keywords: military drawing; identification of personality; Grekov studio.

В собраниях отечественных музеев содержится большое число так называемых фронтовых портретов. Этим термином принято обозначать созданные в период Великой Отечественной войны портреты ее участников, как правило, в действующей армии [3; 4]. Авторы портретов — художники, специально командированные для этой цели в войска или занимавшиеся творчеством в свободное от службы время. В военной обстановке портреты выполнялись в основном в графике, но встречаются и живописные.

¹ **Кирилл Владимирович Ривчак** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ГБУК г. Москвы «Музей-панорама “Бородинская битва”» (Москва, Россия), e-mail: rivchak@mail.ru

Kirill V. Rivchak — Candidate of Historical Sciences, Senior specialist, Panorama Museum “The Battle of Borodino” (Moscow, Russia).

Сохранение памяти о Великой Отечественной войне и ее участниках является одной из основных задач музеев в наше время. При рассмотрении фронтовых портретов совершенно очевидным является вопрос о личностях, на них изображенных. Ответить на этот вопрос не так просто. Далее представлен опыт изучения портретов из собрания Музея-панорамы «Бородинская битва» (МПББ). Основная часть работы была проведена к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне в 2020 г., тогда же результаты были представлены историческому сообществу [8].

Собрание МПББ содержит около 200 фронтовых портретов авторства более двадцати художников, в основном из Студии военных художников им. М.Б. Грекова. Собиратели коллекции видели в этом преимущество патриотического наследия Отечественной войны 1812 г. Свою роль сыграли также тесные связи Музея со Студией. Разумеется, изучение портретов начинается с изучения военных биографий их авторов по имеющейся литературе, в том числе мемуарам [1].

Фронтовые портреты — в основном одиночные, в редких случаях групповые. За исключением нескольких генералов, более трети изображенных составляют офицеры, остальные — младшие командиры, рядовые и лица неустановленного звания. На большинстве портретов указаны фамилии изображенных, как правило — с инициалами, реже — имена и отчества. Зачастую надписи сообщают военную специальность, звание, должность, место службы изображенных, эпизоды их боевых биографий. Как правило, указан год, реже дата и место создания рисунка. На самих портретах информативны награды и нагрудные знаки изображенных, форма их одежды.

Информацию, которую содержат портреты, необходимо сопоставить с доступной информацией об участниках войны. Незаменимым инструментом является общедоступная база данных «Память народа» (pamyat-naroda.ru), созданная Министерством обороны. В базе содержатся оцифрованные документы Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) о награждениях, потерях, мобилизации и т.п. Сайт «Память народа» позволяет вести расширенный поиск по полям записей. В нашем случае основными полями являются «фамилия», «имя», «отчество», «воинское звание», «место службы», «наименование награды», «год награждения». Основные документы, с которыми ведется работа — наградные листы, то есть представления к той или иной награде. Эти листы содержат, помимо названных, также заполненные поля «должность», «год рождения», «участие в Отечественной войне» (указывались время начала, фронты), «чем ранее награжден». Также

важна дата награждения, которая ставилась на последней странице после заключения вышестоящего командования. База данных содержит более 18 миллионов записей о представлениях к наградам. Вероятность обнаружить информацию об искомом участнике войны достаточно велика.

Зачастую в опознании изображенного военнослужащего важно установление места его службы. Для этого необходимо знать полное наименование той или иной военной части, ее состав и подчинение в определенный период времени. Удобным источником информации служит сайт «Указатель частей и соединений РККА 1941–1945» (rkka.wiki), который был создан энтузиастами на основе справочников, издававшихся Министерством обороны СССР для служебного пользования.

Для опознания изображенного решающее значение имеет его фотография. База данных «Память народа» содержит фотографии из учетно-послужной картотеки офицерского состава. В связи с распространением движения «Бессмертный полк» существуют базы данных, в которые сами потомки участников войны могут загрузить информацию о них, в том числе фотографии. Крупнейшие базы данных доступны на сайтах «Бессмертный полк» (moypolk.ru) – 900 тыс. персоналий, «Бессмертный полк России» (polkrf.ru) – 600 тыс. персоналий, «Бессмертный полк Москва» (polk.mos.ru) – 225 тыс. персоналий, «Лица Победы» (historydepository.ru), «Дорога памяти» (foto.pamyat-naroda.ru или 1418museum.ru). Последний проект принадлежит Министерству обороны, и его информация объединена с базой данных «Память народа». Поэтому на сайте представлены как фотографии из той же учетно-послужной картотеки, так и снимки, предоставленные потомками.

Иногда результаты приносит сопоставление фронтового портрета с другими портретами, в том числе из собраний других музеев. Это возможно в первую очередь при помощи сайта Государственного каталога музейного фонда Российской Федерации (goskatalog.ru). В каталоге уже размещена значительная часть фронтовых портретов, и он продолжает пополняться.

На основе информации из перечисленных выше ресурсов удалось установить около ста личностей из 140 обработанных портретов. На сайте Департамента культуры г. Москвы «Музейная Москва онлайн» (museum-online.moscow) были опубликованы две виртуальные выставки – «Лица войны» и «Портрет с фронта» – на которых представлены в совокупности 40 портретов с установленной биографической информацией об изображенных. В 2021 г. выставка «Портрет с фронта»

прошла в Музее Героев Советского Союза и России (отдел МПББ), где были представлены 35 портретов с установленной биографической информацией и фотографиями изображенных. При подготовке выставки удалось установить связь с рядом родственников изображенных. Некоторые из которых посетили выставку и даже передали на время ее проведения мемориальные предметы своих ветеранов.

Опыт Музея-панорамы не является уникальным. Такую работу проводят и другие музеи, в первую очередь, Музей Победы (г. Москва) [2, с. 44].

Как уже отмечалось, установление личности изображенного проводится на основе информации, которую содержит портрет. Как правило, чем больше такой информации – тем проще установить личность, но не всегда. Бывает, что надпись или деталь изображения вступает в противоречие с остальной информацией, которую содержит портрет. Далее будут рассмотрены такие сложные случаи из опыта изучения фронтовых портретов в собрании МПББ.

Портрет работы Ю.А. Цишевского с датой «25.VIII.44» и надписью «Автоматчик Василий Лисовой кавалер орденов Славы и ордена Отеч. войны II степени, одним из первых ворвался в город Тарту и водрузил красный флаг на городской башне» (ОФ-6541) Город Тарту Эстонской ССР 25 августа 1944 г. освободили части 67-й армии, в том числе 146-я стрелковая дивизия, в которой служил сам Ю.А. Цишевский. В базе данных «Память народа» обнаружен Лисовой Василий Павлович, 1925 года рождения, командир отделения автоматчиков 146-й стрелковой дивизии. К августу 1944 г. В.П. Лисовой был награжден орденами Славы и Отечественной войны II степени [6, л. 83]. Однако на портрете на погоне отсутствуют лычки, соответствующие званию В.П. Лисового, согласно документам – старшего сержанта. В Государственном каталоге удалось найти копию портрета, выполненную Ю.А. Цишевским, с практически совпадающей надписью, из собрания Музея истории Екатеринбурга (МИЕ 12584). На этом портрете на погоне виднеются лычки старшего сержанта. Таким образом, на портрете из собрания МПББ погон попросту не полностью прорисован.

Портрет работы Ф.Н. Сачко с надписью: «с-т Татарченко А., участник штурма Кенигсберга» (ОФ-5466). «С-т» – принятое сокращение для звания «сержант», но изображенный с погонами рядового. На груди видны гвардейский знак, орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». По сочетанию наград обнаружен Татарченко Александр Афанасьевич, 1925 года рождения, служивший во 2-й гвардейской стрелковой дивизии и награжденный медалью «За взятие Кенигсберга»

[7, л. 68–68 об.]. От семьи ветерана удалось получить его фотографию, которая имеет явное сходство с портретом. Однако А.А. Татарченко де-мобилизовался рядовым, и значение надписи «с-т» остается неясным.

Портрет работы И.А. Лукомского с надписью: «мл. лейтенант Гулицкий Т.М. 1 гвард. дивизия Запфронта 1942» (ОФ-7718). На обороте рисунка надпись: «участвовал в боях на Витебском, Смоленском, Вяземском, Нарофоминском направлениях в 175 мотострелковом гвардейском полку». Такой боевой путь проделала 1-я гвардейская мотострелковая дивизия, один из полков которой некоторое время именовался 175-м мотострелковым. В именном списке части за 1943 г. обнаружен младший лейтенант Гулицкий Герасим Тихонович [5]. Фотография из учетно-послужной карточки офицера показала, что это его портрет. Остается предположить, что инициалы «Г.Т.» на рисунке написаны как «Г.Т.». Возможно, что художник неверно переписал инициалы из какого-то источника. Такую возможность подтверждает следующий случай.

Портрет работы П.Я. Кирпичева «Капитан Белых Николай Васильевич, командир штрафной роты 255 бригады морской пехоты» (ОФ-6493). Портрет выполнен во время пребывания художника на плацдарме «Малая земля» летом 1943 года. Несмотря на подробную подпись, не удалось обнаружить человека с такими личными данными. При этом в нашем распоряжении имеется его фотография, размещенная на одном из военно-исторических форумов «из архива внука П.Я. Кирпичева». Полное совпадение с рисунком означает, что художник выполнил его по этой фотографии. Возникают сомнения, общался ли художник с изображенным лично и верно ли записал его личные данные.

Возможность такой ситуации показывает другой рисунок П.Я. Кирпичева выполненный на «Малой земле», который не содержит информацию об изображенном (ОФ-6490). Вместо этого художник поставил знак вопроса и надпись «спросить у м. Грязнова» (майора Грязнова С.С. из 255-й бригады морской пехоты, которого также изобразил П.Я. Кирпичев). Очевидно, что и портрет неизвестного был выполнен не с натуры, иначе художник сам бы познакомился с изображаемым.

Рассмотрим еще один случай, когда портрет создавался не с натуры. Портрет работы И.А. Лукомского без каких-либо надписей в собрании МПББ записан как «портрет неизвестного» (ОФ-7717). В собрании Государственного исторического музея имеется практически идентичный портрет, выполненный другим художником-грековцем Р.Г. Гореловым (ГИМ 106616/3). Его рисунок снабжен надписью «сер-

жант Савенков Виктор Яковлевич, 1943 г.» Удалось обнаружить единственного участника войны с такими фамилией, именем и отчеством. Это еще один художник студии Грекова (ее члены носили воинские звания), который вместе с И.А. Лукомским находился в Сталинграде зимой 1942–1943 гг. [1, с. 14]. Однако сын художника, с которым удалось связаться, не признал в портретах изображение своего отца. Полное совпадение обоих рисунков означает, что, по меньшей мере, один из них создавался не с натуры. Это вызывает сомнения в том, насколько художникам удалось передать черты лица изображенного.

Содержащаяся во фронтовом портрете информация, на основе которой происходит определение личности изображенного, может содержать ошибки, допущенные художником. К ним относится как небрежное изображение знаков различия и наград, так и искажение личных данных в надписи. Художник не всегда взаимодействовал с изображаемым напрямую. Записанные на портрете личные данные художник мог получить от третьего лица. Более того, художники выполняли портреты не только с натуры, но и по изображениям, что не способствовало достижению сходства. Этот факт, не известный из мемуаров художников, стал одним из наиболее важных результатов изучения фронтовых портретов.

Список источников и литературы

1. Военные художники студии им. М.Б. Грекова на фронтах Великой Отечественной войны. Л.: Художник РСФСР, 1962. 370 с.
2. *Волков В.Д.* Портретный рисунок Великой Отечественной войны // Наука и Школа. 2020. № 4. С. 43–53.
3. *Зайкова В.Д.* Уральские танкисты – герои фронтовых портретов // Всеуральские чтения по истории Уральского добровольческого танкового корпуса. Пермь: Уральский рабочий, 2023. С. 336–342.
4. *Ипполитова Е.В.* Фронтовые портреты в коллекции Национального музея республики Татарстан // Чувашский Национальный музей: люди, события, факты. 2018. № 13. С. 19–22.
5. Именной список части // Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 6555. Оп. 267755. Д. 2.
6. Наградной лист // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 4689.
7. Наградной лист // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5058.
8. *Ривчак К.В.* Атрибуция фронтовых портретов периода Великой Отечественной войны из коллекции Музея-панорамы «Бородинская битва» // 75-летие Великой Победы: память, уроки, противодействие фальсификациям. М.: МПГУ, 2023. С. 156–162.

Источники комплектования коллекций по Великой Отечественной войне в краеведческом музее (на примере Музея истории города Ярославля имени В. Г. Извекова)

Аннотация. В статье анализируются основные источники комплектования коллекций Музея истории города Ярославля имени В. Г. Извекова (открыт в 1998 г.) по теме «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», как музея, не осуществлявшего целенаправленный сбор материалов непосредственно в период войны и сразу после ее окончания. Среди источников комплектования коллекций о войне, выявленных на основе изучения учетной документации за период 1998–2023 гг., выделяются: личные коллекции участников и очевидцев событий; наследие известных ярославцев, в ряде случаев – фрагментарное, связывающее фонды музея с другими музейными собраниями; архивы учреждений и предприятий; семейные архивы ярославцев, стремящихся сохранить память о своих родственниках. Автор приходит к выводу о том, что в своей практике музей ориентируется на формирование личных фондов участников войны и тружеников тыла и работу с местным населением, а личная история войны является одним из определяющих направлений в собирательской работе городского музея.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; музейное собрание; краеведческий музей; источники комплектования; Ярославль.

Sources of acquisition of collections on the Great Patriotic War in the Local history museum (on the example of the Museum of the Yaroslavl City History named after V. G. Izvekov)

Abstract. The article analyzes the main sources of acquisition of collections of the Museum of the Yaroslavl City History named after V. G. Izvekov (opened in 1998) on the topic “The Great Patriotic War of 1941–1945”, as a museum that did not carry out a purposeful collection of materials directly during the war and immediately after its end. Among the sources of acquisition of collections about the war, identified based on the study of accounting documentation for the period 1998–2023, there are: personal collections of participants and eyewitnesses of the events; the legacy of famous Yaroslavl residents, in some

¹ Светлана Юрьевна Козлова – кандидат исторических наук, ученый секретарь Музея истории города Ярославля имени В. Г. Извекова (Ярославль, Россия), e-mail: libushe19@yandex.ru

Svetlana Yu. Kozlova – Candidate of Historical Sciences, Academic Secretary, City History Museum of Yaroslavl named after V. G. Izvekov (Yaroslavl, Russia).

cases fragmentary, linking the museum's funds with other museum collections; archives of institutions and enterprises; family archives of Yaroslavl residents seeking to preserve the memory of their relatives. The author comes to the conclusion that in its practice the museum focuses on the formation of personal funds of war participants and home front workers and work with the local population, and the personal history of the war is one of the defining directions in the collecting work of the city museum.

Keywords: The Great Patriotic War; museum collection; local history museum; sources of acquisition; Yaroslavl.

Муниципальное учреждение культуры «Музей истории города Ярославля» (далее – МИГ) создан в 1998 г., а с 1985 до 1998 гг. музей был филиалом Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника. В то время в экспозиции музея был комплекс «Боевая и трудовая доблесть ярославцев» [10, л. 140, 142].

С созданием муниципального музея началась активная собирательская работа, материалы передавали горожане, учреждения и предприятия, коллекционеры. Наиболее интенсивный этап пришелся на период с июня 1998 г. до открытия музея для посетителей в мае 1999 г. Значительная часть собранных материалов вошла в экспозицию «Десять веков истории города Ярославля», работающую до настоящего времени. В экспозиции раскрыта концепция «Человек в истории Ярославля, Ярославль в истории России», автором которой является Владимир Георгиевич Извеков, первый директор музея (1998–2011 гг.). Специфика процесса формирования фондов музея была обусловлена необходимостью в короткий срок собрать экспонаты, отражавшие все этапы тысячелетней истории Ярославля. До 2021 г. частью экспозиции был комплекс, посвященный периоду Великой Отечественной войны и уделявший значительное внимание бытовым условиям жизни ярославцев в годы войны, его композиционный центр – комната военных лет. С сентября 2021 г. его место занял комплекс «Город трудовой доблести» (это почетное звание присвоено Ярославлю в июле 2020 г.), повествующий о производстве военной продукции в городе, условиях труда, жизни горожан и специфике Ярославля военных лет. С 2002 г. в музее работает экспозиция «Из истории ярославской медицины», один из ее комплексов посвящен деятельности эвакогоспиталей и ярославских врачей в годы войны. Музейное собрание включает более 12 тыс. единиц хранения основного фонда и более 20 тыс. единиц хранения научно-вспомогательного фонда, из них около 4% относятся к периоду Великой Отечественной войны и связано с этой темой.

Проблема определения основных источников комплектования коллекций о Великой Отечественной войне в музеях, не осуществлявших целенаправленный сбор материалов непосредственно в период войны и сразу после ее окончания, заключается в том, что музеи работают исключительно с «предметами памяти». Отчасти с этим связана и однотипность материалов, поступающих в фонды музея, – важная проблема в актуальной задаче комплексного представления темы войны в городском музее. Музей, руководствуясь общими положениями государственной политики в сфере сохранения памяти о Великой Отечественной войне, ориентирован на объективное, всестороннее и аттрактивное представление темы.

В последние годы опубликованы научные статьи о способах и методах комплектования фондов музея о Великой Отечественной войне [6], исследования, освещающие историю формирования коллекций периода войны и описывающие их содержание [4; 5; 17], уделяющие внимание основным направлениям и путям формирования коллекций музеев [7]. Выделяется актуальная и для МИГ проблема отсутствия комплексного описания наследия, препятствующего введению в научный оборот целого ряда важных источников региональной истории [18, с. 143].

В статье анализируется музейное собрание МИГ. Цель исследования – выявление и систематизация основных источников комплектования коллекций музея по теме «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», как городского краеведческого музея из категории музеев, не осуществлявших целенаправленный сбор материалов непосредственно в период войны и сразу после ее окончания. Предмет анализа – учетная документация музея (акты приема на постоянное хранение за период 1998–2023 гг.), материалы музейной информационной системы КАМИС, позволяющие составить целостное представление о поступлении предметов в музейные фонды. В исследовании применен ряд методов, среди них: историко-системный метод, позволяющий обобщить выявленный материал и сделать выводы об основных источниках комплектования коллекций музея; историко-типологический метод, дающий возможность систематизировать коллекции и сгруппировать материалы; историко-сравнительный метод, позволивший провести дополнительную атрибуцию ряда предметов; метод включенного наблюдения.

В результате подробного анализа музейного собрания выделены четыре основных источника комплектования коллекций музеев по Великой Отечественной войне за период 1998–2023 гг.:

Первый источник – материалы личных коллекций, передаваемые участниками и очевидцами событий: «субъект как бы сам становится объектом «архивирования», сам определенным образом осуществляет отбор документов, структурирует их, выстраивает в определенную последовательность, то есть пытается (осознанно или неосознанно) представить собственный образ таким, каким ему хотелось бы себя видеть» [20, с. 53]. В фонды музея поступает комплекс предметов, документирующих весь жизненный путь героя, но именно война становится красной линией всего жизнеописания. В 2017 г. материалы из своего личного архива в музей передал Семен Иосифович Бройде (род. 1933) – ярославец, ветеран Великой Отечественной войны, труженик тыла, двумя годами ранее ставший героем одного из выпусков авторской программы Н.С. Михалкова «Лишь бы не было войны» на телеканале «Россия 24». Из 60 единиц хранения, переданных в музей, особый интерес представляют семейные фотографии 1940-х гг., личные документы и брошюра «Маленький кормилец (воспоминания о военном детстве)» с дарственной надписью автора [3]. Эти материалы были показаны в музее на выставке «Бройде. Судьба человека», прошедшей в 2023 г. и акцентировавшей внимание на военных годах. В целом, таких поступлений единицы, но именно они дают возможность наиболее полной и точной атрибуции предметов, имеют значительный потенциал для комплексного научного осмысления биографий земляков периода войны.

Второй источник – наследие известных ярославцев, в основном художников, врачей, педагогов. Круг сдатчиков в этом случае широк: коллеги, друзья, ученики, пациенты и т.д. Как отмечают исследователи, «сохранение памяти о Великой Отечественной войне – это в первую очередь сохранение памяти об участниках войны» [19, с. 156]. Так, в 2000 г. в музей была передана часть работ Сергея Степановича Беляева (1922–1981) – советского художника, участника Великой Отечественной войны, награжденного орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги», автора живописных и графических работ на фронтовые темы. В составе переданных материалов (всего 133 единицы хранения): работы из серий «Берлин» и «Дрезден» 1945–1946 гг.; портреты сослуживцев военных и послевоенных лет; портрет И.И. Гусаковского, дважды Героя Советского Союза; зарисовки фронтовой жизни; фотографии с немецкими детьми (8 мая 1945 г.); групповые фотопортреты с сослуживцами в Германии [2]. Исследователи отмечают, что «в наше время портреты рассматриваются как произведения искусства, но в гораздо меньшей степени – как запечатленные образы реальных людей»

[19, с. 157]. Фронтальные рисунки – уникальные исторические свидетельства военных лет, требующие внимательного изучения. В работах С.С. Беляева противопоставляются образы советского воина и врага, обличается человеконенавистническая идеология нацизма. В целом, личный архив художника в контексте научного изучения и осмысления исторического опыта войны, понимается как некий единый историко-культурный текст, содержательный и информативный – это разложенное на детали, значимые для автора, но единое повествование о войне, увиденной своими глазами. Работы С.С. Беляева хранятся в Центральном музее вооруженных сил России, в музеях Ярославля, Рыбинска, Нижнего Новгорода и других городов, музеях Польши и Чехии.

Третий источник – архивы ярославских учреждений и предприятий. Одно из самых значительных поступлений состоялось в 2018 г.: в музей были переданы материалы муниципального казенного учреждения «Центр гражданской защиты» Ярославля, всего – 274 единицы хранения. В коллекции – материалы 363, 364 и 365 батальонов местной противовоздушной обороны военных лет: фотографии и обмундирование бойцов; прибор химической разведки образца 1943 г.; копии книг приказов по батальонам; снаряды [21, л. 1–12]. Особого внимания заслуживают воспоминания Нины Михайловны Федотовой, бойца 365 батальона, подробно рассказывающие о работе бойцов и условиях их жизни. Воспоминания и интерпретации событий самими их участниками и очевидцами, служат для расширения картины войны и понимания психологии человека на войне [5, с. 40]. В 2020 г. часть материалов была показана на выставке «Настроение – Победа!» [13, с. 48–49], а в настоящее время размещена в экспозиционном комплексе «Город трудовой доблести». Многие материалы не имеют легенды, их атрибуция осуществляется сотрудниками музея.

Четвертый источник – семейные архивы горожан, передача которых связана с общим представлением о музее, как хранителе памяти. По-прежнему сохраняется такой канал передачи памяти о подвигах и трагедиях войны, как семейные рассказы о войне старшего поколения [12, с. 109]. Эти рассказы основываются на воспоминаниях и семейном архиве – личной форме сохранения исторической памяти. Музей придает ценность этой памяти в контексте истории города и истории войны, подвига народа. Среди материалов, переданных из ярославской семьи и документирующих ее историю, в т.ч. этап Великой Отечественной войны, – архив семьи Логиновых. В 1999 г. Майя Александровна Логинова (1936 г.р.), сама ребенком пережившая войну, передала в музей фотографии, личные документы, предметы быта

и одежду, всего – 395 единиц хранения [1]. В их составе – предметы военного времени, связанные с ее отцом, Александром Андреевичем Логиновым. Глава семейства в первые дни войны был мобилизован и направлен на службу в эвакуационный госпиталь НКО № 1085 в Ярославле, где со временем занял должность помощника начальника госпиталя, был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За Победу над Германией» [16]. В переданных материалах: фотопортреты А.А. Логинова 1940-х гг., мобилизационное предписание от 24 июня 1941 г., военные билеты 1939 и 1948 гг., удостоверение личности 1944 г., документы к наградам, армейский ремень и фонарик 1940-х гг., трофейная губная гармошка и фляга. Интерес также представляет семейная фотография 1939 г., на которой запечатлены А.А. Логинов вместе с супругой и дочерьми Майей и Марией [14], и выступающая в контрасте фотография 1944 г. [15], редкий бытовой снимок, на котором его супруга Александра Гавриловна и дочери запечатлены на фоне новогодней елки. Такие фотографии дают возможность наглядно и эмоционально представить тему влияния войны на семьи. Как правило, комплексы предметов, передаваемые семьями в музей, включают личные документы и фотографии, а также боевые награды, которые «можно считать символами Победы» [4, с. 9].

Перспективным источником пополнения коллекций музея предметами периода войны может стать организация тематических экспедиций и взаимодействие с поисковыми отрядами, выходящее за рамки развивающейся практики проведения совместных мероприятий в музее. Значительный потенциал имеет и контекст истории места, он задает одно из важных направлений пополнения фондов музея. Бывший особняк купца В.Я. Кузнецова 1893 г. постройки, здание музея, в годы войны занимала Детская больница им. 8 Марта. Больница находилась здесь в период 1935–1947 гг. [8, л. 121; 9, л. 4]. В ходе исследования, проведенного в начале 2023 г. совместно с О.В. Кузнецовой, главным архивистом Государственного архива Ярославской области, удалось выявить документы о работе детской больницы в годы войны, проведенных в здании ремонтах, составе медицинского персонала больницы, подтвердить организацию здесь газоубежища в 1942 г. [11, л. 24 об.]. Сбор материалов для медицинской экспозиции связан с организацией военно-санитарного дела, клинической практикой и медицинской наукой, и это общая направленность комплектования коллекций музеев, имеющих медицинские экспозиции [6, с. 72].

В итоге необходимо подчеркнуть, что для музея, не имевшего возможность комплектовать коллекции о Великой Отечественной войне

непосредственно в период войны, задача пополнения фондов и обеспечения всестороннего освещения темы в экспозициях и выставках является одной из наиболее сложных для реализации. МИГ хранит материал по военно-историческому наследию города Ярославля, собрание музея включает подлинные документы, фотографии, воинское обмундирование, оружие и награды, предметы солдатского быта, документальный фонд. Все эти материалы поступали в музей в период 1998–2023 гг. из четырех основных источников: из личных коллекций участников и очевидцев событий; от хранителей наследия известных ярославцев; от ярославских учреждений и предприятий; от ярославских семей, стремящихся сохранить память о своих родственниках. В настоящее время перед музеем стоит задача поиска новых источников пополнения коллекций. Подход комплектования личных фондов участников войны и тружеников тыла, наметившийся к сегодняшнему дню на практике, но не выделенный документально как приоритетный, во многом обусловлен как раз тем, что музей не работал в период войны. Это связано с комплектованием «предметов памяти», значительным временным разрывом с периодом войны, ориентированностью на взаимодействие с местными семьями, а также учреждениями, формировавшими свои архивы в советское время и зачастую выстраивавшими повествование вокруг участников войны или достижений периода войны. Заявленная в статье проблема требует дальнейшего изучения, соотношения практики музеев из разных регионов России.

Список источников и литературы

1. Акт приема на ПП № 128–99 от 13.05.1999 г. (от М.А. Логиновой) // Музей истории города Ярославля имени В.Г. Извекова.
2. Акт приема на ПП № 148–00 от 15.12.2000 г. (от З.В. Космодемьянской) // Музей истории города Ярославля имени В.Г. Извекова.
3. Акт приема на ПП № 15–17 от 05.06.2017 г. (от С.И. Бройде) // Музей истории города Ярославля имени В.Г. Извекова.
4. *Афанасьев В.А.* Символы Великой Победы в коллекции Центрального музея Вооруженных сил Российской Федерации // Военно-исторические чтения к 75-летию Великой Победы: материалы VIII всерос. науч.-пр. конф. (Керчь, 26–29 фев. 2020 г.). Симферополь: Бизнес-Информ, 2020. С. 7–10.
5. *Богданова Е.Г.* Реликвии, рожденные войной // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России: материалы межд. науч.-пр. конф. к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией (Оренбург, 23–25 апр. 2020 г.). Оренбург: Издательство ОГПУ, 2020. С. 39–43.

6. Будко А.А., Чigareва Н.Г. Уникальные экспонаты и коллекции периода Великой Отечественной войны в фондах Военно-медицинского музея // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336. № 5. С. 71–77.

7. Воронина И.В. Формирование фондовых коллекций музея-заповедника «Сталинградская битва»: история, основные направления, перспективы // Наследие веков. 2022. № 1. С. 63–75.

8. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-385. Оп. 2. Д. 6.

9. ГАЯО. Ф. Р-1269. Оп. 1. Д. 1172.

10. ГАЯО. Ф. Р-1269. Оп. 3. Д. 1893.

11. ГАЯО. Ф. Р-2380. Оп. 4. Д. 103.

12. Давыдов С.Г. Музейные комплексы и формирование исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны // Современная научная мысль. 2020. № 4. С. 107–111.

13. «Настроение – Победа!»: 75 экспонатов выставки: каталог выставки для школьников к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне / сост. С.Ю. Козлова, О.В. Кузнецова. Ярославль: Издательское бюро «ВНД», 2020. 86 с.

14. НВФ-310/1. Семейное фото Логиновых. 1939 г. // Из фондов Музея истории города Ярославля имени В.Г. Извекова.

15. НВФ-310/3. Фотография. У елки. 1944 г. // Из фондов Музея истории города Ярославля имени В.Г. Извекова.

16. НВФ-314. Военный билет офицера запаса вооруженных сил Союза ССР Логинова А.А. 1948 г. // Из фондов Музея истории города Ярославля имени В.Г. Извекова.

17. Полозов Е.М., Немова С.Н. Оружие в личных коллекциях туляков – участников Великой Отечественной войны в фондах Тульского областного краеведческого музея // Мир оружия: история, герои, коллекции: материалы VII межд. науч.-пр. конф. (Тула, 16–18 окт. 2019 г.). Тула: ФГБУК «Тульский государственный музей оружия», 2020. С. 400–405.

18. Полтева Т.И. Документальные коллекции Великой Отечественной войны в собрании Национального музея им. А.В. Анохина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 34. С. 142–147.

19. Ривчак К.В. Атрибуция фронтовых портретов периода Великой Отечественной войны из коллекции музея-панорамы «Бородинская битва» // 75-летие Великой Победы: память, уроки, противодействие фальсификациям: материалы межд. онлайн-конф., посвященной празднованию 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Москва, 25 сентября 2020 г.). М.: МПГУ, 2023. С. 156–162.

20. Слуцкий А.И. Великая Отечественная война в архивных документах художника Александра Ерофеевича Глуховцева // Наследие веков. 2016. № 2 (6). С. 44–54.

21. Список предметов, переданных Муниципальным казенным учреждением «Центр гражданской защиты» Ярославля Муниципальному учреждению культуры «Музей истории города Ярославля». 2018 г. 12 с.

Устные нарративы казахстанцев о Великой Отечественной войне в контексте трансформации исторической памяти

Аннотация. Статья посвящена изучению памяти казахстанцев о Великой Отечественной войне через призму устных свидетельств. Интервью с ветеранами и стенограммы бесед с участниками в военный период в сочетании с письменными источниками позволяют не только раскрывать исторические реалии, но и предоставляют пример использования устного исторического источника для решения задач сегодняшнего дня на фоне трансформации исторической памяти. Устные воспоминания о войне расширяют репрезентацию образов прошлого и одновременно оказывают влияние на политику памяти в силу существующих споров в публичном поле. Сегодня назрела необходимость выстраивания стратегии политики памяти в отношении истории Казахстана XX века, в контексте которой важно определить место Великой Отечественной войны в общей рамке памяти казахстанцев.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Казахстан; устные воспоминания; историческая память.

Kazakhs' oral narratives of the Great Patriotic War in the context of historical memory transformation

Abstract. The article is devoted to the study of Kazakhstanis' memory of the Great Patriotic War through the prism of oral testimonies. Interviews with veterans and transcripts of conversations with wartime participants, combined with written sources, allow not only to reveal historical realities, but also to provide an example of the use of oral historical sources to solve the problems of today against the background of the transformation of historical memory. Oral memories of the war expand the representation of images of the past and at the same time influence the politics of memory due to existing disputes in the public field. Today, there is a need to build a memory policy strategy for the history of Kazakhstan of the XX century, in the context of which it is important to determine the place of the Great Patriotic War in the overall framework of the memory of Kazakhstanis.

¹ Светлана Геннадьевна Белоус – PhD, старший преподаватель кафедры истории Казахстана им. акад. Т.С. Садыкова Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алматы, Казахстан), e-mail: sbelous978@gmail.com
Svetlana G. Belous – PhD, Senior Lecturer, Department of History of Kazakhstan named after Academician T.S. Sadykov, Abay Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan).

Keywords: the Great Patriotic War; Kazakhstan; oral memoirs; historical memory.

В Казахстане, как и в странах Центральной Азии, продолжают споры о том, как стоит относиться к участию Казахстана в Великой Отечественной войне. 78-я годовщина Победы над нацистской Германией стала поводом для обсуждения самых разных вопросов. В том числе: «Стоит ли отмечать День Победы?». Появились критические публикации в отношении подвига панфиловцев, в которых оспаривается факт боя и признается литературным вымыслом. Это привело к тому, что нередко отрицается не только конкретный бой, но и мужество и героизм, проявленные бойцами. К.С. Дроздов называет подобные проявления издевательством над исторической памятью народа [3, с. 165]. Военный историк Л.С. Ахметова утверждает, что сегодня сознательно пытаются нивелировать победу и героизм ветеранов. У людей неоднозначное отношение к георгиевским лентам. Она указывает на религиозный аспект: Бессмертный полк (Батырларға тағзым) оценивают по канонам шариата [11]. Политолог Д. Ашимбаев отмечает: «Последние годы идут упорные попытки подорвать историческое и политическое значение Дня Победы. Этот праздник не вписывается в «постколониальный синдром» [7].

Вместе с тем стало известно о наградах для ветеранов Великой Отечественной войны: Абдыгали Каймолдину и Ивану Гапичу указом Президента К.-Ж.Токаева присвоено звание «Халық қаһарманы» («Народный герой») [2]. А.С. Жанбосинова обращает внимание на активное этнотерриториальное конструирование памяти в географическом пространстве Казахстана. В каждой области есть свои участники войны и свои коммеморативные практики [5, с. 139]. По ее мнению, официальная государственная политика по формированию исторической памяти о Великой Отечественной войне в Казахстане имеет рамочные параметры и не противоречит содержанию коллективной памяти, которая «имеет общие тренды с государственной исторической политикой в России, Белоруссии, пересекаясь с государствами Центральной Азии» [5, с. 134]. Исследовательница констатирует, что пробелы современного образования приводят к декларации: «это была не наша война» [5, с. 136]. Несмотря на «живую» память ветеранов, все чаще рассказанная история подвергается сомнению.

На фоне тенденции возрождения национальной истории на задний план стали отодвигаться события, консолидировавшие людей в советское время. К таковым относится Великая Отечествен-

ная война. Казахстан и республики Центральной Азии сохраняют название праздника и память о войне. Однако само наличие раскола коллективной памяти свидетельствует о неоднородной исторической памяти о войне и о том, что мы находимся на этапе ее трансформации. Неотъемлемым шагом становится обращение к памяти участников.

Историческая память предполагает отражение коллективного опыта и передачу знания о прошлом новым поколениям. Если речь идет о выработке стратегии обращения к прошлому, выстраивании нарратива и формировании национальной идентичности, то мы перемещаемся в пространство политики памяти, которая стремится повлиять на историческую память, направить ее в «нужное русло», сформировать представление людей о прошлом. Следует оговориться, что споры о политике памяти неизбежны, поскольку она влияет на формирование стиля мышления гражданина. Однако историческую память формируют не только институты политики памяти, но и социум, который помнит и может поделиться ценными воспоминаниями. В особенности если для общества характерно стремление осознанно проработать прошлый травматичный опыт. Коллективная память может и должна опираться на индивидуальную память. Несмотря на то, что индивидуальный опыт обречен раствориться в групповом [14]. Память позволяет конструировать события прошлого или может изучаться как память-свидетельство людей, переживших опыт [6, с. 15]. Как помнит общество? Как аккумулируются мысли человека о событии, когда он находится внутри него (синхронные воспоминания) и по прошествии длительного времени (отложенные воспоминания)? Нам может казаться, что воспоминания отличаться не будут, если только человека не подведет память, поскольку она пластична, и тогда он не сможет воспроизвести детали. Но важно понимать, что битвы памяти зависят от повестки дня и желания себя идентифицировать, а официальный нарратив накладывается на восприятие своего опыта.

Изучение устных свидетельств неизбежно требует мультидисциплинарности подходов. В нашем случае это сочетание *Memory studies*, *Oral history* и военной антропологии. Комплексный подход позволяет выйти на новый уровень знаний о «человеке воюющем» как особом социально-психологическом явлении, позволяет раскрыть мысли, чувства, механизмы поведения людей в экстремальных условиях. Пересечение *Oral history* и военной антропологии дает возможность увидеть не «официальную войну», а войну из окопа, танка, войну глазами

комбатантов и гражданского населения, отразить солдатскую, женскую, детскую историю в годы войны. Картина прошлого дополняется «пазлами» человеческого измерения. Оно включает в себя спектр таких проблем, как военная повседневность, сфера ментальности, индивидуальная психология и т.д. Изучение не «сверху» через официальный дискурс, а «снизу» и «изнутри» [13, с. 18]. Создается основа для изучения механизмов формирования и эволюции исторической памяти общества о военном прошлом, проблем ее сохранения при смене поколений.

Мы изучили устные свидетельства в сопоставлении с письменными нарративами. Базу синхронных воспоминаний составили материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны (Комиссия И. Минца). Они фиксировались в период боевых действий [12]. Отложенные воспоминания представлены интервью с ветеранами Жамбылской области, с которыми нам довелось побеседовать в ходе реализации проекта «Жамбылская область в годы Великой Отечественной войны» [4].

Обратимся к корпусу устных источников, содержащихся в материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Наибольшую ценность представляют записи бесед с участниками боевых действий, работниками тыла, деятелями науки и культуры. Документы отражают положение в политической, экономической и культурной жизни республики в годы войны, дают возможность рассмотреть практики выживания в военное время. В материалах Комиссии устные свидетельства сосредоточены вокруг пропаганды подвига, формирования образов врага и героя. Демонстрировалась дружба народов СССР, вклад союзных республик в Победу над фашизмом [1, с. 364]. Одна из основных целей сбора и публикации такого рода материалов была направлена на формирование патриотизма среди казахов и представителей других республик, уменьшение разногласий и конфликтных ситуаций между азиатскими и славянскими народами. Советская идентичность у казахов укреплялась благодаря боевому братству на полях сражений Великой Отечественной войны, когда соотечественники узнавали о боях-националах, совершивших героические подвиги, когда со стороны командиров и солдат других национальностей подчеркивалось уважение к казахскому языку и культуре воинов-казахов. Примером служит стихотворение «В решительный бой» красноармейца И. Новикова, опубликованное в газете «Сталинский путь» 5 декабря 1941 г. на первой странице [9, л. 56]:

Казахи, таджики, карелы —
Народы страны трудовой,
Вставайте за правое дело.
Идите в решительный бой.
Идите на грозную битву,
Вливайтесь в отряды бойцов,
Крушите коварных бандитов
Железом, огнем и свинцом.
Врагу не уйти от расплаты,
Дави кровожадных зверей —
За наши сожженные хаты,
За кровь стариков и детей.
Стеной нерушимую стали
Мы все за Отчизну свою.
В сражения водит нас Сталин, —
Добудем победу в бою.

Вместе с тем в материалах присутствуют неангажированные, искренние суждения. Множество размышлений о войне и о роли человека. Герой Советского Союза гвардии майора Малик Габдуллин вспоминал: «Фронтовик не жестокосердный и не бесчувственный человек. Порой он наполняется гневом, порой бывает по-детски наивен, у него нежное сердце, иногда он даже плачет... Когда с громким криком кидаешься в кровопролитный бой, когда идет схватка не на жизнь, а на смерть, когда во весь рост встает вопрос «ты или я» — исчезает все, забываются пережитые радости и печали. Ты оказываешься во власти единственного чувства — отомстить врагу. Руки наливаются силой, и сила эта заполняет сердце. И тогда ты среди своих, в меру своих сил и возможностей становишься батыром... Душевная близость, верность в дружбе, готовность пожертвовать своей жизнью за товарища — вот основные и давние традиции фронтовиков» [10, л. 83]. В одном из боев под Москвой М. Габдуллин был ранен в ногу. Два товарища кинулись к нему на помощь, но были убиты. Комбат старший лейтенант Безверещенко вынес раненого с поля боя. М. Габдуллин позже скажет: «Безверещенко нельзя забыть. Он всегда в моей памяти. Фронт меняет характер человека. Здесь возникает вопрос: хочешь ли умереть ни за что, ни про что или хочешь жить? Кому хочется умереть? Всякому хочется жить, существовать. А если так — борись, воюй, думай не о смерти, а о жизни. Вот в чем, мне кажется, кроется одна из причин смелости и отваги товарищей» [10, л. 84]. В его же воспоминаниях

отмечаются отрицательные стороны человеческой природы: «Я видел немало блестящих, вертких, точно ртуть, юношей. Некоторые из них тут, на фронте, не смогли блеснуть, как там, у себя в ауле. У себя дома они изображали героя, а тут, на фронте, поблекли и стушевались» [10, л. 85].

Бауыржан Момышулы вспоминал в 1944 г. о событиях, активным участником которых являлся сам. В его рассуждениях сосредоточены важнейшие смыслы, их глубина поражает. Он размышляет обо всем спектре чувств человека на войне, справедливо отмечая и самые неприглядные [8]. «Опыт Великой Отечественной войны еще раз убедил нас, что победа одерживается силою духа. Успех зависит от морально-нравственных сил войск. Основа основ – это живой и сознательный человек» [8, с. 17]. В его воспоминаниях находят отражение образы исторической памяти казахского народа: «Я убедился на собственном опыте, что в воспитании боевых качеств бойца колоссальное значение играет военное прошлое народов и национальные традиции [8, с. 34]. Подвиги славных казахских батыров Едиге, Кобланды, Бекета, Наурызбая, Исатая, Махамбета, Амангельды, Алпамыса и других должны стать традицией для современных джигитов. Ах, как жаль, что молодежь их мало знает!» [8, с. 36]. Вторит ему М. Габдуллин: «Что значат произведения, романы о Срыме, Наурузбае, Кенесары, Есете, Бекете и других? Разве это не тема о Родине? Сегодняшние герои не свалились с неба. Они берут пример с древних героев. Ведь понятие о героизме знакомо нам издревле» [10, л. 86].

В стихотворении Жамбыла Жабаева «Москве» (октябрь 1941 г.) отражена его принадлежность к миру кочевников, о которой он напоминал бойцам из казахских степей [9, л. 20–21]:

Страна помогает Москве.
Наш Риддер, Чимкент и Балхаш,
Арал и его острова,
Бурильщик и угольщик наш
Тебе помогают Москва.
Полки казахстанских сынов
Участвуют в смертном бою
За тысячи светлых домов,
За душу, столица, твою.
Мне ветер, мне поле – родня.
С пеленок в седле я живу,
Чуть свет, я сажусь на коня,

Поводья, как юноша, рву,
И мчусь, стремянами, звеня,
И всех узнающих меня,
Москве на подмогу зову.

Нашли подобные мысли место в письмах. Бойцы И. Сулейменов и Ж. Латаев в письме казахскому народу вспоминали: «Каждый воин нашего соединения помнит и хранит в сердце завещание любимого товарища по оружию лейтенанта Кошекова Хижима, который, истекая кровью, перед смертью сказал [10, л. 37]:

Алга карыс, басса бас / Иди вперед, хоть на одну пядь,
Суйем кеим шагинбе — / но ни шагу назад —
Адет жок ондай тегинде. / так традиции наши говорят.

Уникальная коллекция зафиксированных устных воспоминаний обеспечивает глубокое погружение в повседневные детали военного времени. Воспоминания насыщены яркими маркерами эпохи. Все это свидетельствует о том, что люди понимали, какой смысл несут их слова. Подразумевался преимущественно духоподъемный посыл, что указывает на целенаправленную историческую политику. В то же время люди говорили о том, что имело для них исключительное значение, доносили мысли с помощью образов казахской литературы и истории. Люди выражали неподдельные эмоции и искреннюю верность своей стране.

Рассмотрим воспоминания жителей Жамбылской области, зафиксированные по прошествии нескольких десятилетий после войны. Они не отличаются детализацией и конкретизацией, кроме немногочисленных примеров. У многих респондентов превалировали сведения макроисторического характера. Спустя годы у людей преобладают воспоминания о детстве, особенно о школьных или студенческих годах, любимых книгах. В первую очередь человек освещает наиболее теплые и приятные события своей жизни. На вопрос «Какие ощущения у вас вызвало известие об окончании войны?». Один из информантов вспоминает: «Скорее бы к матери, сестре и к учительнице в школу» [4, с. 454]. Владимир Сериков сказал следующее: «Это была нечеловеческая жизнь. Убьют — не убьют. Болеешь — не болеешь. Это никого не волновало. Главное — вперед. Многих людей я знал, многих я тут же забывал, потому что, пока мы дошли до Пскова, шесть раз расформировались» [4, с. 442].

Медсестра Зинаида Вострикова, жительница Тараза, рассказала о боевых подвигах [4, с. 445]:

Когда над страной гремела война,
В Казани для женщин палата была,
С разных фронтов в ней девчонки лежали,
От ран и контузий жестоко страдали.
Герта и Мая – латышки, татарочка Вера,
Уралочка Зина, лежала Марьяна Бажан,
Отважная дочь партизан.

Женщина преклонных лет решила продекламировать такие строки из стихотворения собственного сочинения. На вопрос «Что помогло пережить войну, когда каждый день приходилось видеть смерть?». Она ответила: «Любовь к свободе и Родине». Воспоминания подобного характера напрямую отражают историческую память народа. Наряду с тем, что о войне говорят неохотно, ключевым является типичное для абсолютного большинства высказывание: «Воевали за Отечество, отстаивали свободу».

Для отложенных воспоминаний характерна фрагментация сюжета и периодическая путаница в последовательности повествования. Тем не менее сведения дают почву для понимания того, как трансформировалось сознание человека, с течением времени сформировавшее дискурс о событиях, произошедших с участником и со страной. В воспоминаниях прослеживается непринужденное, свободное освещение событий. Ярко выражена психоэмоциональная составляющая: переживания, ощущения, чувства и эмоции человека. При этом рассуждения о политической повестке фактически отсутствуют.

В рамках изучения исторической памяти о войне имеют значение как синхронные, так и отложенные устные свидетельства. Предлагая разнохарактерную информацию, они указывают на аспекты, на которых необходимо заострять внимание при осуществлении политики памяти. Устные свидетельства респондентов демонстрируют, что в условиях советской государственности, с одной стороны, в убеждениях людей проявлялись установки, обусловленные идеологическим влиянием. С другой стороны, проскальзывали оценки, мнения, поведенческие установки, связанные с другими идентичностями (национальной или религиозной).

Как избежать противостояния официального дискурса и «памяти снизу»? На наш взгляд, акторы процесса выработки политики памяти должны брать во внимание нарративы участников событий. Назрела необходимость переноса знаний о прошлом, которые отложились в общественном сознании, в научный нарратив и базы данных. В та-

ком случае пережитый опыт участников войны напрямую отразится на политике памяти и расширит смысловые рамки исторической памяти. Фиксация воспоминаний и обращение к ним окажет влияние на наполненность этих рамок, поможет балансировать при сочетании официального и неофициального дискурсов о войне. Участники Великой Отечественной войны имеют право на сохранение памяти о такой войне, какой она была для них. Как писал Б. Момышулы: «Многие из фронтовиков, записывающих воспоминания, несут в себе большой литературный и документальный материал, хотят осмыслить пережитое, доверяя свою память» [8, с. 106].

Раскол мнений казахстанцев касательно восприятия войны указывает на проблему в поле исторической памяти. Фундаментальной составляющей в процессе трансформации исторической памяти и формирования на ее основе идентичности остается участие казахстанцев в Великой Отечественной войне. Зафиксированные устные свидетельства о войне говорят о том, что всем присущ единый контекст повествования: выходцы из Казахстана наравне с другими советскими людьми защищали Родину. Следовательно, сегодня мнения раскололись не столько из-за «разной» памяти, сколько из-за современных процессов в различных сферах общественной жизни, тиражируемых в публичном поле. На наш взгляд, осуществляя политику памяти в Казахстане, необходимо заострять внимание на героических страницах прошлого, в том числе на участии казахстанцев в Великой Отечественной войне. При выстраивании стратегии политики памяти в отношении истории Казахстана XX века стоит обратиться к изучению практик проявления мужества и отваги, что должно способствовать проработке общей исторической травмы и виктимности, выработанной в советский период. Прошлое ошибочно глорифицировать, но если героические сюжеты имеют место, то они должны служить основой для выстраивания политики памяти.

Список источников и литературы

1. *Белоус С.Г.* Человек на войне: устные свидетельства казахстанцев // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (11–14 октября 2021 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров, О.А. Плех. М.: Институт российской истории РАН, 2021. С. 362–370.
2. Ветераны Великой Отечественной войны Абдыгали Каймолдин и Иван Гапич удостоены высшего звания «Халық қаһарманы» // Казахстанская

правда. 9 мая 2023. URL: <https://kazpravda.kz/n/veterany-velikoy-otechestvennoy-voynu-abdygali-kaymoldin-i-ivan-gapich-udostoeny-vysshego-zvaniya-haly-aarmanu/> (дата обращения: 18.05.2023).

3. *Дроздов К.С.* Подвиг панфиловцев: новые исторические свидетельства (по материалам Комиссии И.И. Минца) // Великая Отечественная – известная и неизвестная: историческая память и современность: материалы междунар. науч. конф. (Москва – Коломна, 6–8 мая 2015 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2015. 312 с.

4. Жамбыл облысы Ұлы Отан соғысы жылдарында (1941–1945 жж.). Ғылыми-көпшілік басылым / Қойгелдиев М.Қ., Жангуттин Б.О., Тілеубаев Ш.Б., Мырзатаева З.Б., Бисембаева Л.А., Белоус С.Г., Болатхан А. / Бас редакторы М.Қ. Қойгелдиев. Алматы: «Арыс» баспасы, 2015. 584 бет+8 бет жапсырма.

5. *Жанбосинова А.С.* Историческая память о Великой Отечественной войне в пространстве Казахстана // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 133–144.

6. Историческая память. Введение. Учебное пособие. Сафронова Ю. СПб.: Изд-во Европейского ун-та «Учебники европейского ун-та», 2019. 220 с.

7. Кого бесит День Победы? // *Zona KZ*. 10 мая 2023. URL: <https://zonakz.net/2023/05/10/kogo-besit-den-pobedy-pochemu-aes-u-nas-budet-stroit-rossiya-ikak-vylechit-1-mln-kazaxstanskix-igromanov/> (дата обращения: 18.05.2023).

8. *Момышулы Б.* Психология войны. Алматы: Казахстан, 1996. 176 с.

9. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VII. Оп. 5. Д. 3.

10. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VII. Оп. 5. Д. 7.

11. Отказ от прошлого – главная ошибка, которую может совершить Казахстан // *ia-centr.ru*. 19 мая 2023. URL: <https://ia-centr.ru/experts/marselkhamitov/otkaz-ot-proshlogo-glavnaya-oshibka-kotoruyu-mozhet-sovershit-kazakhstan/> (дата обращения: 25.05.2023).

12. Память о войне: портреты казахстанцев (На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.): Хрестоматия / под ред. С.Г. Белоус. Алматы: ИП «Балауса», 2019. 224 с.

13. *Сенявская Е.С.* От военной истории к военной антропологии: проблемное поле и междисциплинарные подходы в изучении «человека на войне» // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память. Материалы Международной научной конференции (г. Москва, 20 марта 2020 г.) / отв. ред. О.В. Белоусова, Е.С. Сенявская. СПб.: Алетей, 2021. С. 11–22.

14. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3 (40/41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/> (дата обращения: 20.05.2023).

Завершение Второй мировой войны и деятельность советской военной администрации в Маньчжурии

Аннотация. В данной статье излагается деятельность советской военной администрации в Маньчжурии после Второй мировой войны. Несмотря на то, что обещание об эвакуации советских войск с территории Маньчжурии после капитуляции Японии в трехмесячный срок не было выполнено, советское военное присутствие в Маньчжурии было все же недолгим. Ряд временных политических действий был оформлен и выполнен советскими властями на территории Маньчжурии, в том числе военно-административное управление, культурно-политическая пропаганда, выпуск денежных знаков командования Красной армии, а также выявление, приемка, демонтаж и вывоз ресурсов в качестве репараций. С советской точки зрения, ресурсы на оккупированной территории Маньчжурии были боевыми трофеями, принадлежавшими советским войскам. Они имели характер репараций от Японии. Можно сказать, что целью вступления советских войск в Маньчжурию было не включения Маньчжурии в свою юрисдикцию, а становление ее как сферы влияния.

Ключевые слова: Маньчжурия; Северо-восток Китая; оккупационная зона; репарация; советская комендатура; внешняя политика СССР; Вторая мировая война.

The End of the World War II and the Activities of the Soviet Military Administration in Manchuria

Abstract. This article describes the activities of the Soviet military administration in Manchuria after World War II. Even though the promise to evacuate Soviet troops from Manchuria after the surrender of Japan within three months was not fulfilled, the Soviet military presence in Manchuria was short-lived. Several temporary political actions were formalized and executed by the Soviet authorities on the territory of Manchuria, including military administration, cultural and political propaganda, issue of banknotes of the Red Army command, and also the identification, acceptance, dismantling of resources as reparations. From the Soviet point of view, the resources in occupied Manchuria were war trophies belonging to the Soviet troops. They believed that these were reparations from Japan. The goal of Soviet troops entering

¹ Цзао Хун Чэнь – аспирант, Аспирантская школа по историческим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: jhaohongchen@gmail.com

Jhao–Hong Chen – postgraduate student, Doctoral School of History, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Manchuria was not to include Manchuria in its' jurisdiction, but to make it a sphere of influence.

Keywords: Manchuria; Northeast China; occupation zone; reparation; Soviet commandant's office; foreign policy of the USSR; the Second World War.

Маньчжурия всегда являлась важным регионом для России и российско-китайских отношений. Соглашение на Крымской конференции 1945 г., в котором говорилось о «восстановлении принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г.» [20, с. 254], свидетельствует о внимании Советского Союза к Восточной Азии. Литература о периоде советской оккупации Маньчжурии, будь то отечественная или зарубежная, была сосредоточена на процессе наступления советских войск на территорию Маньчжурии [12; 25; 28] и советско-китайских дипломатических отношениях в ранний послевоенный период [1; 2; 10; 26]. В данной работе главным образом рассматривается деятельность советской военной администрации в Маньчжурии после Второй мировой войны, которая изучена в историографии гораздо меньше, в отличие от деятельности во время советской оккупации в Германии и Австрии.

В мае 1945 г. фашистская Германия безоговорочно капитулировала. Уже в феврале того же года на Крымской конференции руководителями трех держав – Советского Союза, США и Великобритании было заключено соглашение о вступлении СССР в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе. Согласно ему, Советскому Союзу необходимо было объявить войну Японии, после победы над которой должны были быть выполнены такие требования Советского Союза, как обеспечение интересов в Маньчжурии, в том числе интернационализация торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту, восстановление аренды Порт-Артура, как военноморской базы СССР, организация смешанного Советско-китайского общества для совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги [20, с. 254–255].

8 августа 1945 г. СССР объявил войну Японской империи. 9 августа вооруженные силы Советского Союза приступили к наступательной операции в Маньчжурии. С целью осуществления данной операции были задействованы: Забайкальский фронт, руководимый командующим маршалом Советского Союза Р.Я. Малиновским; 1-й Дальневосточный фронт – командующим маршалом К.А. Мерецковым; 2-й Дальневосточный фронт – командующим генералом армий

М.А. Пуркаевом. Также к операции присоединились Тихоокеанский флот во главе с командующим адмиралом И.С. Юмашевым, Краснознаменная Амурская флотилия во главе с командующим адмиралом Н.В. Антоновым. Общее руководство осуществлял главнокомандующий маршал Советского Союза А.М. Василевский, возглавивший Главное командование советских войск на Дальнем Востоке [25, с. 244; 23, с. 382–397]. Наступление Красной Армии на территорию Маньчжурии в 1945 г., в основном состоявшее из двух этапов, привело к быстрому разгрому правительства Маньчжоу-Го. Первый этап проходил с 9 по 14 августа – разгром японских войск прикрытия и выход советских войск на Центрально-Маньчжурскую равнину. В течение второго этапа, с 15 августа по 2 сентября, произошло развитие наступления, выход советских войск в центральные районы Маньчжурии и Северную Корею и капитуляция Квантунской армии [3, с. 170].

Когда А.И. Ковтун-Станкевич был назначен военным комендантом города Мукден (Шэньян) – столицы Маньчжоу-Го, 20 августа 1945 г., он сразу вылетел из аэродрома Тамцак-Булак в Мукден [11, с. 344]. На основе донесения о положении в Мукдене 23 августа 1945 г., мы узнаем, что в там происходила только мелкая торговля овощами и фруктами, на его окраинах царили исключительная нищета и бескультурие, а также ночью происходила непрерывная, беспорядочная ружейно-пулеметная стрельба, сопровождаемая грабежами [16, с. 87–89].

Наряду с этим Ковтун-Станкевич отдал приказ о мерах по поддержанию порядка в городе Мукден. Он приказал:

1. Местным органам городского самоуправления продолжать исполнять свои функции. Всем чиновникам оставаться на своих местах и выполнять свои обязанности;
2. Для всех жителей города свободное хождение по городу разрешается с 6 до 21 часа, в остальное время хождение по городу жителям воспрещается. Лица, нарушившие этот приказ, будут задержаны;
3. Всем жителям города, в том числе бывшим военнослужащим японской и маньчжурской армий, сдать в советскую военную комендатуру в 3-дневный срок огнестрельное оружие и взрывчатые вещества. Лица, нарушившие этот приказ, будут привлекаться к строжайшей судебной ответственности по военным законам;
4. Всем промышленникам, предпринимателям, торговцам и кустарям обеспечить бесперебойную работу своих предприятий, мастерских и учреждений;
5. Священнослужителям продолжать исполнять религиозные обряды;
6. Культурным и зрелищным предприятиям заканчивать работу не позже 20 часов 30 минут [16, с. 87].

24 августа командующий Забайкальским фронтом маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский с начальником штаба Генералом армии М.В. Захаровым прилетел в Чанчунь в качестве командующего Советской Армией в Маньчжурии. К концу августа советские войска полностью закончили разоружение и прием капитулировавших войск Квантунской армии и армии Маньчжоу-Го. С 1 сентября командный пункт Забайкальского фронта был передислоцирован в Чанчунь и расположен в здании, в котором работал бывший штаб Квантунской армии [23, с. 312, 326; 21, с. 2].

В период оккупации в Маньчжурии советская сторона придавала большое значение политической и культурной пропаганде. Политуправление 1-го Дальневосточного фронта сформулировало политические и культурные задачи для комендатур в Маньчжурии. Перед ними ставились задачи пропаганды новой политической культуры. Во-первых, комендантам нужно было изменить состав редакций газет, содействовать изданию газет, листовок и брошюр, которые должны были разъяснить дружественность советской политики в отношении Китая и освободительные цели военных действий в Маньчжурии. Во-вторых, комендант отвечал за организацию концертов и постановок опер, показ фильмов, в которых отражалась жизнь советского народа, а также осуществлял их цензуру. В-третьих, необходимо было заявлять в комендатуру о проведении любых собраний. Во время мероприятия необходимо было присутствие представителя советской власти [9, с. 90–91].

В период с 1 по 7 сентября 1945 г. в городе Гирине были проведены четыре митинга в целях приветствия Красной Армии и празднования победы над Японией. На митинге 5 сентября были переданы 12 тысяч лозунгов и 40 тысяч листовок с текстом договора между СССР и Китаем, была исполнена китайская и русская музыка духовым оркестром гиринского гарнизона Красной Армии. Кроме того, к 3 сентября была запущена радиостанция Гирина, началась трансляция текста договора между СССР и Китаем по радио. Одновременно в городе напечатали и распространили 40 тысяч листовок с текстом договоров и 40 тысяч лозунгов [16, с. 108–110].

Кроме вышеуказанной работы советских войск, до начала ноября 1945 г. в ряде крупных городов Маньчжурии, в том числе в Харбине, Чаньчуне и Мукдене, были созданы общества советско-китайской дружбы с целью распространения информации о СССР, разоблачения пропаганды прояпонских элементов, ознакомления китайского народа с наукой, культурой и искусством СССР. Например, в Мукдене на ор-

ганизационном собрании общества присутствовало 120 представителей различных общественных кругов, включая писателей, художников, учителей, промышленников, торговцев, рабочих, студентов, врачей и служащих. 10 октября был проведен митинг с участием 25 тыс. человек, на котором было вынесено решение переименовать лучшие улицы Мукдена в улицы имени Генералиссимуса Сталина, Красной Армии, Сун Ятсена и Чан Кайши [18, с. 290–291]. К концу февраля 1946 г. кампания дала хорошие результаты. В 11 городах Маньчжурии были организованы общества китайско-советской дружбы, объединяющие до 25 тыс. членов. Эти общества китайско-советской дружбы, которые развернули массовую политическую работу среди населения, издавали 4 газеты и 3 журнала. Политические органы советских войск также проводили большую агитационно-разъяснительную работу среди населения Маньчжурии. Было распространено до 100 млн экземпляров листовок, лозунгов, плакатов, брошюр, портретов и открыток. Во всех районах Маньчжурии проводились массовые митинги, демонстрировались советские кинофильмы и выступали красноармейские ансамбли [17, с. 65].

Экономический контроль был одним из важных аспектов политики в Маньчжурии в период советской оккупации. Для этого был налажен выпуск денежных знаков командования Красной армии.

В конце августа 1945 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР С.А. Лозовский сообщил послу Китайской Республики в Москве Фу Бинчану, что для покрытия расходов на содержание армии, командование советских вооруженных сил на территории Маньчжурии решено выпустить специальные денежные знаки [18, с. 208–209, 217; 27, л. 4–5]. 5 сентября Фу Бинчан, вручив С.А. Лозовскому ответ по этому вопросу, указал, что Национальное правительство готово принять предложение СССР и согласно с тем, что выпущенная валюта будет выкупаться за счет контрибуции с Японии [18, с. 227–228; 27, л. 11–13].

Юань командования Красной армии официально был разрешен к выпуску в Маньчжурии с 10 декабря 1945 г. после заключения «Соглашения между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Китайской Республики по финансовым вопросам, связанным с вступлением советских войск на территорию трех восточных провинций Китая» [19, с. 46; 27, л. 49–50, 57–58; 13, с. 587–588]. Таким образом, одним из законных платежных средств на территории Маньчжурии стали денежные знаки командования Красной армии. Однако фактически они были введены в обращение

уже с 24 сентября 1945 г. Как свидетельствует запись в дневнике Чжан Цзяо, председателя экономической комиссии Северо-восточного исполнительного штаба Китайской Республики, от 26 сентября, А.А. Петров сообщил ему, что командование Красной армии начало выпускать денежные знаки с 24 сентября [13, с. 514–515]. Купюры номиналом 1, 5, 10 и 100 юаней печатались на основании решений соответствующих государственных структур СССР, использовались советской стороной в производственном строительстве, при покупке товаров, для выплат рабочим и служащим и финансирования различных учреждений на территории Маньчжурии. Так, например, 18 января 1946 г. председатель правления Государственного Банка СССР Я.И. Голев просил заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Н.А. Вознесенского разрешить до 1 марта дополнительный выпуск 2,7 млрд юаней командования Красной армии. Эти средства, как сообщил Голев, предназначались для обеспечения военнослужащих Красной армии и Военно-Морского флота денежным содержанием, для расчетов по заготовкам и другим платежам [7, л. 4]. По основным получателям и целям эти денежные средства распределялись следующим образом (Табл. 1).

Таблица 1

Назначение выплат, расчетов и других платежей

	Маньчжурские юани (млн)
1. НКО СССР	1 000
2. Наркомвоенморфлот	150
3. Наркомвнешторг	500
4. Выкуп советских рублей у местного населения	400
5. Выплата вкладов и обмен валюты	150
6. Прочие наркоматы	150
7. Остаток кассы	350
ИТОГО:	2 700

Составлено по: [7, л. 7].

24 января 1946 г. заместитель народного комиссара пищевой промышленности СССР Н.И. Пронин просил заместителя председателя советского правительства А.И. Микояна дать указание наркомучи финансов выделить 10 млн юаней для обеспечения подготовки соляных промыслов в Маньчжурии к предстоящему сезону. Указанные соляные

промыслы были приобретены Главным управлением соляной промышленности Наркомата пищевой промышленности СССР 28 августа 1945 г. у Маньчжурского промышленного банка. 21 февраля 1946 г. соответствующее решение утвердил заместитель председателя СНК СССР В.М. Молотов [8, л. 1–4, 7–8].

27 февраля 1946 г. замнаркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозов, получив ходатайство от политсоветника по вопросам Порт-Артура об ассигновании на приобретение инвентаря для двух домов, обратился с соответствующим запросом в СНК. Деканозов просил разрешения израсходовать на оборудование этих помещений сверх сметы 1946 г. 500 тыс. трофейных маньчжурских юаней. После получения согласия Наркомата финансов СНК 4 марта утвердил выделение денежных средств на указанные цели [4, л. 1–7].

Эта эмиссия имела репарационный характер, поскольку СССР согласовал с Национальным правительством то, что выпущенная валюта будет выкупаться за счет контрибуции с Японии. Она также была одним из источников роста инфляции в Маньчжурии. Согласно статистике, сумма денежных знаков, выпущенных в обращение командованием Красной армии за период пребывания в Маньчжурии, составляет 9,725 млрд юаней [27, л. 97–98].

Следует отметить, что между советским и китайским правительством существовали расхождения по поводу военных трофеев. 17 октября 1945 г. в Чанчуне между Чжан Цзяо и Р.Я. Малиновским состоялась беседа, на которой присутствовали Сюн Шихуэй, Дун Яньпин и Цзян (Чан) Цзинго. Малиновский считал совместные и частные предприятия Японии и Маньчжоу-Го в Маньчжурии военными трофеями, которые должна получить советская сторона. Следовательно, все комбинаты Маньчжурии попадали в собственность советских властей [19, с. 371–372; 13, с. 523]. Однако с точки зрения Национального правительства и правительства США, СССР не должен был требовать таких репараций, поскольку СССР находился в состоянии войны с Японией гораздо меньшее время, чем Китай [19, с. 25–26]. С точки зрения советской стороны, ресурсы в оккупированном районе являлись военными трофеями, которые были собственностью советских войск. Вследствие этого выявление, приемка, демонтаж и вывоз ресурсов относились к важному направлению экономической политики СССР в Маньчжурии в 1945–1946 гг.

Советские войска начали демонтировать оборудование и провели отчуждение имущественных прав маньчжурских компаний. В Чанчуне до 13 октября 1945 г. советские войска, приняв различные отрасли

тяжелой промышленности под управлением Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), вывезли большинство техники, к примеру аппаратуру двух гидроэлектростанций [19, с. 241–242; 13, с. 518]. 16 октября бывший заместитель исследователя Академии наук Маньчжоу-Го Ши Шулин посетил Чжан Цзяо. Он сделал устный доклад о том, что некоторые экспериментальные материалы, хранившиеся в Академии наук Маньчжоу-Го, были отобраны советскими войсками [13, с. 522]. 24 октября 1945 г. экономический советник при штабе маршала М.И. Сладковский требовал от бывшего генерального директора Маньчжурской компании промышленного развития Такасаки Тацуносукэ и бывшего председателя правления Маньчжурской компании электропромышленности Хирасима Тосио безусловно передать право собственности на различные предприятия советской стороне. 29 октября соглашение было достигнуто [13, с. 548; 22, с. 231–236].

В конце октября 1945 г. Народный комиссариат черной металлургии СССР представил сводную ведомость демонтированного и вывезенного оборудования особых поставок по постановлениям правительства. Это оборудование в основном поступало с предприятий в четырех городах Маньчжурии – Аньшань, Бенсиху, Дайрен (называемый также Далянь или Дальний) и Фушунь [14, л. 6–17].

23 октября 1945 г. директор Государственного института по проектированию металлургических заводов (Гипромез) Н.И. Коробов послал народному комиссару черной металлургии И.Ф. Тевосяну предложения о размещении маньчжурского и корейского оборудования на восточных заводах Союза, составленные Гипромезом [15, л. 70]. Оборудование, демонтированное в Маньчжурии, было отправлено на «Амурсталь», Магнитогорский завод, Кузнецкий завод, Орский завод, Челябинский завод и Новоуральский трубный завод [15, л. 75].

Были и другие примеры переадресовки оборудования. Согласно постановлению СНК СССР от 29 октября 1945 г. сульфат-целлюлознобумажный комбинат «Кайюань» в Маньчжурии был демонтирован и вывезен на станцию «Новую» Забайкальской железной дороги, где намечалось строительство указанного предприятия. Учитывая, что в четвертой пятилетке строительство сульфат-целлюлозного завода на Дальнем Востоке и Сибири не предусматривалось, министр целлюлозной и бумажной промышленности СССР Г.М. Орлов просил согласия А.Н. Косыгина на передачу этого оборудования для укомплектования целлюлозного завода и бумажной фабрики «Герой Труда» [5, л. 33], расположенного в городе Добруш в Беларуси. В июне 1946 г., поддержав это обращение, Совет министров СССР обязал Ми-

нистерство вооруженных сил СССР и Министерство путей сообщения переадресовать трофейное целлюлозно-бумажное оборудование, находящееся в местах погрузки и на базах, и выделить Минбумпрому 287 вагонов для перевозки оборудования со станции «Новая» Забайкальской железной дороги на станцию «Добруш» Белорусской железной дороги [5, л. 32, 47].

В ряде случаев оборудование из Маньчжурии направлялось на другие цели. 15 апреля 1946 г. заместитель начальника управления кадров ЦК ВКП (б) А.С. Павленко отправил А.Н. Косыгину записку, в которой сообщалось, что секретарь Новосибирского обкома ВКП (б) М.В. Кулагин обратился в ЦК ВКП (б) с просьбой передать один из трех котлов производительностью 40 тонн пара в час, демонтированный с электростанции города Цзямусы, для установки на Новосибирской ТЭЦ № 1. Первоначально его намечалось передать Министерству угольной промышленности восточных районов для установки на Райчихинской электростанции. Кроме того, одну турбину и два котла Министерство электростанций СССР намечало использовать для установки на вновь сооружаемой Хабаровской электростанции [6, л. 2, 5]. Министр электростанций Д.Г. Жимерин и заместитель председателя Госплана СССР И.М. Ключков также считали установку котла на Новосибирской ТЭЦ № 1 целесообразной [6, л. 2–3]. В результате Совет министров СССР распорядился разрешить Министерству электростанций установить котел на Новосибирской ТЭЦ № 1 [6, л. 8].

Резюмируя, можно сказать, что в связи с военным управлением и контролем, большое количество промышленного оборудования в качестве военных трофеев было продано или экспроприровано советской стороной. Оно распределялось по предприятиям СССР. Роль этих поставок в восстановлении экономики СССР после войны еще предстоит выяснить. Китайские исследователи обычно считают, что демонтаж оборудования не только повлиял на будущее развитие Маньчжурии, но и на китайско-советские отношения [24, с. 195, 208; 21, с. 81–82].

Подводя итог, необходимо отметить, что при оккупации Маньчжурии политика и деятельность советских властей была направлена на становление ее как своей сферы влияния, по крайней мере, не анти-советской базы. «Договор о дружбе и союзе между СССР и Китайской Республикой» был заключен 14 августа 1945 г. в Москве. В его протокольной записи Сталин заявил, что после капитуляции Японии в трехмесячный срок эвакуация советских войск с территории Маньчжурии

будет закончена [18, с. 195; 19, с. 24]. Хотя это обещание не было выполнено, советское военное присутствие в Маньчжурии было недолгим: в начале мая 1946 г. советские войска были полностью выведены из Маньчжурии после нескольких переносов срока.

Список источников и литературы

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. М.: Мысль, 1980. 640 с.
2. 王永祥：《雅爾達密約與中蘇日蘇關係》，臺北，東大圖書公司，2003年6月初版一刷。[Ван Юнсян. «Ялтинские соглашения» и китайско-советские и японско-советские отношения. Тайбэй: Дунда, 2003. 528 с.]
3. Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке. М.: Воениздат, 1971. 392 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 48а. Д. 170.
5. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 48а. Д. 1476.
6. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 48а. Д. 1536.
7. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 48а. Д. 2125.
8. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 48а. Д. 2161.
9. 沈志华主编：《俄罗斯解密档案选编：中苏关系》，第一卷（1945.1–1949.2），上海，东方出版中心，2015年1月第1版第1次印刷。[Избранные архивы России: Китайско-советские отношения: в 12 т. Глав. ред. Шэнь Чжихуа. Т. 1: январь 1945 – февраль 1949. Шанхай: Ориент, 2015. 461 с.]
10. История Северо-восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай. 1917–1949 гг. / глав. ред. А.И. Крушанов. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. 350 с.
11. Ковтун-Станкевич А.И. Комендант Мукдена // По дорогам Китая. 1937–1945. Воспоминания / отв. ред. Ю.В. Чудодеев. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. 368 с.
12. 孟宪章、杨玉林、张宗海著：《苏联出兵中国东北》，北京，中国大百科全书出版社，1995年7月第1版第1次印刷。[Мэн Сяньчжан, Ян Юйлин, Чжан Цзунхай. Наступление СССР на Северо-восток Китая. Пекин: Издательство «Китайская Энциклопедия», 1995. 278 с.]
13. 姚崧齡編著：《張公權先生年譜初稿》上冊，臺北，傳記文學出版社，1982年1月初版。[Первоначальный набросок к биографической хронике господина Чжан Гунцюань. Т. 1 / под ред. Яо Сонглинг. Тайбэй: Биографии, 1982. 782 с.]
14. Российский Государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8875. Оп. 1. Д. 3069.
15. РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 1. Д. 3070.
16. Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: История военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы: Документы и материалы: в 2 т. Т. 18 (7–2) / под общ. ред. В.А. Золотарева. Авт.-сост. В.Н. Варганов и др. М.: Терра, 2000. 440 с.

17. Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. V: Советско-китайские отношения. 1946 – февраль 1950 г. Кн. 1: 1946–1948 гг. / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 520 с.

18. Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 2: 1945 г. / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 704 с.

19. 秦孝儀主編：《中華民國重要史料初編—對日抗戰時期 第七編：戰後中國（一）》，臺北，中國國民黨中央委員會黨史委員會，1981年9月初版。[Сборник важных источников по истории Китайской Республики в период антияпонской войны. Том 7: Китай после Второй Мировой Войны. Кн. 1. Глав. ред. Цинь Сяои. Тайбэй: Комитет истории партии Центрального комитета Китайского Гоминьдана, 1981. 1014 с.]

20. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. док. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.). М.: Политздат, 1984. 304 с.

21. 薛衔天、金东吉：《民国时期中苏关系史（1917–1949）》下冊，北京，中共党史出版社，2009年10月第1版第1次印刷。[Сюе Сяньтянь, Ким Донг Гил. История китайско-советских отношений в эпоху Китайской Республики, 1917–1949 гг. Т. 3. Пекин: История Коммунистической партии Китая, 2009. 300 с.]

22. 高崎達之助：《滿州の終焉》，東京，実業之日本社，1953年出版。[Такасакиси Тацуносуке. Конец Маньчжурии. Токио: Джитсучо но Нихонша, 1953. 339 с.]

23. Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году / под общ. ред. М.В. Захарова. М.: Наука, 1969. 415 с.

24. 蒋清宏：《苏军拆迁东北工矿业与战后赔偿研究》，《抗日战争研究》2004年第2期，第176–208页。[Цзян Циньхун. Исследование сноса и перемещения промышленных и добывающих предприятий советскими войсками на Северо-Востоке Китая и репараций после Второй мировой войны // Вестник исследований войны сопротивления Китая против Японии. 2004. № 2. С. 176–208].

25. Черевко К.Е., Кириченко А.А. Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М.: МППА «БИМПА», 2006. 320 с.

26. 赵庆杰：《角力东北—战后中苏关系研究（1945.8–1946.5）》，北京，军事科学出版社，2011年5月第1版第1次印刷。[Чжао Циньцзе. Борьба на Северо-востоке Китая: исследование послевоенных китайско-советских отношений (август 1945 – май 1946). Пекин: издательство военной науки, 2011. 214 с.]

27. 〈蘇聯紅軍進入東三省後之財政協定及貨幣問題〉，《外交部》，國史館藏，數位典藏號：020–021804–0010。[Academia Historica. Ф. Министерство иностранных дел Китайской Республики. 020–021804–0010].

28. Glantz, David M. August Storm: The Soviet 1945 strategic offensive in Manchuria. Kansas, 1983. 232 p.

Советские перемещенные лица в Австрии (на примере Михаила Захарченко)

Аннотация. В статье анализируются особенности жизни советских перемещенных лиц в Австрии в послевоенный период. В основу статьи легло интервью, взятое автором в Вене у Петра Михайловича Захарченко, сына бывшего советского военнопленного, оставшегося после войны в Австрии (интервью проведено на немецком языке). В работе анализируется пространство для действий советских граждан в послевоенный период и мотивы, влиявшие на принятие ими решений о возвращении в Советский Союз, эмиграции в третьи страны или пребывании в Австрии. Анализируемое интервью позволяет также рассмотреть некоторые особенности жизни детей советских перемещенных лиц, родившихся на территории Австрии. Наряду с исследованием возможных стратегий советских ДиПи в послевоенный период, указанный материал демонстрирует ряд существенных проблем, с которыми сталкивались бывшие советские граждане, оставшиеся в Австрии.

Ключевые слова: перемещенные лица; ДиПи; репатриация; эмиграция; западные зоны оккупации Австрии.

Soviet Displaced Persons in Austria (a case of Mikhail Zakharchenko)

Abstract. The article analyzes the peculiarities of the life of Soviet Displaced Persons in Austria in the post-war period. The article is based on an interview taken by the author in Vienna from Pyotr Mikhailovich Zakharchenko, the son of a former Soviet prisoner of war who remained in Austria after the war (the interview was conducted in German). The paper analyzes the space for action and the motives that influenced the decision of Soviet citizens to return to the Soviet Union, emigrate to third countries or stay in Austria. The analyzed interview also allows us to consider some features of the life of children of Soviet Displaced Persons born in Austria. Along with the study of possible strategies of Soviet DPs in the post-war period, this material demonstrates a number of significant problems faced by former Soviet citizens who remained in Austria.

Keywords: Displaced Persons; DP; repatriation; emigration; Allied-occupied Austria.

¹ **Анна Александровна Дерюгина** — бакалавр Историко-архивного Института Российского государственного гуманитарного университета, магистрант Венского университета (Universität Wien), e-mail: anka.derugina@yandex.ru

Anna A. Deriugina — bachelor of the History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), Master's student at the University of Vienna (Vienna, Austria).

Судьбы советских граждан, оказавшихся в послевоенные годы на территории Австрии, до настоящего времени остаются вопросом, почти не затронутым как в отечественной, так и зарубежной исторической литературе. Еще менее изучена проблема их пребывания в Австрии после окончания союзнической оккупации.

К началу 1952 г. на территории Австрии оставались порядка 3452 советских перемещенных лиц. Несмотря на столь значительное количество невозвращенных в Советский Союз граждан, уже к 29 декабря 1952 г. репатриация была признана в основном завершенной, а Управление Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации было распущено [6, с. 95–98].

Достоверно установить действительное количество советских перемещенных лиц, принявших после войны решение остаться в Австрии, невозможно. Во многом это связано с особенностями учета советскими репатриационными миссиями и союзническими властями количества перемещенных лиц.

К сожалению, не может дать полноты картины и анализ заявлений, поданных в австрийский Фонд Примирения, в период с 2000 по 2005 гг. проводивший выплаты в пользу людей, занимавшихся рабским и подневольным трудом при национал-социалистическом режиме. Среди документов фонда хранится 751 заявление от лиц, родившихся за пределами Австрии. Из этого числа 25 заявлений поступило от лиц, указавших в качестве места происхождения территорию современной России. Еще 174 заявления подали лица, определившие себя в качестве украинцев [5, с. 289].

Тем не менее, стоит учитывать, что до 2000 г. значительное количество советских ДиПи² могли попросту не дожить в силу возраста и проблем со здоровьем. Кроме того, сложно сказать, все ли из них подавали заявления на получение выплат. Содержание поданных заявлений также дает лишь ограниченное представление об австрийской жизни советских перемещенных лиц.

В условиях отсутствия или недоступности официальных сведений особый потенциал приобретают частные воспоминания. В данной статье особенности жизни советских перемещенных лиц в Австрии анализируются на примере жизненного пути бывшего советского военнопленного Михаила Захарченко. В качестве источниковой базы служит интервью, взятое у его сына, Петра Захарченко, на немецком языке.

² От англ. DPs – Displaced Persons, перемещенные лица.

Михаил Захарченко предположительно родился 3 марта 1919 г. на юге России. В поздних официальных документах, полученных им в Австрии, в качестве места рождения числится Львов. Именно этот город Михаил назвал, оказавшись в лагере для перемещенных лиц в американской зоне оккупации. При этом офицерам, проводившим допрос, удалось установить, что он не знает украинского языка и для него не свойственен местный диалект. Тем не менее, в лагерь ДиПи он был принят в статусе лица без гражданства. По предположениям семьи, настоящим местом рождения был Сухум, о котором Михаил вспоминал в послевоенные годы. Кроме того, вероятнее всего, изменению подверглась и фамилия.

Приведение вымышленной биографии не было редкостью среди перемещенных лиц. Фальсификация собственного происхождения позволяла воспользоваться своеобразной «лазейкой» в договорённостях союзников о репатриации. Так, в соответствии с Ялтинскими соглашениями, потенциальными репатриантами становились все лица, проживавшие на территории Советского Союза в его границах на 1 сентября 1939 г. [1, с. 105]. Несмотря на дальнейшее признание США и Великобританией новых границ СССР, советское руководство все же делало исключение для бессарабцев и буковинцев, принявших румынское подданство, а также для женщин вступивших в брак с иностранцами и имеющих от них детей. Западные же союзники после 1946 г. воздерживались от выдачи жителей Прибалтики и Западной Украины [1, с. 106]. В отчетах ЮНРРА и ИРО³ советские перемещенные лица, желавшие избежать репатриации, нередко попадали под категорию «лиц без гражданства». Достаточно ярко об этом писала в 1948 г. Александра Толстая, основательница Толстовского фонда помощи русским эмигрантам. По приводимым ею данным, в отчетах ИРО за указанный год среди зарегистрированных в Австрии перемещенных лиц были поляки, граждане прибалтийских стран, украинцы, югославы, румыны, венгры и еще две категории: «владельцы нансеновских паспортов» и «другие». В последние группы попадали, в том числе, русские, в отдельную категорию не выделявшиеся [8, с. 54].

Скрывая свое настоящее происхождение, ДиПи существенно усложняли их учет как со стороны советских миссий, так и со стороны западных союзников. При этом вымышленная биография не только

³ Англ. «UNRRA» – Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций, англ. «IRO» – Международная организация по делам беженцев.

открывала больший простор для дальнейших действий, но и позволяла избежать ответственности за собственные действия в военные годы.

Так, по сохранившимся в семье отрывочным сведениям, можно предположить, что Михаил, будучи военнопленным, вступил на службу вермахта и составе дивизии воевал в Югославии. К сожалению, установление конкретных данных о формировании, в котором он состоял, на настоящий момент не представляется возможным. Тем не менее, важно, что американским властям он, по всей видимости, сдался в составе этой дивизии.

В данном контексте стоит отметить то значение, которое играло местоположение перемещенных лиц на момент освобождения в их дальнейшей судьбе. Так, пространство для действий ДиПи, оказавшихся в советской зоне оккупации было минимальным. В свою очередь в западных зонах оккупации перед перемещенными лицами открывалось сразу несколько перспектив.

Несмотря на достигнутые в Ялте соглашения, уже в 1946 г. англо-американские власти отказались от обязательной репатриации [4, с. 761]. Это было связано как с разгорающейся «холодной войной», так и с представлениями союзников о правах человека. В этом отношении решение Михаила сдать в составе подразделения американским властям, безусловно, не было случайным. На путь репатриации ему не позволяли решиться страх репрессий и ответственности за вступление в ряды противника. Стоит отметить, что, даже избежав репатриации, Михаил опасался репрессивных мер как в собственном отношении, так и в отношении семьи. Из-за этих опасений в послевоенные годы он не предпринимал никаких попыток восстановить контакты с родственниками на родине. По той же причине он до конца жизни не называл даже детям свое настоящее имя и место рождения.

В Зальцбурге Михаил познакомился со своей будущей женой, австрийкой Варварой. Стоит отметить, что брак, оформлявшийся австрийскими ведомствами, никак не влиял на правовой статус «лица без гражданства».

Альтернативу репатриации в Советский Союз предоставляла эмиграция в третьи страны, координировавшаяся международными организациями помощи беженцам. В рамках эмиграционных программ советские граждане в западных зонах оккупации получили возможность выезжать на работы в Великобританию, США, Канаду, Австралию и некоторые другие страны. В их эмиграции или репатриации были заинтересованы и австрийские власти, стремившиеся в силу экономических причин как можно скорее решить проблему ДиПи [7, с. 203]. По воспо-

минаниям Петра Захарченко, при лагерях работали специальные регистрационные бюро, в которых можно было заполнить анкету на выезд в ту или иную страну. У потенциального эмигранта не должно было быть проблем со здоровьем, например, туберкулеза в настоящий момент или в прошлом. Преимуществом было наличие ремесленной профессии. Тем не менее, проверки не были слишком строгими. С течением времени значительная часть окружения Михаила эмигрировала в Канаду.

Сам Михаил также пытался воспользоваться перспективой рабочей эмиграции. Вскоре после войны семья уехала в Швецию, где Михаил получил квалифицированную работу. Однако из-за возникших проблем со здоровьем, он был вынужден вернуться в Австрию, в чем ему значительную помощь оказала жена.

После возвращения в Зальцбург семья жила в нескольких лагерях для перемещенных лиц в американской зоне оккупации. В лагере Итцлинг в семье родились две дочери — Елена и Вера. После того как лагерь был закрыт, семья переселилась в Глазенбах, где на свет появился сын Петр. Последним лагерем стал Розиттен, после окончательного расформирования которого, в 1959 г., семья получила от ЮНРРА жилье в Зальцбурге.

Стоит отметить, что в первые послевоенные годы жизнь в лагерях ДиПи была сравнительно выгодной. В первую очередь это связано со снабжением перемещенных лиц продовольствием. Рассказывая о времени, проведенном в американской зоне оккупации, Петр Захарченко называет его лучшим временем для семьи. Несмотря на некоторые особенности лагерной жизни, материальных ресурсов у перемещенных лиц было больше, чем у австрийцев. Существенную роль в снабжении лагерей играли благотворительные организации. Кроме того, многие ДиПи работали на американцев, получали профессиональное образование. Сам Михаил смог освоить профессию сталелитейщика. Распространенной среди перемещенных лиц была и торговля на черном рынке, обеспечивавшая дополнительный доход.

Бытовые условия жизни в лагере, по рассказам Петра, были достаточно комфортными. У семьи была собственная кухня и комната. На территории лагеря была возможность разбивать небольшие огороды для собственного пользования, некоторые семьи держали куриц и мелкий скот. Кроме того, в лагере Глазенбах был интернациональный детский сад, собственный кинотеатр, хорошая социальная инфраструктура. Для лиц, готовящихся к эмиграции, были доступны базовые языковые курсы.

Тем не менее, в целом с передачей лагерей ДиПи под управление Австрии условия жизни в них менялись не в лучшую сторону. Преиму-

шественно это было связано с попытками австрийского правительства сократить расходы на содержание беженцев [7, с. 202]. Кроме того, достаточно противоречивым было и отношение к перемещенным лицам среди местного населения. Хотя с конца 1940-х гг. в Австрии инициировались различные «интеграционные программы» [3, с. 175], многие австрийцы продолжали относиться к ДиПи как к обузе. Кроме экономической «невыгодности» перемещенных лиц, к причинам негативного отношения к бывшим советским гражданам можно отнести последствия нацистской пропаганды.

Предвзятое отношение к лицам славянского происхождения сохранялось даже в начале 1960-х гг. Так, дом, в котором семья Захарченко получила жилье после лагеря, австрийцы называли «русским баракком», несмотря на то, что большую часть жителей составляли беженцы из Венгрии. Именно на жителей этого дома падали подозрения в любых кражах или преступлениях, а австрийским детям не разрешали играть с местными детьми.

Дискриминация со стороны австрийцев проявлялась и в работе. Полученное у американцев профессиональное образование в Австрии не признавалось, что заставляло перемещенных лиц устраиваться неквалифицированными рабочими. Помимо отсутствия профессиональных перспектив проблемой становилось пренебрежительное отношение на рабочем месте. Так, нередким «универсальным» обозначением для всех русских было «Иван», что можно расценивать как неуважение к идентичности.

В данном контексте неудивительно, что круг общения советских перемещенных лиц ограничивался другими русскими, белорусами или украинцами. Безусловно, кроме дискриминации со стороны австрийцев это было связано и с незнанием языка. Сам Михаил принципиально не разговаривал на немецком, в целом не желая никаким образом приобщаться к австрийской культуре.

Не менее существенной проблемой был правовой статус перемещенных лиц. Так, Михаил до конца жизни оставался «лицом без гражданства». Несмотря на то, что его жена являлась гражданкой Австрии, родившиеся в браке дети также столкнулись с существенными проблемами при получении паспортов. Это было связано с тем, что они были рождены в лагерях для перемещенных лиц, имевших статус экстерриториальных.

Примечательно, что отношение местного населения к родителям нередко распространялось и на детей. По воспоминаниям Петра, в школе его из-за происхождения не приглашали на детские дни

рождения, ему приходилось сталкиваться с обзывательствами, побоями, предписыванием идентичности. В более тонкой форме дискриминация проявлялось и в более поздние годы, например, при поиске квартиры. При этом стоит отметить, что Петр почти не говорил на русском языке. Тем не менее, постоянное определение его со стороны австрийцев как «русского» или «славянина» наложило существенный отпечаток на формирование его собственной идентичности.

Подводя итог, можно отметить существенную противоречивость жизни советских «невозвращенцев» в Австрии. С одной стороны, в первые послевоенные годы положение ДиПи по отношению к австрийскому населению было сравнительно выгодным, достаточно комфортным могли быть и бытовые условия жизни в лагерях перемещенных лиц. Тем не менее, бывшим советским гражданам приходилось сталкиваться со значительным количеством трудностей. В силу отсутствия жизненных перспектив, дискриминации и психических травм военного времени Михаил в последние годы своей жизни пристрастился к алкоголю и в 1972 г. покончил жизнь самоубийством на 53 году жизни. Его жизненный путь, как и судьба его семьи, вскрывают многие проблемы жизни советских перемещенных лиц в Австрии и ставят множество вопросов перед исследователями истории послевоенных миграций.

Список источников и литературы

1. *Земсков В.Н.* «Возвращенцы» и «Невозвращенцы» (о судьбе советских перемещенных лиц в 1944–1956 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 1–1. С. 103–113.
2. Интервью А.А. Дерюгиной с П.М. Захарченко 1957 г.р. от 31 мая 2023 г. [Текст стенограммы беседы] // Частное собрание А.А. Дерюгиной. Используется с согласия П.М. Захарченко. 13 с.
3. *Карнер С.* К вопросу о мотивах советских граждан, оставшихся в Австрии после Второй мировой войны // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 173–179.
4. *Кулагина В.Ю.* Создание и основные направления деятельности органов репатриации в СССР в годы второй мировой войны // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. С. 759–763.
5. *Bacher D., Karner S.* Zwangsarbeiter in Österreich 1939–1945 und ihr Nachkriegsschicksal. Innsbruck: StudienVerlag, 2013. 352 s.
6. *Ruggenthaler P., Iber W.M.* Hitlers Sklaven – Stalins “Verräter”. Innsbruck, StudienVerlag, 2010. 382 s.
7. *Stieber G.* Nachkriegsflüchtlinge in Kärnten und der Steiermark. Graz, 1997. 352 s.
8. *Tolstoy A.* The Russian DPs // The Russian Review. 1950. № 1 (9). P. 53–58.

Корейский вопрос в советской и американской внешней политике в 1948–1950 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются подходы советской и американской дипломатии к решению корейского вопроса в период от создания Республики Корея и КНДР до начала Корейской войны. Подчеркивается, что в 1948–1949 гг. приоритетом для двух сверхдержав была «заморозка» ситуации на Корейском полуострове, что выражалось в выводе советских и американских войск и стремлении Москвы и Вашингтона избежать на 38-й параллели провокаций, способных привести к крупному конфликту. При этом правительство США старалось задержать процесс эвакуации своих войск, используя для этого резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, чтобы выиграть время для повышения обороноспособности южнокорейской армии. Изменение позиции СССР в 1950 г. в пользу одобрения объединения полуострова вооруженным путем было вызвано расчетами на низкую заинтересованность Соединенных Штатов в Южной Корее, что подкреплялось заявлениями и действиями американских властей. Следствием подобного неверного расчета стала продолжительная Корейская война.

Ключевые слова: холодная война; СССР; США; корейский вопрос; КНДР; Республика Корея; Корейская война.

Korean question in Soviet and American foreign policy in 1948–1950

Abstract. The article examines the approaches of Soviet and American diplomacy to the solution of the Korean question in the period from the establishment of the Republic of Korea and the DPRK to the start of the Korean War. It is established that in 1948–1949 the priority for the two superpowers was to “freeze” the situation on the Korean Peninsula, which was expressed in the withdrawal of Soviet and American troops and the desire of Moscow and Washington to avoid provocations on the 38th parallel that could lead to a major conflict. At the same time, the US government tried to delay the process of evacuating its troops by using the UN General Assembly resolutions in order to buy time to increase the defence capability of the South Korean army. The change in the position of the USSR in 1950 in favour of approving the unification of the peninsula by armed forces was caused by calculations on

¹ Денис Валерьевич Родин – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: enigma9307@mail.ru

Denis V. Rodin – Candidate of Historical Sciences, Research Assistant, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

the low interest of the United States in South Korea, which was reinforced by the statements and actions of the American authorities. This miscalculation resulted in the prolonged Korean War.

Keywords: Cold War; USSR; USA; Korean question; DPRK; Republic of Korea; Korean War.

Корейская война 1950–1953 гг. представляет собой одно из ключевых событий «холодной войны», развернувшейся после окончания Второй мировой войны. Как справедливо отмечал в свое время известный исследователь А.В. Торкунов, «стимулировав формирование противостоящих друг другу военных блоков, провоцируя все новые политико-идеологические конфликты, подталкивая одну сверхдержаву на беспощадное подавление демократии как “троянского коня” Запада, а вторую — на яростное противодействие национально-освободительному движению и социально-политическому развитию в “третьем мире”», эта война стала одним из факторов углубления «холодной войны» [8, с. 291–292].

Сам конфликт на полуострове представляется прямым следствием его разделения на два государства — Республику Корею и КНДР в 1948 г. Нельзя не согласиться с мнением, что это решение было во многом связано с ростом напряженности между СССР и США в Европе, поскольку способствовало ограничению конфликтности в отношениях двух сверхдержав в Восточной Азии, представлявшейся на тот момент регионом второстепенной важности по сравнению с европейским. Как следствие, «нарастание напряженности в Европе не только не блокировало, но даже стимулировало шаги СССР и США по закреплению статус-кво в Корее» [7, с. 126]. Но если в краткосрочной перспективе это решение снижало риск конфликта на Дальнем Востоке, то в перспективе дальней, наоборот, повышало его — что и продемонстрировали события 1950–1953 гг.

Однако, как и любой конфликт, война в Корее не была событием предопределенным. В этом отношении период 1948–1950 гг., т.е. от образования двух корейских государств и до начала полноценной войны между ними, являлся временем вызревания предпосылок к войне и, что немаловажно, выработки в Москве стратегического решения об одобрении вторжения северокорейских войск в Южную Корею. Важнейшим фактором, обусловившим начало Корейской войны, являлось состояние советско-американских отношений, оказывавшее непосредственное влияние на формирование подходов двух сверхдержав к решению корейского вопроса. В рамках представленной статьи ука-

занный процесс будут рассмотрен на основе советских и американских документов. Выявление и сопоставление подходов двух сверхдержав к ситуации на Корейском полуострове в 1948–1950 гг. позволит приблизиться к пониманию причин, способствовавших началу вооруженного конфликта, в который прямо и косвенно оказались вовлечены обе сверхдержавы и их союзники.

Провозглашение Республики Корея 15 августа и КНДР 9 сентября 1948 г. являлось во многом следствием американской политики, взявшей курс на создание независимого южнокорейского государства. Дипломатические шаги Вашингтона, как справедливо отмечает исследователь Д.А. Садаков, «вписывались в логику доктрины сдерживания, однако они не были обусловлены стратегическим значением Корейского полуострова» [6, с. 165]. Скорее, речь шла именно о сохранении в регионе статус-кво, на что, в частности, указывал представитель Канады во Временной комиссии ООН по Корее Дж.С. Паттерсон, высказавший опасения, что «Северная Корея безвозвратно утрачена в пользу коммунистов» и «единственным способом предотвратить коммунистическое господство на всем полуострове было бы оказать решительную поддержку правительству на юге» [12, р. 1300].

Реакция Москвы на создание Республики Корея была предсказуемо негативной. Выступая на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 1948 г. глава советской делегации А.Я. Вышинский обвинил американские власти в том, что они «создали южнокорейское марионеточное правительство, которое они афишируют как якобы общекорейское правительство» [1, с. 213]. В ответ американское правительство в документах, подготовленных к третьей сессии Генеральной Ассамблеи, подчеркивало, что Республика Корея была создана по итогам легитимных выборов под эгидой ООН, и потому провозглашение КНДР не имеет под собой законных оснований [12, р. 1315–1316]. Соответственно, Москва отказалась от признания южнокорейского правительства, а Вашингтон – от признания северокорейского.

Тем не менее сам факт создания суверенных государств на полуострове означал, что обе сверхдержавы должны вывести свои войска из Кореи. Соответствующая просьба от Верховного Народного Собрания КНДР поступила в Президиум Верховного Совета СССР 10 сентября 1948 г., и уже 18 сентября Президиум передал распоряжение Совету Министров «об эвакуации советских войск из Северной Кореи с тем, чтобы она была закончена к концу декабря сего года» [1, с. 44]. В тот же день американскому посольству в Москве была передана нота, в ко-

торой выражалась надежда на то, что «и правительство США согласится эвакуировать американские войска из Южной Кореи в указанный срок» [1, с. 54].

Однако в ответной ноте от 28 сентября Вашингтон не выразил своего согласия на вывод американских войск с полуострова одновременно с эвакуацией советских частей [1, с. 54]. Президент США Г. Трумэн мотивировал это следующим образом: «Мы, разумеется, были за вывод войск... Однако мы знали, что русские создали “народную армию” в Северной Корее. Мы знали, что проникновение коммунистов в Южную Корею было значительным. Мы знали, что новому правительству Сынмана Ри нелегко организовать эффективное сопротивление в случае нападения» [9, с. 426–427]. О недостаточности южнокорейских вооруженных сил говорилось и в донесениях спецпредставителя Трумэна в Корею Дж. Муччио [12, р. 1320]. Таким образом, вывод американских солдат с юга полуострова ставился в прямую зависимость от создания достаточно боеспособной южнокорейской армии. Что же касается советских войск, то они были выведены с территории КНДР в указанный срок: согласно заявлению ТАСС, эвакуация была полностью закончена 25 декабря 1948 г. [1, с. 140].

Вывод советских частей вызвал определенную тревогу как в Южной Корее, так и в США. Еще в ноябре 1948 г. Муччио предупреждал, что «после вывода советских войск, после мнимого прекращения советской ответственности», а также в связи с постоянными заявлениями северокорейского правительства о «власти “Народно-Демократической Республики” над всей нацией» следующим «логичным шагом» может являться вторжение КНДР в Южную Корею [12, р. 1326]. Подобные опасения в сочетании с осознанием слабости южнокорейских сил способствовали разработке средств, способных продлить пребывание американских сил на полуострове. Об этом, в частности, сообщалось в меморандуме начальника отдела Госдепартамента по делам Северо-Восточной Азии М. Бишопа: «Полный вывод американских войск из Кореи в настоящее время поставил бы под серьезную угрозу безопасность и стабильность правительства Республики Корея, и поэтому такой вывод следует отложить» [12, р. 1338].

Для достижения поставленной цели Вашингтон использовал Генеральную Ассамблею ООН. В резолюции, подготовленной американской делегацией и внесенной в Политический комитет Генеральной Ассамблеи ООН, провозглашалось, что вывод оккупационных сил следует осуществить «как можно скорее и, по возможности, в течение 90 дней» [12, р. 1328]. Оговорка «по возможности» делала срок

в 90 дней необязательным, а туманная формулировка «как можно скорее» оставляла за американскими войсками возможность оставаться на территории Южной Кореи столько, сколько потребуется для создания боеспособной южнокорейской армии.

На заседании 8 декабря комитет большинством в 41 голос (против голосовали шесть представителей социалистического блока) одобрил американскую резолюцию [12, р. 1336]. Вслед за этим 12 декабря резолюция была одобрена Генеральной Ассамблеей. При этом постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН Я.А. Малик назвал американскую формулу вывода «бессодержательной и туманной» и подчеркнул, что она «может служить лишь предлогом, чтобы не выводить свои войска с этой территории в течение любого периода времени» [4, с. 4]. Однако помешать принятию документа советская делегация не смогла. В соответствии с принятой резолюцией Южная Корея получила статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее.

Пикировка между советской и американской делегациями в ООН по корейскому вопросу продолжилась и в 1949 г. На заседании Совета Безопасности 15 февраля обсуждался вопрос о принятии Республики Корея и КНДР в ряды членов ООН. Рассмотрение заявления южнокорейского правительства о том, что оно было создано на основании мандата Генеральной Ассамблеи, Малик назвал «оскорблением для корейского народа», само же правительство Южной Кореи он охарактеризовал, как «прямой придаток американских оккупационных властей», который «может выполнять только волю и предписания этих властей» [2, с. 289]. На этом основании советская делегация заблокировала принятие Республики Корея в ООН. Американские власти, в свою очередь, считали, что Москва «создала свое северокорейское детище по типичному коммунистическому монолитному дисциплинированному образцу», и потому правительство КНДР является лишь «жалким орудием в руках русских» [14, р. 962]. Соответственно, принятие Северной Кореи в ООН было заблокировано уже американской стороной.

В марте 1949 г. Советский Союз заключил с КНДР ряд соглашений о развитии экономических и культурных связей [2, с. 85]. Наблюдение за действиями советского правительства позволило американским дипломатам заключить, что в ближайший год оно не предпримет «каких-либо агрессивных действий с использованием вооруженных сил... которые могли бы втянуть его в крупные военные действия с западными державами». Однако это не исключало действий с целью «ослабить местные органы власти и посеять страх перед войной во всем мире», чему, в частности, должна была способствовать деятельность

«северокорейских банд» в Южной Корее [13, р. 235]. Тем не менее низкий уровень угрозы со стороны Северной Кореи позволял правительству США сократить свое присутствие на юге полуострова без риска перехода Республики Кореи под власть коммунистов. В принятом 22 марта 1949 г. меморандуме СНБ-8/2 оговаривался окончательный срок вывода американских войск из Кореи (не позднее 30 июня) и одновременно подчеркивалась необходимость материальной поддержки вооруженных сил Южной Кореи и создания военной консультативной группы, которая отвечала бы за эффективную подготовку южнокорейской армии [14, р. 977–978].

Несмотря на негативное отношение Сеула к принятому решению, вывод американских войск завершился в указанные сроки. Сгладить неблагоприятный эффект публичного объявления об окончании процесса эвакуации солдат из Кореи должно было придание постоянного статуса Временной группе военных советников, которая была интегрирована в структуру американской миссии в Корее наравне с посольством и местным агентством Администрации экономического сотрудничества [6, с. 201–202].

Теперь уже в Москве вывод американских войск из Кореи был воспринят как тревожный знак. Целью Вашингтона, как считали в советском правительстве, было «дать свободу действий южно-корейской армии». Предполагалось, что в апреле – мае 1949 г. Сеул сосредоточит свои войска в районе 38-й параллели, а в июне «внезапным ударом нападет на северян, чтобы к августу закончить разгром их армии» [8, с. 13]. Подобные опасения, с одной стороны, мотивировали советское руководство увеличить масштабы помощи по подготовке северокорейской армии к потенциальному конфликту, а с другой, сократить свое присутствие в КНДР, чтобы не провоцировать Сеул (и стоящие за ним Соединенные Штаты) на вторжение в Северную Корею. В частности, с этой целью И.В. Сталин в августе 1949 г. распорядился ликвидировать советскую военно-морскую базу и представительство ВВС в КНДР – чтобы «продемонстрировать миру наши намерения, психологически разоружить противников и не допустить втягивания нас в возможную войну против агрессии южан» [8, с. 23].

Избежать провокаций на 38-й параллели надеялись и американские власти. В ходе визита в Токио в сентябре 1949 г. генерал Д. Макартур подчеркнул: «До тех пор, пока Южная Корея не будет представлять угрозы для Северной Кореи, Кремль не предпримет никаких действий по ее поглощению, поскольку от ее захвата ничего не выиграешь. Однако, если Южная Корея попытается взять верх над Северной Ко-

реей, безусловно, можно ожидать ответных мер» [16, р. 546]. Победа коммунистов в Китае и провозглашение КНР 1 октября 1949 г. привели к распространению слухов о заключении политического соглашения между Москвой и Пекином, подразумевавшего в том числе военную помощь КНДР [15, р. 573–575]. Несмотря на это, даже в конце 1949 г. в Вашингтоне были убеждены: «Хотя СССР постепенно наращивает северокорейскую военную мощь, нет никаких доказательств, что СССР готов рискнуть и развязать полномасштабную войну, последствия и перипетии которой малопредсказуемы. С нашей точки зрения, вместо этого СССР продолжит использовать свою текущую тактику осуществления подрывной деятельности и саботажа в надежде на организацию местного партизанского движения на Юге» [14, р. 1103].

Таким образом, к началу 1950 г. риск возникновения конфликта на Корейском полуострове был невелик. Хотя с августа 1949 г. руководство КНДР добивалось от Кремля одобрения наступательной операции против Южной Кореи с целью воссоединения полуострова под властью Пхеньяна, Сталин не торопился давать положительный ответ на просьбы Ким Ир Сена (равно как и поддерживавшего его Мао Цзэдуна). В немалой степени это объяснялось как недостаточной подготовленностью северокорейской армии, так и опасением перед вмешательством США в потенциальный конфликт. Соответственно, 24 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, запретившее Северной Корее проводить военные операции против южан [8, с. 46].

Однако уже спустя полгода, в апреле 1950 г., во время визита Ким Ир Сена в Москву Сталин признал, что «международная обстановка изменилась и более активные действия по воссоединению Кореи стали возможными» [8, с. 58]. Что заставило главу советского правительства изменить позицию по корейскому вопросу? Во многом этому способствовала речь госсекретаря США Д. Ачесона в Национальном пресс-клубе от 12 января 1950 г., в которой он очертил американский «периметр обороны» в Восточной Азии следующим образом: от Алеутских островов через Японию и острова Рюкю до Филиппинских островов [11, р. 2317–2318]. Неупоминание Южной Кореи означало, с точки зрения Москвы, что она не представляет для Вашингтона стратегического интереса, а значит, в случае конфликта между КНДР и Республикой Корея риск вмешательства США является минимальным. Вместе с тем более справедливым представляется мнение, что Ачесон имел в виду иное: в случае нападения Южной Корее, «как и другим второстепенным государствам, придется рассчитывать на собственные силы и помощь ООН» [5, с. 92].

О низком приоритете Южной Кореи для американских властей говорил и тот факт, что в январе 1950 г. республиканцы провалили в Палате представителей билль о выделении дополнительной финансовой помощи Сеулу. Трумэн отмечал в связи с этим, что «Конгресс не спешил предоставлять поддержку, запрошенную для Кореи президентом» [9, с. 428]. Ачесон также считал, что именно это голосование в совокупности с проводившейся в 1948–1949 гг. агитацией за вывод американских войск из Кореи и за подписание мирного договора с Японией дало «зеленый свет» Москве и Пхеньяну на начало Корейской войны [10, р. 358].

Весной 1950 г. советское правительство интенсифицировало подготовку северокорейской армии к вторжению в Южную Корею. В мае того же года Сталин писал Мао Цзэдуну: «В беседе с корейскими товарищами Филиппов и его друзья высказали мнение, что в силу изменившейся международной обстановки они согласны с предложением корейцев приступить к объединению [Кореи]» [3, с. 94]. Спустя месяц, 25 июня 1950 г., армия КНДР перешла 38-ю параллель и вторглась в пределы Республики Корея. Началась Корейская война, которую Ачесон впоследствии охарактеризовал следующими словами: «Это был откровенный, ничем не прикрытый вызов нашей международно признанной роли протектора Южной Кореи — региона, имеющего важное значение для безопасности Японии, находящейся под американской оккупацией. Не ответить на этот вызов при наличии у нас возможности для ответа было бы крайне пагубно для влияния и престижа Соединенных Штатов» [10, р. 405].

Таким образом, большую часть указанного периода — с осени 1948 г. по начало 1950 г. — и в СССР, и в США господствовали настроения в пользу «заморозки» ситуации на Корейском полуострове и избегания провокаций, способных привести к полномасштабной войне. Лишь в первой половине 1950 г. под давлением Пхеньяна и Пекина, а также ввиду предполагаемой незаинтересованности Вашингтона к военной поддержке Сеула, Москва приняла решение одобрить северокорейское вторжение на юг полуострова. Однако расчет оказался неверным: правительство Соединенных Штатов, руководствуясь доктриной сдерживания и опасаясь усиления советского присутствия на Дальнем Востоке, вмешалось в войну посредством отправки в Корею миротворческих сил под эгидой ООН. Недооценка сил и решимости противника защищать свою сферу влияния породила длительной конфликт, растянувшийся на три года и приведший к многочисленным материальным и человеческим потерям.

Список источников и литературы

1. Внешняя политика Советского Союза: 1948 год: Документы и материалы. Ч. 2: Июль – декабрь 1948 года. М.: Госполитиздат, 1951. 540 с.
2. Внешняя политика Советского Союза: 1949 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1949 года. М.: Госполитиздат, 1953. 687 с.
3. *Ледовский А.М.* Сталин, Мао Цзэдун и Корейская война 1950–1953 годов // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 79–113.
4. Наглядный пример циничного диктата. Как Ассамблея принимала резолюцию по корейскому вопросу // Правда. 1948. 14 декабря. С. 4.
5. *Садаков Д.А.* Определение места Республики Корея в тихоокеанской системе безопасности США в преддверии Корейской войны (1948 г. – начало 1950 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 87–95.
6. *Садаков Д.А.* Политика США в отношении Кореи в 1941–1950 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2017. 246 с.
7. Системная история международных отношений в двух томах / под ред. А.Д. Богатурова. Т. 2: События 1945–2003 годов. М.: Культурная революция, 2009. 720 с.
8. *Торкунов А.В.* Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 312 с.
9. *Трумэн Г.* Воспоминания. В 2 т. Т. 2. Годы испытаний и надежд. М.: Принципиум, 2021. 672 с.
10. *Acheson D.* Present at the Creation: My Years in the State Department. New York: Norton & Company, 1969. XIV, 798 p.
11. American Foreign Policy, 1950–1955: Basic Documents. Vol. II. Washington: Department of State, 1957. 3244 p.
12. Foreign Relations of the United States. 1948. Vol. VI. The Far East and Australasia. Washington: United States Government Printing Office, 1974. X, 1379 p.
13. Foreign Relations of the United States. 1949. Vol. IV. Western Europe. Washington: United States Government Printing Office, 1974. X, 878 p.
14. Foreign Relations of the United States. 1949. Vol. VII. The Far East and Australasia. Pt. 2. Washington: United States Government Printing Office, 1976. X, 620 p.
15. Foreign Relations of the United States. 1949. Vol. VIII. The Far East: China. Washington: United States Government Printing Office. 1978. VI, 1327 p.
16. Foreign Relations of the United States. 1949. Vol. IX. The Far East: China. Washington: United States Government Printing Office, 1974. VI, 1441 p.

Отечественная историография и источниковая база изучения Корейской войны 1950–1953 гг.

Аннотация. В статье рассматривается проблема отечественной историографии Корейской войны 1950–1953 гг. Автор исследует различные работы и публикации советских и российских историков, посвященных этому важному событию в истории Северо-Восточной Азии. В статье освещаются разные подходы и точки зрения, а также анализируется влияние политической ситуации, в том числе с рассекречиванием архивных документов, на переосмысление и оценку факторов, приведших к началу военного конфликта. Исследование предоставляет читателю обзор современного состояния российской историографии Корейской войны и может служить основой для дальнейших исследований и обсуждений в данной области.

Ключевые слова: Корейская война; историография; источники; идеология; цензура.

Russian historiography and source base for the study of the Korean War (1950–1953)

Abstract. The article deals with the issue of Russian historiography concerning the Korean War of 1950–1953. The author examines a range of works and publications by Soviet and Russian historians focusing on this significant event in the history of Northeast Asia. The article explores diverse approaches and perspectives while analyzing the influence of the political climate, including the disclosure of archival documents, on the reinterpretation and evaluation of the factors that precipitated the outbreak of the military conflict. The study offers an overview of the current Russian historiography on the Korean War, providing a springboard for future research and discussion in this field.

Keywords: Korean War; historiography; sources; ideology; censorship.

Корейская война 1950–1953 гг. – один из самых кровопролитных военных конфликтов второй половины XX в., первое неофициальное военное столкновение двух сверхдержав холодной войны – Советского Союза и Соединенных Штатов. Она предопределила взаимоотношения двух политико-экономических блоков – социалистического и ка-

¹ **Юлия Ивановна Дин** – кандидат исторических наук, заведующий научно-редакционным отделом ГБУК «Сахалинский областной краеведческий музей» (Южно-Сахалинск, Россия), email: din.iuliiia@mail.ru

Yulia I. Din – Candidate of Historical Sciences, Head of scientific and editorial department of the Sakhalin Regional Museum (Yuzhno-Sakhalinsk, Russia).

питалистического – вводя в практику международных отношений такие методы, как противостояние в ООН, ядерный шантаж, не прямые военные действия, участие «добровольческих подразделений» и т.д.

Как любая тема, посвященная историографии проблемных – в первую очередь политических – сюжетов, российская историография Корейской войны 1950–1953 гг. имеет свои особенности и также служит своеобразным полем битвы уже между историками, политологами, журналистами. Работы, посвященные анализу историографии [4; 1; 19], также зачастую являются для авторов возможностью донести свою точку зрения. В связи с этим изучение отечественной историографии Корейской войны актуально не только с точки зрения освещения истины в отношении ее событий, но и восприятия такого масштабного конфликта учеными и исследователями, которые вынужденно или добровольно выбрали ту или иную сторону конфликта.

Цель настоящего исследования – провести анализ тех особенностей, которые сопровождали изучение Корейской войны в СССР и России, с упором на политические аспекты ее освещения и влияния межгосударственных и внутригосударственных условий ее анализа. При этом автор не хочет принимать за аксиому виновность или невиновность той или иной стороны конфликта или выяснения ее итогов и уроков. Тем не менее, некоторые события (часто игнорируемые или фальсифицируемые политиками) для автора не вызывают сомнений – это начало войны 25 июня 1950 г. нападением Северной Кореи на Южную, широчайшее вовлечение в конфликт мировых держав (США и их союзников под флагом ООН с одной стороны, СССР, Китая и соцстран – с другой), значительное влияние И.В. Сталина на Ким Ир Сена², сильное стремление двух корейских лидеров Ким Ир Сена и Ли Сынмана «разрешить» проблему объединения Корейского полуострова военными путями. Завершение боевых действий 27 июля 1953 г. привело к заморозке конфликта, но ни одна сторона не вынесла никаких положительных результатов от кровопролитного столкновения.

Советский Союз опосредованно – значительной военной помощью, политическим влиянием, предоставлением военных самолетов и летчиков – участвовал в Корейской войне на стороне КНДР. Поэтому советская историография событий на Корейском полуострове носила только односторонний характер и, по сути, была еще одним, пропа-

² Корейские имена и фамилии даны по системе Л.Р. Концевича с сохранением традиционного, устоявшегося написания имен известных политических деятелей.

гандистским фронтом корейского конфликта. Вышедшие в советское время работы И. Кравцова [16], Е.А. Пигулевской [27], Р. Каиргельдина [11], М.Н. Пака [26], Г.Ф. Кима [14], Ф.И. Шабшиной [33], публикации сборников документов [24] доносили только одну точку зрения – вина за начало войны несут Южная Корея, США и их союзники. Например, в статье М.Н. Пака со ссылками на статьи в газетах «Правда» и «Известия» прямо указывается на очередность событий начала войны: «Даллес дал указание Ли Сынману и Син Сенмо немедленно начать поход на Север... В свете этих фактов вполне ясно, почему через несколько дней после отъезда Даллеса на корейской земле вспыхнуло пламя войны» [26, с. 144].

Наиболее подробно позиция советской исторической науки изложена в книге «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)», в которой часть про Корейскую войну названа «Отечественная освободительная война корейского народа». В книге постулировались следующие выводы: «Рано утром 25 июня 1950 г. южнокорейская армия численностью до 10 дивизий совершила внезапное нападение на территорию Северной Кореи по всей линии 38-й параллели. Ей удалось вторгнуться на территорию Северной Кореи на глубину от 2 до 3 км» [10, с. 225]; «Корейская народная армия, успешно отразив нападение лисынмановских войск, перешла по всему фронту в контрнаступление. Лисынмановские войска были деморализованы и стали отступать на юг. 28 июня Народная армия освободила Сеул... для спасения южнокорейского режима американские империалисты прибегли к прямой вооруженной интервенции против корейского народа» [10, с. 226]; «7 июля 1950 г. под нажимом США Совет Безопасности принял новую резолюцию, рекомендовавшую всем членам ООН, поддержавшим резолюцию Совета Безопасности от 27 июня, предоставить вооруженные силы и другие средства в распоряжение так называемого Объединенного командования для ведения войны в Корее. Резолюция указывала, что Объединенное командование под руководством США может использовать по своему усмотрению флаг Организации Объединенных Наций в ходе операций против сил Северной Кореи. Так называемые силы ООН в Корее в основном были американскими» [10, с. 227–228]. Кроме того, по мнению авторов, «заклучение перемирия явилось большой победой корейского народа и всех миролюбивых сил во всем мире» [10, с. 242], а «война, которую вел корейский народ, носила справедливый, освободительный характер... его поддержали страны социалистического содружества, все миролюбивые силы. Советский Союз решительно боролся на международной арене за прекращение

войны, за мирное решение конфликта в интересах корейского народа и дела мира во всем мире» [10, с. 244].

Эти «железобетонные» постулаты советского периода были через некоторое время дополнены еще одним направлением. Поскольку КНДР после окончания войны вступила на «чуждейский» путь развития, дистанцировавшись от Советского Союза, и объясняла «все достижения» войны исключительно опорой на собственные силы, в СССР начали «напоминать» Северной Корее о той дружеской помощи, которую он оказал перед и во время Корейской войны. Для этого были изданы несколько сборников воспоминаний и статей известных военачальников, специалистов, общественных деятелей и ученых, которые были непосредственно задействованы в освобождении Кореи в 1945 г., государственном и экономическом строительстве с 1945 по 1950 г., дипломатической и военной поддержке в период проведения военных действий [31; 15; 9; 23]. Интересно, тем не менее, что в сборник «За мир на земле Кореи» цензура не пропустила статью «Советские летчики в боях за свободу и независимость КНДР», автором которой был генерал Г.А. Лобов, командующий советским авиационным корпусом, прикрывавшим с воздуха часть Северной Кореи по линии Пхеньян–Вонсан [4]. Однако книга Г.М. Гельфонда «История войны в Корею 1950–1953 гг.: действия военно-морских сил» [8] была издана в Ленинграде в 1964 г.³

Ситуация в отечественной историографии кардинально изменилась с открытием архивов, рассекречиванием до того секретных архивных материалов и снятием цензурных запретов в 1990-е гг. Политические изменения в России – перестройка, политика гласности, заключение дипломатических отношений с РК в 1990 г., развал СССР в 1991 г. – повлияли на историографию Корейской войны и, что более важно, существенно расширили ее источниковую базу.

В 1992 г. президент России Б.Н. Ельцин посетил Южную Корею и преподнес в дар южнокорейскому президенту часть архивных документов о Корейской войне. Выступая перед южнокорейским парламентом, он также пообещал продолжить передачу документов. В России было инициировано создание комиссии под руководством генерала Д.А. Волкогонова, которые выявили и получили доступ к документам из архива Президента РФ, из фонда И.В. Сталина⁴. В 1994 г.

³ Скорее всего, предназначалась для служебного пользования и не была в широком доступе.

⁴ Отношение к деятельности Д.А. Волкогонова и его исследованиям по рассекреченным советским документам в российской исторической науке очень настороженное.

президент РК Ким Ён Сам, во время ответного визита в Россию, получил из рук российского президента блок документов на 545 страницах [13] (см. Ил. 1). Наследники генерала Д.А. Волкогонова после его смерти передали его архив Библиотеке конгресса США.

Илл. 1. Президент России Борис Ельцин принял президента РК Ким Ён Сама и передал ему архивные документы, относящиеся к войне в Корее. 02.06.1994. Автор фото А. Макаров [29].

Что же за документы передал Б.Н. Ельцин южнокорейскому коллеге? В первую очередь, это архивные документы из фонда И.В. Сталина, включающие переписку советского лидера с Ким Ир Сеном. Из документов видно, как развивались отношения в треугольнике СССР – КНДР – Китай, как Ким Ир Сен просил разрешения начать военные действия, как получил его от И.В. Сталина с «просьбой» держать планы в секрете от Мао Цзэдуна, какую помощь – в первую очередь военную – оказывал СССР, и как позже, когда военные действия

Многие историки сходятся во мнении, что, получив раньше других исследователей доступ к секретным архивным материалам, Д.А. Волкогонов создавал книги в жанре «исторического примитива», которые несли на себе печать концептуальной сумятицы, приблизительности конкретно-исторических представлений [20, с. 107].

зайдут в тупик, И.В. Сталин умело «уговаривал» северокорейцев и китайцев не прекращать борьбу, невзирая на потери⁵.

На базе рассекреченных документов вышли две интересные книги – авторов Евгения и Натальи Бажановых «Корейский конфликт, 1950–1953: самая загадочная война XX века» [34] и академика РАН, ректора МГИМО А.В. Торкунова «Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 гг.» [32]. Книга Бажановых была написана на английском языке, в 1990-х гг., не издана официально, однако ее скан активно распространялся среди специалистов и ссылки на нее присутствуют в работах многих англоязычных авторов. В 1997 г. книгу перевели и издали на корейском языке [36]. Книга А.В. Торкунова очень похожа на книгу Бажановых, в России она вышла в 2000 г., в том же году была переведена на английский язык и издана в Токио [35].

По сути, обе книги представляют собой слегка отредактированный сборник документов (из-за чего, видимо, и похожи), имеющих непосредственное отношение к началу Корейской войны, ее развитию, вовлечению китайских народных «добровольцев», противостоянию с США и другим до того рассекреченным аспектам холодной войны. Из анализа доступных документов А.В. Торкунов выводит следующее мнение о Корейской войне: «...Сталин, в конце концов, пришел к выводу, что северокорейским коммунистам можно дать шанс «завершить революцию», ибо, как считал он, американцы не вмешаются в гражданскую войну. Советский лидер, однако, просчитался, и ценой этой ошибки стали жизни миллионов солдат и мирных жителей... Негативные последствия имела война в Корее для интересов многих стран, в том числе СССР. Из-за нее Москва окончательно испортила отношения с Вашингтоном. Война породила трения в советско-китайском союзе... Кремль связал себя с северокорейским режимом, который постепенно превратился в тяжелую обузу в политическом, экономическом и стратегическом отношениях...» [32, с. 291–292].

Казалось бы, что основные «тайны» Корейской войны с рассекречиванием советских документов должны были быть раскрыты. Однако явно политический и непрозрачный процесс выявления и публикации документов, тот факт, что российских историков и наиболее авторитетных корееведов (например, таких как Ю.В. Ванин) по факту не допустили до этой важной работы, сыграл отрицательную роль для российской историографии. По своим воззрениям, историки,

⁵ Практически все документы были опубликованы в проекте Cold War International History Project Международного научного центра им. Вудро Вильсона.

изучающие Корейскую войну в современной России, разделились на две части – условная «проюжнокорейская» или «прозападная» группа, взявшая за основную причину возникновения Корейской войны агрессивное нападение КНДР и стоявший за ним СССР [30], и «просеверокорейская» группа историков, приводящая в качестве аргументов, следующие доводы: «конфликт в Корее – результат расчленения страны и противоборства двух мировых общественно-политических систем; к силовому объединению Кореи готовились и Север, и Юг; война на начальном этапе была гражданской и т.д. ... еще многие вопросы не до конца выяснены или вообще не затронуты... нередко бездоказательные, некомпетентные сведения и оценки, продиктованные скорее политическими, чем научными интересами авторов» [4, с. 511], возлагают вину в начале корейского конфликта на напряженные международные отношения [3].

Также в современной российской историографии стали появляться работы еще двух направлений – изучение непосредственно «военной» составляющей Корейской войны и дипломатическая история, связанная с рассмотрением документов советской внешней политики того периода. Эти направления по обыкновению разрабатываются соответствующими специалистами. Так, диссертации и книги, написанные военными аналитиками, касаются различных аспектов ведения военных действий [28; 21; 7; 25; 2; 22]. Пожалуй, самым репрезентативным из них является труд коллектива авторов под руководством С.С. Лотоцкого «Война в Корее», который был создан еще в 1950-е гг. для генералов и офицеров Советской армии в целях анализа военных действий против американцев в опосредованном конфликте. Приводят авторы этого труда и однозначное мнение о начале войны – «военные действия начала именно северокорейская армия» [6, с. 21]. История «дипломатии» Корейской войны анализируется такими видными советскими и российскими дипломатами как М.С. Капица [12] и А.М. Ледовский [18; 17].

Продолжается в российском историческом сообществе и дальнейшая дискуссия об истоках и последствиях Корейской войны на полях международных конференций [5]. Сама по себе сущность корейского столкновения как гражданской войны двух противоборствующих государств, отсутствия взаимного признания друг друга, важной роли пропаганды как элемента противостояния в холодной войне не позволяют историкам, корееведам, политологам прийти к единому мнению о Корейской войне. И хотя то глобальное противостояние социалистического и капиталистического блоков, которое, безусловно, можно

отнести к одному из главных факторов возникновения войны, прекратилось в 1991 г. с распадом Советского Союза, тем не менее, напряжение вокруг Корейского полуострова не ослабевает. Пока существует конфликт между двумя воевавшими государствами, он будет требовать от исследователей занимать ту или иную сторону, вырабатывать точку зрения и искать виновных в противоположной стороне. Не может стать исключением и поле российской исторической науки, где до сих пор продолжается эта полемика.

Список источников и литературы

1. *Асмолов К.В.* Современная российская историография Корейской войны 1950–1953 гг. [Электронный ресурс] // Самиздат: сайт. URL: http://samlib.ru/a/asmolow_k_w/09kks.shtml (дата обращения: 01.07.2023).
2. *Бухтояров В.А.* Участие контингента советских войск в Корейской войне: историко-политический анализ, июнь 1950 – июль 1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 212 с.
3. *Ванин Ю.В.* Корейская война (1950–1953) и ООН. М.: Институт востоковедения РАН, 2006. 287 с.
4. *Ванин Ю.В.* Российская историография Корейской войны // Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М.Л. Титаренко: сборник статей. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 493–511.
5. *Война в Корее 1950–1953 гг.: Взгляд через 50 лет: материалы международной научно-теоретической конференции (Москва, 23 июня 2000 г.).* М.: Первое Марта, 2001. 347 с.
6. *Война в Корее, 1950–1953.* СПб.: Полигон, 2000. 928 с.
7. *Гагин В.В.* Воздушная война в Корее (1950–1953 гг.). Воронеж: Полиграф, 1997. 67 с.
8. *Гельфонд Г.М.* История войны в Корее 1950–1953 гг.: действия военно-морских сил. Л.: [б.и.], 1964. 280 с.
9. *За мир на земле Кореи: воспоминания и статьи / под ред. Ю.В. Ванина и др.* М.: Наука, 1985. 192 с.
10. *История Кореи (с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2.* М.: Наука, 1974. 480 с. С. 223–244.
11. *Каиргельдин Р.* Агрессивная политика США в Корее после Второй мировой войны (1945–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. 279 с.
12. *Капица М.С.* На разных параллелях. Записки дипломата. М.: Книга и бизнес, 1996. 520 с.
13. *Ким Г.Н.* Как началась война в Корее [Электронный ресурс] // Корё сарам: сайт. URL: <https://koryo-saram.site/kim-g-n-kak-nachalas-voyna-v-koree/> (дата обращения: 01.07.2023).
14. *Ким Г.Ф.* Великая освободительная война корейского народа // Корейская народно-демократическая республика: сб. статей / под ред. Н.К. Вайн-

цванга, В.В. Лезина. М.: 2-я типография Издательства Академии наук СССР, 1954. С. 397–438.

15. Корея: расчленение, война, объединение / под ред. В.М. Гришанова, П.Х. Кана. М.: Знание, 1995. 293 с.

16. *Кравцов И.В.* Агрессия американского империализма в Корее (1945–1951 гг.). М.: Госполитиздат, 1951. 440 с.

17. *Ледовский А.М.* Из Архива Президента РФ. Сталин, Мао Цзэдун и корейская война 1950–1953 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 79–113.

18. *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. 344 с.

19. *Маметьев И.В.* Итоги Корейской войны 1950–1953 гг. в отечественной историографии // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2018. № 2 (66). С. 129–133.

20. Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. 1520 с.

21. *Орлов А.С.* Советская авиация в Корейской войне 1950–1953 гг. М.: Вече, 2000. 457 с.

22. *Орлов А.С., Гаврилов В.А.* Тайны корейской войны. М.: Вече, 2003. 398 с.

23. Освобождение Кореи: воспоминания и статьи / ред.-сост. В.П. Пак, С.С. Суслина. М.: Наука, 1976. 336 с.

24. Отношения Советского Союза с народной Кореей, 1945–1980: документы и материалы. М.: Наука, 1981. 424 с.

25. *Очиров У.Б.* Советская авиация в Корейской войне 1950–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 1999. 206 с.

26. *Пак М.Н.* Как американские империалисты готовили нападение на Корейскую Народно-Демократическую Республику // Сборник статей по истории стран Дальнего Востока / отв. ред. Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев. М.: Издательство Московского университета, 1952. С. 127–148.

27. *Пигулевская Е.А.* Корейский народ в борьбе за независимость и демократию. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 358 с.

28. *Попов И.М., Лавренев С.Я., Богданов В.Н.* Корея в огне войны. М.: Кучково поле, 2005. 544 с.

29. Президент России Борис Ельцин (справа) принял Президента Республики Корея Ким Ен Сама, находящегося в РФ с официальным визитом, и передал ему архивные документы, относящиеся к войне в Корее [Электронный ресурс] // РИА Новости Медиабанк: сайт. URL: <https://riamediabank.ru/media/431868.html> (дата обращения: 01.07.2023).

30. *Славинский Б.Н.* Корейская война 1950–53 гг.: современное переосмысление // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 80–90.

31. СССР и Корея / отв. ред. Ю.В. Ванин. М.: Наука, 1988. 413 с.

32. *Торкунов А.В.* Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 308 с.

33. *Шабшина Ф.И.* Очерки Новейшей истории Кореи (1945–1953 гг.). М.: Издательство политической литературы, 1958. 307 с.

34. *Bajanov E., Bajanova N.* The Korean Conflict, 1950–1953: The Most Mysterious War of the 20th Century: Based on Secret Soviet Archives. Preprint. 199 p.

35. *Torkunov A.* The War in Korea, 1950–1953. Its Origin, Bloodshed and Conclusion. Tokyo: ICF Publishers, 2000. 192 p.

36. 바자노프 예프게니, 바자노바 나탈리아. 소련의 자료로 본 한국 전쟁의 전말. 서울: 열림, 1998. 239쪽. [*Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Самая загадочная война XX столетия. Сеул: Еллим, 1997. 239 с.].

**Космонавты и самолеты:
организация летной подготовки в Центре подготовки
космонавтов в 1960-е гг. (по материалам РГАНТД)**

Аннотация. В статье анализируется обстановка, в которой проходили летную подготовку космонавты в 1960-е гг. Вопреки устоявшемуся мнению о том, что трудности в подготовке к полету в космос заключаются лишь в самом процессе необычных и насыщенных тренировок, автор приходит к мнению, что наибольшие проблемы таила организация процесса подготовки. Сюда входило взаимодействие с руководством ГНИКИ ВВС и проблема зависимости графика тренировок от его решений, техническое состояние самолетов, добросовестность персонала, проводившего ремонты самолетов и т.д. Выделение для тренировок ЦПК старых самолетов, требующих капитального ремонта, также затягивало процесс подготовки. В результате страдали космонавты, потому что план летной подготовки систематически не выполнялся. Отношение к ЦПК сменилось после трагедии 27 марта 1968 г., когда погибли космонавт Ю.А. Гагарин и летчик-испытатель В.С. Серегин: ЦПК получил статус НИИ 1 категории, старые самолеты УТИ МиГ-15 вывели из пользования летного полка, обновили самолеты-лаборатории Ту-104. *Ключевые слова:* Центр подготовки космонавтов; история космонавтики; летная подготовка; невесомость; Ту-104.

**Cosmonauts and Airplanes: organization of flight training
at the Cosmonaut Training Center in the 1960s
(on the materials of the RGANTD)**

Abstract. The article analyzes the situation in which cosmonauts underwent flight training in the 1960s. Contrary to the well-established opinion that the difficulties in preparing for a flight into space are only in the process of unusual and intense training, the author comes to the conclusion that the organization of the preparation process was the greatest problem. This included interaction with the leadership of the Air Force Training Center and the problem of the dependence of the training schedule on its decisions, the technical condition of the aircraft, the integrity of the personnel who carried out aircraft repairs, etc. The allocation of old aircraft requiring major

¹ **Виктория Сергеевна Батченко** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории и политологии Института российской истории РАН (Москва, Россия), e-mail: vik-batchenko@yandex.ru
Viktoria S. Batchenko – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher in the Center for the Study of Modern History and Political Science, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

repairs for the training of the Cosmonaut Training Center also delayed the preparation process. As a result, the astronauts suffered because the flight training plan was not systematically carried out. The attitude towards the Cosmonaut Training Center changed after the tragedy of March 27, 1968, when cosmonaut Yu.A. Gagarin and test pilot V.S. Seregin died: the Cosmonaut Training Center received the status of a category 1 research institute, the old UTI MiG-15 aircraft were taken out of use by the flight regiment, the Tu-104 laboratory aircraft were updated.

Keywords: Cosmonaut Training Center, history of cosmonautics, flight training, weightlessness, Tu-104.

Как известно, до середины 1960-х гг. в профессию космонавта допускали преимущественно военных летчиков, в процессе подготовки которых необходимо было поддерживать летные навыки, а также тренировать те необходимые умения, которые имели значение в космическом полете. Как выразился космонавт Сергей Рязанский, «летная и парашютная подготовки очень важны для формирования личности космонавта как профессионала, потому что, обучаясь этому делу, он попадает в реальные стрессовые условия, которые по-другому не воссоздать» [14, с. 62]. Потому с начала 1960-х гг. важное место в процессе подготовки космонавтов заняла летная и парашютная подготовка. Цель данной работы – разобраться, насколько организация летной подготовки космонавтов отвечала ее задачам.

Историография по вопросам развития советского космоса традиционно рисует благополучную картину процесса подготовки космонавтов. Благодаря рассекречиванию архивных документов появилась возможность отследить невидимые ранее трудности развития пилотируемой космонавтики, в частности – на примере летной подготовки в Центре подготовки космонавтов (ЦПК) в 1960-е гг. Источниковую базу статьи составили документы Российского государственного архива научно-технической документации (РГАНТД), а именно ф. 1 «Российский государственный научно-исследовательский институт – Центр подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина».

Летная подготовка в ЦПК делилась на два блока – наземный и летный, и состояла из курса наземной подготовки, парашютных прыжков, из полетов на невесомость в самолетах УТИ МиГ-15 и Ту-104, и техники пилотирования. Проведение летной подготовки возлагалось на Государственный Краснознаменный научно-исследовательский институт ВВС (ГК НИИ ВВС – до 1965 г. ГНИКИ ВВС), а именно на 3-ю авиационную эскадрилью 839-го Отдельного учебно-тренировочного авиационного полка (ОУТАП), подчиняв-

шегося 8 ГКНИИ ВВС [13, с. 52]. Основные тренировки проходили в Подмоскowie на базе аэродрома Чкаловский, недалеко от ЦПК.

Режимы невесомости в конце 1950-х – начале 1960-х гг. целесообразно было воспроизводить с помощью двух типов самолетов:

- учебно-тренировочных истребителей МиГ-15, способных выполнять самые сложные фигуры высшего пилотажа и имевших вторую кабину [2, с. 11], но не дававших возможности проводить тренировки парения в невесомости, тем более в скафандре;
- на борту реактивного пассажирского лайнера Ту-104, салон которого позволял «осуществить свободное перемещение космонавтов и отработку технологических операций в режиме невесомости» [2, с. 11]. Большие размеры компенсировали потерю запаса времени невесомости по сравнению с УТИ МиГ-15: 40 секунд в МиГе против примерно 25 секунд невесомости в Ту-104.

Одна тренировка в самолете Ту-104 представляла собой полтора часа, за которые можно было выполнить «пять “горок” и получить в сумме около двух минут невесомости» [3, с. 254]. Сдерживали ограничения безопасности полетов, связанные, в основном, с возможностями эксплуатации двигателей самолетов. Несмотря на дороговизну и сложность таких тренировок, они значительно продвигали выполнение задач по привитию космонавтам навыков работы в условиях невесомости. Как вспоминал начальник ЦПК Н.Ф. Кузнецов о подготовке экипажей к миссии «Восход-2» (1964–1965 гг. подготовки), «экипажи, используя благоприятную погоду, с особой скрупулезностью, сравнительно быстро отработали все элементы штатной программы и возможные аварийные ситуации в полете. Но физические нагрузки были огромными. И потому врачи больше двух полетов в день не разрешали, а позже ограничили до одного» [3, с. 255–256].

Для сравнения: американские самолеты-лаборатории могли моделировать ощутимо больший временной промежуток по созданию кратковременной невесомости: к примеру, астронавты, проходившие тренировки по программе работы на военной станции MOL, за одну горку получали от 40 до 75 секунд парения в свободном состоянии [1, с. 235].

Занятия периодически приходилось переносить, т.к. слушатели привлекались то на практические занятия на космодроме в период подготовки очередного космического полета, то на парашютную подготовку, то на специальные исследования. Отсутствие систематично-

сти в выполнении плана приводило к тому, что к концу 1961 г. план по полетам на невесомость на самолете УТИ МиГ-15 был выполнен лишь на 4%, на самолете Ту-104 – на 64%, по пилотированию на реактивном самолете УТИ МиГ-15 на 12%, а на транспортном самолете Ил-14 – на 45% [4, л. 9].

Набор женской группы слушателей-космонавтов в ЦПК лишь обострил вопрос летной подготовки. В 1962 г. женская группа фактически не имела возможности тренировать навыки поведения в состоянии невесомости в самолетах Ту-104: запланированные на октябрь экзамены по этому разделу оказались сорваны по причине отсутствия занятий в течение всего года. Оба самолета, оборудованных для тренировок на невесомость, находились в неудовлетворительном техническом состоянии, из-за того, что ГК НИИ ВВС, которому принадлежал один из самолетов, в январе 1962 г. сдал его в капитальный ремонт на авиаремонтный завод № 400 Гражданского воздушного флота (Внуково), и вплоть до конца года тот оставался в ремонте. И это было бы полбеды, но во время ремонта на самолет установили агрегаты, пережившие по 2–3 ремонта, «вместо агрегатов первой категории, выданных заводу представителями ВВС» [5, л. 75]. Где нашли применение новые запасные части, документы умалчивают, но данный факт был замечен, и разбирательства по этому делу как раз и затянули процесс подготовки самолета. Второй самолет-лаборатория Ту-104, находившийся в распоряжении Летно-исследовательского института Министерства авиационной промышленности (ЛИИ МАП), также никак не проходил приемку ГК НИИ ВВС «из-за неудовлетворительного технического состояния» [5, л. 75]. Так, по тренировкам на невесомость 1962 г. оказался полностью провальным [5, л. 75]. В первую очередь, это было по подготовке женской группы, которую готовили к космическому полету: по итогам 1962 г. пришлось признать, что «все слушатели не выполняли полеты на невесомость на самолете Ту-104 из-за отсутствия подготовленного самолета» [5, л. 125].

С конца 1962 г. в соответствии с общими изменениями статуса ЦПК произошли изменения и с эскадрилей (смешанная авиационная эскадрилья 839 ОУТАП) – для полетов на реактивных и транспортных самолетах эскадрилье было выделено 6 самолетов УТИ МиГ-15 и 2 самолета Ил-14. Учитывая возросшую нагрузку по подготовке космонавтов, такое техническое пополнение должно было положительно сказаться на процессе летной подготовки, но все поступившие истребители и транспортные самолеты «имели ряд серьезных дефектов, невыполненных доработок и с небольшим остатком ресурса, что

значительно усложнило подготовку ее [техники. — Б.В.] к выполнению полетов с космонавтами» [6, л. 110]. Самолеты УТИ МиГ-15 (6 единиц) и вовсе прибыли в распоряжение ЦПК с ремонтной базы из Краснодара. Небольшая выдержка из «Анализа летной подготовки космонавтов и слушателей ЦПК ВВС за первое полугодие 1963 г.»:

«Опыт летной работы за первое полугодие 1963 г. показал, что поступившая материальная часть в АЭ 839 ОУТАП из ремонтной базы и в/ч 15565 является достаточно изношенной и часто выходит из строя, вследствие чего в летные дни, годных для полетов самолетов оказывается от 4 до 6» [6, л. 110].

В 1963 г. в ВВС всерьез встал вопрос об изготовлении совершенно новых самолетов для подобных тренировок вместо бесконечных переоборудований, но окончательного решения он не получил.

К середине 1965 г. с накоплением некоторого опыта сложился полноценный блок летной подготовки космонавтов, который включал:

- технику пилотирования в различных условиях (днем и ночью, в простых и сложных метеоусловиях);
- отработка переносимости условий, связанных с условиями космического полета (невесомость, влияние перегрузок, ориентировка в пространстве и т.п.);
- боевые элементы (стрельба по воздушным целям, разведка, фотографирование и т.п.);
- тренировки в макетах космических кораблей, расположенных в самолетах-лабораториях;
- поиск и спасение космических экипажей в различных климатических условиях;
- отработка элементов маневрирования, прилунения и взлета КК с Луны;
- выполнение парашютных прыжков;
- испытания космической техники и аппаратуры совместно с предприятиями промышленности;
- проведение научных исследований, связанных с выполнением космических полетов [7, л. 271–272].

К середине 1965 г. сформировались требования по переформированию третьей эскадрильи 839 ОУТАП в полноценный смешанный учебно-испытательный авиационный полк, который по материально-технической базе и людским ресурсам мог бы отвечать возросшим потребностям ЦПК по летной подготовке космонавтов. Исходя из того, что теперь в космос отправляли и гражданских специалистов, а командирами экипажей назначали все же военных летчиков, требовалось по-

высить уровень их летной подготовки с 40 среднегодовых часов налета до 70–80, т.е. фактически вдвое. Для этого необходимо было серьезно «нарастить» материальную базу и летно-инструкторский состав. В идеале предполагалось расширить имеющуюся одну эскадрилью до трех в составе смешанного полка с расширением числа самолетов до 44, а специалистов – до 42 [7, л. 272].

Начался долгий путь упорядочения летной подготовки. Сильное влияние на возможность проведения тренировок оказывали метеоусловия: плохая погода срывала летные дни без возможности восстановления. Практика выделения плановых летных дней по расписанию явно не подходила и только портила ход подготовки: в 1966 г. дошло до того, что половина летных дней пропали по причине плохих метеоусловий [8, л. 55]. Перенести их на другой день не представлялось возможным, т.к. аэродром обслуживал большое количество частей. Тогда же руководство ЦПК предложило выход из сложившейся ситуации: заменить систему «блоковых» тренировок занятиями по дням недели, т.е. выделить летные дни и ночи для ЦПК, в которые можно было бы проводить летные тренировки, – в 1966 г., например, для дневных тренировок выделить вторник и пятницу, а для ночных полетов – среду [8, л. 55]. До этого подобной практики еще не существовало. Отдельные летные дня для ЦПК позволили бы не только «разбавить» картину метеоусловий, но и разгрузили бы небо в зоне полетов Чкаловского от множества других самолетов и вертолетов, а, значит и повысили бы безопасность полетов при подготовке космонавтов.

Существовала еще одна причина невыполнения плана – это нецелевое использование самолетов, выделенных для ЦПК. Генералы-командиры частей, базировавшихся на аэродроме Чкаловский, могли пользоваться воздушные суда для решения задач, не связанных с пилотируемой космонавтикой: транспортники Ил-14, которых тогда было всего два в распоряжении 3-й эскадрильи 839 полка, в начале 1966 г. возили делегатов конференции по приказу командира в/ч 22737, летали в Липецк по приказу генерал-майора авиации Кирсанова П.С., учебные УТИ МиГ-15 неоднократно использовались для полетов летчиков-инспекторов боевой подготовки [8, л. 56].

В мае 1967 г. на базе 3 эскадрильи 839 ОУТАП был сформирован 70-й Отдельный испытательный тренировочный авиационный полк (ОИТАП) при аэродроме Чкаловский для обеспечения летной подготовки космонавтов [10, л. 493] и «проведения на его базе и его силами различного рода испытаний новых образцов космической техники» [13, с. 33]. Командиром полка был назначен летчик-испытатель 1 клас-

са, Герой Советского Союза Владимир Сергеевич Серегин, имевший опыт командования учебно-тренировочной эскадрильей летчиков-космонавтов в 1960–1965 гг.

Для нормального функционирования полка (а, соответственно, и ЦПК), ему требовалось, как минимум, 2 летных дня и 1 летная ночь в неделю (в обе смены). Тогда космонавты имели бы возможность тренироваться в разных условиях видимости (как днем, так и ночью), можно было бы спокойно организовывать тренировки на невесомость и прочее. В действительности, спустя полгода летные рамки полку сузили – со второй половины 1967 г. фактически в своем распоряжении космонавты имели только 1 летный день и 1 летную ночь, и причем в одну смену [10, л. 493]. Результат не заставил себя ждать – в 1967 г. план летной подготовки космонавтов был выполнен на 77% [10, л. 494], из них налет на самолетах-истребителях удалось выполнить только на 52,5%, а на транспортных самолетах – на 57% от запланированного [11, л. 7]. В сумме на это повлияло и достаточно позднее формирование полка, и малое количество летных дней и отсутствие необходимого количества самолетов. К концу 1960-х гг. на аэродроме Чкаловский базировалось несколько воинских частей: 10 отдельная Краснознаменная авиационная бригада особого назначения, 4 Управление ГНИКИ, 839 учебно-тренировочный полк и 70 ОИТАП, которые в сумме эксплуатировали 140 единиц разнотипной летной техники [15, с. 685]. Одновременные полеты над аэродромом Чкаловский экипажей нескольких военных частей и организаций вызывали серьезную тревогу в части организации безопасности во время тренировок. Систематическое выделение недостаточного числа самолетов или переброска их для иных нужд (перевозка делегатов конференции, полеты летчиков-инспекторов боевой подготовки и т.п.) [8, л. 56–57] в добавок отнимали время от занятий.

В 1967 г. самостоятельный суммарный налет часов космонавтами на реактивных самолетах МиГ-17 должен был составить 260 часов, а на МиГ-21ПФ – 170 часов. Но из-за физического отсутствия в 70 авиационном полку двух самолетов МиГ-17 и двух МиГ-21ПФ к середине 1967 г. план оставался практически полностью невыполненным: 8,5 часов общего налета на первом виде самолетов и полное отсутствие практики полетов на вторых [10, л. 186].

При этом к качеству работы ЦПК и личного состава претензий не было абсолютно – отсутствовали летные происшествия, вся предполетная подготовка выполнялась в полном объеме и регулярно, полетная документация была заполнена безукоризненно. Более того,

в конце 1967 г. срез подготовки группы космонавтов 1965 г. набора показал, что по всем видам подготовки практически не было узких мест [9, л. 253]. Правда, судя по тому, что информация о летной подготовке в докладе передана несколько завуалировано: даны только показатели среднего налета в часах для летчиков и инженеров, — напрашивается вывод, что о проблемах в данном документе решили умолчать.

Проблемы с организацией подготовки космонавтов подстерегали ЦПК не только в части летных занятий. Судя по переписке, ЦПК всячески старался привлечь внимание вышестоящих начальников к решению проблем с поставкой новых тренажеров, своевременной подготовкой предприятий-изготовителей ракетно-космической отрасли полетной документации, формирования учебной и исследовательской базы ЦПК, но в большинстве своем встречал в ответ безразличие. Как ни печально, но на сложности ЦПК обратили внимание лишь после трагических событий 27 марта 1968 г.: в рамках работы Правительственной комиссии по расследованию гибели Ю.А. Гагарина и В.С. Серегина одна из подкомиссий занималась проверкой организации летной подготовки космонавтов ЦПК [15, с. 662–663, 690–691]. Качество подготовки космонавтов и их безопасность теперь стали не внутренней заботой руководства ЦПК, а вышли на государственный уровень. К февралю 1969 г. ЦПК получил 26 самолетов Л-29 на смену 11 единицам старых УТИ МиГ-15, а к ноябрю того же года их число замкнулось на 32 единицах [12, л. 229]. Авиационный учебно-тренировочный полк перешел под полный контроль ЦПК, что позволило усилить контроль за материальной частью и повысить исправность самолетов (к 1972 г. она составила 92 процента).

Неоспорим тот факт, что 1960-е гг. — это крайне тяжелое время для зарождавшейся пилотируемой космонавтики. Но космический полет — это результат многогранного процесса, в котором заложен не только подвиг героев-космонавтов, но и подвиг людей, обеспечивших этот полет отнюдь не в идеальных условиях. Так, например, летную подготовку космонавтов на деле сопровождали бюрократическая волокита, зависимость от других организаций, снабжение не новой техникой и недобросовестное ее обслуживание. В результате этого даже при безукоризненной работе инструкторов ЦПК, летная часть подготовки космонавтов систематически недовыполнялась. Совокупность проблем, с которыми столкнулась пилотируемая космонавтика на стадии своего зарождения и одновременно своего активного развития позволяет глубже оценить вклад людей, посвятивших себя космическому прыжку СССР.

Список источников и литературы

1. *Афанасьев И.Б.* Золотой век космонавтики: мечты и реальность. М.: Фонд «Русские Витязи», 2015. 464 с.
2. *Гуськов П.* Через барьер невесомости // *Авиация и космонавтика*. 1991. № 4. С. 11.
3. *Кузнецов Н.Ф.* Годы испытаний. Ленинград: Лениздат, 1987. 320 с.
4. Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД). Ф. 1. Оп. 3–6. Д. 5.
5. РГАНТД. Ф. 1. Оп. 3–6. Д. 7.
6. РГАНТД. Ф. 1. Оп. 3–6. Д. 9.
7. РГАНТД. Ф. 1. Оп. 3–6. Д. 18.
8. РГАНТД. Ф. 1. Оп. 3–6. Д. 24.
9. РГАНТД. Ф. 1. Оп. 3–6. Д. 28.
10. РГАНТД. Ф. 1. Оп. 3–6. Д. 30.
11. РГАНТД. Ф. 1. Оп. 3–6. Д. 37.
12. РГАНТД. Ф. 1. Оп. 3–6. Д. 41.
13. Российский государственный научно-исследовательский испытательный Центр подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина. 2-е изд. М.: Кладезь-Букс, 2002. 284 с.
14. *Рязанский С.Н.* Можно ли забить гвоздь в космосе и другие вопросы о космонавтике. М.: Эксмо, 2019. 256 с.
15. Советский космос. Специальное издание к 50-летию полета Юрия Гагарина. М.: Вестник Архива Президента РФ, 2011. 720 с.

**«Записки об Америке» К. У. Черненко (1975 г.):
текст воспоминаний и личность автора**

Аннотация. Личность К. У. Черненко, предпоследнего генерального секретаря ЦК КПСС, до сих пор не привлекает большого внимания исследователей. В то же время, малоизвестно, что К. У. Черненко — один из четырех генеральных секретарей, оставивших собственноручно написанный источник личного происхождения. В апреле 1974 г., будучи заведующим общим отделом ЦК КПСС, по поручению Л. И. Брежнева он совершил поездку в Нью-Йорк и Вашингтон с целью ознакомления с оргтехникой, используемой в управленческих структурах американских частных компаний и государственных структур, аппарате ООН. В 1975 г. по итогам поездки К. У. Черненко были подготовлены для личного пользования машинописные воспоминания о поездке, названные «Записки об Америке». Данный текст содержит как информацию о ходе визита, так и личные впечатления автора от увиденного, его размышления о жизни американцев и об особенностях капиталистического строя. По прочтении мемуаров формируется представление об их авторе как о деятеле, сформировавшемся в рамках советской общественной системы, и, одновременно, как об открытом к новым впечатлениям и новому опыту человеке.

Ключевые слова: К. У. Черненко; ЦК КПСС; внешняя политика СССР; советско-американские отношения; США; Нью-Йорк.

**K. U. Chernenko's "Notes about America" (1975):
the text of memoirs and the personality of the author**

Abstract. The personality of K. U. Chernenko, the penultimate general secretary of the Central Committee of the CPSU, still does not attract much attention of researchers. At the same time, it is little known that K. U. Chernenko is one of the four general secretaries who left a handwritten source of personal origin. In April 1974, as the head of the department of the Central Committee of the CPSU, on behalf of L. I. Brezhnev, he traveled to New York and Washington to familiarize with office equipment used in the management structures of American private companies and government agencies, the UN apparatus. In 1975, after the trip, K. U. Chernenko wrote for personal use memoirs called "Notes about America". This text contains both information about the visit

¹ **Андрей Владимирович Абрамов** — ассистент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: andreyabramov1993@gmail.com
Andrei V. Abramov — assistant, Department of the history of social movements and political parties, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

and the author's personal impressions of what he saw, his reflections on the US' life and on the peculiarities of the capitalist system. After reading the memoirs, an idea of their author is formed as a figure formed within the framework of the Soviet social system, and, at the same time, as a person open to new impressions and new experiences.

Keywords: K.U. Chernenko; the Central Committee of the CPSU; foreign policy of the USSR; Soviet-American relations; the USA; New York.

Обращаясь к биографиям исторических деятелей, возглавлявших в период 1917–1991 гг. Коммунистическую партию и Советское государство, стоит отметить, что фигура К.У. Черненко, занимавшего в 1984–1985 гг. посты генерального секретаря Центрального Комитета КПСС и председателя Президиума Верховного Совета СССР, до сих пор не привлекает большого внимания исследователей. Так, жизни и деятельности предпоследнего генерального секретаря посвящены (по состоянию на 1 июня 2023 г.) лишь несколько работ публицистического и исследовательского характера [1; 3; 5; 6; 7; 8; 10; 13]. С одной стороны, это является следствием небольшой длительности пребывания К.У. Черненко на высших постах в правящей партии и государстве, особенностей его работы как политика и управленца в последний год жизни. С другой стороны, учитывая открытие архивных фондов (в т.ч. личного фонда К.У. Черненко в Российском государственном архиве новейшей истории), публикацию мемуарной литературы, дальнейшее и углубленное исследование личности предпоследнего генерального секретаря, его работы на различных должностях в региональных партийных комитетах, секретариате Президиума Верховного Совета СССР и ЦК КПСС в течение полувека представляется актуальным и перспективным.

Общеизвестно, что из шести генеральных / первых секретарей ЦК советской Коммунистической партии трое – Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, М.С. Горбачев – оставили опубликованные на данный момент и доступные широкой публике источники личного происхождения (мемуары и дневниковые записи) [2; 4; 14]. Однако необходимо отметить, что записи мемуарного характера оставил и К.У. Черненко. Сделаны они были в 1975 г. и посвящены поездке заведующего общим отделом ЦК КПСС в Соединенные Штаты Америки в апреле 1974 г. Данные воспоминания под названием «Заметки об Америке», сделанные в печатной форме, хранятся в личном фонде К.У. Черненко в РГАНИ [12].

В 2020 г. историк-архивист Л.В. Максименков обратил внимание на данный источник в материале, подготовленном им для журна-

ла «Огонек» [9]. Стоит отметить, что историк сумел показать, в каком аппаратном контексте была организована и проходила поездка руководителя брежневской «канцелярии» в США. Однако сам текст воспоминаний, причем не только в политическом, но и личностном аспекте, рассмотрен, на наш взгляд, в явно недостаточной степени. По сути, как собственно исторический источник личного происхождения, сведения из которого проливают свет как на ход американской поездки К.У. Черненко, так и на взгляды и жизненные установки самого автора, «Записки» еще не рассматривались.

Архивное дело, содержащее мемуары К.У. Черненко и озаглавленное «Записки К.У. Черненко о поездке в США для ознакомления с оргтехникой и ее применением в государственных учреждениях США», содержит 173 листа. По сути, его можно разделить на три части. Первая часть содержит воспоминания заведующего общим отделом ЦК о поездке в Нью-Йорк [12, с. 1–96], вторая – приложение в виде официального буклета о деятельности центральных учреждений Организации Объединенных Наций за 1974 г. [12, с. 97–150], третья – заметки К.У. Черненко о деятельности Федерального бюро расследований США, сделанные им под впечатлением от посещения офиса этой организации в Вашингтоне [12, с. 151–173].

К.У. Черненко откровенно признавался, что эти записи мемуарного характера «не претендуют на деловой законченный документ и тем более на материал, требующий опубликования», и представляют из себя «просто отдельные заметки того, что зафиксировалось в памяти человека, видевшего впервые страну и даже не страну, а отдельные, разрозненные стороны ее жизни» [12, с. 2]. Как можно видеть, данный документ руководитель брежневской «канцелярии» составлял скорее для самого себя, желая сохранить воспоминания о явно впечатлившей его поездке в ведущую державу капиталистического лагеря. На наш взгляд, это характеризует будущего генерального секретаря как человека, открытого новым впечатлениям и опыту.

Насколько можно судить, исходя из слов самого автора воспоминаний, идея поездки К.У. Черненко в США исходила от его руководителя – генерального секретаря Л.И. Брежнева. В дальнейшем она была утверждена на уровне Политбюро. «Оформить» же этот визит главного аппаратчика ЦК решили как участие в работе советской делегации на сессии Генеральной Ассамблеи ООН [12, с. 2]. Учитывая международный контекст, прежде всего, «разрядку международной напряженности», пик которой пришелся на первую половину 1970-х гг., такая инициатива лидера КПСС и Советского Союза не вызывает удивле-

ния. Сам факт наличия стремления учиться у своего главного идеологического и военно-политического противника, на наш взгляд, определенным образом характеризует управленческие качества советского руководства в первой половине 1970-х гг. Кроме того, внимание к новейшим образцам оргтехники и их применению в аппаратной работе также показывает уровень понимания советскими руководителями проблем управленческой работы в рассматриваемый период.

При ознакомлении с текстом воспоминаний особенно обращает на себя внимание стремление К.У. Черненко зафиксировать на бумаге подробности быта, повседневной жизни людей, живущих в тех местах за рубежом, где он побывал, пусть даже мимоходом. Понимал и признавал это и сам автор: «Каждое малейшее новое явление в пути и на месте приобретало острую и запоминающуюся окраску» [12, с. 2].

К примеру, заведующий общим отделом ЦК скрупулезно зафиксировал свои впечатления от полуторачасовой технической остановки в столице Дании Копенгагене: и природные условия, и обслуживание в комнате отдыха в аэропорту, и особенности работы воздушного порта столицы Дании. Важно отметить, что К.У. Черненко и в этом, и в других «эпизодах» явно и неявно пытается сравнивать увиденное им с жизнью в Советском Союзе. И это сравнение подчас вызывало у него неподдельное удивление. Кроме того, автор явно готовился к своей поездке, потому что в тексте (в т.ч. при рассказе о Копенгагене) явно «всплывают» данные из каких-то справок общего и частного характера [12, с. 3–4].

Очень точным, на наш взгляд, является заголовок, данный К.У. Черненко разделу о посещении Нью-Йорка – «Впечатления и раздумья» [12, с. 4]. По сути, увиденное в Америке стало для автора исходной точкой для более широких размышлений и обобщений, касающихся жизни современного К.У. Черненко капиталистического общества, особенностей социализма и империализма. Можно сказать, что главный аппаратчик ЦК во время поездки ощущал себя в какой-то мере «современным Колумбом» [12, с. 9], по крайней мере, для самого себя открывающим новые, неизведанные дали.

Общее впечатление от «столицы» капиталистического мира заведующий общим отделом ЦК сформулировал следующим образом: «Нью-Йорк – огромный и какой-то незнакомый по своему внешнему виду город, который не похож на другие города, которые мне приходилось когда-либо видеть». В течение своей жизни К.У. Черненко успел поработать в Красноярске, Пензе, Кишиневе и Москве, и этот опыт неизбежно отличался от увиденного им, 63-летним человеком, в Нью-

Йорке. В частности, главный аппаратчик ЦК сильно впечатлился такими феноменами американской и в целом западной жизни того времени, как платные дороги (выделив упоминание об этом отдельным шрифтом), ночная реклама и освещение высотных зданий. К.У. Черненко, явно проводя параллели с современными ему советскими городами, указывал, что в Нью-Йорке очень мало парков и скверов, культурных и спортивных сооружений, жилые дома там стоят вплотную друг к другу, а уровень преступности и днем, и ночью чрезвычайно высок. Не самые позитивные эмоции у автора также вызывали «кладбища машин», плохое благоустройство на окраинах города – в Гарлеме и Ист-Сайде, большой размер коммунальных платежей, высокий уровень наркомании, бродвейские мюзиклы. Но, в то же время, заведующему общим отделом ЦК было сложно скрыть своеобразное восхищение этим «большим, шумным, современным городом» [12, с. 6–7, 9, 13, 18–19, 22, 27–30, 35, 45].

Судя по тексту мемуаров (написанных, подчеркнем, «в стол»), увиденное К.У. Черненко в США не только не поколебало, но еще более укрепило его веру в преимущество социализма как общественного строя перед капитализмом. Так, ссылаясь на рассказ американского рабочего ирландского происхождения об особенностях работы местной системы здравоохранения, автор пришел к выводу, что устройство жизни в США «не знает ни чести, ни правил или общепризнанных норм между людьми в борьбе за свое существование». Америку он называл «страной великого богатства и великой нищеты», в отличие от Советского Союза, где, по его словам, «люди борются за свое счастье, правду и свободу, побеждают и утверждают ее на земле» [12, с. 11–13, 48].

В ходе повествования автор неоднократно и с искренним возмущением обращался к теме «позора Америки, ее кровотокающей раны», которую «существующий порядок в стране» не может заживить: проблеме расовой сегрегации и ущемленного положения афроамериканцев и индейцев. К.У. Черненко считал, что «такие явления не встретишь не только в нашей стране, но, наверное, и в любой другой стране мира». Впрочем, возможностей провести личное сравнение у заведующего общим отделом ЦК было не так много. В целом же восприятие американской действительности, сформированное К.У. Черненко во время поездки и при прочтении подготовленных к ней справок, явно обуславливалось его «пропагандистскими привычками к рассуждению и анализу вопроса», т.е. усвоенными за долгие годы марксистско-ленинскими идеологическими установками [12, с. 35–44].

В рамках своего «визита» заведующий общим отделом ЦК сумел ознакомиться с работой компаний Barron, IBM, Chase Manhattan, Sperry Rand, Херох, Нью-Йоркской биржи, секретариата ООН (Нью-Йорк), государственного департамента и ФБР США (Вашингтон). К.У. Черненко подробно записал особенности функционирования управленческих структур данных организаций, явно надеясь в дальнейшем учесть их в собственной работе. В то же время, судя по тексту мемуаров, руководитель брежневской «канцелярии» выполнял роль личного посланника генерального секретаря, по крайней мере, во время бесед с влиятельным бизнесменом Д. Рокфеллером и высокопоставленными сотрудниками госдепартамента. Главный аппаратчик ЦК пытался прояснить перспективы «разрядки» и советско-американских официальных и неофициальных договоренностей в условиях Уотергейтского кризиса и нараставшей в Америке кампании по принятию поправки Джэксона – Вэника [12, с. 20–21, 49–94].

Позитивно заведующий общим отделом ЦК оценивал американский опыт не только в сфере управления, но и в строительстве, производстве лифтов и кондиционеров. Автор отдельно подчеркивал скорость, эффективность, экономность строительства в Нью-Йорке, сетовал, что советские строители во время неоднократных поездок в США так и не сумели усвоить эти методы. Являясь идейным, на наш взгляд, коммунистом и подкованным партийным работником, К.У. Черненко в данном вопросе тут же сослался на В.И. Ленина, заявлявшего, что «нам нужно взять от капиталистов все, что для нас полезно, и поставить на службу социализму» [12, с. 7–8, 28].

Кроме записок о поездке в Нью-Йорк К.У. Черненко, напомним, подготовил отдельный большой материал об истории и деятельности ФБР. Видимо, главный аппаратчик ЦК действительно серьезно интересовался этой темой, причем давно, с 1930-х гг., когда, по собственному признанию, он подготовил лекцию «Формы и методы работы иностранных разведок». В результате знакомства как с общедоступными, так и с явно закрытыми материалами, собранными по линии спецслужб, автор подготовил подробный ретроспективный обзор методов работы ФБР с момента его основания. Итогом проведенной работы стало заключение, что Америка и в целом капиталистический лагерь переживают «глубочайший за всю историю империализма экономический кризис и... небывалое духовное падение и маразм буржуазной демократии» [12, с. 151–173].

Интересно отметить, что текст воспоминаний явно демонстрирует литературный кругозор К.У. Черненко. Главный аппаратчик ЦК

был хорошо знаком с творчеством и биографиями русских / советских и американских писателей и публицистов: М. Горького, И. Ильфа и Е. Петрова, С.В. Сартакова, И.Л. Толстого, У. Фрэнка, Дж. Генри [12, с. 6, 14–17, 47, 71–72, 96, 154–155]. Учитывая, что текст о поездке в Америку писался автором для собственного пользования, можно заключить, что заведующий общим отделом ЦК обладал немалым литературным «багажом» и использовал эти знания в каждодневной работе.

Таким образом, проанализировав текст «Записок об Америке», можно заключить, что личность К.У. Черненко представляется более многогранной, чем традиционно принято считать в мемуаристике и публицистике. Безусловно, руководитель брежневской «канцелярии» был человеком своего времени, «пропустившим через себя» основные подходы и положения марксистско-ленинской идеологии, анализирующим через ее «призму» происходящие события и окружающую действительность. В то же время, главный аппаратчик ЦК, несмотря на специфику своей работы, предстает в мемуарах как человек, открытый новым впечатлениям, новому опыту, искренне стремящийся «докопаться» до сути даже вроде бы «идеологически чуждых» явлений. Кроме того, можно сказать, что к середине 1970-х гг. К.У. Черненко был особо доверенным соратником Л.И. Брежнева, призванным выполнять сложные и конфиденциальные задания не только внутри, но и вне страны.

Список источников и литературы

1. *Баялинов К.* Тринадцать месяцев Константина Черненко, или Ставка номенклатуры // Литературный Киргизстан. 1989. № 9. С. 97–108.
2. *Брежнев Л.И.* Рабочие и дневниковые записи. В 3 т. М.: Историческая литература, 2016.
3. *Волкогонов Д.А.* Семь вождей: галерея лидеров СССР. Кн. 2. Леонид Брежнев, Юрий Андропов, Константин Черненко, Михаил Горбачев. М.: Новости, 1995. 478 с.
4. *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. В 2 т. М.: Новости, 1995.
5. *Земцов И.Г.* Крах эпохи. Кн. 1. Андропов, Черненко, Горбачев: последние коммунисты в Кремле. М.: Наука, 1999. 398 с.
6. *Земцов И.Г.* Черненко. Советский Союз в канун перестройки. London: Overseas publ., interchange, 1989. 379 с.
7. *Костырченко Г.В.* Генсек-столоначальник: штрихи биографии Константина Черненко // Россия XXI. 2018. № 4. С. 80–93.
8. *Кречмар Д.* Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. М.: АИРО-XX, 1997. 316 с.

9. *Максименков Л.В.* Оргвыезд. За каким опытом Константин Черненко ездил в Америку // Журнал «Огонек». 14.06.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4365465> (дата обращения: 01.06.2023).

10. *Полынов М.Ф.* Константин Устинович Черненко как лидер КПСС и Советского государства (1984–1985 годы) // Научный диалог. 2020. № 11. С. 448–465.

11. *Прибытков В.В.* Черненко. М.: Молодая гвардия, 2009. 217 с.

12. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 83. Черненко Константин Устинович (1911–1985 гг.), Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Оп. 1. Д. 63. Записки К.У. Черненко о поездке в США для ознакомления с оргтехникой и ее применением в государственных учреждениях США. 173 л.

13. *Семенов В.Б.* Константин Черненко и Пенза // Краеведение: научный и научно-популярный журнал. 2000. № 1. С. 134–141.

14. *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Воспоминания: в 4 кн. М.: Московские новости, 1999.

Создание Переславского государственного природно-исторического национального парка как результат взаимодействия власти и общества в эпоху перестройки и гласности

Аннотация. Автор статьи анализирует, как политика перестройки и гласности позволила поднять важные экологические проблемы и вовлечь общественность в их обсуждение и поиски решения на примере создания Переславского государственного природно-исторического парка. Автор делает вывод о том, что сохранение уникальной природно-исторической территории стало возможным именно благодаря взаимодействию общества, советских и партийных органов в условиях политики перестройки и гласности.

Ключевые слова: перестройка; гласность; СССР; Ярославская область; Переславль; национальный парк «Плещеево озеро».

The creation of the Pereslavl state national park as a result of cooperation of society and power in era of perestroika and publicity

Abstract. The author of the article analyzes how perestroika and publicity allowed to raise the ecologic problems and get the public engaged in discussion and solution of these problems on the example of creating of Pleshcheyevo Lake National Park. The author concludes that the preservation of a unique natural and historical territory became possible through cooperation of society, soviet and party authorities during the perestroika and publicity period.

Keywords: perestroika; publicity; USSR; Yaroslavl region; Pereslavl; Pleshcheyevo Lake National Park.

Курс на гласность, подразумевающий повышение открытости в отношениях власти и общества, а также реализацию свободы информации и прессы, был провозглашен в СССР в рамках политики перестройки [5]. Переход к политике гласности стал отправной точкой начала формирования гражданского общества в СССР, а также привел к усиле-

¹ **Ольга Николаевна Шанина** – кандидат исторических наук, заведующий отделом информационного обеспечения и публикации документов, Центр документации Ярославской области – филиал Государственного архива Ярославской области (Ярославль, Россия), e-mail: o-shanina@mail.ru

Olga N. Shanina – Candidate of historical sciences, head of the department of information support and publication of documents, Documentation center of Yaroslavl region – branch of the State archive of the Yaroslavl region (Yaroslavl, Russia).

нию активности населения в области природоохранной деятельности. Многие исследователи, изучающие процесс формирования гражданского общества в период перестройки, отмечают, что его отличительной особенностью стало активное развитие общественного движения по охране природы и объектов культурного наследия. Они подчеркивают, что именно экологическое движение отличалось наибольшей организованностью [13, с. 60]. Ряд исследователей (например, О.Н. Яницкий) даже склонен рассматривать процесс формирования и развития гражданского общества именно через призму экологического движения [26, с. 30].

Как отмечает Е.Д. Макеева, с началом перестройки и гласности в социально-политической жизни произошли значительные изменения, обнажившие резкое ухудшение экологической обстановки, с которым не могли справиться органы государственной власти. Однако политика гласности сделала возможным обсуждение данных проблем в прессе. Ухудшение экологической ситуации и ее открытое обсуждение в СМИ стимулировали подъем общественного движения за охрану природы, что в конечном итоге привело к созданию различных экологических клубов и обществ [4, л. 25].

Однако ряд исследователей (например, А.В. Шубин) склонен пренебрегать значимостью деполитизированных организаций в общественном поле конца 1980-х гг., уделяя основное внимание деятельности политизированных и неформальных организаций [25, с. 37]. То есть, вопрос зарождения элементов гражданского общества и их взаимодействия с властными структурами остается дискуссионным в отечественной историографии.

Задача данной статьи, опираясь на архивные материалы, касающиеся взаимодействия партийных структур и общественности, изучить на конкретном примере из региональной истории механизмы обсуждения и принятия решений по экологическим вопросам на первом этапе формирования гражданского общества в СССР. А также проиллюстрировать, как перестройка и гласность сделали возможным диалог власти и общества по природоохранным темам, результатом которого стало создание Переславского природно-исторического парка. Цель статьи – ввести в научный оборот и обобщить ранее не изученные архивные документы из фондов Ярославского областного комитета КПСС, Переславль-Залесского городского комитета КПСС, Ярославской областной организации Всероссийского общества охраны природы (ВООП), Ярославского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК),

а также материалы прессы по истории создания Переславского национального парка в связи с 35-летием со дня его открытия.

Зарождение идеи создания национального парка в Переславле было тесно связано с бурным развитием туризма в области в 1970–1980-е гг. После организации республиканского туристического маршрута «Золотого кольца», в который вошел Переславль-Залесский, поток туристов в город и его окрестности сильно возрос и составил до 300 тыс. организованных туристов в год. Это заставило общественность и местные власти заговорить об озере и его окрестностях как о редком сочетании творений природы и рукотворных памятников истории, заслуживающих пристального внимания [22, л. 25].

В обосновании о целесообразности создания парка говорилось, что «территория вокруг озера Плещеево и города Переславля-Залесского обладает значительными рекреационными ресурсами, входит в один административный район... Плещеево озеро ледникового происхождения, имеет песчаное дно и живописные берега... Свыше 40% в его балансе принадлежит подземным водам (ключам). По качеству воды, газовому режиму озеро является уникальным в Центральной части России. В озере обитает 16 видов рыб, среди них редкая реликтовая рыба из семейства сиговых – ряпушка... Ядром национального парка должен стать город Переславль-Залесский (основан в 1152 г.), включенный в список исторических городов Российской Федерации» [21, л. 133].

Однако создание национального парка было сопряжено с необходимостью решения целого комплекса экологических проблем, назревших в данном регионе. В центре Переславля на берегу реки Трубеж долгие годы работала старейшая в стране фабрика кинофотопленки, отправляя неочищенные стоки в озеро. В 1970-е гг. Переславль был выбран местом для строительства крупнейшего в отрасли комбината «Союзхимфото» (ПО «Славич»). Второй важной проблемой для Переславля стала проблема сточных вод, так как в городе не было ливневой канализации и к городским канализационным сетям были подключены не все жилые и производственные объекты. Кроме того, в связи с ростом населения и притоком туристов в 1970-е гг. остро встал вопрос о водоснабжении города, для решения которого было начато строительство водозабора из Плещеева озера, предполагавшее зарегулирование его стока путем сооружения плотин на реках Трубеж и Векса [12, с. 3]. Однако проведенное Институтом биологии внутренних вод АН РАН исследование установило, что начавшееся строительство водозабора из озера и плотины на р. Трубеж станет новым дополни-

тельным источником загрязнения озера, а создаваемое водохранилище может очень быстро превратиться в болото, так как будет располагаться в заболоченной местности и иметь малые глубины [21, л. 2–10].

Первые попытки привлечь внимание общественности к назревшим экологическим проблемам Переславля были предприняты советской интеллигенцией посредством республиканской и местной прессы в конце 1970-х гг. [9, с. 6; 12, с. 3; 14, с. 5; 15, с. 3; 16, с. 6]. Наибольший резонанс вызвала статья писателя А.Л. Никитина «Хранить родники Берендея», опубликованная 7 марта 1979 г. в «Литературной газете». Автор поднимал острые экологические проблемы Переславля и предлагал в качестве решения создать национальный парк на базе природного комплекса Плещеева озера. В ответ на данную статью 16 мая Ярославский областной совет ВООПИК направил письма редактору «Литературной газеты», Центральному совету ВООП и ВООПИК, в которых поддержал идею автора.

В августе на зональном совещании ВООП и ВООПИК в Пскове с докладом «О сбережении Переславского природно-исторического комплекса» выступили профессор института, председатель секции охраняемых природных территорий Ярославского областного совета ВООП А.Н. Иванов и архитектор Переславского реставрационного участка И.Б. Пуришев. А 20 сентября 1980 г. в областной газете «Северный рабочий» была опубликована их статья, доказывавшая, что назрела острая необходимость создания Переславского природно-исторического парка с целью объединения разрозненных мер по охране уникальной природы и памятников истории, а также упорядочения возрастающего туристического потока в данный регион [15, с. 3].

Идею о создании национального парка поддержали местные ученые. В феврале 1981 г. на Ярославской областной научно-практической конференции «Проблемы использования и охраны природных ресурсов Ярославской области» сразу несколько докладов были посвящены проблемам Плещеева озера и вопросам создания на его базе национального парка [23, л. 1].

Летом 1981 г. под влиянием местной и республиканской общественности Ярославские областные советы ВООП и ВООПИК обратились в Ярославский облисполком с письмом «О создании Переславского природно-исторического парка», в котором просили облисполком выйти с соответствующими предложениями в республиканские органы власти. После этого в июле 1981 г. член ЦК КПСС, секретарь Ярославского обкома КПСС Ф.И. Лощенков, выступая в Борке на сессии Научного совета АН СССР по проблемам биосферы,

также обратил внимание на возможность создания Переславского национального парка [24, л. 42–43].

Несмотря на то, что местные органы власти приняли соответствующие постановления, решение всех связанных с реализацией проекта национального парка экологических проблем проходило достаточно медленно. Довести проект до его воплощения в жизнь стало возможным благодаря непрерывающемуся пристальному вниманию общественности к данной проблеме и ее активному участию в обсуждении и решении всех связанных с реализацией проекта вопросов уже в условиях начавшейся политики перестройки.

Во второй половине 1980-х гг. проблема сохранения Плещеева озера несколько лет не сходила со страниц центральной и местной прессы [3, с. 2; 8, с. 3; 11, с. 3]. Так, в «Советской России» за три года по данной теме вышло 6 статей [1, с. 6; 2, с. 6; 7, с. 6; 10, с. 6]. Все они вызвали сильный гражданский резонанс. Редакция газеты произвела выезд в Переславль, где был организован круглый стол по проблемам озера. Специалисты разных профилей пришли к выводу, что проект водоснабжения Переславля научно несостоятелен. В качестве альтернативы по снабжению города и предприятия водой было предложено использовать запасы подземных вод.

Под влиянием общественности в 1985 г. Совет министров РСФСР принял Постановление «Об экстренных мерах по спасению озера», которое предполагало ограничение потребления воды для промышленных нужд, очистку русла рек Ветлянки и Трубезь и создание ливневой канализации [22, л. 89].

В решении проблемы наметился коренной перелом, когда она привлекла внимание высшего партийного руководства благодаря письму московского архитектора С. Ораевской XXVII съезду КПСС. После ее обращения ЦК КПСС поддержал предложения ученых и общественности, высказанные на страницах газет, об отказе от зарегулирования Плещеева озера, о необходимости немедленного поиска иных источников воды для Переславля и химкомбината, о создании на берегах озера национального парка, а в городе – крупного центра туризма. То есть общественности удалось предотвратить строительство спорной с научной точки зрения плотины.

30 июня 1986 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по сохранению Плещеева озера, историко-архитектурных памятников г. Переславля-Залесского», вслед за которым последовал ряд решений Ярославского обкома и облисполкома [22, л. 72]. В рамках данных постановлений было подготовлено обоснование о целе-

сообразности создания в районе Плещеева озера государственного природно-исторического национального парка, были определены его предварительные границы. Все материалы были направлены на рассмотрение Совета министров РСФСР. В целях обеспечения сохранности природно-исторического комплекса были разведаны запасы подземных вод вне пределов бассейна озера, начались работы по проектированию нового водозабора. Решением исполкома было признано нецелесообразным дальнейшее развитие города как индустриального центра, исключено строительство водоемких производств по ранее утвержденным проектам ПО «Славич». Для усиления контроля за сохранением озера по приказу Минводхоза РСФСР в Переславле был создан филиал Ярославской гидрохимической лаборатории. Также было начато строительство ливневой канализации [22, л. 44–47]. К 1987 г. к сетям канализации был подключен 81% государственного жилого фонда и 4% находящегося в личном пользовании.

16 июня 1987 г. в «Советской культуре» вышла статья «Миражи Плещеева озера», которая имела большой общественный резонанс [6, с. 6]. С одной стороны, автор статьи восхвалял победу общественности, которая проявила настойчивость и добилась отмены проекта строительства плотин, грозивших экологической катастрофой Плещееву озеру. Решение вопроса было названо важным продуктом гласности и перестройки. С другой стороны, статья снова ставила нерешенные острые экологические проблемы, связанные с Переславлем.

25 августа 1987 г. Ярославский облисполком обсудил статью на своем заседании [17, л. 59]. Автору был дан официальный ответ, что, во исполнение решений директивных органов по сохранению природно-исторического комплекса в районе Переславля, и критических замечаний, высказанных в статье, облисполком с привлечением научной общественности подготовил обоснование о целесообразности создания в этом регионе государственного природно-исторического национального парка. Материалы о его создании направлены в Госплан РСФСР [24, л. 21].

Под влиянием общественности проблемы охраны Плещеева озера и историко-архитектурных памятников г. Переславля также были рассмотрены Коллегией Министерства химической промышленности СССР. Заседание Коллегии было назначено после публикации статьи «Воспаление» в газете «Советская Россия» от 12 сентября 1987 г., которая в свою очередь была написана в ответ на поступающие в редакцию в массовом порядке письма от обеспокоенных экологической ситуацией жителей Переславля. Под давлением общественности министер-

ством были приняты решения по ограничению развития ПО «Славич» и переводу химических производств Переславского опытного завода Госнихимфотопроекта из центра города на территорию ПО «Славич» [20, л. 13–14].

9–10 февраля 1988 г. на базе Института биологии внутренних вод АН СССР прошло межведомственное совещание по проблемам изучения и контроля состояния Плещеева озера, в котором приняли участие 35 человек из 15 учреждений (АН СССР, Госкомгидромет СССР, Минхимпром СССР, Мингео СССР, Минздрав СССР, Госстрой СССР, Переславский горисполком и другие). Была достигнута договоренность о координации совместных действий по решению экологических проблем озера [19, л. 9, 10].

В названии будущего парка кроме слова «природный» присутствовало слово «исторический». Это предполагало комплексный подход к решению проблемы: проведение работы не только по защите окружающей среды, но и по реставрации памятников истории и архитектуры. Постановлением коллегии Министерства культуры РСФСР от 16 января 1987 г. «О мерах по дальнейшему улучшению реставрации и использования памятников истории и культуры г. Переславля-Залесского в районе Плещеева озера» был принят и утвержден перспективный план ремонтно-реставрационных работ по памятникам истории и культуры г. Переславля-Залесского и района на 1986–1990 гг. и на период до 2000 г. [18, л. 32–35]. Кроме того, были намечены мероприятия по строительству объездной автодороги. В результате принятых совместных усилий к 1988 г. удалось достичь определенных результатов по улучшению состояния водоема и добиться повышения прозрачности воды в озере с 8 до 11,5 м [20, л. 30].

26 сентября 1988 г. Постановлением Совета министров РСФСР был создан Переславский государственный природно-исторический национальный парк, ныне – национальный парк «Плещеево озеро», относящийся к особо охраняемой природной территории федерального значения. А в марте 1989 г. в области произошла консолидация общественного движения за охрану природы за счет создания экологического клуба «Зеленая ветвь», который сделал открытыми для общественности проблемы экологии области и привлек широкие массы к их решению.

Таким образом, можно согласиться с точкой зрения О.Н. Яницкого, что на первом этапе формирования гражданского общества именно движение за решение вопросов охраны природы и исторических памятников стало в СССР одной из первых легальных форм раз-

вития общедемократического процесса и способствовало консолидации общества.

Сохранение уникальной природно-исторической территории стало возможным благодаря тесному взаимодействию общества, советских и партийных органов в условиях политики перестройки и гласности, которая создала правовое поле для конструктивного обсуждения экологических и культурных проблем между властью и обществом, а также их всестороннего освещения в средствах массовой информации. Это был обоюдный процесс вызревания политической и общественной активности населения с одной стороны и готовности власти стимулировать эту активность на благо проводимых реформ — с другой, что способствовало становлению институтов гражданского общества. Все это сделало возможным обсуждение комплекса проблем существования Плещеева озера на всех уровнях и сдвинуло их решение с мертвой точки. Создание Переславского национального парка является ярким примером проявления гражданских инициатив и продуктивного взаимодействия власти и общества по вопросам экологии в эпоху перестройки.

Список источников и литературы

1. Вокруг Плещеева озера // Советская Россия. 1984. 28 января.
2. Временщики // Советская Россия. 1986. 24 апреля.
3. К проблеме Плещеева озера // Коммунар. 1987. 21 ноября.
4. *Макеева Е.Д.* Общественные экологические организации Поволжья на рубеже 1980–1990-х гг. и их взаимоотношение с властью // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. С. 25–33.
5. Материалы XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС. 28 июня — 1 июля 1988 г. М.: Политиздат, 1988. 160 с.
6. Миражи Плещеева озера // Советская культура. 1987. 16 июня.
7. На волне Плещеева озера // Советская Россия. 1984. 12 июля.
8. Озеро Плещеево: прошлое, настоящее, будущее // Северный рабочий. 1988. 20 января.
9. Плещеево озеро: надежда и реальность // Литературная газета. 1981. 24 июля.
10. Поперек заповедной зоны // Советская Россия. 1987. 4 января.
11. Право на чистый воздух // Северный рабочий. 1987. 20 октября.
12. Рука помощи озеру // Северный рабочий. 1979. 31 августа.
13. *Селезнев П.А.* Институционализация российских общественных движений в позднесоветский (перестроечный) и постсоветский период // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2010. № 2. С. 59–63.

14. У озера Плещеева // Работница. 1979. № 8.
15. Уникальный памятник природы и истории // Северный рабочий. 1980. 20 сентября.
16. Хранить родники Берендея // Литературная газета. 1979. 7 марта.
17. Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 272. Оп. 269. Д. 2441.
18. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 269. Д. 2442.
19. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 269. Д. 2520.
20. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 269. Д. 2521.
21. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 270. Д. 1207.
22. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 270. Д. 1208.
23. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 807. Оп. 1. Д. 241.
24. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 807. Оп. 1. Д. 348.
25. *Шубин А. В.* Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989). М.: Европа, 2006. 339 с.
26. *Яницкий О. Н.* Экологическая ретроспектива: 1985–2004 (предварительные итоги) // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 26–36.

**Эпоха перемен на Земле и на орбите.
Отражение социально-экономических изменений
в экспозиции Мемориального музея космонавтики
(на примере выставки «Прыжки в высоту
с короткого разбега»)**

Аннотация. Выставка «Прыжки в высоту с короткого разбега», проходившая в Мемориальном музее космонавтики в 2022–2023 гг., показывала подготовку к полету и первый полет в космос Сергея Васильевича Авдеева на фоне исторической эпохи. С.В. Авдеев был зачислен в отряд космонавтов в 1987 г., первый полет совершил в 1992–1993 гг. В это время происходили значимые изменения в политике, общественной и социальной сферах, что тоже было отражено на выставке. Подготовка и проведение этой выставки стали интересным примером отражения событий социально-политической истории в экспозиции специализированного научно-технического музея.

Ключевые слова: история; космонавтика; музей; выставка.

**The epoch of changes on Earth and the space orbit.
Repercussions of social and economic changes
in the exposition of the Museum of cosmonautics
(on the example of the exhibition “High jumping
from a short running start”)**

Abstract. The exhibition “High jumping from a short running start” in the Museum of cosmonautics was about training for the first space flight of Sergey Avdeev and the flight itself on the background of the history epoch. S. Avdeev was assigned in the group of cosmonautics in 1987. He carried out his first flight in 1992–1993. It was time of big changes in politics and social life, which were also shown on the exhibition. This exhibition was an interesting case of repercussions of social and economic changes in a science-technical museum.

Keywords: history; cosmonautics; museum; exhibition.

¹ **Кирилл Александрович Гусев** – старший научный сотрудник Государственного бюджетного учреждения культуры г. Москвы «Мемориальный музей космонавтики» (Москва, Россия), e-mail: GusevKA@culture.mos.ru

Kirill A. Gusev – senior scientific adviser of the Moscow museum of cosmonautics (Moscow, Russia).

² **Мария Леонидовна Козлова** – старший научный сотрудник Государственного бюджетного учреждения культуры г. Москвы «Мемориальный музей космонавтики» (Москва, Россия), e-mail: KozlovaML3@culture.mos.ru

Maria L. Kozlova – senior scientific adviser of the Moscow museum of cosmonautics (Moscow, Russia).

Космические полеты только кажутся чем-то очень далеким, «неземным». Но их подготовка и проведение невозможны без работы на Земле. Конец 1980-х и первая половина 1990-х гг. были временем значительных изменений в Северной Евразии. Они отразились не только на политической карте (распался Советский Союз, новые государства налаживали взаимоотношения), но и на жизни большей части населения. Появились элементы рыночной экономики: свобода торговли, либерализация цен, приватизация и многое другое. Менялся привычный уклад жизни.

Такие трансформации в социально-экономических, культурных и политических аспектах постсоветского пространства все чаще становятся предметом исследований в рамках выставочной деятельности музеев. Выставки как инструмент создания «социальной памяти» страны обрели свои черты еще в 1860-х гг. и развивали идеи исторической самоидентификации народа [4, с. 35]. В дореволюционное время особым успехом пользовались этнографические, антропологические и медицинские выставки, однако с образованием Советского Союза акцент сместился демонстрацию промышленных и экономических достижений страны [2, с. 33–34]. При этом после Октябрьской революции перед музеями была поставлена задача активного участия в политпросвещении социума через создание художественных, исторических, естественнонаучных и все тех же промышленных выставок [12, с. 123, 125]. В центре методологии стояла агитация через предмет, а не лозунг [12, с. 123, 125]. В конце 1980-х – начале 1990-х гг., после распада СССР, наступило полное переосмысление целей и задач музейной деятельности. Если в советский период центральным элементом выставки был сам предмет, его история и репрезентативность, то в последние 30 лет на первое место при построении экспозиционной композиции становится посетитель и его запросы [9, с. 482–483]. В связи с этим в России развивается популяризационная и просветительская выставочная деятельность, в фундамент которой закладывается рефлексия по прошлому отдельных людей и социальных групп. Выставка в системе общественной действительности начинает транслировать «социально-значимые смыслы» посредством «композиционно организованных в пространственной среде экспонатов», которые оформляются художественными и техническими средствами, а также текстовыми или аудиовизуальными комментариями для погружения посетителя в обозначенный исторический период либо тематику [1, с. 30]. Таким образом музей через призму выставочной деятельности создает практику моделирования исторической действительности

и ее индивидуального восприятия через концептуально подобранный предметный ряд [1, с. 34].

Возникший интерес у современного посетителя к событиям в стране на рубеже 1980–1990-х гг. породил некоторый запрос на презентацию данного периода в выставочных пространствах. На данный момент существует не так много специальных работ, посвященных этому феномену, однако стоит отметить статьи А.М. Кулегина «Музей на перекрестке эпох» [5] и С. Чуйкиной «Музеи отечественной истории и литературы XX века в современной России: переработка советского опыта и стратегии кризисного менеджмента» [9], затрагивающие не только влияние перестройки на трансформацию музеев как института, но и рассматривающие отражение проблемы распада СССР в выставочной тематике.

В 2022–2023 гг. в Мемориальном музее космонавтики экспонировалась выставка «Прыжки в высоту с короткого разбега», посвященная 30-летию первого полета в космос Сергея Васильевича Авдеева. Ее целью было «представить историю профессионального становления и первого космического полета летчика-космонавта РФ С.В. Авдеева на фоне переломных событий в жизни страны». Название выставки связано с занятиями героя прыжками в высоту (кандидат в мастера спорта по легкой атлетике) и достаточно непродолжительного (всего 3 года) периода подготовки к работе на орбитальной станции.

Сергей Авдеев был зачислен в отряд космонавтов НПО «Энергия» в 1987 г. [8, с. 206]. К этому времени руководством СССР были провозглашены новые принципы жизни страны – «перестройка» и «гласность», «строительство социализма с человеческим лицом», а в стране обострился дефицит продуктов питания и товаров первой необходимости [11, с. 106]. Начался постепенный распад СССР на отдельные независимые государства, оформленный подписанием Беловежского соглашения [3, с. 274–275]. Политические изменения отражались и на космической отрасли, например, в 1986 г. президент Франции Франсуа Миттеран и президент СССР посетили Звездный городок, подписали соглашение о сотрудничестве в космической отрасли, которое продолжало достаточно длительную традицию советско-французского сотрудничества в космосе [7, с. 3]. А первый полет С.В. Авдеев частично провел вместе с французским космонавтом Мишелем Тонини. Однако изменения во внутренней политике тоже сказывались на космосе самым причудливым образом. С.В. Авдеев мог отправиться в космос еще в 1991 г., но вместо него на станцию «Мир» полетел Токтар Аубакиров. Таким образом руководство

Советского Союза стремилось улучшить отношения с фактически уже независимым Казахстаном [6, с. 477].

На выставке присутствовали 2 основные линии: подготовка и проведение космического полета и изменения на Земле. Эти два направления переплетались между собой на протяжении всей выставки, соединяясь в единое повествовательное полотно.

Подготовка С.В. Авдеева к полету была показана на фоне изменений в жизни страны и была проиллюстрирована при помощи документов из личного архива космонавта (автобиография, классификационная книжка спортсмена и т.п.), фотографическими материалами и вещественными памятниками. Параллельно экспонатный ряд погружал посетителей в исторический период благодаря текстам, фотографиям и материальным памятникам из Музея политической истории России (г. Санкт-Петербург). Так, например, дефицит товаров первой необходимости и продуктов питания, настигший страну уже в конце 1980-х гг., отразился на жизни многих граждан и, в частности, семьи Авдеева. Этот аспект был раскрыт через показ талонов на приобретение товаров и подтвержден воспоминаниями жены Сергея Васильевича – Марии Авраамиевны Побединской.

В СССР все чаще стали проявляться кризисные явления в идеологии и экономике после эпохи застоя. Политика «перестройки», продвигаемая М.С. Горбачевым, вышла из-под контроля центральной власти. На фоне интенсивной подготовки С.В. Авдеева к первому полету произошел августовский путч, послуживший причиной распада СССР. На выставке экспонировались фрагменты колючей проволоки, окружавшие Белый дом в Москве в августе 1991 г., вещи защитников баррикад, а также фотографии с мест событий и периодическая печать, которые погружали посетителя в события эпохи.

Эти явления затронули и космическую отрасль – сокращение финансирования космической программы и нерегулярные выплаты заработной платы военнослужащим Байконура привели к волнениям, происходившим незадолго до запуска экипажа космического корабля «Союз ТМ-15» (Соловьев А.Я., Авдеев С.В., Тонини М.) [6, с. 481]. Однако ради выполнения поставленных задач эти коллективные настроения отошли на второй план и старт экипажа на орбитальную станцию «Мир» состоялся. На выставке эта тема была затронута информационными планшетами, а также выпуском газеты «Байконур» № 58(158) от 25 июля 1992 г., на передовице которой напечатана статья-обращение экипажа КК «Союз ТМ-15» А. Соловьева, С. Авдеева и М. Тонини «Дело, которому мы служим, должно продолжаться. И приносить лю-

дям пользу». В этой статье космонавты А. Соловьев и С. Авдеев объясняют причины задержки запуска КК «Союз ТМ-15» и рефлексируют о политических изменениях в стране, подробно останавливаясь на отражении нового порядка на развитии космонавтики, подчеркивая усиленную работу Центра управления полетами в области сохранения космических программ.

Сам же космический полет был проиллюстрирован с помощью оборудования для медицинских экспериментов, предоставленным его разработчиком – Институтом медико-биологических проблем РАН (прибора «Эхограф», предназначенного для регистрации изменений в сердечно-сосудистой системе космонавта). Также была представлена бортовая документация полета, фрагменты обшивки орбитальной станции и другие предметы. Практически на всех предметах стояла бортовая печать.

Отдельно стоит упомянуть выносную двигательную установку от орбитального комплекса «Мир». Символично, что в процессе ее монтажа в 1992 г. С.В. Авдеев снял флаг СССР, находившийся в открытом космосе. Благодаря художественному решению посетитель мог в иллюминаторе увидеть то, что происходило на земле. При этом земная жизнь была представлена как в общественном, так и в личном измерении. Социально-политические изменения иллюстрировались продовольственными талонами 1990-х гг., образцами наличных денег разных эмиссий и знаменитыми «ваучерами».

Символической вершиной изменений стал экземпляр Конституции Российской Федерации 1993 г., впоследствии также побывавший в космосе. Интересно, что на ней была дарственная надпись от политика и космонавта Юрия Михайловича Батурина, который совершил космический полет вместе с С.В. Авдеевым. Дарственная надпись гласила: «Сергею Авдееву с пожеланием оценить текст с космической высоты». Дело в том, что разработка Конституции РФ велась с 1992 по 1993 год и совпадала с временем работы Авдеева на орбитальной станции «Мир».

Личное измерение космонавта было представлено на выставке письмами и рисунками жены, дочери и брата С.В. Авдеева, которые они отправляли ему на орбиту. В основном это пожелания успехов, поздравления и выражение поддержки от родных и близких.

Выставка «Прыжки в высоту с короткого разбега» стала интересной попыткой показать жизнь С.В. Авдеева, представителя очень редкой профессии, на фоне исторической эпохи. Причем показаны не только события того времени, но и их непосредственное влияние на жизнь конкретного человека.

Список источников и литературы

1. *Андреева И. В.* Технология выставочной деятельности. Уч. пособие. Челябинск: ЧГИК, 2018. 205 с.
2. *Баранова А. А.* Из истории развития выставочной деятельности в советский период // Молодая наука. Пятигорск: ПГУ, 2017. С. 33–35.
3. *Боффа Дж.* От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964–1994: Пер. с ит. Л. Я. Хаустовой. М.: Международные отношения, 1996. 320 с.
4. *Кузыбаева М. П.* Из истории выставочной деятельности в русской провинции второй половины XIX века // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 5. С. 34–42.
5. *Кулегин А. М.* Музей на перекрестке эпох // Россия и современный мир. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 226–237.
6. *Мировая пилотируемая космонавтика. История. Техника. Люди.* М., 2005. 752 с.
7. *Петрунин С. В.* Советско-французское сотрудничество в космосе. М.: Знание, 1980. 64 с.
8. *Советские и российские космонавты. 1960–2000.* М.: ООО Информационно-издательский дом «Новости космонавтики», 2001. 408 с.
9. *Чуйкина С.* Музеи отечественной истории и литературы XX века в современной России: переработка советского опыта и стратегии кризисного менеджмента // Новое лит. обозрение. 2005. № 4. С. 482–505.
10. *Шпаков В. Н.* История всемирных выставок. М.: АСТ: Зебра Е, 2008. 384 с.
11. *Шубин А. В.* Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. 480 с.
12. *Щербинина Ю. В.* Музейные выставки как часть политико-просветительской работы музеев Тамбовской губернии в 1920–1941 гг. XX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21, вып. 7–8 (159–160). С. 123–132.
13. *Юргенова Т. Ю.* Музееведение: Учебник для высшей школы. М.: Академический проект, 2003. 560 с.

Украинский фактор в этнополитических процессах Беларуси: деятельность «Украинского общественно-культурного объединения Брестской области» в 1990-е гг.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена украинского этнополитического движения в Беларуси в позднесоветский период и в первые годы существования независимого государства. Основу источниковой базы статьи составили впервые вводимые в научный оборот документы Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива Брестской области, материалы прессы. Особое внимание уделяется анализу доводов активистов украинского этнополитического движения в пользу гипотезы об украинской этнической природе населения Брестской области. Делается вывод о том, что активисты «Украинского общественно-культурного объединения Брестской области» апеллировали в основном к языковым особенностям жителей региона, их попытки придать этнополитическому движению массовый характер не увенчались успехом в силу ряда объективных причин (слабая материальная и организационная база, отсутствие устойчивых традиций украинского национального движения в регионе, отсутствие действенной поддержки со стороны властей Украины).

Ключевые слова: Брестская область; этнокультурное движение; сепаратизм; идентичность.

The Ukrainian factor in the ethno-political processes of Belarus: the activities of the “Ukrainian Social and Cultural Association of the Brest Region” in the 1990s

Abstract. The article is devoted to the consideration of the phenomenon of the Ukrainian ethno-political movement in Belarus in the late Soviet period and in the first years of the existence of independent state. The basis of the source base of the article was the documents of the National Archives of the Republic of Belarus and the State Archives of the Brest Region, which were introduced into scientific circulation for the first time, as well as press materials. Particular

¹ **Олег Геннадьевич Казак** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь), e-mail: olegkazak90@tut.by

Oleg G. Kazak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Belarus State Economic University (Minsk, Belarus).

² **Артем Сергеевич Середа** – магистр исторических наук, учитель Средней школы № 3 г. Жабинки (Жабинка, Беларусь), e-mail: marcellinus@tut.by
Artyom S. Sereda – Master of Historical Sciences, teacher, Secondary School № 3 in Zhabinka (Zhabinka, Belarus).

attention is paid to the analysis of the arguments of the activists of the Ukrainian ethnopolitical movement in favor of the hypothesis about the Ukrainian ethnic nature of the population of the Brest region. It is concluded that the activists of the “Ukrainian public and cultural association of the Brest region” appealed mainly to the linguistic characteristics of the inhabitants of the region, their attempts to give the ethnopolitical movement a mass character were unsuccessful due to a number of objective reasons (weak material and organizational base, lack of sustainable traditions Ukrainian national movement in the region, lack of effective support from the Ukrainian authorities).

Keywords: Brest region; ethnopolitical movement; separatism; identity.

В период советской перестройки резко активизировались различные этнополитические движения. В частности, заметным фактором общественно-политической жизни БССР со второй половины 1980-х гг. являлась деятельность Общественно-культурного объединения (далее – ОКО) «Полісьсе», лидеры которого (Н.Н. Шелягович, А.И. Трушко) требовали от властей признания западных полешуков отдельным народом, создания условий для их национально-культурного развития [8]. В это же время заявили о себе силы, которые в противовес активистам «Полісься» считали жителей южных районов Брестской области этническими украинцами с «неразбуженным» национальным сознанием. Одной из организаций, которая представляла украинское этнополитическое движение в БССР и суверенной Беларуси, являлось «Украинское общественно-культурное объединение Брестской области» (далее – УОКОБО). Основателем и бессменным руководителем объединения был Н.С. Козловский.

В историографии отсутствуют комплексные исследования украинского этнополитического движения в Беларуси в позднесоветский период и в первое десятилетие существования суверенного государства. Отдельные факты о деятельности УОКОБО содержатся в монографии Д.В. Юрчака «Беларусь – Украина: 20 лет межгосударственных отношений», опубликованной в 2012 г. В данной статье впервые вводятся в научный оборот документы о деятельности объединения, отложившиеся в Национальном архиве Республики Беларусь и Государственном архиве Брестской области. Цель работы – определить место УОКОБО в этнополитических процессах Беларуси 1990-х гг. Реализация данной цели предполагает решение ряда задач: рассмотреть основные аргументы активистов объединения в отстаивании гипотезы об украинской этнической природе жителей Брестской области; охарактеризовать сущность конфликта между представителями украинского и западнополесского этнополитических движений в Беларуси; выявить причины неудачи

данных движений. Используются историко-сравнительный, историко-генетический, институциональный методы исследования.

Лидер УОКОБО Н.С. Козловский родился в 1925 г. в с. Блювичи (20 км от Бреста), в 1957 г. окончил Ленинградский институт железнодорожного транспорта, до выхода на пенсию в 1985 г. работал начальником производственно-технического отдела треста Брестсовхозстрой [1, л. 10]. 18 ноября 1988 г. Н.С. Козловский направил письмо в редакцию брестской областной газеты «Заря», в котором впервые публично изложил свою позицию относительно этнической природы жителей Брестчины. Автор письма утверждал, что население южных районов Брестской области было этнически украинским, для аргументации своих доводов ссылаясь на вольно трактуемые сведения филологов (Е.Ф. Карский, Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушаков и др.). Данные советских переписей населения, согласно которым украинцы составляли не более 3% жителей Брестской области, Н.С. Козловский характеризовал как «вопиющее противоречие с выводами ученых этнографов» [1, л. 1]. Для исправления «исторической несправедливости» Н.С. Козловский требовал от властей БССР «признания факта существования коренного украинского народа южной части Брестской области» и предлагал весьма радикальные проекты территориальной трансформации СССР: «[южную часть Брестской области следует] присоединить к УССР или временно, сроком на 10 лет, учитывая сложившиеся древние и тесные экономические связи, оставить в составе БССР в качестве Украинской Брестской автономной земли; через 10 лет провести референдум относительно определения окончательного статуса этой земли» [1, л. 2–3]. Данное письмо Н.С. Козловского в областной газете опубликовано не было.

В это же время Н.С. Козловский направляет в адрес Пленума ЦК КПСС, Верховного Совета БССР и Верховного Совета УССР письмо «Об изменении статуса южной части Брестской области», якобы подписанное 103 жителями сел Козловичи и Ивахновичи Брестского района. В письме содержалась информация о том, что более 1 млн жителей Брестской области якобы отождествляли себя с украинским этносом. По мнению автора письма, данный факт «являлся основанием для рассмотрения вопроса защиты их (жителей области. — *авт.*) от белорусизации и автономии указанных районов». Инициированная Брестским облисполкомом проверка установила, что подавляющее большинство подписей жителей деревень было сфальсифицировано [12, л. 107].

Процесс институционализации украинского этнополитического движения в Советской Беларуси начался в 1990 г. В январе 1990 г. при

Белорусском фонде культуры было образовано Украинское культурно-просветительское общество «Заповіт», спустя месяц было основано УОКОБО, в январе 1991 г. начала работу Белорусская ассоциация украинцев «Ватра». УОКОБО отличалось наибольшим радикализмом. В декабре 1991 г. Н.С. Козловский получил от прокуратуры Брестской области предупреждение о недопустимости нарушения закона (речь шла о проведении несанкционированных митингов в г. Кобрине и д. Томашовка и агитации за присоединение пяти районов Брестской области к Украине). В начале 1991 г. УОКОБО не удалось пройти процедуру повторной регистрации, белорусские власти дали разрешение на деятельность организации только после внесения в ее устав необходимых изменений, которые можно было трактовать как отказ от сепаратистских устремлений [19, с. 219–221].

УОКОБО в 1991–1997 гг. издавалась газета на украинском языке «Голос Брестчины» (укр. «Голос Берестейщини»). В одной из программных статей издания отмечалось: «Основными целями и задачами этого объединения являются: сохранение и дальнейшее развитие украинского языка, традиций, культуры среди украинского населения Брестчины. Добиваться знания народом своей правильной истории, своего происхождения, без перекручивания и дезинформации, которые допускались на протяжении более шести веков (начиная с 1341 г.) разными чужаками – завоевателями нашего края: литовцами, поляками, великороссами, немцами и другими» [6, с. 1]. В печатном органе УОКОБО регулярно публиковались материалы, призванные продемонстрировать якобы имевшие место исторические и филологические доводы в пользу украинской этнической природы жителей Брестской области. Наиболее системно план решения «украинского вопроса» в Беларуси был изложен в проекте «Государственной программы помощи украинцам Брестчины в сфере сохранения и развития языка, культуры, традиций» (документ, разработанный правлением УОКОБО, был опубликован в июне 1993 г. в газете «Голос Брестчины»). Проект программы содержал призыв к властям Беларуси и Украины «открыто и однозначно признать принадлежность автохтонного населения Брестчины к украинскому этносу», организовать постоянный культурный обмен с соседними регионами Украины, обеспечить доступ жителей региона к книгам и газетам на украинском языке, организовать работу сети школ с украинским языком преподавания в Брестской области, а также оказать содействие выпускникам таких школ в продолжении учебы в вузах Украины [16, с. 1].

Н.С. Козловский и его единомышленники от имени украинской общественности Брестчины постоянно обращались в органы власти

Беларуси (преимущественно) и Украины с различными просьбами и требованиями. В феврале 1991 г. заместитель председателя УОКОБО г. Кобрин В.М. Крачко обратился к депутату Верховного Совета БССР В.Ф. Кучинскому с просьбой о содействии в решении ряда вопросов: открытие при Кобринской районной библиотеке уголка украинской книги и периодики, выделение в Кобринском доме культуры или другом учреждении постоянного места для собраний членов УОКОБО в удобное для них время, определение места для установки стендов с новостями о деятельности УОКОБО. Указывалось, что руководство библиотеки на просьбы активистов украинского этнополитического движения отвечало, что «в украинской классике, а тем более периодике библиотека не нуждается» [15, л. 127–128]. В.Ф. Кучинский в марте 1991 г. направил официальное письмо в Министерство культуры БССР с просьбой «оказать содействие в разрешении возникшего недоразумения между членами этого любительского общества и Кобринским горисполкомом» [15, л. 126]. В апреле 1991 г. Министерство культуры отправило депутату ответное письмо, в котором сообщалось о частичном удовлетворении требований активистов УОКОБО: «В Кобринской районной библиотеке оформлен уголок украинской литературы. Кроме того, в Брестской области развернута работа по увеличению украинской части книжных фондов в сельских библиотеках, которые находятся в населенных пунктах вблизи границы с УССР» [15, л. 124]. Данный эпизод указывает на то, что обращения лидеров украинского этнополитического движения в различные инстанции имели определенный эффект.

В декабре 1991 г. в украинской газете «Голос» было опубликовано открытое письмо Н.С. Козловского Президенту Украины Л.М. Кравчуку. В письме содержался призыв к властям Украины оказать воздействие на политическое руководство Беларуси и принудить последнее к пересмотру позиции по «украинскому вопросу» [9]. В 1991–1992 гг. Н.С. Козловский неоднократно обращался в Комиссию по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета БССР (Республики Беларусь) с предложениями о внесении изменений в проект Закона «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь». Лидер УОКОБО настаивал на обязательном включении в текст Закона положения об украинской природе автохтонного населения южных районов Брестчины [13, л. 87–88; 14, л. 13–14]. В обращении от 8 августа 1992 г. Н.С. Козловский для обоснования факта «проживания в регионе автохтонного украинского этнического населения» ссылался на данные работы Е.Е. Ширяева «Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах» [14, л. 13]. Следует отметить, что на указанных главой

УОКОБО страницах книги Е. Е. Ширяева содержатся карты различных авторов начала XX в., согласно которым на территории современной Брестской области доминировали малорусские диалекты русского языка [18, с. 50–65]. Утверждение об украинской этнической природе населения исключительно на основании данных об языке выглядит малоубедительным и спорным. Предложения Н. С. Козловского были проигнорированы законодателями и не нашли отражения в Законе «О национальных меньшинствах», принятом в 1992 г.

Деятельность УОКОБО становилась объектом критики со стороны различных общественно-политических сил Беларуси. В брестской областной газете «Заря» неоднократно публиковались заметки, авторы которых считали доводы Н. С. Козловского о принадлежности жителей Брестской области к украинскому этносу антинаучными. В частности, учитель М. Купреев вполне резонно считал, что некоторая схожесть брестско-пинских диалектов с украинским литературным языком не может считаться аргументом в пользу украинской природы региона, так как абсолютное большинство его жителей не имело украинского этнического самосознания [11, с. 3]. 17 ноября 1990 г. четверо активистов УОКОБО подверглись нападению неизвестных во время проведения проукраинского агитационного мероприятия в г. Кобрине. В письме Председателю Брестского Совета народных депутатов и Председателю Брестского облисполкома Н. С. Козловский указывал, что нападение могло быть организовано членами белорусской националистической организации «Белорусский народный фронт» [2, л. 11–12].

Наиболее напряженные отношения у УОКОБО сложились с активистами западнополесского движения. В материалах газеты УОКОБО «Голос Брестчины» утверждалось, что деятельность ОКО «Полісьсе» якобы была инспирирована властями Беларуси для недопущения «украинского национального возрождения» в республике [10, с. 2]. В свою очередь активисты ОКО «Полісьсе» опубликовали в СМИ ряд материалов, в которых подчеркивалось, что удовлетворение культурных запросов полешуков со стороны властей Беларуси могло бы стать действенным орудием борьбы с украинским влиянием в регионе [7]. В июле 1992 г. Н. С. Козловский отправил представителям украинской диаспоры в Польше (Ю. Гаврилюку, Г. Куприяновичу) и общественным деятелям Украины копии статьи из республиканского издания «Народная газета», в которой содержалась жесткая критика деятельности лидера ОКО «Полісьсе» Н. Н. Шеляговича. В сопроводительном письме Н. С. Козловский выражал поддержку авторам статьи, учинившим разгром его оппонента, лидера западнополесского движения, но в то

же время отметил отсутствие упоминания в материале украинской этнической природы жителей Полесья: «Думаю, что к лицам, угрожающим “единству и целостности Беларуси”, по мнению авторов заметки, следует относить всех тех, кто думает не так, как они. Завтра они будут относить, а может, и сегодня уже относят и нас, украинцев Брестчины, также к лицам, представляющим угрозу, потому что мы не разделяем их взгляды на национальную принадлежность коренного населения Брестчины» [4, л. 66].

Отложившиеся в архиве документы о финансовой деятельности УОКОБО свидетельствуют о том, что организация на протяжении всего периода своего функционирования сталкивалась с дефицитом денежных средств. Объединение получало довольно скромные пожертвования от представителей украинской диаспоры Канады, Австралии и других стран [3, л. 1–28]. Поддержку организации оказывали отдельные представители украинской интеллигенции. Так, профессор Львовского государственного университета, глава Львовской краевой рады «Народного руха Украины» Л.Т. Сенник спонсировал выпуск первых номеров «Голоса Брестчины», оказывал содействие в поступлении в университет г. Львова абитуриентов из Брестской области, рекомендованных Н.С. Козловским [5, л. 60]. Уроженец Брестчины В.Т. Горбачук, работавший в начале 1990-х гг. профессором Донецкого педагогического института, являлся постоянным автором печатного органа УОКОБО и оказывал его редакции финансовое содействие [5, л. 61]. Сведений о существенной поддержке организации со стороны властных кругов Украины в документах архивов обнаружить не удалось.

Украинское этнополитическое движение в Беларуси было крайне малочисленным, включало в себя энтузиастов из числа интеллигенции. В основе их доводов лежала апелляция к языковым особенностям жителей Брестской области, крайне слабая степень выраженности украинского национального самосознания среди населения региона в расчет не бралась. В августе–октябре 1993 г. Белорусским институтом проблем культуры было проведено социологическое исследование среди жителей Брестской области (1 568 респондентов). 89,7% опрошенных назвали себя белорусами, 4,1% — полешуками, 1,3% — украинцами [17, с. 119]. Украинское и западнополесское движения являлись ответной реакцией на директивную белорусизацию конца 1980-х — первой половины 1990-х гг. и практически сошли на нет после референдума 1995 г. Абсолютное большинство населения Беларуси, в том числе Брестчины, высказалось за придание русскому языку статуса второго государственного языка наравне с белорусским, тем самым выбрав более

близкую для себя культурно-идентификационную модель. УОКОБО прекратило существование после смерти своего бессменного лидера Н.С. Козловского в 1999 г.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 338. Оп. 1. Д. 4.
2. ГАБО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 9.
3. ГАБО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 14.
4. ГАБО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 15.
5. ГАБО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 17.
6. До наших земляків на Берестейшчыні та в усьому світі // Голос Берестейшчыні. Жовтень. 1994. С. 1.
7. Западное Полесье – не подлесье... Заявление правления общественно-культурного объединения «Полісьсе» // Рэспубліка. 1992. 1 ліпеня. С. 5.
8. Казак О.Г., Середя А.С. Западнополесское этнокультурное движение в оценках научного сообщества Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (Москва, 25–28 октября 2022 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров, О.А. Плех. М.: ИРИ РАН, 2022. С. 504–511.
9. Козловський М. Просимо втрутитися // Голос. 1991. 12–25 грудня. С. 1.
10. Козловський М. Ще раз спитаймо себе: хто ж ми такі насправді? // Голос Берестейшчыні. 1994. Січень. С. 1.
11. Купрэў М. Ох, ужо гэта гісторыя!.. // Заря. 1990. 12 декабры. С. 3.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 156. Д. 596.
13. НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4094.
14. НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4095.
15. НАРБ. Ф. 974. Оп. 2. Д. 2054.
16. Проект Державной програмы дапамогі украінцам Берестейшчыні в гадузі збережэння й развітку мовы, культуры, традыцый // Голос Берестейшчыні. 1993. Чэрвень. С. 1.
17. Церашкoviч П. Палескі рэгіяналізм у святле сацыялогіі // Беларусіка. Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. Рэд. У. Конан [і інш.]. Мінск: ННАЦ ім. Ф. Скарыны, 1997. С. 119–122.
18. Ширяев Е.Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва на картах. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 119 с.
19. Юрчак Д.В. Беларусь – Украина: 20 лет межгосударственных отношений. Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2012. 280 с.

Проблема раздробленности и распыленности архивных фондов на современном этапе развития отечественного архивного дела на примере документального комплекса по строительству Дворца Советов в Москве

Аннотация. Раздробленность документов, логически и/или исторически связанных между собой, является одной из крупных проблем отечественного архивного дела. Не менее серьезной проблемой является распыленность информации по одной теме, что нередко встречается на пути историка. Целью данного исследования является выявление проблемы раздробленности фондов и распыленности архивных документов на примере комплекса по строительству Дворца Советов в Москве. Задача – сформировать теоретическое обоснование необходимости преодоления раздробленности и распыленности документов, отложившихся в разных фондах и различных архивах. В качестве подобного решения представляется реконструкция документального комплекса по строительству Дворца Советов в виде виртуальной выставки, что стало возможным на современном этапе развития технологий и электронных ресурсов.

Ключевые слова: Дворец Советов; документальное наследие; реконструкция архивного фонда; распыленный фонд; раздробленный фонд.

The problem of fragmentation and dispersion of archive collections at the present stage of domestic archives' development: The case of the documentary complex on the construction of the Palace of Soviets in Moscow

Abstract. The fragmentation of documents that are logically and/or historically linked to each other is one of the major problems of domestic archiving. An equally serious problem is the dispersion of information on a single topic, which is often encountered on the historian's path. The purpose of this study is to identify the problem of fragmentation of collections and dispersion of archival documents on the example of the documentary complex on the construction of

¹ **Денис Валерьевич Богатов** – магистрант факультета архивоведения и документоведения, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, специалист I категории отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства, Государственный архив Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: bogatov.d@rggu.ru

Denis V. Bogatov – Master's student of the Faculty of archival science and record management of the History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, first category specialist of the Department of Acquisition, Departmental Archives and Records Management, State Archive of the Russian Federation (Moscow, Russia).

the Palace of Soviets in Moscow. The aim is to form a theoretical basis for the need to overcome the fragmentation and dispersion of documents deposited in different fonds and archives. The reconstruction of the documentary complex on the construction of the Palace of Soviets as a virtual exhibition, made possible by modern technology and electronic resources, appears to be such a solution.

Keywords: Palace of Soviets; documentary heritage; reconstruction of the archive collection; dispersed collection; fragmented collection.

В процессе изучения той или иной темы исследователь часто сталкивается со многими проблемами. В том числе и с проблемами архивоведения. Среди них, когда речь касается изучения истории не одного фондообразователя, или когда документы по интересующей теме создавались разными фондообразователями, можно выделить распыленность архивных документов.

В случае, если документы создавались одним фондообразователем, но в силу тех или иных причин они отложились в разных фондах или даже архивах, исследователь сталкивается с раздробленностью архивных комплексов.

Чаще всего две вышеуказанные проблемы возникают из-за нарушения принципа недробимости. Этот принцип практически особенно необходим, поскольку, занимаясь вопросами фондирования, архивисты непосредственно ориентируются именно на него, а игнорирование его требований ведет к грубым ошибкам. Но далеко не всегда этого можно избежать. Раздробление фонда нарушает связь данности, вынуждает историка выполнять дополнительную трудоемкую работу по восстановлению разрушенных документных связей [2, с. 114].

Переходя от теории к практике — одним из примеров распыленного и раздробленного комплекса документов является документальное наследие по строительству Дворца Советов в Москве. Как писал В. Н. Автократов в работе «Теоретические проблемы отечественного архивоведения», в историческом контексте документы могут быть сформированы не в один фонд. Документальный комплекс, рассматриваемый в данном исследовании, оказался в фондах разных архивов.

Задача построить это сооружение — была одной из ключевых для Советского государства на протяжении нескольких десятилетий. От самой идеи, когда в 1922 г. С. М. Киров на Первом Съезде Советов СССР предложил построить дворец не для знати, а для простых людей [1, с. 15]. Этим демонстрировалось, что новое государство и рабочий класс — единое целое. До 1945–1956 гг., когда в послевоенный

период фактические работы по строительству Дворца Советов были прекращены.

В дальнейшем судьба дворца для рабочих уже не складывалась. На сооружение Дворца Советов до Великой Отечественной войны привлекались квалифицированные кадры, выделялись лучшие материалы, строительство шло отдельной строкой в бюджете государства. В послевоенные годы страна восстанавливалась от разрушения, и не было возможности реализовывать столь грандиозные проекты. Несмотря на попытки вернуться к сооружению здания в виде проведения нескольких конкурсов, Управление строительства Дворца Советов, ключевое управленческое звено данного строительства, больше не занималось своей прямой задачей – оно восстанавливало уничтоженные нацистами города, завершало сооружение нескольких высотных сооружений в Москве и начинало работу по строительству здания МГУ.

После смерти И.В. Сталина, при котором и началась непосредственная реализация проекта Дворца Советов в том виде, в котором он в большинстве своем и дошел до наших дней, строительство было прекращено, все органы управления строительством на уровне правительства ликвидированы, Управление строительства Дворца Советов в 1953 г. со всеми подсобными предприятиями было включено в состав Министерства строительства СССР. На базе Управления строительства и организаций, осуществлявших работы по сооружению т.н. «сталинских высоток», за исключением МГУ, создается Главное управление по строительству высотных зданий в составе Министерства строительства, а в фундаменте самого Дворца Советов спустя 7 лет появился бассейн «Москва».

Исторически сложилось так, что Дворец Советов так и не был построен. При Н.С. Хрущеве его значимость, как и многих других проектов сталинской эпохи, была снижена. Тем не менее, от идеи окончательно не отказывались. По мнению самого Н.С. Хрущева, незавершенность проекта Дворца Советов была серьезным упущением сталинской политики, о чем он говорил в своем выступлении на XX Съезде КПСС [5, с. 159].

В 1960 г. было создано Управление по проектированию Дворца Советов при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам строительства, которому была поставлена задача построить чисто функциональное здание для проведения заседаний Верховного Совета СССР, без реализации идеи сооружения для рабочих. Но и этот проект так и остался на бумаге, а само Управление было расформировано уже в 1963 г.

Так как проект Дворца Советов не был реализован, документы указанных выше учреждений оказались рассредоточены между разными фондами и архивами. Они отложились в нескольких федеральных архивах и архивах субъектов Российской Федерации. Некоторые были включены в фонд вышестоящей организации, другие – в отдельные фонды.

Комплекс документов высшего органа управления строительством – Совета строительства Дворца Советов, был включен в фонды вышестоящих государственных учреждений – Р-3316 (Центральный исполнительный комитет) и Р-5446 (Совет Министров СССР – Совет народных комиссаров СССР) в ГА РФ. Это стало возможным, поскольку Совет строительства создавался и действовал фактически на правах Комиссии по наблюдению за строительством Дворца Советов при Президиуме ЦИК СССР, а затем при СНК СССР и Совете Министров СССР.

При этом документы Управления строительства Дворца Советов при Совете Министров СССР (ранее при Президиуме ЦИК СССР, СНК СССР) не были переданы в вышестоящие организации, а выделены в отдельные фонды. Именно здесь проявляется проблема раздробленности комплекса документов этого учреждения. Основные, такие как Положение об Управлении строительства, о структурных частях строительства Дворца Советов и др. отложились в фонде 694 ЦГА Москвы. Другая часть, в том числе документы 18-го Государственного Строительного Треста «Дворецстрой», была выделена в фонд 4805 ЦГАМО. Некоторая часть чертежей и других научно-технических документов была передана на хранение в фонд 552 РГАЭ.

Документы подчиненного Управлению строительства Дворца Советов Управления по строительству Административного здания в Зарядье тоже не были включены в фонд вышестоящей организации, а выделены в отдельный фонд 632 ЦГА Москвы. Документы Управления строительства МГУ также отложились в самостоятельный фонд 1012 ЦГА Москвы.

Комплекс документов последней организации, которой было поручено построить Дворец Советов – Управления по проектированию Дворца Советов при Госстрое СССР – выделен в отдельный фонд 115 ЦГА Москвы.

Документы Московского отделения Бюро Сельскохозяйственных и промышленных взрывных работ при Военно-Химическом Тресте ВСНХ СССР («Взрывсельпром»), занимавшегося подрывными работами в Храме Христа Спасителя, были включены в фонд 3429 (Высшие советы народного хозяйства СССР и РСФСР) в РГАЭ.

Помимо указанных, некоторые научно-технические, фото- и кинодокументы, связанные со строительством Дворца Советов, отложились в фондах РГАНТД (ф. 83, 120, 140 и др.) и РГАКФД (ед. хр. 4347, 10403, 36546 и др.).

Таким образом, документы по строительству Дворца Советов оказались широко распылены между архивами и фондами. В связи с этим изучение документального наследия Дворца Советов осложнено проблемами их поиска и выявления. Однако если бы Дворец Советов все же был построен, его документы, вероятнее всего, были бы сформированы в один фонд, либо была бы группа фондов, но в одном архиве, а не в нескольких, как сейчас, по ряду причин. Во-первых, строительство Дворца Советов было отдельной отраслью хозяйства. Во-вторых, органы управления строительством существовали в обособленной от других органов власти вертикали. В-третьих, историческая и культурная значимость сооружения была столь велика, что архивистам не оставалось бы ничего другого, кроме как сформировать единый фонд.

Найдем этому теоретические подтверждения. В работе В.Н. Автократова выделяются признаки самостоятельного фондообразователя, предложенные Б.И. Анфиловым и Л.И. Полянской. Главный – функциональная обособленность данного аппарата управления, а также такие, как наличие правового акта о создании и порядке деятельности учреждения, штатного расписания и отдельного бюджета [2, с. 181]. При этом отмечается, что необязательно даже наличие всего набора признаков, достаточно лишь одного. Но учреждения, занимавшиеся строительством Дворца Советов, обладают всеми из них.

Несмотря на исторически сложившиеся реалии, по-прежнему остается возможным сформировать единый фонд. Решением проблемы раздробленности и распыленности документов по строительству Дворца Советов могла бы стать реконструкция фонда. Обращаясь к работе В.Н. Автократова, видим: объединить самостоятельно сложившиеся фонды возможно лишь исходя из исторически обусловленных факторов, когда фонды сближаются чем-то существенно общим. Это называется признаками связи [2, с. 185]. Рассмотрим каждый из них в контексте комплекса документов по строительству Дворца Советов:

1) Однородность целевого назначения (однородность функций) – в случае фондов по строительству Дворца Советов у каждого органа была своя функция и задача, поэтому этот признак не подходит. Хотя, безусловно, главная функция – построить Дворец Советов, стояла перед всеми организациями, участвовавшими в сооружении этого здания.

2) Связь в форме иерархических отношений – объединяется фонд руководящего учреждения с фондами подчиненных – на таком основании документы Совета строительства Дворца Советов, высшего органа управления строительством, были включены в фонд СНК СССР, который был его вышестоящей организацией. в то же время фонд Управления строительства Дворца Советов, который непосредственно занимался строительством здания, выделен в отдельный фонд, несмотря на подчинение Совету строительства. Но также логично можно было объединить и фонды Совета с Управлением строительства, выделив их в отдельный фонд.

3) Связь через общий объект деятельности (например, фонд учреждения с фондами его профсоюзной организаций; отношений подчиненности здесь нет) – по этому основанию в объединенный фонд можно включить документы первичных организаций ВЛКСМ и КПСС Управления строительства Дворца Советов при Совете Министров СССР, отложившихся в ЦГА Москвы (фонды 2893 и 1419 соответственно).

Так как физически объединить их не представляется возможным, реконструировать объединенный фонд можно виртуально. О преимуществах такого способа реконструкции перед созданием идеальной описи или обзора документов писала научный сотрудник архива РАН Л.Н. Лаптева [3, с. 162]. Наименовать такой виртуальный фонд, в соответствии с действующими Методическими рекомендациями к Правилам организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях ВНИИДАД, можно из обобщенного названия включенных в него архивных фондов – Документальный фонд строительства Дворца Советов [4, с. 17].

Документальное наследие главного архитектора проекта Б.М. Иофана также нельзя вырывать из контекста сооружения и необходимо рассматривать в исторической взаимосвязи с реконструируемым фондом по строительству Дворца Советов. Хотя не был образован личный фонд, его документы отложились в фондах 2466 (Московское отделение Союза архитекторов СССР) РГАЛИ, А-385 (Верховный Совет РСФСР) и Р-1244 (Редакция газеты «Известия Советов Народных Депутатов СССР» и издательство «Известия Советов Народных Депутатов СССР») ГА РФ.

Таким образом, при виртуальной реконструкции исследователи получают возможность комплексного изучения истории строительства

Дворца Советов. В архивах не придется обращаться к оригиналам документов. А также произойдет отсечение дублирующей информации, которое сейчас можно провести лишь обработав все документы вручную в нескольких архивах.

Опыт проведения виртуальной реконструкции документального комплекса по строительству Дворца Советов можно будет применять и к другим раздробленным и распыленным фондам, что позволит существенно облегчить работу исследователей по интересующим их темам.

Список источников и литературы

1. I Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Стенографический отчет. (30 декабря 1922 г.). М.: Издательство ВЦИК, 1922. 742 с.

2. *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. 396 с.

3. *Лантвева Т.Н.* Значение термина «реконструкция архивного фонда» в отечественной историографии // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 155–168.

4. Методические рекомендации к Правилам организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях. М.: Росархив, ВНИИДАД, 2021. 330 с.

5. О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3 (290). С. 128–170.

Проблемы терминологической базы подготовки документальных публикаций в условиях цифровизации архивного дела Российской Федерации

Аннотация. В настоящем исследовании рассматриваются вопросы терминологии отечественного архивного дела в сфере использования архивных документов применительно к их публикации в электронной форме. На основе анализа нормативной и методической базы выявлены основные термины отражающие вопросы подготовки документов к публикации. Также дается их характеристика и выявляются ключевые позиции, которые должны получить свое отражение при совершенствовании терминологической базы в этом направлении. В качестве выводов говорится о необходимости поддержки взаимосвязи архивоведения и археографии для избежания противоречий в терминологии и сохранении единой терминосистемы. Кроме того, сделан вывод о взаимосвязи термина публикация в электронной форме с термином электронный документ, который также в существующей нормативной и методической базе не получил своей единой трактовки, что значительно осложняет дальнейшую разработку вопросов публикации документов в цифровой среде.

Ключевые слова: публикация документов в электронной форме; электронная публикация; электронный документ; археография.

Problems of the terminological base for the preparation of documentary publications in the context of digitalization of archival affairs of the Russian Federation

Abstract. This study examines the issues of terminology of domestic archival business in the field of the use of archival documents in relation to their publication in electronic form. Based on the analysis of the normative and methodological base, the main terms reflecting the issues of preparing documents for publication are identified. Their characteristics are also given and the key positions that should be reflected in the improvement of the terminological base in this direction are identified. As conclusions, it is said that it is necessary to support the relationship between archival science and archeography in order to avoid contradictions in terminology and preserve a single terminological system. In addition, the conclusion is made about the

¹ Эдуард Сергеевич Сокрутницкий – специалист 1 категории, Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (Москва, Российская Федерация), e-mail: st-sokrutnickij.e@rggu.ru

Eduard S. Sokrutnitsky – Specialist of the 1st category, Federal State Institution “State Archive of the Russian Federation” (Moscow, Russian Federation).

relationship of the term publication in electronic form with the term digital record, which also in the existing regulatory and methodological framework has not received its unified interpretation, which significantly complicates the further development of issues of publication of documents in the digital environment.

Keywords: publication of documents in electronic form; digital publication; digital record; archeography.

Основу любой научной дисциплины составляет совокупность терминов, отражающих ее содержание. Они же являются и ее главным инструментом, своеобразным показателем зрелости и самостоятельности. Через термин, мы упорядочиваем знание, выявляем взаимосвязи по средствам терминосистем.

В настоящее время в отечественном архивоведении сложилась устойчивая система терминов, изучению которых посвящена такая субдисциплина как архивоведческое терминоведение. Показателем ее самостоятельности можно считать вышедшее в 1990 г. учебное пособие Э.И. Хан-Пиры «Архивоведческое терминоведение», которое заложило теоретические и методические принципы ее изучения как научной, так и учебной дисциплины [10, с. 82].

Однако, с момента издания указанного учебного пособия прошло уже более 30 лет, и в системе терминов архивоведения произошли значительные изменения. На эти процессы влияли многие факторы, как внешние, так и внутренние. Среди них можно перечислить изменения в правовом поле, научных подходах, появление новых способов документирования, а соответственно и новых видов документов и т.д. Одним из ключевых факторов определяющим развитие современного отечественного архивного дела и архивоведческой мысли является повсеместное внедрение информационных технологий и связанных с этим процессов цифровизации всех направлений развития общества. Это, в частности, привело и к изменениям в существующих практиках архивных учреждений Российской Федерации по всем направлениям их работы, а именно комплектования, хранения, учета и использования.

В настоящем исследовании мы освещаем лишь проблемы терминологии, связанные с одной из форм использования архивных документов, а именно подготовки документальных публикаций. Актуальность исследования определяется необходимостью своевременной выработки терминологической базы отечественного архивного дела, отвечающей вызовам цифровизации. Исходя из актуальности исследования его целью является выявить в современной нормативной и ме-

тодической базе термины отражающие процессы подготовки документальных публикаций в электронной форме.

Основной научной проблемой исследования, является то, что, к сожалению, профессиональной терминологии применительно к публикациям документов в электронной форме не разработано и приходится использовать, те термины, которые отражают суть этого направления использования документов в традиционной форме, то есть печатном виде. Научная разработка этой проблемы практически не ведется. Ей посвящены лишь немногие статьи таких авторов как И.В. Сабенникова, Ю.В. Грум-Гржимайло, Н.А. Муравьева, А.Ю. Конькова и др. Из значимых крупных работ можно выделить учебник В.Ю. Афиани и Н.А. Комочева «Археография. Теория, история и методология», в котором вопросам публикации документов в электронной форме посвящена отдельная глава.

Наше исследование строится частично на работах указанных авторов, но в основном на нормативных и методических документах, таких как Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях (далее – Правила 2020 года), Методические рекомендации к Правилам организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях (далее – Методические рекомендации), ГОСТ Р 7.0.8–2013 СИБИД «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» и другие, которые отражают современное состояние терминологической базы публикации документов.

В первую очередь необходимо обозначить, что подразумевается под публикацией документов в ее традиционном, печатном виде.

В соответствии с ГОСТ Р 7.0.8–2013 СИБИД «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» под публикацией архивных документов понимается подготовка архивных документов к изданию и осуществление их издания в соответствии с общепринятыми научными принципами и нормами [3, ст. 157]. Как мы видим, исходя из содержания термина, прослеживается четкая связь с другим важным для нас термином «издание». Его определение мы обнаружим в ГОСТ Р 7.0.3–2006 СИБИД «Издания. Основные элементы. Термины и определения» под изданием понимается документ, предназначенный для распространения содержащейся в нем информации, прошедший

редакционно-издательскую обработку, самостоятельно оформленный, имеющий выходные сведения [4, ст. 3.1.1.1].

Однако, несмотря на то, что на практике и в научной литературе оба термина синонимизируют, это недопустимо, так как в археографии издание — это лишь заключительная часть работ по публикации документа, относящаяся скорее уже к типографской работе. Более того, недопустима редакционная работа в отношении публикуемых документов, являющихся историческими источниками [1, с. 63].

Современные информационные технологии дают новые возможности для публикации документов. Изучив, например, официальный сайт Федерального архивного агентства, мы обнаружим целый раздел, посвященный интернет-проектам, в основном состоящий из интернет-выставок и тематических электронных публикаций документов.

Возможность публикации документов в электронном виде нормативно отражена в Правилах 2020 года. В статье 49.1 Правил закреплено, что архив осуществляет подготовку публикаций и экспонирование архивных документов, их копий и электронных образов [8, ст. 49.1].

Более подробный комментарий к этой статье дается в Методических рекомендациях к правилам. В частности, в Методических рекомендациях обозначены основные формы публикации архивных документов: печатная публикация, электронная публикация, в том числе сетевая [8, ст. 49.1]. Таким образом здесь вводится термин электронная публикация, но не дается его определения. Содержание данного термина можно понять исходя из описания форм электронных публикаций, приведенных здесь же в рекомендациях:

- База данных с присоединенными файлами образов документов;
- Интернет-проекты.

Применительно к базам данных авторы дают следующие пояснения, которые можно рассматривать в качестве дефиниций термину электронная публикация приводимого ими:

- базы данных рекомендуется сопровождать историческим и археографическим предисловиями;
- образы документов в базах данных рекомендуется снабжать архивными шифрами, метаданными;
- информация, содержащаяся в базах данных, должна быть доступна для индексации поисковыми машинами Интернета;
- целесообразно снабжать подобную базу данных различного рода указателями, чтобы предоставить пользователю возможность самостоятельного формирования подборок документов [6, ст. 49.1].

Интернет-проекты характеризуются как форма электронной публикации, сочетающая особенности электронной публикации (в данном случае как базы данных. – Э.С.) и Интернет-выставки архивных документов. Для сравнения приведем перечень справочных сведений к документу представленного на Интернет-выставке:

- Аннотация (включая заголовок и легенду);
- название документа;
- дата создания;
- краткая информация, включающая в случае необходимости расшифровку текста документа или его части, сведений о рассекречивании;
- архивный шифр [6, ст. 49.2].

Если мы проанализируем справочный аппарат, которым авторы рекомендаций советуют снабжать электронные публикации и в качестве самостоятельных баз данных и гибридных Интернет-проектов мы увидим, что требования к нему так или иначе соответствуют требованиям, предъявляемым к документальным публикациям в печатном виде. Соответственно, мы можем предположить, что авторы правил и рекомендаций не разделяют по внутреннему наполнению публикацию в печатном виде и публикацию в электронной форме, а видят их различие лишь в форме представления информации.

Следует также обратить внимание на такой термин как электронный образ документа, определения которого также не существует в действующей нормативной базе, но которое активно используют авторы правил. Оно, если его так можно назвать «обывательское» и подразумевает ту визуальную часть документа, которую вы видим на экране компьютера. Более корректно в данном случае было употреблять термин «электронная копия документа» закрепленное в действующем ГОСТ Р 7.0.8–2013 СИБИД «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» [3, ст. 24].

Особое внимание необходимо уделить терминам электронный документ и электронное издание, закрепленных в утратившем силу ГОСТ 7.83–2001. СИБИД «Электронные издания. Основные виды и выходные сведения» электронный документ обозначен как документ на машиночитаемом носителе, для использования которого необходимы средства вычислительной техники, а электронное издание как электронный документ (группа электронных документов), прошедший редакционно-издательскую обработку, предназначенный для распространения в неизменном виде, имеющий выходные сведения [2, ст. 3.1, 3.2]. Как мы видим, термин электронное издание трактуется

через термин электронный документ, при этом необходимо обратить внимание что он не соответствует закрепленному нормативно определению Федеральном законе № 149-ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9, ст. 11.1]. Это свидетельствует о том, что в настоящее время нет единого «знаменателя», то есть общепринятого определения электронного документа. В каждой отрасли существует собственное определение электронного документа, что значительно осложняет выработку единого подхода и методики работы с ним.

Возвращаясь к термину электронное издание, следует подчеркнуть, что, как и в случае с термином «издание», приведенного нами ранее, он скорее отражает готовый результат и относится к библиотечной сфере, нежели сфере архивного дела.

В контексте настоящего исследования нельзя не упомянуть и те термины, которые предлагаются специалистами в научной литературе и периодике. В.Ю. Афиани предлагает определить одну из трактовок электронной публикации как законченный полнотекстовый продукт, содержащий текст документов с целью доведения до всеобщего сведения текста исторических документов посредством их распространения в электронном формате [1, с. 208–209]. И.В. Сабенникова и Ю.В. Грум-Гржимайло предлагают свое определение электронной публикации архивного документа, трактуемого как электронное издание, содержащее электронную копию (или группу электронных копий) архивных документов, прошедших археографическую и редакционно-издательскую обработку, предназначенное для распространения в неизменном виде на машиночитаемом носителе и имеющее выходные сведения [5, с. 307]. Приведенные нами определения интересны с точки зрения их научной разработки, однако ни первое определение, ни второе не коррелируются с действующей нормативной базой и могут учитываться исключительно в порядке выработки таковой.

Кратко очертив круг терминов и определений, закрепленных в настоящее время в актуальной нормативной и методической базе, необходимо обозначить проблемы методологии, которые значительно влияют на выработку корректной терминологии в области публикации документов в электронной форме.

К сожалению, в настоящее время в действующих нормативных документах, регулирующих вопросы работы с документами и содержащейся в них информацией, отсутствует удовлетворяющее потребности архивного дела определение электронного документа и электронного архивного документа. С точки зрения публикации документов в элек-

тронной форме принципиально важно наличие такого определения, так как несмотря на форму публикации, будь то база данных, или интернет-проект, в первую очередь публикуется электронный документ или электронная копия документа на традиционном носителе. Кроме, того необходимо обратить внимание на сопоставление этих двух терминов, так как по сути своей, содержанию контента и метаданных они практически идентичны.

Принципиальным является вопрос о том, что мы подразумеваем под публикацией в электронной форме. Для того чтобы можно было вывести корректный термин, соразмерный его определению, необходимо установить, является ли первое опубликование документа с помощью информационных технологий полноценной публикацией в электронной форме, или же публикацией считается документ, прошедший редакционно-издательскую обработку, что подразумевает наличие справочного аппарата к публикации.

Также остается открытым вопрос о сопроводительном аппарате к документу, публикуемому в электронной форме. В действующих Методических рекомендациях по подготовке документов к публикации в печатном виде отсутствуют хотя бы ссылки на то, как должен публиковаться документ в электронной форме и должен ли соответствовать его научно-справочный аппарат традиционному. Положения о том, что публикация документа в электронной форме должна соответствовать публикации в печатном виде содержатся только в методических рекомендациях к правилам 2020 года, рассмотренных нами ранее. Это также должно найти отражение в пояснительной части термина публикации документов в электронной форме или электронной публикации.

Таким образом, проведя анализ нормативных и методических документов, регулирующих сферу использования документов в части их публикации, можно выделить ряд тезисов, которые характеризуют проблемы терминологии публикации архивных документов в электронной форме в настоящее время.

На современном этапе развития архивного дела Российской Федерации в нормативных документах, регулирующих использование архивных документов не закреплён термин, отражающий суть публикации документов в электронной форме. Проведенный анализ показывает, что в основном терминология расплывлена между стандартами в сфере архивного дела и делопроизводства и издательского дела. Данная терминология направлена на регулирование термина «издание», что применительно к археографии является заключительным этапом в подготовке документальной публикации.

Нерешенными остаются вопросы с позиций методологии подготовки публикации в электронной форме, то есть научно-справочного аппарата к публикации, требований к публикации изначально электронных документов и т.д. Эти сюжеты непосредственно связаны с общей теорией архивоведения, отсутствием единого определения электронного документа, его составляющих, требований к составу метаданных, которые также должны быть частью публикуемого документа. С этой точки зрения необходимо обеспечить единство терминосистемы и преемственность терминов для избежания противоречий в общей теории документа в связке архивоведение-археография.

Все эти замечания, по нашему мнению, стравляют проблемы терминологии публикации документов в электронной форме и должны найти свое отражение в будущих исследовательских работах по совершенствованию терминологической базы отечественного архивного дела в условиях цифровизации.

Список источников и литературы

1. *Афиани В.Ю., Комочев Н.А.* Археография. Теория, история и методика. М.: РГГУ, 2023. 300 с.
2. ГОСТ 7.83–2001. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения (Утратил силу) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200029040> (дата обращения: 3.06.2023).
3. ГОСТ Р 7.0.8–2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200108447> (дата обращения: 1.06.2023).
4. ГОСТ Р 7.0.3–2006 Национальный стандарт российской федерации Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу Издания. Основные элементы. Термины и определения // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200045958> (дата обращения: 1.06.2023).
5. *Грум-Гржимайло Ю.В., Сабенникова И.В.* Некоторые проблемы публикации архивных документов в электронных изданиях // Вестник архивиста. 2006. № 2–3. С. 306–318.
6. Методические рекомендации к Правилам организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации // Сайт Федерального архивного агентства. URL: <https://archives.gov.ru/documents/methodics/2021-recommendations-pravila.shtml> (дата обращения: 5.06.2023).

7. Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде // Сайт Федерального архивного агентства. URL: <https://archives.gov.ru/sites/default/files/2022-recommendations-publikation.pdf> (дата обращения: 5.06.2023).
8. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях // Сайт Федерального архивного агентства. URL: <https://archives.gov.ru/documents/rules/pravila-2020.shtml> (дата обращения: 10.06.2023).
9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации URL.: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102108264> (дата обращения: 10.06.2023).
10. Хан-Пира Э.И. Архивоведческое терминоведение. М.: МГИАИ, 1990. 136 с.

**Сохранение исторической памяти
о Великой Отечественной войне:
культурно-образовательная деятельность музея
с 2019 по 2023 гг. (на примере учреждения культуры
«Музей истории и культуры г. Новополоцка»)**

Аннотация. В статье освещается деятельность Музея истории и культуры г. Новополоцка по мемориализации исторической памяти о Великой Отечественной войне, реализации культурно-образовательной деятельности музея с момента открытия постоянной экспозиции по военной тематике с 2019 г. по настоящее время. Оформление постоянной экспозиции, проведение выставок и встреч с ветеранами, международное сотрудничество и взаимодействие, работа по освещению в СМИ создают особую деятельность региональных музейных учреждений по сохранению исторической памяти о ВОВ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; музейное учреждение; историческая память; культурно-образовательная деятельность.

**Preservation of historical memory of the Great Patriotic War:
cultural and educational activities of a museum from 2019
to 2023 (on the example of the cultural institution
“Museum of History and Culture of Novopolotsk”)**

Abstract. The article highlights the activities of the Museum of History and Culture of Novopolotsk in the memorialization of the historical memory of the Great Patriotic War, the implementation of cultural and educational activities of the museum since the opening of a permanent exhibition on military topics from 2019 to the present. The design of a permanent exhibition, holding exhibitions and meetings with veterans, international cooperation, media coverage activities create a special activity of regional museum institutions to preserve the historical memory of the Second World War.

¹ **Александр Сергеевич Козлов** — магистр исторических наук, младший научный сотрудник учреждения культуры «Музей истории и культуры г. Новополоцка» (Новополоцк, Республика Беларусь). e-mail: aliaksandarkazlou@gmail.com

² **Александр Вячеславович Климято** — магистр исторических наук, младший научный сотрудник учреждения культуры «Музей истории и культуры г. Новополоцка» (Новополоцк, Республика Беларусь). e-mail: aklimiata@yandex.by
Alexander V. Klimiata — Master of Historical Sciences, Junior Research Fellow of the Cultural Institution “Museum of History and Culture of Novopolotsk” (Novopolotsk, Republic of Belarus).

Keywords: Great Patriotic War; museum institution; historical memory; cultural and educational activities.

Великая Отечественная война в истории белорусского народа занимает особое место. Органами государственного управления и правопорядка, учреждениями образования и культуры, научными и общественными организациями эта страница отечественной истории тщательно исследуется, охраняется и используется в воспитании подрастающего поколения. В условиях общественного запроса, недостаточно освещенных региональных аспектов, а также в связи с расследованием уголовного дела по факту геноцида белорусского народа в Республике Беларусь тема сохранения исторической памяти остается актуальной.

Одним из аспектов сохранения исторической памяти о страшных событиях военных лет является культурно-образовательная деятельность музейных учреждений. Музей истории и культуры г. Новополоцка также участвует в этом процессе и проводит культурно-образовательную деятельность, направленную на освещение истории Великой Отечественной войны в рамках региона. Из этого вытекает цель исследования – проанализировать культурно-образовательную деятельность музея по мемориализации исторической памяти о ВОВ. В качестве примера рассматривается учреждение культуры «Музей истории и культуры г. Новополоцка».

Культурно-образовательная деятельность – одно из важнейших направлений работы музея и значимый компонент музейной коммуникации, направленный на реализацию образовательно-воспитательной и досуговой (рекреационной) функции музея [6, с. 4]. В этот аспект включаются экскурсии, осмотр постоянной экспозиции, организация выставок, встреч, кинопоказов. С 2019 г. (момент открытия постоянной экспозиции, посвященной военной истории поселка Боровуха-1) до 2023 г. работа музея истории и культуры г. Новополоцка развивалась по нескольким направлениям, затрагивающим сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Развитию экспозиции способствует деятельность сотрудников по сбору материалов и внедрению их в концепцию выставочных залов, а также помощь государственных органов в мемориализации памяти о войне. В апреле 2021 г. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь было возбуждено уголовное дело по факту геноцида населения Беларуси во время Великой Отечественной войны и послевоенный период. *«...Уголовный процесс по расследованию фактов геноцида направлен на установление конкретных лиц из числа немецких захватчиков и их*

пособников, которым удалось избежать ответственности за убийства мирных жителей, издевательства и пытки в концлагерях и гетто, массовый угон гражданского населения в немецкое рабство...» [14]. В этой связи с 2021 г. музейные экспозиции по всей стране пополняются артефактами, найденными во время полевых поисковых работ специализированных поисковых взводов 52-го отдельного специализированного поискового батальона Министерства обороны и общественных поисковых групп [1].

Зал экспозиции «История воинской славы Боровухи» открылся 14 февраля 2019 г. накануне 30-летия вывода контингента советских войск из Афганистана [24]. Большое внимание в экспозиции уделено Великой Отечественной войне, а именно строительству укрепрайона, боевых действиях в районе Полоцка и истории лагеря военнопленных «Шталаг-354», дислоцировавшемся в Боровухе. Внутри зала создан уголок барака концлагеря, документы оккупационных властей, портреты подпольщиков, партизан и военнопленных. Пополнение экспозиции ведется до сегодняшнего дня. Так, например:

1. В июле 2019 г. в экспозиции появилась рукопись ветерана Владимира Болгаренко из 179 страниц. В ней ветеран описывал свой боевой путь от Украины до Чехословакии в составе артиллерийского полка 19-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады [23, с. 4].
2. В августе того же года в экспозицию поступили награды ветерана Бориса Коробова, который служил в Боровухе. Среди наград, поступивших в экспозицию — Орден Великой Отечественной войны II степени [20, с. 4].
3. В январе 2020 г. в фонды музея приняты деревянная катушка от ниток, ложка, ножницы, армейский котелок и два металлических стержня, которые использовались советскими военнопленными в «Шталаге-354» [16, с. 4].

Среди важнейших задач музея — проведение досуговой деятельности для подрастающего поколения. С этой целью в музее истории и культуры проводятся интеллектуальные турниры, музейно-педагогические занятия, конкурсы на патриотическую тематику, кинопоказы. В качестве примера можно привести масштабный городской проект для учащихся школ и колледжей «75 мирных лет» при содействии руководства города, общественных организаций и музея, прошедшем в марте 2020 г. 17 команд участвовали в системе игр, в которые входили тестовые вопросы, причинно-следственные и логические связи, ребусы. Большой пласт вопросов был посвящен истории Вели-

кой Отечественной войны [11, с. 5]. В мае 2020 г. на базе музея прошло награждение победителей конкурса «Письмо в 45-й!», посвященного 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Совместно с Новополоцким горисполкомом и общественным объединением «Белорусский фонд мира» музей участвовал в рассмотрении творческих работ, 6 из которых позднее вошли в сборник научно-исследовательских материалов [19, с. 16]. В дни празднования Дня народного единства в 2022 г. прошел просмотр фильма «Как вас теперь называть» 1966 г., посвященного подвигу Лилии Костецкой, связной партизанской бригады «Неуловимые» [18, с. 4]. 22 июня 2023 г., в День всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны и геноцида белорусского народа, прошел интеллектуальный турнир для рабочей молодежи города в рамках республиканской акции «Дорогами мужества и стойкости», организованный совместно с центральной библиотечной системой [22, с. 3].

Сотрудниками музея на основе музейных документов, воспоминаний ветеранов и участников войны, открытых источников ведется аналитическая работа, которая ложится в основу сборников. В июне 2021 г. прошла презентация книги воспоминаний «И память сердца горит...». До этого было 2 аналогичных сборника, в которых новополочане вспоминали военные лихолетья. В третьем сборнике нашли свое отражение 18 историй первостроителей города, его известных жителей и ветеранов, которые являлись военнослужащими, узниками лагерей, детьми войны [10, с. 16].

Регулярное проведение выставок позволяет посетителю увидеть своими глазами предметы того времени, а также помогает транслировать главный посыл, заложенный темой выставки. Так, в мае 2022 г. в музее действовала выставка «Апошнія і першыя», в которую вошли письма фронтовиков, биографические документы, награды, предметы [15, с. 4]. За год до этого в музее прошла выставка «Фрагменты военной жизни», состоящая из картин художников-фронтовиков [13, с. 8].

Пропагандирующая функция музея выступает эффективной при наличии достаточно большого количества материалов экспозиции, а также наглядного материала. С этой целью музей истории и культуры развивает сотрудничество с другими музейными учреждениями, в т.ч. на международном уровне. Главным партнером является народный музей боевой славы средней школы № 2 г. Новополоцка, который является демонстрацией работы поискового отряда «Разведчики воинской славы», действующим с 1969 г. под долгим руководством почетного гражданина Новополоцка Евгении Анатольевны Трапезниковой [4, с. 9].

Международная деятельность музея связана с сотрудничеством с Музеем Победы на Поклонной горе. С ноября 2019 г. на базе новополоцкого учреждения проводятся выставки и презентации из московских фондов после подписания соглашения о сотрудничестве. На базе учреждения проводились мероприятия, связанные с деятельностью Музея Победы, а также на базе материалов фондов.

25 января 2020 г. в Новополоцке открылась выставка «Фронтовой портрет. Судьба солдата», в которой были представлены карандашные наброски фронтовиков, созданные в годы войны художниками движения имени Митрофана Грекова. 10 рисунков белорусов-фронтовиков, ранее не экспонировавшихся, прибыли в страну из Москвы [2, с. 1]. В апреле 2020 г. состоялась выставка «Окна сатиры», состоящая из агитплакатов военных лет, сатирических изображений нацистских преступников. Агитплакаты представлены Музеем Победы, а поздравительные открытки к 9 мая 1970–1980-х гг. — городским музеем [17, с. 4].

В апреле 2021 г. музей принял участие в конкурсе видеороликов «Шедевры территории Победы», цель которого — популяризация и сохранение мирового культурного наследия, повышение роли творчества в эстетическом и патриотическом воспитании. В видеороликах сотрудниками учреждения были рассказаны истории картин Виктора Лукьянова «Дорога» и Петра Гривусевича «Ночная атака» [9, с. 16]. На официальном сайте представлена онлайн-выставка «Освобождение Европы», состоящая из картин, представленных московским Музеем Победы [5].

Особо следует упомянуть выставочный проект «Трагедия народов», прошедшей в январе 2023 г. 25 экспонатов прибыли из Москвы, 25 представлены из фондов новополоцкого учреждения. Выставка посвящена жертвам нацистской оккупации: 25 местных экспонатов представляли материалы о Шталаге-354, партизанской борьбе. Московские экспонаты говорили о войне в глобальном плане. Среди представленных материалов — немецкая каска, радио, корпус минометной мины калибром 82 мм, солдатская гимнастерка, фотоматериалы, удостоверения и т.п. [3, с. 4; 8].

Для обмена опытом сотрудники музея участвуют в научно-практических мероприятиях. В августе 2020 г. в онлайн-формате прошел круглый стол «Экспозиция как главный инструмент коммуникации музея в освещении темы Великой Отечественной войны». Учреждения Казахстана, Армении, России и Беларуси обсуждали проектно-программную деятельность и оформление экспозиций с учетом интерактивного контента [7, с. 4].

В июне 2022 г. на онлайн-конференции «Брест. Июнь. 1941 год» спикерами освещались методы взаимодействия общественных организаций и органов государственной власти в вопросах увековечения памяти защитников Отечества и жертв войн, проведения полевых поисковых работ, информационный обмен по местам неучтенных захоронений. В Новополоцке эти вопросы прорабатываются на уровне региона [12, с. 8].

С 30 марта по 2 апреля в Великом Новгороде прошел слет инициативной группы проекта «Без срока давности» организации «Поисковое движение России», в котором приняли участие сотрудники музея истории и культуры. Цель проекта – напомнить о трагедии мирного населения во время Великой Отечественной войны [21]. В рамках встречи прошли выступления спикеров, ученых, мастер-классы и обмен опытом.

Таким образом, культурно-образовательная деятельность музея комплексно подходит к вопросу о сохранении исторической памяти о военных событиях: действующая постоянная экспозиция пополняется новыми артефактами, проводятся выставки и кинопоказы, а также интеллектуальные турниры по истории Великой Отечественной войны. Международное сотрудничество позволяет жителям Новополоцка увидеть материалы, находящиеся за рубежом, а сотрудникам – получить новые знания и методики для практического применения в работе. Культурно-образовательная деятельность в основном направлена на посетителей школьного и дошкольного возраста, которым уделяется особое внимание в развитие их личности, однако учитываются интересы и более старшего поколения.

Список источников и литературы

1. 52-й отдельный специализированный поисковый батальон // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: https://www.mil.by/ru/forces/structure/nach_guir/52ospb/ (дата обращения: 30.07.2023).
2. *Банщикова О.* Фронтовой портрет // Новополоцк сегодня. 2020. № 8.
3. *Бортников В.* Помнить, чтобы побеждать // Новополоцк сегодня. 2023. № 8.
4. *Бруева Л.* Разведчица воинской славы // Вісьбічы. 2015. № 151.
5. Виртуальная выставка «Освобождение Европы» // Музей истории и культуры города Новополоцка. URL: <http://novopolotsk.museum.by/node/61770> (дата обращения: 29.07.2023).
6. Культурно-образовательная деятельность в музее. Методическое пособие. Национальный музей Республики Татарстан. Казань, 2018. 54 с.

7. Музей гісторыі і культуры стаў удзельнікам Міжнароднага круглага стала // Новополоцк сегодня. 2020. № 63.
8. Музей истории и культуры Новополоцка представляет выставку «Трагедия народов» // Витебский областной исполнительный комитет. URL: <https://vitebsk-region.gov.by/ru/news-ru/view/muzej-istorii-i-kultury-novopolotska-predstavljaet-vystavku-tragedija-narodov-23800-2023/> (дата обращения: 30.07.2023).
9. *Радзько Н.* Музей гісторыі і культуры г. Наваполацка стаў удзельнікам конкурсу відэаролікаў // Новополоцк сегодня. 2021. № 28.
10. *Радзько Н.* Прэзентацыя кнігі // Новополоцк сегодня. 2021. № 50.
11. *Радзько Н.* Турнир, в котором нет проигравших // Новополоцк сегодня. 2020. № 18.
12. *Радзько Н.* Международный телемост // Новополоцк сегодня. 2022. № 51.
13. *Радзько Н.* Фрагменты военной жизни // Новополоцк сегодня. 2021. № 35.
14. Расследование уголовного дела о геноциде // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovnogo-dela-o-genotside/> (дата обращения: 29.07.2023).
15. Сохраняя историческое наследие // Витебские вести. 2022. № 40.
16. Стацыянарная выстава папоўнілася новымі экспанатамі // Новополоцк сегодня. 2020. № 3.
17. *Толстикова Е.* Сатира против фашизма // Новополоцк сегодня. 2020. № 32.
18. У межах святкавання Дня народнага адзінства ў музеі гісторыі і культуры г. Наваполацка арганізавалі паказ фільма // Новополоцк сегодня. 2022. № 76.
19. У наваполацкім музеі гісторыі і культуры ўзнагародзілі пераможцаў // Новополоцк сегодня. 2020. № 41.
20. Узнагароды ветэрана Вялікай Айчынай вайны Барыса Корабава // Новополоцк сегодня. 2019. № 66.
21. Участие музея истории и культуры г. Новополоцка в слете проекта инициативных групп «Без срока давности» // Музей истории и культуры города Новополоцка. URL: <http://novopolotsk.museum.by/node/67630>. (дата обращения: 30.07.2023).
22. *Харина Н.* Дорогами мужества // Новополоцк сегодня. 2023. № 51.
23. Экспазіцыя “Гісторыя вайскавай славы Баравухі” папоўнілася ўнікальным музейным прадметам // Новополоцк сегодня. 2019. № 60.
24. Экспозиция «История воинской славы Боровухи» // Музей истории и культуры города Новополоцка. URL: <http://novopolotsk.museum.by/node/57007> (дата обращения: 26.07.2023).

Научное издание

**История России с древнейших времен до XXI века:
проблемы, дискуссии, новые взгляды**

Сборник статей
Международной научно-практической школы-конференции
молодых ученых (24–27 октября 2023 г.)

Редактор *О.В. Ханина*
Макет *Л.В. Лобановой*

Подписано к печати 05.09.2023. Формат 60х90/16.
Тираж 500 экз. (Первый завод 300 экз.) Заказ №
26,5 п. л., 24,07 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета

ISBN 978-5-8055-0426-7

9 785805 504267